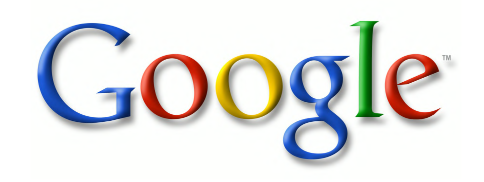

СОЧИНЕНІЯ

Б. Н. АЛМАЗОВА.

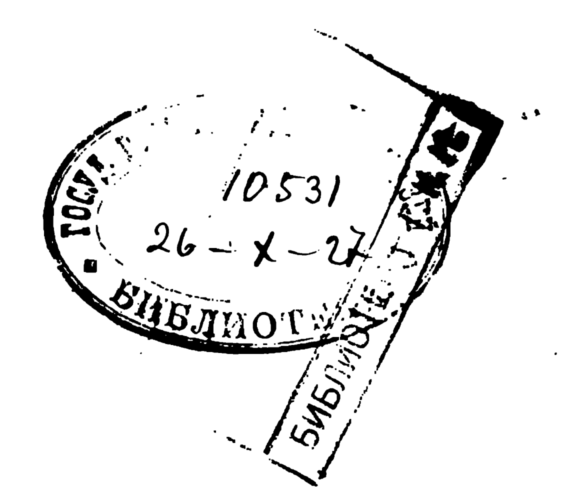
ВЪ ТРЕХЪ ТОМАХЪ, СЪ ПОРТРЕТОМЪ, ГРАВИРОВАННЫМЪ НА СТАЛИ, И КРАТКИМЪ БІОГРАФИЧЕСКИМЪ ОЧЕРКОМЪ.

Томъ II.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Поэмы и разсказы. (Графъ Аларкосъ. Король Родриго. Семела. Незнакомецъ. Плѣнникъ. Русь и Западъ).—Стихотворенія юмористическія.—Посланія.
Алфавитный указатель всѣхъ стихотвореній.

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстн. бульв.
1892.

10531
26 - X - 27
БИБЛИОТ
БИБЛИОТЕ

ОГЛАВЛЕНІЕ II ТОМА.

Поэмы и разсказы.

Стихотворенія сатирическія, юмористическія и шуточныя.

Посланія.

ПОЭМЫ И РАЗСКАЗЫ.

ГРАФЪ АЛАРКОСЪ.

I.

По цѣлымъ днямъ, въ печали и тоскѣ,
Сидитъ въ своемъ покоѣ инфантина;
Чуждается она подругъ веселыхъ:
Докучно ей ихъ нѣжное участье —
Бѣжитъ она, завидя издалека
Ихъ рѣзвую и шумную толпу,
И прячется отъ ихъ пытливыхъ взоровъ.
Никто узнать не можетъ инфантину:
Гдѣ взглядъ ея, исполненный огня,
И дѣвственныхъ ланитъ румянецъ нѣжный,
И алыхъ устъ спокойная улыбка?
Блѣдна, худа, съ потухшими очами
Одна въ саду, въ аллеѣ отдаленной,
Потупя взоръ, она уныло бродитъ,
Иль, на скамью упавъ въ изнеможеньи,
Старается сдержать въ груди рыданья
И втайнѣ льетъ потоки горькихъ слезъ.
Въ то время былъ въ походѣ противъ Мавровъ
Король, отецъ прекрасной инфантины,
И дочь ждала его нетерпѣливо,
Но, съ ужасомъ и трепетомъ сердечнымъ,
О встрѣчѣ съ нимъ желанной помышляла:
Ужасная, мучительная тайна

И день, и ночь ея томила душу,
И жаждала она скорѣй открыться
Передъ отцомъ, но, будто лютой пытки,
Она ждала съ тоскою неутѣшной
Признанія минуты роковой.
И вотъ война окончена. Со славой
И радуясь побѣдамъ и добычѣ,
Король въ свою Толеду возвратился,
Но лишь взглянулъ на дочь свою, — какъ сразу
Блескъ радости съ лица его исчезъ,
И сердце въ немъ наполнилось тревогой.
Прослушалъ онъ, съ тоскливымъ нетерпѣньемъ,
Привѣтствія вельможъ и царедворцевъ,
И къ дочери вошелъ въ опочивальню.
Наединѣ оставшись съ инфантиной,
Онъ ей сказалъ: «Скажи мнѣ, что̀ съ тобой,
Дочь милая? Меня приводитъ въ ужасъ
Твой странный взоръ — безжизненный, убитый...
Скажи, какой заботой иль кручиной
Ты мучишься?
— Моя кручина — скука!
Сказала дочь, потупя скорбно очи.
— Что̀ жизнь моя? одна и та же сказка,
Которую я слышу съ дѣтскихъ лѣтъ,
И ужъ давно на память затвердила:
День нынѣшній сулитъ мнѣ точно то-же,
Что̀ подарилъ вчерашній, а на завтра
Я жду съ тоской точь-въ-точь такой же скуки,
Которою томилася сегодня.
И такъ весь вѣкъ! Веселья тутъ немного.
А между тѣмъ всѣ сверстницы мои
Давно нашли мужей себѣ по сердцу
И радости семейныя вкушаютъ.
Лишь я одна обречена судьбой
Состарѣться въ моемъ печальномъ дѣвствѣ.

Король.

А кто-жъ тому виной? не ты-ль сама?
Къ несчастію, до нынѣшняго дня
О бракѣ ты и слышать не хотѣла:
Вокругъ тебя толпились женихи
Достойные тебя и по рожденью,
И по красѣ, и по отвагѣ бранной,
Но ото всѣхъ ты взоръ свой отвращала,
Съ презрѣніемъ и гордостью холодной.
Тому назадъ всего еще два года,
Какъ сватался усердно за тебя
Сынъ короля Венгерскаго: годъ цѣлый
Онъ у меня въ Толедѣ прогостилъ
И всѣхъ плѣнилъ умомъ своимъ и сердцемъ.
Тебѣ бы онъ былъ парой по всему:
Сынъ короля — его прямой наслѣдникъ,
Красивъ, уменъ и доблестенъ, и молодъ.
И что̀ же? ты съ упорствомъ своенравнымъ
Его мольбамъ горячимъ не вняла;
Ты не вняла моимъ совѣтамъ нѣжнымъ, —
И гордый принцъ, отказомъ оскорбленный
И удрученъ отверженной любовью,
Въ отечество вернулся со стыдомъ
И дни скончалъ замученный тоскою.
Вотъ твой женихъ послѣдній!.. А теперь...
Межъ сыновей державныхъ государей
Нѣтъ жениховъ: одни уже женаты,
Другимъ еще пора не наступила
И помышлять о сватовствѣ и бракѣ.
А изъ моихъ сановниковъ и грандовъ
Нѣтъ никого, кто-бъ былъ тебя достоинъ.
Лишь есть одинъ межъ ними, за кого
Отдать тебя я могъ бы, какъ за ровню,
Мой царскій санъ и родъ мой ни унизивъ,
Я говорю про графа Аларкоса:

Онъ равенъ намъ и даже выше насъ,
По своему рожденію — по крови
(Вѣдь родъ его древнѣе моего).
Къ тому же онъ такъ честенъ, благороденъ,
Такъ преданъ мнѣ, мой храбрый, добрый рыцарь!..
Но онъ уже два года, какъ женатъ,
И сталъ отцомъ. Кого же, дочь моя,
Ты изберешь въ мужья себѣ?

Инфантина.

Его.

Король.

Кого его?

Инфантина.

Да графа Аларкоса.

Король.

Ты шутишь? Да?

Инфантина.

Нѣтъ, не шучу, отецъ.
Сказала я тебѣ и повторяю,
Что Аларкосъ на мнѣ жениться долженъ.

Король.

Въ умѣ ли ты? Ты бредишь, какъ въ горячкѣ...
Вѣдь я сказалъ — да ты ужъ это знала
И безъ меня — что графъ давно женатъ.

Инфантина.

Такъ повели немедля, государь,
Ему съ его женою разойтися.

Король.

Нѣтъ, дочь моя, теперь я вижу ясно,
Что разумъ твой затмился... Ты больна —
Ты разговоръ вести не можешь связно.
Отложимъ мы до времени нашъ споръ:
Тебѣ теперь покой всего нужнѣе.

Инфантина.

Да, государь, покой давно мнѣ нуженъ.
Два мѣсяца ужасныхъ протекло
Съ тѣхъ поръ, какъ я молитвой и слезами
Хочу покой душевный возвратить,
Но тщетно все: тоска грызетъ мнѣ сердце,
Душа моя отчаянья полна,
И чувствую я ненависть и злобу
Къ себѣ самой и къ людямъ, и къ природѣ
И вся горю какъ бы въ огнѣ геенны.
И ты одинъ лишь властенъ, государь,
Мнѣ возвратить покой и миръ, и счастье.
Да, можешь ты твоимъ единымъ словомъ
Конецъ моимъ мученьямъ положить:
Скажи его, — и твой вассалъ послушный
Донъ-Аларкосъ предстанетъ всенародно,
Какъ мой женихъ, предъ брачнымъ алтаремъ
И въ вѣрности мнѣ вѣчной поклянется.
Тогда съ моей измученной души
Спадетъ тоски и горя гнетъ желѣзный,
И наконецъ вздохну свободно я,
Спасенная отъ участи ужасной.
Но, если мнѣ не суждено судьбой
Назвать себя женою Аларкоса, —
Тогда... тогда, молю тебя, отецъ,
Скорѣй бери любимый свой кинжалъ
И сердце мнѣ пронзи однимъ ударомъ.
Не то позоръ ужасный, нестерпимый
Меня, тебя и родъ нашъ заклеймитъ...

Король.

Молчи, молчи, безумная! Мнѣ страшно
Внимать тебѣ. Хоть рѣчь твоя безумна,
Но, кажется, какъ будто смыслъ въ ней есть.
Какъ будто въ ней мелькаетъ правды проблескъ...

О, нѣтъ, о, нѣтъ, въ ней правды быть не можетъ!..
Но кажется... Ахъ, это мнѣ ужасно!
Мнѣ кажется, что будто темно, смутно
Въ твоихъ рѣчахъ я что-то понимаю;
Но я боюсь понять ихъ совершенно.

Инфантина.

О, если ты еще не понялъ смысла
Моихъ рѣчей, такъ выслушай меня,
Но выслушай безмолвно, терпѣливо.
Тому назадъ два мѣсяца (въ то время
Ты уже былъ въ походѣ противъ Мавровъ)
Донъ-Аларкосъ въ любви открылся мнѣ.
Конечно, я любовь его отвергла;
Но онъ, въ душѣ надежды не теряя,
Горячими мольбами безпрерывно
Преслѣдовалъ безжалостно меня
И клялся мнѣ, что изъ любви ко мнѣ
Жену свою онъ навсегда оставитъ.
Я наконецъ повѣрила ему
И на мольбы докучныя склонилась,
А Аларкосъ, лишь одержалъ побѣду,
Какъ охладѣлъ ко мнѣ: все рѣже, рѣже
Мы съ нимъ съ тѣхъ поръ наединѣ видались,
И наконецъ совсѣмъ меня онъ кинулъ.
И вотъ теперь, встрѣчаяся со мной,
Блѣднѣетъ онъ, трепещетъ, и со страхомъ
Взоръ отъ меня мгновенно отвращаетъ.
А между тѣмъ любовь его ко мнѣ
Не безъ слѣдовъ прошла, и скоро, скоро
Позоръ меня покроетъ навсегда.
И ежели союзъ священный брака
Не освятитъ слѣдовъ любви безбрачной,
То рѣшено: родныя волны Тахо,

Иль ножъ, иль ядъ, хранимый мной давно,
Помогутъ мнѣ избавиться отъ жизни.

Такъ, наконецъ, своей печали тайну
Передъ отцомъ открыла инфантина.
Полуживой, блѣднѣющій, безмолвный
Стоялъ король предъ дочерью преступной,
Признаніе ужасное услышавъ.
И долго онъ опомниться не могъ
Отъ грознаго, нежданнаго удара.
Межъ тѣмъ, вперивъ недвижный взоръ въ отца,
Ждала его рѣшенья инфантина.
Пришедъ въ себя, онъ наконецъ воскликнулъ:
— Несчастная, сгубила ты навѣки
И честь мою, и самоё себя:
Теперь ничто, ничто спасти не можетъ
Отъ вѣчнаго позора и безчестья
Тебя, меня и все мое потомство...
Все силюсь я понять и не могу,
Какъ Аларкосъ въ душѣ своей рѣшился
На гнусное такое преступленье?
Онъ обольстилъ дочь друга своего!
Нѣтъ рыцаря честнѣй и благороднѣй
Во всей странѣ Испанской благородной;
Его душа открытая, прямая
Отъ дѣтскихъ лѣтъ всегда была чужда
Обмана, лжи и лести, и лукавства.
Честь женщины всегда для Аларкоса
Завѣтною святынею была:
Онъ никому бывало не позволитъ
И темными намеками заочно
Честь дѣвушки невинной оскорбить,
Хотя бы съ ней всю жизнь онъ не встрѣчался
И зналъ ее едва-едва по слуху.
И вотъ теперь, какъ тать лукавый, подлый,

Похитилъ онъ дѣвическую честь
У дочери дряхлѣющаго старца,
Властителя и друга своего,
Коварно въ ней разсудокъ омрачивъ
Отвагою рѣчей преступно-льстивыхъ.
Онъ съ дѣтскихъ лѣтъ остался сиротой,
Я замѣнилъ отца ему, и что же?
Какъ за мою любовь онъ отплатилъ мнѣ?..
Нѣтъ, право, я повѣрить не могу,
Чтобъ Аларкосъ на это былъ способенъ.

Инфантина.

Но если онъ такъ честенъ, благороденъ,
Такъ высоко, такъ свято почитаетъ
Честь женщины, какъ ты передо мною
Его теперь представилъ, то тѣмъ легче
Уговорить его на бракъ со мной.
Конечно онъ, подумавъ хоть немного,
Пойметъ, что долгъ на немъ лежитъ священный —
Возстановить честь женщины несчастной,
Самимъ же имъ погубленной безчестно,
Честь дочери, честь отрасли послѣдней
Властителя и друга своего.

Король.

Но я тебѣ сказалъ и повторю
Еще сто разъ, что это невозможно:
Графъ Аларкосъ не можетъ развестись
Съ своей женой безъ позволенья папы,
А нынѣшній властитель Ватикана
И строгъ, и крутъ и ревностно хранитъ
Церковные уставы. Но положимъ,
Что, можетъ-быть, удастся какъ-нибудь
Намъ умолить, умилостивить старца
И выманить согласье на разводъ.
Но, дочь моя, на это нужно время,

Быть можетъ, мы годъ цѣлый въ перепискѣ
И въ подкупахъ важнѣйшихъ кардиналовъ
И хлопотахъ различныхъ проволочимъ,
Чтобъ получить желаемую буллу.
А между тѣмъ день роковой настанетъ
И огласитъ предъ свѣтомъ безпощаднымъ
Вѣсть о твоемъ паденіи преступномъ.

Инфантина.

Нѣтъ, нѣтъ никто вовѣки не узнаетъ
Здѣсь на землѣ моей ужасной тайны:
Она умретъ съ тобой и съ Аларкосомъ: —
Рѣшилась я, тебѣ я повторяю,
Окончить жизнь свою самоубійствомъ,
Чтобъ не дожить до роковаго дня...
Но не къ тому клоню теперь я рѣчи.
Хочу спросить тебя я, государь,
Ужели намъ необходимо надо
Выпрашивать у папы въ Ватиканѣ
Разводную для графа Аларкоса?
Ужели нѣтъ у насъ другаго средства
Его навѣкъ избавить отъ жены?

Король.

Конечно, нѣтъ.

Инфантина.

Подумай, можетъ-быть,
Мы путь иной отыщемъ къ нашей цѣли,
Вѣрнѣйшій путь.

Король.

Другаго нѣтъ пути.

Инфантина.

Есть, государь!

Король.

Какой же путь, скажи мнѣ?

Инфантина.

Послушай, я слыхала часто съ дѣтства,
Какъ говорилъ и ты, и твой отецъ,
И наши всѣ родные и вассалы,
Что честь всего дороже на землѣ,
Что для нея всѣмъ жертвовать должны мы,
И что, когда на ней лежитъ пятно,
Должны его мы смыть, во чтò-бъ ни стало:
Должны въ себѣ мы подавить всѣ чувства —
Любовь, вражду и дружбы нѣжный голосъ,
И страхъ грѣха и совѣсти угрозы,
И жалости тоску, и состраданье —
Все умертвить въ душѣ, чтò намъ мѣшаетъ
Стереть съ себя безславія пятно.

Король.

Все это такъ, все это говорилъ я
И говорю, и буду говорить,
И подтвержу слова мои на дѣлѣ:
На все, на все пойду я безъ боязни,
Чтобъ честь свою спасти!.. Иль я не рыцарь,
Не дворянинъ и не Испанецъ кровный?

Инфантина.

Что рыцарь ты въ душѣ — всѣ это знаютъ.
Нѣтъ никого храбрѣй тебя въ бою,
Нѣтъ никого, кто-бъ былъ великодушнѣй
Съ врагомъ, когда онъ проситъ о пощадѣ,
Нѣтъ никого, кто-бъ былъ вѣрнѣе слову,
Разъ данному, хотя-бъ и въ полушутку,
Какъ ты отецъ—ты всѣхъ честнѣй, всѣхъ лучше,
Всѣхъ доблестнѣй и всѣхъ мудрѣе въ свѣтѣ.
Но у тебя одинъ есть недостатокъ —
То доброта чрезмѣрная твоя:
Она въ тебѣ до слабости доходитъ.
Сознайся самъ, исчислить даже трудно

Всѣхъ тѣхъ воровъ, убійцъ и казнокрадовъ,
Судомъ на казнь правдиво осужденныхъ,
Которыхъ ты, разжалобленъ ихъ воплемъ,
Помиловалъ, по слабости сердечной.
Ничьихъ ты слезъ не можешь перенесть,
И лишь слезу замѣтишь на рѣсницѣ,
Хотя-бъ она притворная была,
Уже ты самъ чуть сдерживаешь слезы
И долгъ святой судьи позабываешь,
И всякую готовъ исполнить просьбу,
И все простить, чтобъ только не видать
Передъ собой слезящагося ока.
Всегда тебѣ, отецъ, я удивлялась:
Ты яростенъ, какъ левъ, на полѣ брани,
И робокъ, слабъ, какъ женщина, внѣ боя.
И вотъ теперь я доброты твоей,
Какъ грознаго чудовища, страшуся:
Боюся я, она тебя отклонитъ
Исполнить долгъ — высокій долгъ, священный —
Честь дочери единственной спасти.

Король.

Ты на меня клевещешь, инфантина,
И злобно ты и дерзко ты клевещешь!
Чтò-жъ, развѣ я слезливая старуха
Или дитя, и упаду я духомъ
Въ тотъ мигъ, когда суровый долгъ велитъ
За мѣры мнѣ суровыя приняться?
Скажи, чего ты требуешь теперь:
Исполню все, и ты тогда увидишь,
Что не къ одной я жалости способенъ.
Сумѣю я быть строгимъ, непреклоннымъ,
Сумѣю быть безжалостнымъ, жестокимъ,
Когда того потребуетъ мой долгъ.
Не вѣришь ты?

Инфантина.

Желала бы я вѣрить!

Король.

Такъ говори скорѣй, чего ты хочешь,
А тамъ, повѣрь, сама увидишь ясно,
Что ты глупа, что, двадцать слишкомъ лѣтъ
Съ отцомъ своимъ видаясь каждый день,
День каждый съ нимъ бесѣдуя глазъ на глазъ,
Не знала ты его до сей поры!

Инфантина.

Итакъ, теперь рѣшаюсь я сказать,
Къ какому ты прибѣгнуть долженъ средству,
Чтобъ отъ жены избавить Аларкоса.
То средство... я боюсь его назвать:
По добротѣ своей, ты ужаснешься...

Король.

Нѣтъ, говори, и говори мнѣ смѣло.

Инфантина.

Убійство...

Король.

Какъ? убійство, дочь моя?

Инфантина.

Да... тайное убійство, государь,
Оно должно избавить Аларкоса
Отъ брачныхъ узъ.

Король.

Какъ? Умертвить графиню!

Инфантина.

Да, умертвить жену его...

Король.

Жену!
Но вѣдь она невинна передъ нами.

Инфантина.

Сбылось, чего боялась я заранѣ:
Трепещешь ты: ужъ жалостью дрожитъ
Въ тебѣ твое чувствительное сердце.

Король.

О нѣтъ, клянусь, не жалостью смущаюсь
Я въ этотъ мигъ: повѣрь, другое чувство
Всю внутренность во мнѣ приводитъ въ трепетъ.
Я не хочу свершить несправедливость
И женщину невинную убить.
Чтобъ доказать тебѣ, что не страшуся
Я кровь пролить, готовъ я Аларкоса,
Хоть онъ мнѣ другъ, на поединокъ вызвать,
Хоть я всегда любилъ его, какъ сына,
Но дряхлая рука моя не дрогнетъ,
Когда мечомъ прадѣдовскимъ моимъ
Я проколю и грудь ему, и сердце.
А отчего? А оттого, что онъ
Передо мной и предъ тобой виновенъ.
Но не могу я умертвить спокойно
Невинное и кроткое созданье.

Инфантина.

Прекрасныя слова, отецъ мой добрый,
Прекрасныя и правила, и чувства
Ты высказалъ, мой рыцарь благородный!
Но мнѣ теперь не до высокихъ чувствъ.

Что̀ пользы мнѣ, когда ты Аларкоса
По-рыцарски убьешь на поединкѣ?
Сокроешь ли ты тѣмъ мое безчестье?
Ты у меня отнимешь только средство
Сокрыть его. Пойми же, наконецъ,
Что только бракъ торжественный, законный
Съ виновникомъ паденья моего
Отъ глазъ людскихъ сокроетъ мой позоръ.

Король.

То правда, но... противно думать мнѣ,
Что брачный твой союзъ купить я долженъ
Цѣною жизни женщины безвинной.

Инфантина.

Такъ выбирай, отецъ чадолюбивый,
Кого изъ насъ въ живыхъ ты хочешь видѣть —
Меня-ль, твою единственную дочь,
Иль женщину, совсѣмъ тебѣ чужую.
Скорѣе мнѣ свой выборъ объяви,
Чтобъ я могла скорѣй покончить съ жизнью...
И я теперь скажу тебѣ заранѣ,
Что ты ничѣмъ меня не оградишь
Отъ гибели; что никакія мѣры
Не преградятъ мнѣ путь къ самоубійству.
Пусть у меня отнимутъ ножъ и ядъ,
Пусть, заковавъ желѣзной цѣпью руки,
Меня въ тюрьму подземную запрутъ,
За тяжкіе желѣзные затворы,
Но даже тамъ, съ недвижными руками,
Я совершить смогу самоубійство:
Уста мои откажутся упорно
И питіе, и пищу принимать,
И смертію голодной я погибну.
То, говорятъ, мучительная смерть,

Ужасная, — но я снесу всѣ муки,
Все вытерплю, чтобъ честь свою спасти!
Я чувствую, во мнѣ течетъ не даромъ
Кровь праотцевъ прославленныхъ моихъ,
Съ веселіемъ главы свои сложившихъ,
Чтобы своимъ геройствомъ возвеличить
И вознести честь рода своего,
Чтобъ съ гордостью ихъ поздніе потомки
Носили ихъ прославленное имя
И берегли, какъ бы зѣницу ока.
Во мнѣ одной ихъ духъ теперь живетъ,
Ко мнѣ одной ихъ кровь теперь взываетъ
Спасти ихъ родъ отъ вѣчнаго позора;
Во мнѣ одной есть мужество и сила
Идти на все во имя нашей чести.
Я женщина, но смертію моею
Я докажу, что правъ былъ древній царь,
Когда сказалъ, что иногда мужами
Являются въ минуты бѣдствій жены,
И слабыми, трусливыми женами
Становятся мущины передъ ними...
О, я хочу, я жажду умереть
И мучиться хочу я передъ смертью,
Чтобъ искупить мое паденье мукой,
Чтобъ наказать себя за ту минуту,
Когда, горя огнемъ безумной страсти,
Разъ во всю жизнь я женщиной явилась
И слабости постыдной поддалась.
И среди мукъ ни жалобы, ни стона
Не вырвется — клянусь — изъ устъ моихъ.
Услышишь ты лишь злобныя проклятья —
Проклятія презрѣннымъ, слабымъ людямъ,
Не смѣвшимъ мнѣ подать спасенья руку
Въ бѣдѣ моей!

Король.

Тебя не узнаю я...
Ужасныя ты рѣчи говоришь...
Какъ бѣшено сверкаютъ въ этотъ мигъ
Твои глаза огнемъ какимъ-то адскимъ;
Лицо твое искажено отъ злобы...
Меня твой видъ приводитъ въ содраганье —
Ужасна ты отъ головы до ногъ,
Какъ будто бы въ тебя вселился демонъ;
Но чувствую, въ твоихъ рѣчахъ и взглядахъ
И голосѣ какая-то есть сила: —
Нездѣшняя то сила, — сила злая
И темная, — и я уже не властенъ
Бороться съ ней: мнѣ чудится, она
Уже мою всю душу охватила...
Смѣшалися во мнѣ всѣ чувства, мысли,
Слабѣетъ духъ, разсудокъ померкаетъ:
Я чувствую, что вмѣстѣ я съ тобой
Тону душой въ грѣхѣ твоемъ, какъ въ безднѣ.
Ахъ, говори скорѣе, дочь моя,
Что̀ дѣлать мнѣ? Какое преступленье
Я совершить, тебѣ въ угоду, долженъ?
Убійство? Да?.. убить графиню?..

Инфантина.

Нѣтъ,
Своей рукой ты не свершишь убійства:
Пусть Аларкосъ его свершаетъ самъ.

Король.

Какъ, Аларкосъ убить графиню долженъ,
Свою жену? Но это невозможно:
Онъ не пойдетъ на грѣхъ такой ужасный!

Инфантина.

Вели ему; какъ вѣрный твой вассалъ,
Обязанъ онъ повиноваться слѣпо
Тебѣ во всемъ. Онъ долженъ непремѣнно
Самъ умертвить свою жену.

Король.

Ужасно!..
Я не могу никакъ понять, откуда
Въ тебя могла такая мысль вселиться —
Безбожная, чудовищная мысль.

Инфантина.

Уже давно въ тиши ночей безсонныхъ
Обдумала я замыселъ мой смѣлый
И свыклась съ нимъ, такъ свыклась, что теперь
Уже его не въ силахъ я покинуть.
И вотъ, что̀ я придумала тогда:
Донъ-Аларкосъ поступитъ такъ: онъ ночью
Жену свою въ ея постели тайно
Подушками задушитъ, чтобъ на трупѣ
Насилія слѣдовъ не видно было.
Потомъ, когда взойдетъ уже заря,
Подыметъ онъ въ дому своемъ тревогу
И воплями и криками разбудитъ
Всѣхъ слугъ своихъ и съ плачемъ имъ объявитъ,
Что, пробудясь поутру, онъ нашелъ
Свою жену въ постели уже мертвой.
И всѣ рѣшатъ, что, вѣрно, отъ удара
Скончалася прекрасная графиня.
И такъ какъ графъ слыветъ примѣрнымъ мужемъ,
То никогда не вздумаетъ никто
Подозрѣвать его въ женоубійствѣ.

Король.

Ну, дочь моя, обдумала хитро,
Ты замыслъ свой: не вдругъ, но понемногу
Ты черноту грѣховную его
Передъ отцомъ обманутымъ открыла.
Какъ медленно, путемъ, мнѣ неизвѣстнымъ,
Ты съ крутизны въ потьмахъ меня влекла,
И привлекла теперь въ такую пропасть,
Откуда нѣтъ ужъ выхода! Сначала
Повѣрилъ я, какъ отрокъ простодушный,
Что вправду ты, по женской простотѣ,
Нелѣпою надеждой утѣшалась,
Что можетъ графъ сейчасъ жену оставить
И подъ вѣнецъ сейчасъ идти съ тобой.
Но вижу я, къ чему клонилась хитрость:
То былъ подходъ лукавый и искусный,
Чтобы не вдругъ меня ошеломить,
На гнусное злодѣйство вызывая.
Но, дочь моя, какъ ни хитеръ твой замыслъ,
Но Аларкосъ его разрушитъ въ прахъ:
Въ сообщники къ тебѣ онъ не пойдетъ
И палачомъ жены своей не будетъ.

Инфантина.

А я тебѣ заранѣ говорю,
Что если ты осмѣлишься предъ нимъ
Все вымолвить, что̀ вымолвить ты долженъ,
То онъ твою исполнитъ волю слѣпо.

Король.

Что̀-жъ долженъ я сказать ему?

Инфантина.

Ты скажешь,
Что онъ свершилъ такое преступленье,

Которому нѣтъ имени и мѣры.
«Тебя считалъ я другомъ, Аларкосъ,
До сей поры — такъ скажешь ты ему —
Надежнѣйшимъ и преданнѣйшимъ другомъ,
Но самый злой изъ всѣхъ моихъ враговъ
Такого зла не сдѣлалъ мнѣ изъ мести,
Какое ты по дружбѣ совершилъ.
Считалъ тебя я подданнымъ примѣрнымъ,
Считалъ тебя отчизны вѣрнымъ сыномъ,
Готовымъ все на жертву принести,
Чтобы спасти честь царственнаго дома
И вмѣстѣ съ ней честь родины своей.
И вотъ теперь ты сдѣлалъ преступленье,
Которое на вѣкъ предъ цѣлымъ свѣтомъ
Безчестіемъ великимъ запятнаетъ
Меня, мой домъ, страну и весь народъ.
Итакъ, теперь ты долженъ, Аларкосъ,
Великою, неслыханною жертвой,
Которая-бъ равнялась предъ тобою
Твоей винѣ, спасти отъ поношенья
Все, чтò тебѣ всего дороже въ жизни».
Затѣмъ, отецъ, объявишь ты ему,
Какую онъ принесть обязанъ жертву.
Конечно, онъ придетъ сначала въ ужасъ;
Но соберись ты съ мужествомъ и силой
И, съ твердою рѣшимостью, скажи:
«Донъ-Аларкосъ, конечно, ты привязанъ
Къ своей женѣ; она, какъ говорятъ,
Предоброе, простое существо —
Хорошая кормилица, хозяйка;
Но стóитъ ли — скажи по правдѣ мнѣ —
Она того, чтобъ за нее ты предалъ
Спокойствіе и честь своей отчизны;
А ты предашь, предашь свою отчизну
На жертву смутъ, когда не согласишься

На жертву ей жену свою принесть.
Подумай самъ, когда народъ узнаетъ,
Какимъ его позоромъ небывалымъ
Покрыла дочь властителя его,
Властителя, вождя, за коимъ слѣпо
Онъ шелъ всегда съ довѣрчивостью дѣтской —
Противъ меня возстанетъ полстраны,
Польется кровь въ войнѣ междуусобной,
И пользуясь раздорами и бунтомъ,
На насъ пойдутъ злодѣи наши Мавры
И, можетъ-быть, опять, какъ въ дни былые,
Поработятъ Испанію они.
Кто-жъ дастъ отвѣтъ предъ совѣстью своей
Передъ людьми и предъ судомъ небеснымъ
За бѣдствія, за гибель всей страны?
Ты, Аларкосъ, — и на твою главу
Обрушатся со всѣхъ сторонъ проклятья
Всѣхъ истинныхъ отечества сыновъ!
Скажи, ужель жена тебѣ дороже
Великаго и славнаго народа?
Чтò смерть для ней? Лишь нѣсколько мгновеній
Тоски и мукъ: за нихъ ее за гробомъ
Ждетъ вѣчное небесное блаженство
И съ нимъ вѣнецъ подвижницы святой —
Подвижницы, пожертвовавшей жизнью,
Чтобы спасти отъ гибели милліоны.»
  Вотъ государь, чтò долженъ ты сказать,
Чтобы вѣрнѣй подѣйствовать на умъ
И, главное, на сердце Аларкоса.
О, знаю я глубоко это сердце,
И все, чтò я тебѣ теперь сказала,
Подѣйствуетъ глубоко на него.
Отечество, долгъ подданнаго, честь —
Все это тѣ могучія слова,
Которыя его подвигнуть могутъ
На все, на все!

Король.

Все это я скажу.
Но есть въ твоей рѣчи такое слово,
Которое я произнесть не въ силахъ —
Какъ вымолвить языкъ мой ухитрится:
«Донъ-Аларкосъ, убей свою жену»?
Какой тиранъ свирѣпый, изступленный
Когда-либо такое повелѣнье
Могъ произнесть?

Инфантина.

Я знала, государь,
Что этихъ словъ ты вымолвить не въ силахъ,
По добротѣ несказанной твоей, —
И потому придумала заранѣ,
Какъ поступить, чтобы тебя избавить
Отъ устнаго сношенья съ Аларкосомъ
Согласенъ ли ты къ графу написать
Своей рукой письмо? Я продиктую
Тебѣ его, и сказано въ немъ будетъ
Все то, что̀ я сейчасъ тебѣ сказала.
Согласенъ ли?

Король.

Конечно, легче мнѣ
Такимъ путемъ на зло его подвигнуть:
Полтяжести съ души моей спадетъ.
Подай скорѣй бумагу и перо —
Спѣши, пока еще я не успѣлъ
Опомниться отъ грознаго хаоса
И думъ, и чувствъ, который подняла ты
Въ моей душѣ: опомнюсь, — и мгновенно
Замретъ во мнѣ преступная рѣшимость...
И что̀-жъ тогда?.. Диктуй же мнѣ письмо.

II.

Графъ Аларкосъ садился на коня:
Нарочно онъ въ Толеду пріѣзжалъ,
Чтобъ короля въ его столицѣ встрѣтить
И съ новою побѣдою поздравить.
И лишь успѣлъ онъ встрѣтить короля
И свой привѣтъ сказать ему сердечный,
Какъ ужъ спѣшилъ въ свой древній дальній зáмокъ
Къ женѣ своей и дѣтямъ возвратиться;
Но лишь вложилъ онъ ноги въ стремена,
Какъ ко дворцу его примчался всадникъ —
То былъ гонецъ съ письмомъ отъ короля.
Предчувствіе недобраго чего-то
Вдругъ холодомъ ему объяло душу.
Онъ снялъ печать и пробѣжалъ письмо, —
И блѣдностью смертельною покрылось
Его лицо...
Былъ свѣтелъ майскій вечеръ;
Еще заря вечерняя блистала,
Когда, путемъ далекимъ утомленъ
И скорбію глубокой удрученный,
Донъ-Аларкосъ завидѣлъ зáмокъ свой
И вздрогнулъ онъ, и сердце въ немъ упало.
И полились вдругъ слезы изъ очей
Въ тотъ мигъ, когда онъ издали увидѣлъ
Стоящую высоко на балконѣ
Жену свою съ младенцемъ на рукахъ.
«Несчастная, воскликнулъ онъ невольно,
Несчастная, какъ встрѣчусь я съ тобой?
Какъ я взглянуть въ лицо тебѣ посмѣю?
Какъ я снесу твой радостный, твой свѣтлый
Безпечный взоръ, когда ко мнѣ на грудь
Ты бросишься, въ порывѣ чувствъ священныхъ,

Какъ къ своему защитнику и другу?!.
О, что̀ тогда я сдѣлаю?! Ужели
Въ тотъ страшный мигъ во мнѣ достанетъ силы
Тебя обнять хладѣющей рукой,
Рукой уже готовой къ преступленью
И лобызать Іудинымъ лобзаньемъ?»
Издалека прекрасная графиня
Завидѣла супруга своего
И кинулась стремительно на встрѣчу.
Но лишь она приблизилась къ нему,
И встрѣтились ихъ взоры, какъ мгновенно
Она предъ нимъ въ испугѣ отступила
И будто вдругъ на мѣстѣ замерла;
И блѣдными устами прошептала:
—«Другъ, жизнь моя, что̀ сдѣлалось съ тобой?
Тебя бѣда какая-то постигла;
Тебя узнать едва-едва могу я:
Какъ будто ты лишь всталъ съ одра болѣзни,
Иль вырвался изъ пытки самой страшной:
Ты исхудалъ, ты постарѣлъ.. о Боже —
Не вѣрю я глазамъ — ты посѣдѣлъ!..
О говори скорѣе, что̀ случилось.»

Графъ Аларкосъ.

Войдемъ, войдемъ скорѣе въ домъ, графиня.
Я утомленъ — я отдохнуть хочу.

Графиня.

Но говори скорѣе, что̀ случилось?

Графъ.

Нѣтъ, не теперь!..

Графиня.

Но я тебя молю!

Графъ.

О, замолчи... О другъ безцѣнный мой,
Не говори ни слова ради Бога!
Твой ласковый, твой нѣжный, кроткій голосъ
Упреками мнѣ сердце поражаетъ,
Какъ острый ножъ.

И смолкла передъ мужемъ
Покорная и кроткая графиня.

И вотъ вошелъ въ свой зàмокъ Аларкосъ
И видитъ онъ: ужъ къ ужину накрытъ
Въ столовой столъ и два на немъ прибора;
Передъ однимъ изъ нихъ поставленъ кубокъ —
Прадѣдовскій любимый кубокъ графа.
—«Несчастная! Она ждала меня!»
Подумалъ графъ, и заструились слезы
Вновь по его ланитамъ помертвѣлымъ.
Поспѣшно онъ закрылъ лицо платкомъ,
Какъ будто потъ и пыль съ него стирая;
Но тщетно онъ сокрыть старался слезы
Отъ глазъ жены.

—«Ты плачешь, другъ мой бѣдный»,
Она ему сказала, и рыдая,
На грудь къ нему упала.

— Полно плакать!..
Садись скорѣе ужинать... ужъ время,
Проговорилъ въ смятеньи Аларкосъ,
Не зная самъ, что̀ говоритъ.

Умолкла
Опять его смиренная графиня
И сѣла съ нимъ за столъ. Безмолвенъ, мраченъ
Донъ-Аларкосъ за ужиномъ сидѣлъ;
Онъ до вина и пищи не касался,
Весь погруженъ въ мучительную думу.
И наконецъ, какъ будто что-то вспомнивъ,
Всталъ съ мѣста онъ и поступью нетвердой

Съ поспѣшностью прошелъ въ опочивальню.
Вошла туда съ нимъ вмѣстѣ и графиня.
Тамъ въ уголку подъ шелковой завѣсой
Младенецъ ихъ спалъ въ мягкой колыбели.
Затрепеталъ отецъ и взоръ потупилъ,
Нечаянно взглянувъ на колыбель;
Потомъ онъ дверь рукой дрожащей заперъ,
И медленно приблизившись къ графинѣ,
Ей голосомъ прерывистымъ сказалъ:
— Прости меня... Ахъ, еслибы ты знала,
Что̀ ждетъ тебя, и какъ несчастна ты!

Графиня.

Могу-ли быть несчастна я, мой милый?
Вѣдь я жена твоя: инаго счастья
Не надо мнѣ.

Графъ.

О, больше я не въ силахъ
Передъ тобой таиться!.. Знай, графиня,
Ты умереть должна!

Графиня.

Какъ? Умереть!..

Графъ.

Да, съ жизнію разстаться ты должна.
Ужъ часъ твоей кончины наступаетъ...
Ужъ онъ насталъ... Прощай, мой другъ несчастный!
Прости меня!

Графиня.

О, Боже!.. Другъ мой милый,
Мнѣ страшно, я дрожу, я леденѣю,

Какія ты ужасныя слова
Мнѣ говоришь... Я умереть должна!?

Графъ.

Должна, должна сегодня же, теперь же...
Такъ повелѣлъ король, нашъ государь.

Графиня.

Король? но что-жъ я сдѣлала ему?

Графъ.

Ты ничего; но я предъ нимъ виновенъ!
Моя вина равняется измѣнѣ...
Но вотъ письмо ко мнѣ отъ короля.
Прочти его, и ты поймешь, какъ тяжко
Виновенъ я предъ нимъ и предъ тобой.

Графиня.

Передо мной?!

Графъ.

Да... Прочитай письмо.

Графиня *(прочитавъ письмо).*

О, низкая и злая инфантина;
Такъ это ей, ей смерть моя нужна!
Презрѣнная! Она оклеветала
Предъ старикомъ отцомъ своимъ тебя.
Ты обманулъ, ты обольстилъ ее!
Какая ложь! Лишь дряхлый нашъ король,
Впадающій ужъ въ дѣтство, могъ повѣрить
Столь дерзостной, безбожной клеветѣ.
Мой Аларкосъ кого-нибудь обманетъ!
Мой Аларкосъ способенъ обольщать,
Иль завлекать, коварствовать, лукавить!..

Но всякій, кто хоть разъ, хоть вскользь увидѣлъ
Лицо его и взглядъ или хоть поступь,
Тотъ во всю жизнь повѣрить не дерзнетъ,
Что Аларкосъ способенъ на коварство.
Нѣтъ, нѣтъ, виной всему она сама.
Какъ въ свѣтѣ дня, увѣрена я въ этомъ!
Хоть ни о чемъ доселѣ я не знала,
Но кажется, что вижу я теперь,
Какъ, возгорѣвъ къ тебѣ постыдной страстью,
Соблазнами коварными она
Тебя завлечь въ свои старалась сѣти;
Сама, сама тебѣ на шею висла
И грѣшными лобзаньями своими
Въ твоей душѣ стыдливой, чистой, честной
Насильственно желанья разожгла —
И вовлекла, лобзая, въ преступленье.
Проклятье ей, проклятье ей, змѣѣ!
Пускай мое проклятье тонкимъ ядомъ
Проникнетъ ей въ завистливое сердце
И совѣсти горящимъ, острымъ жаломъ
Сожжетъ ее, изсушитъ, изведетъ,
Пусть тѣнь моя ночь каждую...

Графъ.

Постой!
Не изрекай проклятій передъ смертью!..
Прости врагамъ, да ненависть и злоба
Твоей души на мигъ не осквернятъ.
Останься ты кротка, чиста, безгрѣшна,
Какой была всю жизнь: пусть въ мигъ твой смертный
Душа твоя, какъ чистая голубка,
Къ Всевышнему на небо воспаритъ.

Графиня.

Какъ, развѣ ты... Какъ, развѣ неизбѣжно
Я умереть должна?

Графъ.

Да! Неизбѣжно

Графиня.

Но если я къ ногамъ твоимъ паду
И обнимать твои колѣни стану,
И слезы лить,—ты пощадишь меня?

Графъ.

Нѣтъ, нѣтъ! Повѣрь, я не могу, не властенъ...
Вѣдь знаешь ты, что всякія мученья
Я за тебя съ веселіемъ приму...
Но я теперь не властенъ надъ собою.

Графиня.

Но если я начну кричать и крикомъ
Перебужу всѣхъ въ домѣ,—что̀ тогда?

Графъ.

Но ты письмо читала, такъ припомни,
Что̀ сказано въ концѣ.

Графиня.

Ахъ, Боже, Боже!
Тамъ сказано... я вспомнила теперь!...
Я вспомнила, что смерть за ослушанье
Тебѣ грозитъ. О, да, теперь, конечно,
Я умереть должна... Да, я теперь готова,
Да, я теперь желаю умереть,
И смертный мигъ мнѣ больше ужъ не страшенъ...
Но погоди! Что̀ станется теперь
Съ несчастными малютками моими?
Молю тебя, мой другъ, ни на минуту
Ты въ домѣ ихъ своемъ не оставляй,
А отошли съ надежнымъ человѣкомъ

Къ сестрѣ моей: у ней вѣдь нѣтъ дѣтей,
А къ нашимъ такъ привязана она,
Что матерью имъ будетъ самой нѣжной.
Готовъ ли ты мою исполнить просьбу?

Графъ.

Клянусь тебѣ ее исполнить свято.

Графиня.

Теперь, мой другъ, готова къ смерти я...
Нѣтъ, погоди: ты слышишь: пробудился
Малютка нашъ прекрасный: плачетъ онъ.
Позволь его мнѣ грудью покормить
Въ послѣдній разъ; потомъ мою молитву
Въ послѣдній разъ я совершу предъ Богомъ,
Прося въ грѣхахъ прощенья, а потомъ...
Потомъ, мой другъ, простимся мы на вѣки!..

III.

По площадямъ и улицамъ Толедо
Между дворцомъ и церковью соборной
Стоялъ народъ громадою сплошной:
Со всѣхъ концовъ столицы королевской,
Изъ ближнихъ селъ и городовъ, и зàмковъ,
Толпы гражданъ, монаховъ, поселянъ
И рыцарей, и странниковъ, и нищихъ
Стеклись сюда къ дню свадьбы инфантины
На празднество роскошное взглянуть.
Но сумраченъ былъ видъ толпы народной
И видѣлась на лицахъ изумленныхъ
Тревожнаго, тяжелаго вопроса
И скорбнаго недоумѣнья тѣнь.
И сдержанный, глухой какой-то ропотъ

По временамъ въ народѣ проносился,
Какъ моря шумъ зловѣщій передъ бурей:
Извѣстіемъ нежданнымъ озадаченъ
Былъ весь народъ: еще не смолкли толки
Въ устахъ его о смерти непонятной,
Постигшей вдругъ супругу Аларкоса,
Какъ снова вѣсть нежданная промчалась,
Что Аларкосъ помолвленъ съ инфантиной.
Ужъ собрался въ палатахъ короля
Почетный сонмъ всей знати королевства:
Сановники, вельможи, царедворцы,
Всѣ въ золотѣ и камняхъ самоцвѣтныхъ,
Стояли тамъ блестящею толпой
И царственной невѣсты ожидали,
Чтобъ въ шествіи торжественномъ, всѣмъ сонмомъ
Сопровождать ее до алтаря.
И вотъ она предстала передъ ними
Худа, блѣдна, какъ призракъ, но прекрасна—
Исполненъ былъ спокойствія, величья
И гордости ея блестящій взоръ
И на устахъ холодныхъ, помертвѣлыхъ
Привѣтная виднѣлася улыбка
Но лишь она явилася въ дверяхъ,
Какъ странное какое-то смущенье,
Таинственный, всѣмъ непонятный ужасъ
Собраніемъ внезапно овладѣли,
Какая-то мучительная тяжесть
Всѣмъ на душу мгновенно налегла.—
И тишина повсюду гробовая
Настала вдругъ: какъ будто инфантина
Давила всѣхъ присутствіемъ своимъ.
Когда-жъ она, прошедъ передъ толпой
Чрезъ весь дворецъ, сокрылася изъ виду,—
То вырвался у всѣхъ въ одно мгновенье
Изъ груди вздохъ: какъ будто вся толпа

Вдругъ вырвалась на свѣжій, вольный воздухъ
Изъ душнаго подземнаго затвора.
  Вотъ двинулся къ собору изъ дворца
Торжественно вѣнчальный поѣздъ пышный;
Раздвинулись народныя толпы
Предъ царственной невѣстою,—и вмигъ
Всѣ головы предъ нею обнажились
И раздались было кой-гдѣ въ народѣ
Привѣтственные клики въ честь ея,
Но замерли застѣнчиво и робко.
И двигался блестящій поѣздъ брачный
По площадямъ и улицамъ Толедо,
Среди толпы и мрачной, и безмолвной,
Какъ шествіе печальныхъ похоронъ.
  А между тѣмъ день ясный помрачался:
Надъ поѣздомъ по небу подвигалась
Вся черная, какъ траурный покровъ,
И грозная, какъ гнѣвъ небесный, туча,
И слышались вдали раскаты грома.
И все сильнѣе слышались они,
И все росла, росла по небу туча
И, наконецъ, задвинула все небо.
И вотъ, когда достигъ до церкви поѣздъ,
И поднялась на паперть инфантина, —
Вдругъ съ яростью завылъ свирѣпый вихрь
И ринулся, взметая пыль, по стогнамъ.
И потряслись со трескомъ и со звономъ
Желѣзные листы церковной кровли,
И молнія змѣею исполинской
Изъ черныхъ тучъ надъ папертью сверкнула, —
И гулъ и трескъ удара громоваго
Какъ бы потрясъ весь храмъ и всю окрестность.
И трепетомъ холоднымъ тотъ ударъ
Отозвался въ груди преступной дѣвы:
Она едва-едва не пошатнулась,

Едва-едва не вскрикнула отъ страха,
Но въ тотъ же мигъ собою овладѣвъ,
Съ осанкою свободной, величавой
И съ прежнею улыбкой на устахъ,
Вступила въ храмъ, блистая красотою.
Ужъ тамъ стоялъ донъ-Аларкосъ. Ужасенъ
Былъ видъ его; никто-бъ не могъ узнать
Въ немъ прежняго красавца молодаго:—
Въ короткій срокъ изсохло, пожелтѣло
И рѣзкими морщинами покрылось
Его лицо, и кудри побѣлѣли
И развились, и впалые глаза
Свѣтилися болѣзненнымъ огнемъ
И, будто бы въ безуміи, блуждали
По сторонамъ. Увидѣвъ инфантину,
Онъ задрожалъ всѣмъ тѣломъ и невольно,
И ужаса и отвращенья полонъ,
Закрылъ глаза рукой и отшатнулся...
И пробѣжалъ въ толпѣ чуть слышный шёпотъ,
И взоры всѣхъ пытливо и тревожно
На жениха съ невѣстой устремились;
Но близь него стоявшій царедворецъ,
Склонясь къ нему съ холодно-строгимъ видомъ,
Сказалъ ему, для всѣхъ не слышно, что-то;
Тогда, пришедъ въ себя, графъ Аларкосъ
Дрожащею и хладною рукою
Повелъ свою невѣсту къ алтарю.
И вотъ предсталъ, блистая въ облаченьи,
На встрѣчу имъ служитель алтаря,
И раздались подъ сводами собора
Величественно-мощные раскаты
И переливы стройные органа,
И пѣніе согласныхъ голосовъ,—
И начался святой обрядъ вѣнчанья.
Но лишь успѣлъ священникъ произнесть

Призваніе Господней благодати,
Какъ молнія по церкви въ полумракѣ
Пылающимъ потокомъ пролилась, —
И грянулъ громъ. И молнія опять,
Все облила волной дрожащей свѣта,
И снова громъ за молніей ударилъ,
И молнія вновь вспыхнула, и снова
За нею громъ раздался, и за громомъ
Вновь молнія всю церковь осіяла.
И молнія за молніей, сверкая,
Въ одинъ потокъ слилася безконечный,
И каждое мгновенье громъ за громомъ
Катился вслѣдъ, и громы всѣ слились
Въ одинъ глухой и непрерывный гулъ.
И заглушилъ ихъ рокотъ звукъ органа
И пѣніе молитвенное клира,
И возгласы священника. Всѣ въ страхѣ
И трепетѣ чего-то ожидали.
И вотъ, когда священникъ возгласилъ
Послѣднія великія слова,—
И таинство великое свершилось,—
Въ тотъ мигъ какъ бы разверзлись небеса
Изъ края въ край; и цѣлымъ моремъ свѣта
И пламени на землю вдругъ дохнули,
И грянулъ громъ съ такою силой лютой,
Что дрогнулъ весь соборъ до основанья,
И грянули надъ нимъ и загудѣли
Громадные колокола всѣ разомъ,
И обуялъ всѣхъ ужасъ въ то мгновенье:
У всѣхъ глаза закрылися невольно,
И мысль одна у каждаго мелькнула,—
Что часъ его послѣдній наступилъ.
Но грозное мгновенье миновалось,—
И обмерли отъ ужаса всѣ снова:
Графъ Аларкосъ недвижный, бездыханный
Лежалъ у ногъ второй своей жены.

IV.

Въ монастырѣ пустынномъ и смиренномъ
Кончалася въ страданьяхъ и тоскѣ
Монахиня. Съ распятіемъ въ рукахъ
Стоялъ предъ ней монахъ, подвижникъ строгій,
И исповѣдь ея въ молчаньи слушалъ.
—«Святой отецъ!» — такъ говорила старцу
Монахиня — «мои грѣхи велики:
Уже три дня и три безсонныхъ ночи
Борюся я въ мученьяхъ нестерпимыхъ
Со смертію; но эти муки легче
Грѣховъ моихъ. Ты ужаснешься, старецъ,
Когда я ихъ открою предъ тобой.
Хоть ты живешь давно вдали отъ міра,
Но шумъ молвы грѣховной, злоязычной,
И въ келію затворника, какъ воздухъ,
Какъ солнца лучъ, врывается сквозь щели, —
Такъ вѣрно ты ужъ слышалъ не однажды
Разсказъ о томъ, какъ смертію внезапной
Скончалася графиня Аларкосъ,
Какъ мужъ ея вѣнчался съ инфантиной
И молніей былъ въ церкви пораженъ,
И какъ король нашъ доблестный и добрый,
Услышавъ вѣсть о смерти Аларкоса,
Отъ горести сошелъ за нимъ въ могилу.
И знаешь ты, что послѣ смерти мужа,
Вдругъ скрылася куда-то инфантина,
И что никто не знаетъ, гдѣ она.
Такъ знай, — она теперь передъ тобою!
Ужъ десять лѣтъ какъ со ступеней трона
Я въ эту келью бѣдную сошла,
Чтобъ замолить грѣхи мои предъ Богомъ:

Отецъ святой, ты слышалъ, что народъ
Подозрѣвалъ меня въ убійствѣ тайномъ,
И вѣрно ты народную молву
Счелъ клеветой; такъ знай, что гласъ народа,
На этотъ разъ, былъ вправду Божьимъ гласомъ.
Трепещешь ты! Тебѣ, святому старцу
И видъ одинъ преступницы ужасенъ;
Но долженъ ты съ терпѣньемъ христіанскимъ
Моихъ страстей и беззаконій повѣсть
Всю выслушать.
Зерномъ всѣхъ преступленій,
Всѣхъ темныхъ дѣлъ моихъ была любовь —
Безумная любовь къ донъ-Аларкосу.
Донъ-Аларкосъ былъ сирота, и съ дѣтства
Былъ взятъ отцомъ моимъ на воспитанье;
Какъ братъ съ сестрой, мы вмѣстѣ съ нимъ росли.
Ужъ съ дѣтскихъ лѣтъ любви къ нему глубокой
Въ моей душѣ зародышъ разростался,
Но ужъ съ тѣхъ поръ слѣпая, злая гордость
Во мнѣ въ борьбу съ любовію вступила.
Донъ-Аларкосъ былъ старѣе меня,
Но я его въ своей держала власти:
Онъ мнѣ во всемъ безъ спору подчинялся...
Меня любилъ онъ горячо и нѣжно:
Но всѣ его сердечные порывы,
Всѣ нѣжные слова его и взгляды
Встрѣчала я насмѣшкой ядовитой —
Безжалостно ему терзала сердце
Притворною холодностью моей.
Обидно мнѣ, неловко, стыдно было,
По гордости моей неумолимой,
Открыть предъ нимъ любовь мою хоть взглядомъ,
И за нее сама передъ собой
Я въ гордости униженной краснѣла;
Казалось мнѣ постыднымъ униженьемъ

Кому-нибудь всѣмъ сердцемъ покориться.
А между тѣмъ я чувствовала ясно,
Что всей душой моею непреклонной
Покорена навѣки Аларкосу.
О, какъ тогда я жаждала, стремилась
Исторгнуть страсть изъ сердца моего,
Чтобъ чувствовать себя свободной, сильной,
Чтобы царить надъ всѣми безгранично
Своей красой и властвовать, и двигать
Сердцами всѣхъ по прихоти моей!
Ко мнѣ текли толпами женихи,
Но съ гордою холодностью суровой
Я ихъ мольбы отвергла навсегда.
Вотъ, наконецъ, и скромный Аларкосъ,
Преодолѣвъ застѣнчивость и робость,
Мнѣ предложить рѣшился руку. Долго
Въ моей душѣ съ любовью страстной, жгучей,
Боролася упорно злая гордость.
И гордость верхъ надъ страстью одержала:
Донъ-Аларкосъ отказъ мой получилъ.
Онъ долго былъ въ отчаяньи; однако
Съ своей судьбой онъ какъ-то примирился
И въ бракъ вступилъ съ красавицей извѣстной,
Подругою и сверстницей моей.
Тогда во мнѣ вскипѣли съ новой силой
И поднялись и гордость, и любовь:
Онѣ теперь въ борьбу ужъ не вступали,
Но, заключивъ союзъ противъ меня,
Едва совсѣмъ мнѣ разумъ не затмили.
«Онъ могъ ее, ее мнѣ предпочесть,
Твердила я въ какомъ-то изступленьи,
И ревностью, и злобою сгарая,
Онъ предпочесть мнѣ смѣлъ кого-нибудь!
Онъ могъ меня забыть для новой страсти!
Онъ могъ снести отказъ мой и не умеръ

Съ отчаянья, и потерявъ меня,
Утѣшился — женился на другой.»
Средь этихъ мукъ, я, наконецъ, рѣшилась,
Чтобъ успокоить страждущую гордость,
Во что-бъ ни стало, вырвать Аларкоса
Изъ сладостныхъ супружескихъ объятій
Соперницы ликующей моей
И вновь его къ ногамъ моимъ повергнуть.
Вотъ, наконецъ, мигъ роковой насталъ:
Открылась я въ любви предъ Аларкосомъ,
И въ тотъ-же мигъ въ груди его проснулась
И вспыхнула, и охватила душу
Насильственно подавленная страсть.
И сталъ молить, сталъ требовать упрямо
Онъ тайнаго свиданія со мной
И въ вѣрности до гроба мнѣ поклялся.
Но не могла рѣшиться долго я
Идти на грѣхъ — навѣкъ лишиться чести,
А главное, хотя на мигъ единый
Предъ кѣмъ-нибудь душою преклониться
И показать покорность Аларкосу.
Къ тому-жъ тогда такъ было мнѣ отрадно,
Такъ сладостно его томить и мучить
Отказами суровыми моими.
Но, наконецъ, ему я отдалась, —
И съ той поры, какъ бы по волшебству,
Донъ Аларкосъ внезапно измѣнился:
Онъ охладѣлъ ко мнѣ, онъ избѣгалъ
Свиданія со мной и сталъ онъ мраченъ,
Терзаемый уныньемъ и тоской.
Раскаянье и совѣсти мученья
Смѣнили въ немъ любви преступной пылъ:
Онъ чувствовалъ теперь себя преступнымъ
Предъ доброю и вѣрною женой;
Его душѣ возвышенной и чистой

Казалося противно, ненавистно
Притворствовать всечасно передъ ней —
Ласкать ее, тая въ душѣ измѣну.
И онъ меня покинулъ навсегда;
Но навсегда осталося со мною
Безчестіе; лишь бракомъ съ Аларкосомъ
Могла его отъ свѣта я сокрыть.
Тогда-то я пошла на преступленье
И женщину невинную, святую,
Руками мужа, преданнаго ей,
Ей милаго, безжалостно убила.
Я думала, что этимъ преступленьемъ
Уже совсѣмъ достигла я до цѣли
Всѣхъ тайныхъ думъ и темныхъ ковъ моихъ:
Я думала, что бракъ мой съ Аларкосомъ
Спасетъ меня передъ судомъ людскимъ
Отъ вѣчнаго безславія, — и что̀ же?
Небесный судъ разрушилъ въ мигъ единый
Всѣ замыслы мои: донъ-Аларкосъ
Мнѣ мужемъ былъ всего одно мгновенье,
И смерть его, карающей десницей
Сорвавъ покровъ съ безчестья моего,
Меня на судъ предъ свѣтомъ выставляла...
О, какъ тогда скорбѣла горько я,
Что не меня казнилъ огонь небесный:
Тогда любви моей постыдной тайну
Я унесла-бъ съ собой во мракъ могилы...
Отецъ святой, я знаю, какъ ужасенъ,
Какъ черенъ грѣхъ, мнѣ душу тяготящій,
Но десять лѣтъ и день, и ночь въ молитвѣ
Смиренно лью я слезы покаянья:
Ужъ десять лѣтъ казню и изнуряю
Я плоть свою: желѣзныя вериги,
Мнѣ истерзавъ изнѣженное тѣло.

Впились въ него, вросли въ него глубоко
И тяжестью своею сокрушили,
Разрушили мнѣ силы молодыя.
Молю тебя, святой отецъ, молю
Мнѣ отпустить мой грѣхъ. Мнѣ страшно, страшно
Съ нимъ умереть, — предстать въ загробный міръ
Здѣсь на землѣ тобою осужденной:
Я вся дрожу, я млѣю, волосъ дыбомъ
Становится на головѣ моей,
Хладѣетъ кровь и меркнетъ свѣтъ въ глазахъ,
Когда себѣ хотя на мигъ представлю,
Какая казнь за гробомъ — въ жизни вѣчной
Готовится мнѣ за грѣхи мои...
О, отпусти мнѣ ихъ, молю тебя;
Когда въ тебѣ и къ грѣшницѣ есть жалость,
То, ты хотя изъ жалости, спаси
Несчастную безпомощную душу:
Довольно я и на землѣ страдала.
Скорѣй, скорѣй, молю тебя, простри
Ты надо мной прощающую руку...
Скорѣй, скорѣй, быть можетъ, мигъ послѣдній
Приблизился: мнѣ мнится, что злой ангелъ
Ужъ за душой моей сюда пришелъ
И надъ моимъ склонился изголовьемъ:
Я чувствую, какъ огненнымъ дыханьемъ
Его уста ужъ вѣютъ надо мной...
Еще лишь мигъ, — и онъ уже исхититъ
Мою грѣхомъ опутанную душу!...
Что̀ жъ медлишь ты, святой отецъ?! Спаси,
Спаси меня»!..
И грѣшница, рыдая,
Въ отчаяньи себѣ ломала руки
И съ воплями взывала о прощеньи
Къ духовнику. Но духовникъ сѣдой,

Признаніемъ нежданнымъ потрясенный,
Трепещущій, разгнѣванный и блѣдный
Предъ грѣшницей великою стоялъ,
И въ ужасѣ глаза потупивъ въ землю,
Молчаніе въ раздуміи хранилъ *).

---

*) Основаніемъ этому стихотворенію послужилъ древній испанскій романс изъ сборника народныхъ испанскихъ романсовъ, извѣстнаго подъ именем *Romancero*. Французскій переводчикъ и истолкователь этого сборника, в предисловіи къ романсу *Графъ Аларкосъ*, старается доказать, посредством историческаго объясненія нравовъ эпохи, что умерщвленіе жены Аларкос самимъ Аларкосомъ, по повелѣнію короля, не заключаетъ въ себѣ ничег невѣроятнаго. Онъ говоритъ слѣдующее: „Предлагая читателямъ этотъ ра сказъ, мы считаемъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ о двойственном характерѣ власти, которою пользовались испанскіе короли въ Средніе Вѣка Какъ политическіе властители государства, испанскіе короли имѣли тольк ограниченную власть, противъ которой не разъ возставали сильные вассалы но, какъ верховный судья, испанскій король, внѣ своей политической дѣя тельности — въ своихъ частныхъ сношеніяхъ съ подданными, обладалъ не слыханно широкими правами: онъ имѣлъ надъ каждымъ изъ своихъ вассалов власть почти безграничную, власть, какую имѣлъ въ то время отецъ семей ства надъ своими дѣтьми; онъ распоряжался какъ хотѣлъ не только ихъ имуществомъ и ихъ жизнью, но даже ихъ *совѣстью*. Обращаясь къ романсу *Графъ Аларкосъ*, мы просимъ читателей не терять изъ виду нашей замѣтки.“ (Romancero espagnol traduction complète par Damas Hinard, tome 2, *Comte Alarcos)*.

Замѣчательно, что Лопе де-Вега, сдѣлавъ изъ *Графа Аларкоса* піесу, назвалъ ее „Плачевная *необходимость*“.

II.

КОРОЛЬ РОДРИГО.

КОРОЛЬ РОДРИГО.

(Изъ испанскаго «Romancero»).

I.

Изъ дворца съ толпою рѣзвой
Молодыхъ подругъ веселыхъ
Вышла въ садъ, красой блистая,
Донья Кава молодая,
И подъ сѣнію густою
Виноградниковъ зеленыхъ,
Подъ вѣтвями миртъ и лавровъ
И жасминовъ благовонныхъ
На травѣ въ кружокъ усѣлись
Съ звонкимъ говоромъ и смѣхомъ
Дѣвы-сверстницы, любуясь
Яркой зеленью весенней
И вдыхая ароматы
Разцвѣтающаго сада.
И кружокъ красавицъ тѣсный,
Какъ вѣнокъ изъ розъ и лилій,
На лугу пестрѣлъ зеленомъ.
И сказала донья Кава
Дорогимъ своимъ подругамъ:
«Кто изъ насъ, скажите, доньи,
Всѣхъ прекраснѣе? Рѣшите:
У кого коса всѣхъ гуще,
Грудь пышнѣй, нога стройнѣе,

Кто изъ насъ бѣлѣе тѣломъ,
Выше ростомъ, тоньше станомъ
И походкой величавѣй?
Вотъ возьмите эту ленту —
Пусть она намъ мѣркой будетъ...
Сбросимъ платья, станемъ мѣрять
Ноги, станъ и грудь, и плечи».
Шумно, съ хохотомъ веселымъ
Принятъ былъ нежданный вызовъ
Хохотуньи доньи Кавы.
Стали мѣряться подруги,
Стали сравнивать другъ съ дружкой
Тѣла цвѣтъ и нѣжность кожи...
И рѣшили всѣ безъ спора,
Что синьйора донья Кава
Краше всѣхъ подругъ прекрасныхъ:
Любовалися всѣ дѣвы
И ея косой тяжелой,
И лилейной бѣлизною
Плечъ и рукъ, и ножкой стройной,
И воздушнымъ, дивнымъ станомъ.
И не знала донья Кава,
И не думали подруги.
Что затѣи ихъ дѣвичьи
Кто-нибудь лукавымъ окомъ
Изъ чащи древесъ подсмотритъ.
Подсмотрѣлъ ихъ жаднымъ окомъ,
Окомъ зоркимъ и лукавымъ,
Подсмотрѣлъ король Родриго,
Властелинъ земли испанской.
Лишь взглянулъ онъ грѣшнымъ взоромъ
На красы невинной Кавы,
Какъ въ крови его и сердцѣ
Вспыхнулъ пламень ярой страсти.
Съ той поры ни днемъ, ни ночью

Донъ Родригъ не зналъ покою:
Жегъ огнемъ ему всю душу
Милый образъ доньи Кавы;
Все съ тѣхъ поръ ему казалось,
Будто онъ повсюду слышитъ
Звонкій смѣхъ ея невинный,
Шелестъ шелковаго платья,
И шаговъ чуть слышный шорохъ;
Всюду видѣлъ онъ, какъ въ грезахъ,
Блескъ очей ея веселыхъ,
Прелесть дѣвственной усмѣшки,
Тонкій станъ, какъ стебель гибкій,
Бѣлизну ноги прекрасной,
Обнаженной полной — дивной,
И высокой, пышной груди
За прозрачной, тонкой тканью,
Колыханіе и трепетъ.
Истомленъ мученьемъ страсти,
Наконецъ король Родриго
Поддался своимъ желаньямъ.
И призвалъ онъ донью Каву
Въ свой покой уединенный
И сказалъ ей: «слушай, Кава,
Кава, цвѣтъ всѣхъ дѣвъ испанскихъ!
Съ той поры, какъ я увидѣлъ
Блескъ красы твоей волшебной,
Будто съ жизнью я разстался:
Отняла ты жизнь и счастье
У могучаго Родриго!
Сжалься, Кава, надо мною —
Оживи любовью нѣжной
Душу жалкаго страдальца!..
Если жизнь мнѣ возвратишь ты,
То, клянусь тебѣ я честью,
Не пройдетъ одной недѣли,

Какъ великою наградой
Отплачу тебѣ я, Кава,
За единый мигъ блаженства:
На главѣ твоей прекрасной
Возсіяетъ яркимъ блескомъ
Королевская корона, —
И одѣяна порфирой,
Ты со мной возсядешь рядомъ
На моемъ испанскомъ тронѣ».
Говорятъ, что донья Кава,
Рѣчь лукавую прослушавъ,
Гнѣвомъ вспыхнула и грозно
Засверкала гордымъ взоромъ;
Но потомъ, когда Родриго
Со смиреньемъ и слезами
Сталъ молить у ней прощенья,
Гнѣвъ утихъ ея, и взоры
Вновь потупились стыдливо
Предъ могучимъ властелиномъ;
Вслѣдъ за тѣмъ она безмолвно
И задумчиво внимала
Рѣчи вкрадчивой и льстивой...
Наконецъ, поддавшись лести,
Дѣва вѣтренная Кава
Подняла свои рѣсницы
И зардѣлась вся румянцемъ, —
И невольно взоромъ нѣжнымъ
Посмотрѣла на Родриго...
И молва людская быстро
Разнесла по всей столицѣ
Злую вѣсть, что донья Кава
Честь утратила дѣвичью.

Такъ король женолюбивый
Обольстилъ обманомъ низкимъ

Дочь могучаго вельможи,
Полководца Юліана.

II.

«О презрѣнная, сѣдая,
Старость хилая, больная,
Для чего тяжелой ношей
Ты къ землѣ меня пригнула?
Для чего души отвага
Мертвымъ сномъ во мнѣ уснула?
Для чего, о время злое,
Ты мнѣ кровь оледенило;
Для чего рукой нещадной
Силу мышцъ моихъ разбило?
Ахъ зачѣмъ, старикъ отжившій,
Не могу я въ дряхлой длани
Удержать мой мечъ тяжелый,
Мечъ, прославленный во брани?
Ахъ, когда-бъ былое время.
Еслибъ сила молодая, —
Я помчался бы въ Толеду,
Мщеньемъ яростнымъ сгарая, —
И моимъ булатомъ вѣрнымъ
Я пронзилъ бы въ мигъ единый
Грудь того, кто обезчестилъ,
Поругалъ мои сѣдины:
Я отмстилъ бы донъ Родригу
За обманъ его лукавый,
Я-бъ отмстилъ за поруганье
Беззащитной бѣдной Кавы.
Но ужель во мнѣ напрасно
Сердце жжетъ вражда и злоба,
И позоръ мой безъ отмщенья
Провлачу я вплоть до гроба?»

Такъ въ далекомъ, мрачномъ замкѣ
На прибрежьи Гибральтара
Восклицалъ, стеня отъ гнѣва,
Юліанъ, отецъ несчастный
Обольщенной доньи Кавы, —
И съ отчаянья и скорби
Рвалъ онъ волосы сѣдые;
То, склонясь на длань главою,
Слезы лилъ, въ тоскѣ безмолвной,
То въ свирѣпомъ изступленьи
Билъ въ лицо себя руками.
«О король, о донъ Родриго»,
Возглашалъ старикъ согбенный,
«О властитель малодушный,
Ты своимъ обманомъ чернымъ
Запятналъ свой санъ высокій!
Ты рѣшился безъ боязни
Обольстить простушку Каву:
Ты расчелъ умомъ коварнымъ,
Что отецъ ея далеко,
Что старикъ онъ хилый, слабый,
И не въ силахъ за обиду
Отомстить мечомъ булатнымъ.
Но ошибся ты, — и скоро
Я воздамъ тебѣ сторицей
За обманъ и поруганье...
Хоть во мнѣ убила старость
Тѣла мощь, но бодръ я духомъ;
Разумъ мой и здравъ, и свѣтелъ,
Какъ въ тѣ дни, когда такъ хитро
Я твоей державной волей
Управлялъ ко благу царства.
Знай же ты, неблагодарный,
Что теперь всѣ силы духа —
Весь свой умъ, всю крѣпость воли

Соберу и напрягу я,
Чтобъ тебѣ придумать мщенье,
И клянусь, что мщенье это
Для тебя ужаснѣй будетъ
И удара острой стали,
И тлетворной силы яда,
И терзаній лютой пытки».

III.

Мракъ ночной объемлетъ землю,
Ходитъ вихрь, крутясь и воя,
Вдоль пустыннаго прибрежья;
Море грозное бушуетъ:
Поднимаются высоко
Злыя волны Гибральтара,
Бьются съ яростью о скалы,
Бьются съ яростью и воемъ,
Плещутъ въ мраморныя стѣны,
Въ стѣны за̀мка вѣковаго.
Въ за̀мкѣ томъ по заламъ темнымъ
Бродитъ поступью тревожной
Юліанъ, унылый, мрачный,
Думой тяжкою терзаемъ.
Всѣ давно уснули въ за̀мкѣ,
Лишь не спится Юліану.
Что̀ замыслилъ старецъ грозный?
Отчего онъ въ часъ полночный
Не сомкнулъ очей усталыхъ?..
Бродитъ онъ одинъ во мракѣ,
Темнымъ замысломъ томимый;
Отъ шаговъ его тревожныхъ
Гулъ зловѣщій раздается
По пустымъ высокимъ заламъ.
—«Нѣтъ, я долженъ, я обязанъ

Отомстить за дочь родную»,
Говоритъ онъ самъ съ собою.
«Отомстить, но какъ? Измѣной!
Измѣнить!!. Какое слово!
Какъ звучитъ оно ужасно!
Дикій звукъ!.. Могильнымъ хладомъ
Онъ мнѣ въ сердце проникаетъ..,
Измѣнить — сгубить отчизну,
Дать ее на расхищенье
Дикимъ полчищамъ Арабовъ,
Христіанъ предать невѣрнымъ!..
Я-ль рѣшусь на это дѣло,
Я — страны родной надежда,
Я — защитникъ неизмѣнный,
Грозный стражъ земли испанской.
Хоть король мнѣ врагъ отнынѣ,
Но меня великимъ саномъ
Онъ облекъ — я здѣсь намѣстникъ
По его державной волѣ:
Онъ меня поставилъ стражемъ
На краю земли испанской,
Чтобъ слѣдилъ я зоркимъ окомъ
За врагомъ его могучимъ;
Чтобъ стерегъ я неусыпно
Здѣсь — въ твердынѣ неприступной
Входъ въ Испанію родную.
Мнѣ-ль рѣшиться на измѣну!
Мнѣ-ль предательской рукою
Отворить врата твердыни
Предъ врагомъ моей отчизны,
Предъ врагомъ Христовой вѣры!
Нѣтъ? ужасно... я не въ силахъ
Быть предателемъ...
Но Боже!..
Чѣмъ же мнѣ, какою местью

Смыть съ себя клеймо безчестья?
Я послѣдній, одинокій
Рода древняго потомокъ.
Мой отецъ и дѣдъ, и прадѣдъ,
И всѣ предки безъ изъятья
Рядомъ подвиговъ воинскихъ
Озарили вѣчной славой
Наше имя родовое.
Какъ безцѣнное наслѣдство,
Мнѣ досталось это имя
Чистымъ, свѣтлымъ, лучезарнымъ,
Будто камень самоцвѣтный.
И теперь на это имя
Налегло пятно позора!
Ахъ, ужель его оставлю
Я навѣки запятнаннымъ,
Ахъ, ужель отцу и предкамъ
За священное наслѣдье
Всей стяжанной ими славы
Отплачу я униженьемъ,
Посрамленіемъ ихъ рода.
Этотъ родъ со мной угаснетъ,
И никто по долгу крови,
По святому долгу мщенья,
Честь его не возстановитъ.
Нѣтъ, я долженъ местью страшной
На краю моей могилы,
Предъ лицомъ всего народа
Снять позоръ и поношенье
Съ рода праотцевъ великихъ!..
Но мнѣ тягостно, мнѣ больно,
Страшно мнѣ, глядя въ могилу,
Въ сердцѣ старческомъ лелѣять
Черный замыселъ измѣны!..

Въ ихъ ряды иль пасть въ сраженьи.
Но жестоко уязвленный
Въ руку правую стрѣлою,
Онъ отъ боли нестерпимой
Уронилъ изъ рукъ поводья
И пустилъ бѣжать по волѣ
Своего коня лихаго.
И понесъ его, какъ вихорь,
Вѣрный конь изъ грозной сѣчи,
И промчался съ нимъ далеко
По лѣсамъ, полямъ, болотамъ,
Нивамъ, пашнямъ и оврагамъ;
Но, измученъ быстрымъ бѣгомъ,
Наконецъ, скакунъ ретивый
Весь покрытый пылью, пѣной,
Задыхаяся отъ жара.
Прискакалъ къ горѣ высокой
И мгновенно палъ съ разбѣга
Вмѣстѣ съ всадникомъ на землю.
Всталъ съ земли король Родриго
И взошелъ тропинкой узкой
На утесистую гору,
Чтобъ взглянуть съ ея вершины
На равнину Гвадалетты.
(Жаждалъ онъ узнать скорѣе
Участь битвы восьмидневной).
И взглянулъ онъ вдаль, и слезы
Полились изъ глазъ потокомъ:
Видитъ онъ — полки Арабовъ
Гонятъ въ волны Гвадалетты,
Какъ оленей робкихъ стадо,
Королевскія дружины;
Гибнутъ, гибнутъ Христіане
Подъ мечомъ враговъ невѣрныхъ,
Гибнутъ въ тяжкихъ истязаньяхъ,

И покрыта ихъ тѣлами
Вся пространная равнина,
Видитъ онъ — пылаютъ села,
Замки пышные и церкви;
Видитъ онъ, какъ мусульмане
Въ плѣнъ влекутъ на поруганье
Христіанскихъ дѣвъ толпами;
Видитъ, видитъ царь несчастный,
Что Испанія погибла:
Погубилъ ее Родриго,
Погубилъ своею страстью,
Страстью низкой и преступной
Къ легковѣрной доньѣ Кавѣ.
— «Будь же проклятъ ты, предатель,
Юліанъ, злодѣй отчизны!»
Возгласилъ въ великой скорби
Съ громкимъ плачемъ донъ Родриго:
«Я одинъ, одинъ виновенъ
Предъ тобой, безумный старецъ;
Я одинъ достоинъ кары
За обманъ и преступленье.
Для чего же покаралъ ты,
Погубилъ своею местью
За вину царя все царство, —
И народъ ни въ чемъ невинный,
Мощный, гордый и свободный
Предалъ въ рабство злымъ пришельцамъ...
Но къ чему на Юліана
Изливать мнѣ гнѣвъ напрасный!
Тщетно я лукавой рѣчью
Усыпить стараюсь совѣсть.
Нѣтъ, ея немолчный шепотъ
Говоритъ мнѣ ясно, внятно:
Ты преступнѣй Юліана.
Онъ пошелъ на злодѣянье

Не изъ прихоти любовной,
Не изъ жажды наслажденья.
Нѣтъ! глубоко пораженный
Милой дочери паденьемъ,
Онъ внезапно обезумѣлъ
Отъ отчаянья, позора
И безсильной жажды мести:
Думалъ онъ въ безумной злобѣ,
Что, свершая преступленье,
Онъ свершаетъ долгъ священный.
Но тебя, тебя, Родриго,
Что влекло на злое дѣло?
Долгъ святой иль жажда мщенья,
Иль отчаянье слѣпое?
Нѣтъ, лишь новая забава
Для души твоей холодной!
Избалованный властитель,
Нѣгой жизни пресыщенный,
Жаждалъ я, томяся скукой,
Вѣчно новыхъ наслажденій.
Пораженъ красою чистой
Дѣвы съ дѣтскою душою,
Думалъ я, что пламя страсти
Овладѣло мной до гроба.
Но едва мои желанья
Я насытилъ наслажденьемъ,
Какъ опять мертвящій холодъ
Обхватилъ мою всю душу.
И для прихоти минутной
Погубилъ, затмилъ порокомъ
Я младенческую душу
Безпорочнаго созданья.
И Господь меня жестоко
Покаралъ за преступленье:
У меня на вѣкъ онъ отнялъ

И пародъ мой, и державу,
И покой, покой душевный!
Обреченъ я вѣчнымъ мукамъ
И за гробомъ, и до гроба:
Неба вѣчное проклятье
Тяготѣетъ надо мною».

V.

Въ часъ, когда смолкаютъ птицы,
Притаясь въ чащѣ древесной,
И земля безмолвно, чутко
Шуму водъ бѣгущихъ внемлетъ;
Въ часъ, когда луна и звѣзды
Сводъ небесный озаряютъ,
Шелъ въ горахъ король Родриго
Скорбный, мрачный, утомленный,
И куда теперь ни кинетъ
Онъ свой взоръ печальный, робкій —
Всюду совѣстью язвимый,
Зритъ укоръ себѣ жестокій.
Возведетъ ли взоръ на небо,
И объятый страхомъ грознымъ,
Отвращаетъ быстро очи
Отъ разгнѣваннаго неба:
Тамъ надъ нимъ ужъ совершился
Приговоръ неумолимый, —
И его читаетъ ясно
Онъ въ зловѣщихъ сочетаньяхъ
Звѣздъ, сверкающихъ во мракѣ;
Устремитъ ли очи въ землю, —
Въ немъ стѣснится скорбью сердце:
Вспомнитъ онъ, что эту землю,
Землю милую, родную,
Что звалась страной испанской,

Онъ чрезъ свой обманъ позорный
Отдалъ въ рабство мусульманамъ.
Но куда-жъ король несчастный
Путь далекій направляетъ?
Чтò ему осталось въ жизни,
Чтò онъ ищетъ въ этомъ мірѣ?
И зачѣмъ во мракѣ ночи,
Раной тяжкой изнуренный,
Онъ межъ горъ ущельемъ узкимъ
Въ даль пустынную стремится?
Ужъ давно въ землѣ испанской
Шла молва во всемъ народѣ,
Что на берегѣ пустынномъ
Знойной Африки — въ долинѣ,
Между горъ высокихъ, мрачныхъ
Жилъ отшельникъ престарѣлый.
Съ юныхъ лѣтъ еще покинулъ
Онъ Испанію родную
И въ пустынѣ поселился.
Славенъ жизнію высокой
И суровыми трудáми,
Слылъ онъ мужемъ кроткимъ, мудрымъ
И подвижникомъ великимъ.
И къ нему изъ странъ далекихъ
Шли за помощью чудесной
Безнадежные страдальцы:
Онъ молитвами своими
Исцѣлялъ тѣлесъ недуги
И елеемъ утѣшенья
Утолялъ души страданья.
И къ нему-то за совѣтомъ
Шелъ теперь въ горахъ пустынныхъ
Скорбный царственный скиталецъ.
На разсвѣтѣ донъ-Родриго
Изъ ущелій тѣсныхъ, темныхъ

Вышелъ къ берегу морскому.
Тамъ ужъ ждалъ его съ полночи
Молодой рыбакъ съ ладьею.
И въ рыбачьей утлой лодкѣ
По равнинѣ водъ бездонныхъ
Поплылъ въ путь король Родриго.
Былъ безоблаченъ и свѣтелъ
Сводъ небесъ; спокойно, тихо
Море синее струилось,
Дулъ слегка попутный вѣтеръ,
И пловцы свой путь отважный
Совершили безопасно.
И король съ любовью братской
Съ бѣднымъ рыбаремъ простился.
Далъ ему на разставаньи
Онъ свой перстень драгоцѣнный,
И — наслѣдье предковъ славныхъ —
Цѣпь тяжелую златую.
И взглянувъ прощальнымъ взоромъ
На родной, прекрасный сѣверъ,
Вышелъ онъ съ тоскою въ сердцѣ
На пустынный чуждый берегъ.
Десять дней блуждалъ Родриго
По горамъ безвѣстнымъ, мрачнымъ,
Наконецъ, тропой чуть видной
Вышелъ въ свѣтлую долину;
Тамъ межъ скалъ, покрытыхъ мохомъ,
Онъ обрѣлъ въ скалѣ пещеру,
Гдѣ спасался одиноко
Отъ суетъ тревожныхъ міра
Сорокъ лѣтъ смиренный старецъ.
И узрѣвъ передъ собою
Ликъ подвижника святаго,
Пораженъ онъ былъ глубоко
Видомъ кротко-величавымъ

Старца въ рубищѣ убогомъ
И его всевластнымъ взоромъ,
Взоромъ свыше вдохновеннымъ,
И небесною улыбкой,
На устахъ его сіявшей.
И Родриго долго, долго
Передъ нимъ, въ благоговѣньи,
Умиленъ, смущенъ, безмолвенъ,
Предстоялъ съ главой поникшей.
Наконецъ, сказалъ онъ старцу:
«Старецъ — праведникъ великій!
На тебя я не дерзаю
Возвести очей смущенныхъ:
Я великій, тяжкій грѣшникъ...
Но не стану предъ тобою
Называть свой грѣхъ ужасный:
Назову тебѣ лишь имя
Я свое, — и ты узнаешь,
Въ чемъ я грѣшенъ передъ Богомъ:
Я — развѣнчанный властитель,
Царь безъ царства: я Родриго!»
Но на грѣшника подвижникъ
Съ состраданьемъ и участьемъ
Посмотрѣлъ любовно, кротко
И сказалъ ему: «то правда,
Грѣхъ великій совершилъ ты,
Прогнѣвилъ небесъ Владыку;
Но молись, не падай духомъ:
Благъ Всевышній и во гнѣвѣ!
Онъ лица не отвращаетъ
И отъ грѣшниковъ великихъ.»
Слово праведнаго мужа
Заронило лучъ надежды
Въ душу грѣшника-страдальца,
И поднявъ на старца взоры,

Онъ сказалъ: «блаженный старецъ!
Научи меня, прошу я,
Чѣмъ могу я грѣхъ мой тяжкій
Замолить передъ Всевышнимъ
Повели, какое хочешь,
Мнѣ исполнить послушанье:
Все безропотно исполню,
Лишь бы грѣхъ мой искупился.»
Опустивъ въ молчаньи очи,
Погрузился въ размышленье
Старецъ праведный и тихо
Въ глубь пещеры удалился;
Тамъ, вознесшись въ мысляхъ къ Богу,
Предался онъ весь молитвѣ.
И молился добрый старецъ
Съ теплой вѣрой и слезами,
Да ему откроетъ небо,
Чѣмъ, какимъ лишеньемъ тяжкимъ
Или подвигомъ суровымъ
Божій рабъ король Родриго
Искупить предъ Богомъ можетъ
Тяжкій грѣхъ, имъ совершенный?
И три дня, три ночи къ ряду
Простоялъ подвижникъ-старецъ
На молитвѣ передъ Богомъ.
И открыто было старцу:
«Если грѣшникъ добровольно
Дастъ себя на растерзанье
Звѣрю хищному, и если
Онъ безропотно, съ терпѣньемъ
Кончитъ жизнь въ мученьяхъ тяжкихъ, —
То ему судомъ небеснымъ
Грѣхъ его отпущенъ будетъ.»
И повѣдалъ добрый старецъ
Королю, въ смущеньи робкомъ,

Чтò ему открыто было.
И мгновенно донъ Родриго
Просіялъ и ожилъ духомъ,
И въ слезахъ и умиленьи,
Къ небесамъ воздѣлъ они руки
И сказалъ: «Всесильный Боже!
Сколь ты благъ, любви источникъ —
Самъ мнѣ грѣшнику, злодѣю
Путь къ спасенью указуешь!»
  И тогда святой отшельникъ
Отыскалъ въ горахъ пещеру,
Гдѣ скрывался въ жаръ полдневный
Грозный барсъ. Въ пещерѣ этой
Онъ оставилъ донъ Родриго
И поспѣшно грудой камней
Узкій входъ ея задвинулъ.
Самъ же снова на молитву
Старецъ сталъ: просилъ онъ Бога,
Да даруетъ онъ прощенье
Злополучному Родриго.
И три дня въ молитвѣ жаркой
Онъ провелъ безъ сна и пищи;
На четвертый, на разсвѣтѣ
Возвратился онъ къ пещерѣ,
Гдѣ томился осужденный,
И чрезъ скважину межъ камней
Вопросилъ его: «скажи мнѣ,
Что съ тобой, мой сынъ послушный?
Отзовись на голосъ старца.»
  Тихо, голосомъ унылымъ
Отвѣчалъ ему Родриго:
«Горе мнѣ, святой отшельникъ!
Видно я своею жизнью
До конца прогнѣвалъ Бога:
Вкругъ меня съ раскрытой пастью,

И сверкая алчнымъ взоромъ,
Лютый звѣрь, терзаемъ гладомъ,
Ужъ три дня, три ночи бродитъ;
Но моей грѣховной плоти
Прикоснуться онъ не смѣетъ.
Вижу я, что Царь небесный
Мнѣ не хочетъ дать прощенья:
Даже хищный звѣрь голодный
Мной гнушается несчастнымъ;
Мнится мнѣ, что будто чуетъ
Онъ души моей растлѣнной
Весь грѣховный смрадъ, всю скверну!..»
Снова сталъ отшельникъ-старецъ
На молитву; снова три дня
Протекло; опять къ пещерѣ
На четвертый день пришелъ онъ
И къ несчастному Родриго
Вновь съ вопросомъ обратился:
«Государь, повѣдай старцу,
Что̀ послалъ тебѣ Всевышній?
Внялъ ли онъ твоимъ стенаньямъ,
Покаянію и плачу?
Внялъ ли онъ молитвѣ слезной,
Что къ нему я неустанно
Возсылаю днемъ и ночью?»
Отвѣчалъ ему Родриго
Слабымъ голосомъ чуть слышно:
«Слава Вышнему Владыкѣ:
Благъ ко мнѣ и милосердъ Онъ;
Внялъ Онъ плачу покаянья,
Внялъ твоимъ молитвамъ чистымъ, —
И надеждой на прощенье
Падшій духъ мой воскрешаетъ —
Онъ, въ замѣну мукъ загробныхъ,
Мнѣ послалъ земную кару:

Плоть мою уже терзаетъ
Лютый звѣрь: я мучусь, мучусь!..
Но чѣмъ больше я страдаю,
Чѣмъ больнѣе грѣшной плоти,
Тѣмъ душѣ моей отраднѣй:
Мнится мнѣ, что мой мучитель
Вырываетъ вмѣстѣ съ тѣломъ
Изъ меня мой грѣхъ... Я стражду,
Но я чувствую, что близокъ
Мой конецъ — конецъ мученьямъ;
Близокъ — чувствую я сердцемъ —
Мигъ прощенія священный!»
  Какъ небесному глаголу,
Притаивъ въ груди дыханье,
Королю внималъ пустынникъ.
И въ избыткѣ чувствъ высокихъ,
Онъ хотѣлъ въ горячемъ словѣ
Все излить передъ страдальцемъ,
Чтò въ тотъ мигъ на сердцѣ было
И воскликнулъ онъ въ волненьи:
«Подкрѣпи тебя Всевышній,
Дай тебѣ...» И былъ не въ силахъ
Рѣчь свою окончить старецъ:
Въ немъ стѣснилось вдругъ дыханье,
Запылалъ огнемъ румянца
Ликъ его безкровно-блѣдный,
Оборвался глухо голосъ, —
И по старческимъ ланитамъ
Слезы хлынули ручьями.
Подавивъ въ груди рыданья,
Онъ ушелъ въ свою долину;
Тамъ, бродя межъ скалъ пустынныхъ,
Въ ожиданіи тревожномъ,
Онъ творилъ въ душѣ молитву:
«Боже, дай ему терпѣнье»

(Повторялъ онъ непрестанно)
«Дай ему ты силу духа,
Да безропотно снесетъ онъ
До конца свои страданья!»
  На закатѣ дня отшельникъ
Вновь приблизился къ пещерѣ;
Но напрасно вопрошалъ онъ
Заключеннаго; напрасно
Звалъ по имени Родриго.
Безъ отвѣта отдавался
Громкій зовъ его въ пещерѣ —
Все свершилось: ужъ страдалецъ
Въ міръ иной переселился.
И сказалъ тогда подвижникъ,
Полонъ чувствъ неизъяснимыхъ:
«Конченъ судъ небесъ правдивый:
Грѣшникъ мукой добровольной,
Покаяньемъ и смиреньемъ
Искупилъ свой грѣхъ предъ Богомъ.»

4-го марта 1870 г.

Примѣчаніе.

Въ 711 году по Р. Х. африканскіе Арабы (Мавры) напали на Испанію, которой владѣли въ то время Готы. Готскій король Родриго пошелъ на встрѣчу непріятелю: произошла упорная битва при городѣ Хересъ-де-ла-Фронтера, на берегу рѣки Гвадалеты; Христіане были разбиты, — и магометане овладѣли Испаніей. Но не всѣ Готы покорились власти Мавровъ: храбрѣйшіе изъ нихъ удалились на сѣверъ — въ горныя области Испаніи — Галисію, Астурію и Бискаю, и въ продолженіе многихъ вѣковъ вели доблестную борьбу съ пришельцами за независимость своего отечества—борьбу, которая кончилась уничтоженіемъ владычества Арабовъ на Пиринейскомъ полуостровѣ. Этотъ героическій періодъ испанской исторіи, ознаменованный рыцарскими подвигами Готовъ ярко отразился въ длинной вереницѣ *романсовъ*, т. е. произведеній испанской народной поэзіи Среднихъ Вѣковъ. Собраніе этихъ романсовъ составляетъ книгу, извѣстную подъ названіемъ Romancero. Такъ какъ эти маленькія поэмы заключаютъ въ себѣ по большей части сказанія объ историческихъ лицахъ и событіяхъ,—то, расположенныя въ хронологическомъ порядкѣ, онѣ представляютъ какъ бы поэтическую лѣтопись Испаніи во время борьбы Христіанъ съ Маврами. Лѣтопись эта начинается *романсами о королѣ Родриго.*

Считаемъ нужнымъ извиниться въ одной умышленной неточности, которую мы себѣ позволили въ нашемъ стихотвореніи. Въ немъ повторено нѣсколько разъ названіе *Гибральтара* въ моментъ, предшествующій вторженію Мавровъ въ Испанію, тогда какъ извѣстно, что проливъ отдѣляющій Европу отъ Африки, сталъ называться Гибральтарскимъ уже послѣ этого событія. Но мы преднамѣренно *прибѣгли* къ этому анахронизму, желая нынѣшнимъ общеизвѣстнымъ названіемъ пролива яснѣе обозначить стратегическое значеніе крѣпости, ввѣренной графу Юліану. (Названіе ея—*Цеўта*—малоизвѣстно большинству читателей). Крѣпость эта, находясь на африканскомъ берегу испанскихъ владѣній, была ключемъ къ Испаніи; потому-то Юліану и было такъ удобно распорядиться по своему произволу судьбой своего отечества.

III.

СЕМЕЛА.

ВОЛЬНЫЙ ПЕРЕВОДЪ ДРАМАТИЧЕСКОЙ ПОЭМЫ ШИЛЛЕРА.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Юнона.

Семела, дочь Ѳивскаго царя Кадма.

Зевесъ.

Меркурій.

Дѣйствіе происходитъ въ Ѳивахъ, во дворцѣ Кадма.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Юнона *(сходитъ съ колесницы, окруженной облаками).*

Пернатые! летите съ колесницей
Къ заоблачнымъ вершинамъ Киѳерона
И ждите тамъ прихода моего!

(колесница и облака исчезаютъ).

Такъ вотъ тотъ домъ, гдѣ грозный мой Зевесъ
Нашелъ пріютъ для новыхъ беззаконій,
Гдѣ смертное, земное существо,
Рожденная изъ хладной персти дѣва
Оторвала отъ сердца моего
Властителя громовъ и приковала
Къ своей груди! Несчастная Юнона!..
Оставлена, забыта громовержцемъ,
Одна сидишь на тронѣ лучезарномъ,
Окружена величіемъ и блескомъ!
Отъ всей земли къ престолу твоему
Возносятся обильно ѳиміамы,
И день и ночь твои отверсты храмы,
Но ты душой остыла ко всему:
Тебѣ не милъ твой блескъ, твоя порфира,
Ни гордый санъ властительницы міра,
Ни ѳиміамъ народныхъ алтарей,
Съ тѣхъ поръ какъ Зевсъ твое оставилъ ложе —
Тебя забылъ, забылъ и для кого же?
Для бреннаго исчадія людей,

Рожденнаго для смерти, слезъ и тлѣнья, —
И твой удѣлъ позоръ и униженье!
Къ тому-ль меня назначила судьба?
Ужели я должна, съ смиреннымъ видомъ,
Безмолствовать передъ моимъ Кронидомъ,
Безмолствовать, какъ робкая раба?
Но кто же я? Ужель я не царица
И не жена властителя громовъ?
Вотще-ль на мнѣ сіяетъ багряница,
Вотще-ли я владычица боговъ?
Я грознаго Сатурна порожденье: —
Снесу ли я покорно свой позоръ?
Могу-ль снести счастливый, гордый взоръ
Совмѣстницы? Нѣтъ мщенье, мщенье, мщенье!
Безумное земное существо!
Ослѣплено тщеславною гордыней,
Ликуешь ты побѣды торжество
Надъ грозною униженной богиней.
Ты мнишь уже, что ей во всемъ равна,
О жалкая и суетная дѣва!
Но въ пропастяхъ бездоннаго Эрева
Постигнешь ты, кто ты и кто она.
Постигнешь ты, что въ бой пошла неравный
Съ богинею. Самъ Зевсъ міродержавный
Теперь тебя отъ смерти не спасетъ:—
Уже во мнѣ, вздымаясь лавой бурной,
Проснулась кровь свирѣпаго Сатурна
И къ мщенію безжалостно зоветъ.
Она идетъ... Пришла минута мщенья...
Иди — твоя судьба ужъ рѣшена —
Мой ядъ готовъ: моею рѣчью льстивой
Я окурю твой умъ славолюбивый,
И дерзкою мечтой ослѣплена,
Забывъ земныхъ существъ несовершенство,
Ты бросишься за призракомъ блаженства,

Доступнаго лишь божествамъ однимъ,
И велика ты будешь на мгновенье, —
И вдругъ падешь добычей разрушенья,
Раздавлена могуществомъ своимъ.

(уходитъ).

Семела *(входитъ).*

Ужъ къ западу склоняться стало солнце.
Сюда, сюда скорѣй, младыя дѣвы!..
Усыпьте полъ душистыми цвѣтами
И миртами. Несите ароматы...
Онъ не идетъ... Ужъ наступаетъ вечеръ...

Юнона *(въ образѣ старухи, кормилицы Семелы).*

Хвала богамъ безсмертнымъ, дочь моя!

Семела.

Берия, ты?.. Ужели на яву,
А не во снѣ тебя я снова вижу!.

Юнона.

Какъ развѣ ты, Семела, позабыла
Кормилицу свою?

Семела.

Ахъ, нѣтъ, Берия!..
О дай прижать тебя къ груди моей!..
Какъ рада я, что ты еще жива!..
Зачѣмъ ты къ намъ пришла изъ Эпидавра?..
Довольна ли ты жребіемъ своимъ
На родинѣ и любишь ли меня
По прежнему — какъ дочь свою?

Юнона.

Да, прежде
Ты матерью своей меня звала.

Семела.

И буду звать всегда — покуда Лета
Не погрузитъ меня въ своихъ волнахъ.

Юнона.

Берoя скоро въ Лету погрузится,
Но Кадма дочь, Семела, никогда.

Семела.

Ты говоришь загадками, Берoя!..
Иль въ старости всѣ говорятъ такъ странно...
Ты, кажется, сказала, будто я
Не погружусь въ струяхъ рѣки забвенья?

Юнона.

Сказала, да! Но для чего, Семела,
Смѣешься ты надъ старостью моей?
Конечно, я моими сѣдинами
Сердца боговъ Олимпа не прельщу,
Но ты своей косою золотистой
И божество прельстишь...

Семела.

Прости, Берoя!
Не думала я, право посмѣяться
Надъ старостью: — я тоже постарѣю...
Но что̀ ты мнѣ сказала про боговъ?
Я не могла разслышать...

Юнона.

Про боговъ?..

Да, кажется, сказала я, что боги
Нисходятъ къ намъ: ихъ могутъ видѣть люди...
И, можетъ быть, ты видишь ихъ, Семела.

Семела.

Ахъ, какъ ты зла!.. Но разскажи же мнѣ,
Зачѣмъ ты къ намъ пришла изъ Эпидавра?
Не потому-ль, что вижу я боговъ?

Юнона.

Да, потому, клянусь тебѣ Зевесомъ!..
Но что же ты вся вспыхнула, Семела,
При имени Зевеса? Повторяю,
Пришла искать я помощи боговъ.
У насъ чума: весь Эпидавръ въ волненьи;
Тамъ каждое дыханье смертоносно, —
И всѣ бѣгутъ со страхомъ другъ отъ друга;
Мать своего ребенка сожигаетъ,
Женихъ несетъ невѣсту на костеръ;
Отъ зарева пылающихъ костровъ
И по ночамъ у насъ свѣтло, какъ въ полдень,
Повсюду плачъ и вопли раздаются.
Вотще жрецы колѣна преклоняютъ
Предъ алтаремъ Кроніона; вотще
Струится кровь отъ жертвоприношеній:
Неумолимъ разгнѣванный Зевесъ.
И вотъ народъ сказалъ: «Пускай Бероя
Идетъ просить Семелу: вѣдь она
Кормилица Семелы, — и царевна
Все сдѣлаетъ для ней, а для царевны
Все сдѣлаетъ Зевесъ». Такъ мнѣ сказали, —
И я пришла къ тебѣ, хоть и не знаю,
Съ чего народъ у насъ воображаетъ,
Что для тебя все сдѣлаетъ Зевесъ.

Семела *(съ живостью).*

Чумы не будетъ завтра въ Эпидаврѣ!..
Нѣтъ, нынче же!.. Меня Кроніонъ любитъ:
Чума пройдетъ мгновенно...

Юнона.

А! такъ правда
Все, что молва народная разноситъ
По Греціи отъ Гемоса до Иды:
Ты овладѣла сердцемъ громовержца!
Къ тебѣ во всемъ величьи онъ нисходитъ —
Въ сіяніи, съ перунами въ десницѣ,
Какъ зрятъ его лишь боги на Олимпѣ,
Какъ зритъ его Юнона, дочь Сатурна!

Семела.

Онъ юношей является ко мнѣ...
Прекрасенъ онъ, какъ первый лучъ Авроры,
Какъ Гесперъ, вѣющій благоуханьемъ травъ;
Величіемъ его блистаютъ взоры —
Сознаніемъ его державныхъ правъ,
А рѣчь его звучитъ, какъ будто струны
Согласныхъ арфъ, какъ льющійся кристалъ...

Юнона.

Но были ли въ рукѣ его перуны —
Онъ съ молніей передъ тобой предсталъ?

Семела.

Нѣтъ, не было громовъ въ его десницѣ,
Безъ молніи предсталъ онъ предо мной;
Но кто-бъ не могъ узнать въ немъ Олимпійца?
Онъ красотой блистаетъ неземной.

Юнона.

Ахъ, дочь моя! Любви очарованье
Намъ иногда обманываетъ зрѣнье,
И часто тотъ, кого мы страстно любимъ,
Намъ кажется созданьемъ неземнымъ.
Къ тому же мы встрѣчаемъ иногда
Здѣсь на землѣ людей богоподобныхъ
По красотѣ. Изъ нихъ вѣдь каждый можетъ
Намъ божествомъ Олимпа показаться —
И насъ плѣнить. Но лишь одинъ Зевесъ —
Лишь царь боговъ рукой своей могучей,
По прихоти державной, гонитъ тучи
И мечетъ громъ и молнію съ небесъ.
О, еслибъ онъ, во всей красѣ державной
Представъ тебѣ, повергъ къ твоимъ ногамъ
Небесный громъ: — тогда-бъ ты стала равной
Могуществомъ и славою богамъ!

Семела.

Съ нимъ не было громовъ, я повторяю....
И что мнѣ въ нихъ? И безъ громовъ и молній
Онъ для меня былъ выше всѣхъ существъ.
Вѣдь я не дочь Сатурна!..

Юнона.

А! Семела
Ужъ начала завидовать Юнонѣ.

Семела.

О нѣтъ, клянусь Зевесомъ!

Юнона.

Ты клянешься?

Семела.

Да я клянусь, клянусь моимъ Зевесомъ.

Юнона.

Клянешься ты, несчастная?..

Семела. *(съ безпокойствомъ)*

За что же
Ты сердишься?

Юнона.

Ты повторяешь имя,
Которое на вѣкъ тебя сгубило...
То былъ не Зевсъ!

Семела.

Не Зевсъ!... Ты лжешь!... О ужасъ!...

Юнона.

Какой-нибудь Аѳинянинъ лукавый
Пришелъ къ тебѣ, назвалъ себя Зевесомъ,
И обманувъ неопытность твою,
Лишилъ тебя всего: стыда и чести.

(Семела падаетъ)

Ты падаешь!.. О, не вставай во вѣки!..
Пусть вѣчный мракъ твои покроетъ очи,
Пусть вкругъ тебя могильное молчанье
Вѣкъ царствуетъ!.. Лежи бездушной глыбой.
Не чувствуя позора своего!
О боги! какъ жестоки вы къ Бероѣ:
Шестнадцать лѣтъ, шестнадцать скорбныхъ лѣтъ
Въ разлукѣ я была съ моей Семелой.
И вотъ насталъ блаженный день свиданья...
И что-жъ? Она лежитъ передо мной
Убитая позоромъ! Боги, боги!
Я шла сюда съ надеждой и весельемъ,

Съ отчаяньемъ отсюда я пойду...
Пускай чума пожретъ весь Эпидавръ,
Всю Грецію: — не защититъ Семела
Родныхъ племенъ отъ гнѣва Олимпійца!
О, какъ мы всѣ обмануты жестоко —
Семела, я и съ нами вся Эллада!

Семела. *(встаетъ блѣдная и дрожащая и простираетъ руки къ Юнонѣ)*

Что дѣлать мнѣ Берoя?...

Юнона.

Успокойся,
Дитя мое!.. Приди въ себя.. быть можетъ,
То былъ Зевесъ, хотя оно и странно.
Вѣдь мы должны навѣрное узнать,
Кто онъ такой. И если онъ Зевесъ,
То пусть тебѣ докажетъ это ясно,
А если онъ обманщикъ, то пускай
Его казнитъ народъ за преступленье.
Вотъ видишь, какъ я о тебѣ забочусь,
Дитя мое. Скажи же мнѣ, Семела,
Согласна ли ты испытать его?

Семела.

Нѣтъ, нѣтъ!

Юнона.

Ахъ! дочь моя, но развѣ лучше
Сомнѣніемъ томиться цѣлый вѣкъ?
Вѣдь можетъ быть, то вправду былъ Зевесъ.

Семела. *(пряча голову на груди Юноны)*

О нѣтъ, то былъ не онъ!

Юнона.

Кто это знаетъ!..
Но испытавъ его уловкой хитрой,
Могла бы ты всю истину узнать.
Ужели ты раскаешься, Семела,
Когда Зевесъ предстанетъ предъ тобой
Во всемъ своемъ величіи державномъ,
Какъ будто бы передъ самой Юноной?

Семела. *(съ живостью)*

Да, да, пускай откроется онъ мнѣ!..

Юнона.

Такъ слушай же, Семела, ты должна
Держать себя съ нимъ холодно и строго,
Пока тебѣ онъ явно не докажетъ,
Что онъ Зевесъ. — Когда ты ждешь его?

Семела.

Онъ обѣщалъ придти ко мнѣ сегодня,
До захожденья солнца...

Юнона. *(забывшись, вспыльчиво).*

Какъ! Сегодня
Къ тебѣ опять придти онъ обѣщалъ!

(пришедъ въ себя)

Пускай придетъ! Когда-жъ въ порывѣ страсти,
Онъ бросится къ тебѣ, горя желаньемъ
Тебя обнять, — ты отскочи въ испугѣ,
Какъ будто вдругъ ступила на змѣю;
Онъ предъ тобой отступитъ въ изумленьи.
Когда-жъ опять, блистая страстнымъ взоромъ,
Съ объятьями онъ кинется къ тебѣ,

Ты примешь видъ невозмутимо строгій,
И ледянымъ, сурово-мрачнымъ взглядомъ
Ты отразишь порывъ любви кипучей.
Чѣмъ холоднѣй, чѣмъ ты суровѣй будешь,
Тѣмъ будетъ въ немъ сильнѣе разгораться
Огонь любви. Ты помни, что любовь
Есть яростный потокъ неукротимый,
А красота холодная — плотина:
Чѣмъ болѣе поставишь ты преградъ
Потоку, тѣмъ свирѣпѣй и сильнѣй,
Тѣмъ яростнѣй стремиться будетъ онъ,
Чтобы сорвать съ пути твои преграды.
Такъ хладною суровостью своей
Ты подстрекай въ Зевесѣ пылъ любовный.
Потомъ должна ты новою уловкой
Еще сильнѣй въ немъ чувства взволновать.
Должна ты вдругъ придти въ негодованье,
Упреками въ немъ сердце уязвить,
И наконецъ, заплакать передъ нимъ.
А твой Зевесъ — безстрашно и спокойно
Онъ полчища гигантовъ поборалъ,
Онъ могъ взирать съ улыбкой равнодушной,
Какъ яростный Тиѳей, отецъ Горгоны —
Сей исполинъ стоглавый и сторукій —
Громады горъ бросалъ къ его престолу,
Но женскихъ слезъ, слезъ кроткой красоты
Не въ силахъ онъ снести,—и радъ все сдѣлать,
Чтобъ не видать страданій и тоски
Прекраснаго и слабаго созданья.
И вотъ къ нему приступишь ты съ мольбой,
Чтобы тебѣ заранѣ онъ поклялся
Исполнить все, чего ты ни попросишь.
Настаивай и требуй непремѣнно,
Чтобъ Стиксомъ онъ поклялся — не иначе.
А ежели онъ Стиксомъ поклянется, —

Не властенъ онъ назадъ свое взять слово.
И ты тогда потребуй отъ него,
Чтобъ предъ тобой предсталъ онъ въ томъ убранствѣ,
Въ какомъ его лишь видятъ на Олимпѣ,
Въ какомъ его Юнона созерцаетъ
Скажи ему, что этимъ только можетъ
Онъ доказать свой санъ міродержавный.
А что пока ты ясно не увидишь,
Что онъ Зевесъ, — ему ты не позволишь
И край одеждъ твоихъ поцѣловать.
Ты не страшись, когда тебѣ онъ скажетъ,
Что не снесешь ты молній и громовъ,
Которые вокругъ него витаютъ.
Настаивай и требуй, и когда
Послушаетъ тебя онъ наконецъ, —
То и сама державная Юнона
Завидовать моей Семелѣ станетъ.

Семела.

Я не люблю спѣсивую Юнону.
Противная — съ бычачьими глазами!..
Мнѣ говорилъ Зевесъ, какъ онъ страдаетъ
Отъ ревности ея...

Юнона *(въ сторону съ гнѣвомъ)*.

О червь презрѣнный.
Я раздавлю тебя!.. Ты смѣешь...

Семела.

Что?
Что шепчешь ты?

Юнона. *(въ замѣшательствѣ)*.

Вступаюсь за Юнону...
Вѣдь у нея глаза совсѣмъ не дурны...

Семела.

Противные, противные глаза!..
И цвѣтъ лица у ней зелено-желтый
Отъ ревности... Мнѣ, право, жаль Зевеса,
Когда себѣ представлю, какъ Юнона
Всю ночь къ нему съ любовью пристаетъ
И ревностью терзаетъ цѣлый день, —
И мой Зевесъ, какъ будто Аксіонъ
На колесѣ...

Юнона. *(внѣ себя отъ гнѣва)*

Но замолчишь ли ты!

Семела.

Ты сердишься, Берoя! Развѣ я
Сказала ложь или такую глупость,
Что привела тебя въ негодованье?

Юнона.

Сказала ты неправду, дочь моя,
И не умно неправду ты сказала.
Не забывай, надъ кѣмъ смѣешься ты —
Надъ дочерью Сатурна — надъ богиней:
У ней вѣдь есть и алтари, и храмы;
Къ тому-жъ она, на землю нисходя,
Между людей является незримо:
Твои слова она услышать можетъ, —
И ты за нихъ потерпишь наказанье.

Семела.

Что-жъ? Пусть она слова мои услышитъ!
Я не боюсь Юноны мой Зевесъ
Сильнѣй ея — она ему подвластна,
И не дерзнетъ вредить его Семелѣ.

Но стоитъ ли о ней такъ долго спорить?..
Сегодня Зевсъ предстанетъ предо мной
Во всей своей божественной красѣ —
Въ сіяньи Олимпійскомъ, а Юнона
Пускай хоть въ адъ отправится...

Юнона *(въ сторону)*

Другая
Скорѣй ея туда отыщетъ путь.

(къ Семелѣ)

Да, дочь моя, она умретъ со злости,
Когда тебя увидитъ на Олимпѣ
Среди боговъ, когда по всей Элладѣ
Промчится слухъ, что Ѳивская царевна
Возведена Зевесомъ на Олимпъ...

Семела *(улыбаясь)*

Ты думаешь, что будто вся Эллада...

Юнона.

Отъ Аттики до Тира и Сидона
Изъ рода въ родъ прославлена ты будешь!
И алтари воздвигнутся тебѣ,
И съ трепетомъ преклонятся предъ ними
Всѣ племена Эллады. Сами боги
Падутъ къ стопамъ избранницы Кронида,
Когда взойдешь ты на Олимпъ...

Семела. *(въ восторгѣ бросаясь ней на грудь).*

Бероя!

Юнона.

О дочь моя, въ грядущихъ поколѣньяхъ
Ты будешь жить въ преданьяхъ, въ пѣснопѣньяхъ:

Въ народныхъ торжествахъ пѣвцы, подъ звуки лиръ,
Повѣдають Элладѣ изумленной,
Какъ царь боговъ, земной красой плѣненный,
Забывъ свой тронъ и весь надзвѣздный міръ,
Олимпа покидалъ священные предѣлы,
Чтобъ пасть съ мольбой къ ногамъ моей Семелы.

Семела.

О, еслибъ онъ опять ко мнѣ пришелъ!..

Юнона.

Въ годину бѣдъ народныхъ ты услышишь
Мольбы жрецовъ, народовъ и царей,
Взывающихъ къ избранницѣ Зевеса,
Да утишитъ она своей любовью
Гнѣвъ яростный его и да удержитъ
Карающую руку...

Семела.

О, клянусь,
Не будетъ онъ карать свои народы —
Я изгоню, повѣрь мнѣ, всякій гнѣвъ
Изъ сердца мнѣ покорнаго Зевеса:
Лишь на лицѣ открытомъ я замѣчу
Суровыхъ думъ иль гнѣва приближенье,
Или хоть тѣнь досады, недовольства, —
То ласками моими или смѣхомъ,
Иль шуткою, иль пѣсней и разсказомъ
Разглажу на челѣ его морщины
И возвращу улыбку на уста.
А ежели ни ласки, ни лобзанья
Не утишатъ его сердечной бури, —
И занесетъ онъ грозную десницу,
Чтобъ ниспослать на землю скорбь иль смерть, —
Я брошусь на колѣни передъ нимъ

И орошу горячими слезами
Его стопы, — и вымолю прощенье
Я племени несчастному людскому.
О, никогда и въ блескѣ и величьи.—
Въ семьѣ боговъ, на высотахъ Олимпа
Я Матери-Земли не позабуду —
Я не забуду скорбной сей юдоли,
Гдѣ родилась, гдѣ воспиталась я,
Я не забуду племени людскаго,
Рожденнаго для горькихъ нуждъ и бѣдствій: —
Я умолю Зевеса, чтобы онъ
Согналъ съ лица земли страданье, горе,
Болѣзни и раздоры, и содѣлалъ
Весь родъ людской счастливымъ!

Юнона *(въ сторону).*

Вотъ мечтанья
Ребенка добраго! Мнѣ жаль тебя,
Мнѣ жаль тебя, прекрасное дитя,
Но рѣшено, — и ты должна погибнуть, —
И подавить въ себѣ должна я жалость!

(къ Семелѣ)

Иди теперь отсюда—пусть Зевесъ
Здѣсь ждетъ тебя—пускай отъ ожиданья
Сильнѣе въ немъ жаръ страсти разгорится!

Семела.

О, еслибъ онъ пришелъ ко мнѣ скорѣй!
Бероя!.. Я ужъ вижу предъ собою
Толпы людей, склонившихся съ мольбою...
Вотъ сонмъ жрецовъ!.. Вотъ сонмъ земныхъ царей, -
Всѣ пали ницъ... Я слышу пѣснопѣнье,
Я вижу ѳиміамъ... и жертвоприношенья
На мраморѣ и златѣ алтарей!

(быстро уходитъ)

Юнона.

Тщеславное и слабое созданье!..
Сама идешь ты къ гибели своей:
Тебя сожгутъ Кроніона лобзанья,
Ты не снесешь лица его сіянья,
Ты не снесешь огня его очей!
А я, когда настанетъ мигъ желанный —
Тотъ мигъ, когда трупъ дѣвы бездыханный
Падетъ къ ногамъ властителя міровъ,
И онъ въ тоскѣ душевной ярой муки,
Въ отчаяньи надъ нимъ опуститъ руки, —
Я съ торжествомъ воскликну съ облаковъ:
«О пылкій Зевсъ! Смиряй свой пламень страстный,
Щади своихъ любимицъ молодыхъ!..
Ты погубилъ земной цвѣтокъ прекрасный —
Ты сжегъ его дыханьемъ устъ своихъ»!

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Зевесъ (*въ видѣ юноши*), Меркурій (*поодаль отъ него*

Зевесъ.

Сынъ Майи!

Меркурій.

Зевсъ!

Зевесъ.

Направь полетъ свой быстрый
На берега Скамандра: тамъ пастухъ
Надъ урною своей подруги плачетъ;
Никто не долженъ плакать въ тѣ мгновенья,
Когда любви блаженство я вкушаю, —
Такъ возврати его подругу къ жизни!

Меркурій

Въ единый мигъ твою исполню волю,
Въ единый мигъ назадъ я возвращусь!

Зевесъ.

Постой!... Когда я несся надъ Аргосомъ,
То чувствовалъ куренье ѳиміамовъ,
Возжженныхъ мнѣ на алтаряхъ народныхъ —
Я тронутъ былъ народною любовью...
Лети — скажи сестрѣ моей Церерѣ,
Чтобы она умножила въ Аргосѣ
Въ сто тысячъ разъ — отнынѣ на полвѣка —
Плоды земли.

Меркурій

Я трепещу Кроніонъ,
Когда лечу, чтобы повѣдать людямъ
Твой грозный гнѣвъ; но я ликую сердцемъ,
Когда твои щедроты имъ несу:
Творить добро — блаженство для боговъ:
Карать, казнить — ихъ власти злое бремя.
Но гдѣ, скажи, я предъ тобой повергну
Твоихъ щедротъ священные плоды —
Гдѣ принесу сердецъ благодаренье —
Здѣсь на землѣ, людей въ жилищѣ бренномъ,
Иль въ небесахъ, въ обители боговъ?

Зевесъ.

Здѣсь на землѣ, въ божественномъ жилищѣ —
Здѣсь на землѣ передъ моей Семелой!
Лети скорѣй!

(Меркурій удаляется)

Но гдѣ-жъ моя Семела?
Что-жъ не спѣшитъ она ко мнѣ на встрѣчу,
Чтобы прижать къ пылающей груди
Царя боговъ? Семела, гдѣ же ты?
Откликнись мнѣ!... Могильное молчанье
Въ ея дворцѣ!... Здѣсь раздавался прежде
Кликъ радости и страсти, и восторга,
Лишь въ храмину вступалъ я... А теперь
И шопоту не слышно — все затихло,
Все замерло... и не идетъ Семела
Въ объятія къ Зевесу своему, —
И въ облакахъ, на выси Киѳерона
Ревнивая Юнона торжествуетъ.

(Задумывается)

Все нѣтъ ея!... Но что же сталось съ ней?...
Ужъ сердце мнѣ предчувствіе тревожитъ...

Какая мысль!... Ужели дочь Сатурна
Успѣла здѣсь свои закинуть сѣти?..
Ужасное предчувствіе!... Юнона!...
Жестокая!... Ужель она дерзнула
Въ святилище любви моей проникнуть?..
Но что со мной? Чего страшуся я!
Кто повредить отважится Семелѣ?
Она моя, — и ни одна стихія
Ея главы коснуться не дерзнетъ.
Но нѣтъ ея!
Меня томитъ желанье
Здѣсь на груди Семелы успокоить
Мою главу — усталую главу —
Усталую отъ власти и величья —
Забыть, что я всевластный міродержецъ,
Отбросить скиптръ, вращающій мірами,
Забыть Олимпъ и тронъ, и колесницу,
И въ облакахъ гремящіе перуны, —
И потопить всѣ чувства въ наслажденьи.
Нѣтъ, и богамъ нѣтъ счастья безъ любви!...
Чтò безъ любви амброзія и нектаръ,
Чтò безъ нея и блескъ, и власть, и слава,
Чтò безъ нея безсмертіе и вѣчность?
Простой пастухъ, когда любви блаженство
Вкушаетъ онъ въ объятіяхъ подруги,
Ея на власть мою не промѣняетъ.
Но вотъ она!... Она идетъ ко мнѣ...
О перлъ моихъ созданій!... Самъ художникъ
Предъ дѣломъ рукъ своихъ благоговѣетъ!
Благоговѣй Семела предъ Зевесомъ —
Достоинъ онъ, достоинъ поклоненья:
Онъ сотворилъ твой образъ совершенный.
О, какъ теперь ничтожны и презрѣнны
Мнѣ кажутся міровъ моихъ громады,
Плывущія въ пространствѣ безпредѣльномъ!

О, какъ онѣ всѣ холодны, мертвы,
Предъ существомъ, душою одареннымъ!

(Входитъ Семела)

Мой тронъ, мое величіе — все прахъ —
Все прахъ, моя Семела!

(Устремляется къ ней на встрѣчу; она бѣжитъ отъ него)

Что съ тобой?
Ты отъ меня бѣжишь, бѣжишь, Семела,
Безмолвна и мрачна. Скажи хоть слово!

Семела.

Прочь отъ меня!..

Зевесъ.

Не сонъ ли вижу я?
Иль рушились законы міровые —
Не узнаю Семелы я моей:
Она меня встрѣчаетъ, какъ врага,
И прочь бѣжитъ въ ту самую минуту,
Когда я къ ней объятья простираю...
Опять молчишь!... О, вымолви хоть слово!...
Нѣтъ, никогда такой могучей страстью
Въ моей груди не волновалось сердце,
Когда я ждалъ прихода нѣжной Леды,
Нѣтъ, никогда въ объятіяхъ Данаи,
Иль дочери стыдливой Агенора
Не билося оно съ такою силой,
Какъ въ этотъ мигъ!

Семела.

Молчи, молчи, преступникъ!

Зевесъ. *(съ нѣжностью).*

Семела!

Семела.

Прочь! Иди, бѣги отсюда.

Зевесъ.

Но вспомни — я Зевесъ!

Семела.

Какъ? ты — Зевесъ?
И ты дерзнулъ назвать себя Зевесомъ!...
О, трепещи! Жди праведнаго гнѣва
Царя боговъ: онъ голосомъ громовымъ
Потребуетъ себѣ назадъ то имя,
Которое такъ нагло ты похитилъ...
Ты не Зевесъ!

Зевесъ.

Весь свѣтъ, все мірозданье: —
Весь сонмъ боговъ и звѣзды всѣ, и солнце
Меня зовутъ Зевесомъ міродержцемъ.

Семела.

Твои слова лишь небо оскорбляютъ.

Зевесъ.

Но расскажи, Семела, что съ тобой?
Кто отравилъ любовь твою сомнѣньемъ?

Семела.

Моя любовь принадлежитъ тому,
Чьимъ именемъ себя ты возвеличилъ
Передо мной. Но развѣ я не знаю,
Что люди, подъ личиною боговъ,
Насъ бѣдныхъ дѣвъ такъ часто обольщали!
Ты не Зевесъ, — иди же отъ меня!

Зевесъ.

Ужели ты, Семела, усомнилась,
Что я Зевесъ!

Семела.

О, еслибъ ты былъ онъ!...
Я никому изъ смертныхъ не позволю
Къ моимъ устамъ устами прикоснуться:
Любить могу я одного Зевеса.
О, отчего ты не Зевесъ!

Зевесъ.

Ты плачешь!
Ты слезы льешь, Семела, по Зевесѣ,
Когда онъ въ прахъ простерся предъ тобой.
Прекрасная! Скажи одно лишь слово,
И предъ тобой преклонится весь міръ.
Вели, — и весь уставъ и строй природы
Измѣнится, по слову твоему:
Отхлынутъ вспять къ своимъ истокамъ воды,
И погрузится міръ въ бездѣйствіе и тьму,
И разцвѣтутъ нагихъ степей пустыни
Въ единый мигъ, лишь слово скажешь ты,
Вели, — и горъ кремнистыя твердыни —
Кавказъ и Тавръ, порвавъ свои хребты,
Всколеблются, съ подножія сорвутся
И съ гуломъ громовымъ въ долины понесутся,
И задрожитъ земля, и лютый ураганъ
Подниметъ до небесъ ревущій океанъ,
И въ яростной борьбѣ возстанутъ всѣ стихіи,
И дрогнетъ сводъ небесъ отъ грохота громовъ,
Расторгнутся всѣ связи міровыя,
Разрушится гармонія міровъ,
И вся вселенная въ предсмертномъ содроганьи
Смѣшается въ хаосъ, — и рухнетъ мірозданье...

Вели, — и оживетъ природа предъ тобой,
И вновь созиждется вселенной дивный строй!...
Скажи, — и въ мигъ одинъ разрушится все снова!..
Прекрасная! Скажи одно лишь слово!

Семела.

Когда бъ ты былъ всевластный царь Олимпа,
Ты предо мной колѣнъ не преклонилъ бы:
Я женщина — созданіе Зевеса,
А можетъ ли художникъ преклоняться
Предъ статуей, самимъ имъ изваянной?

Зевесъ.

Пигмаліонъ въ восторгѣ преклонялся
Передъ своимъ созданьемъ; царь Олимпа,
Я предъ моей Семелой преклоняюсь.

Семела.

Встань! Ты не царь Олимпа. Громовержецъ
Тамъ высоко: надъ нами онъ теперь
Среди боговъ на тронѣ возсѣдаетъ:
На насъ съ высотъ заоблачныхъ взирая,
Смѣется онъ надъ дѣвой легковѣрной
Надъ червякомъ, ползущимъ по землѣ —
Надъ червякомъ дерзнувшимъ возмечтать,
Что овладѣлъ онъ сердцемъ Олимпійца,
Властителя вселенной.

Зевесъ.

Но Зевесъ
У ногъ твоихъ!...

Семела.

Не вѣрю я, не вѣрю:
Ты обманулъ меня! Позоръ и стыдъ:
Ты смертный!

Зевесъ.

Я Зевесъ (*простираетъ руку, — въ комнатѣ является радуга*).

Теперь ты вѣришь?

Семела.

Сильна рука, поддержанная богомъ!
Ты человѣкъ, любимый громовержцемъ,
Но все же ты не богъ, а человѣкъ,
И не могу тебѣ отдать я сердце.

Зевесъ.

Тебя еще сомнѣніе тревожитъ:
Ты думаешь, что не своею силой,
А властію, мнѣ данной Олимпійцемъ,
Я низвожу сіяніе небесъ
Къ твоимъ ногамъ. Но знай, моя Семела,
Что боги власть свою ввѣряютъ людямъ
Лишь на добро, но силы разрушенья
Имъ не даютъ: одни лишь боги властны
Чудесною стихій небесныхъ силой
Карать, губить и ужасать людей.

(*Простираетъ руку,—громъ, пламя, дымъ, землетрясеніе*).

Семела.

Довольно, о, довольно! Сжалься, сжалься
Надъ бѣдными людьми!... Ты сынъ Кронида.

Зевесъ.

О женщина упрямая! Ужели,
Чтобъ угодить всѣмъ прихотямъ твоимъ
Уставъ природы долженъ я нарушить,

И въ первый разъ, съ начала мірозданья,
Свѣтило дня съ небесной тверди сдвинуть?!

(Простираетъ руку,—солнце заетъ—внезапная тьма).

Семела.

Всевластный духъ!... Когда-бъ ты могъ любить!

(Солнце опять показывается).

Зевесъ.

Могу ли я любить?.. О, если хочешь,
Я отъ себя откину божество.
Чтобъ умереть, чтобъ быть тобой любимымъ.

Семела.

Но можетъ ли Зевесъ переродиться?

Зевесъ.

Ты хочешь? Я готовъ: я все исполню
По манію руки твоей!..

Семела.

Кроніонъ!
Я слышала, что надо мной смѣются
Всѣ женщины въ несчастномъ Эпидаврѣ,
И говорятъ, что будто громовержецъ
Не слушаетъ ни въ чемъ своей Семелы...

Зевесъ.

Пусть будетъ стыдно женамъ Эпидавра
Такъ говорить. Скажи, чего ты хочешь,
И я клянусь самимъ всемощнымъ Стиксомъ,
Симъ божествомъ, чьей волѣ безграничной
И божества подвластны — да, клянусь

Исполнить все, что мнѣ велитъ Семела,
И если я свое нарушу слово,
То съ пламенемъ и громомъ предъ тобой
Отторгнется навѣки божество
Отъ твоего Зевеса...

Семела.

О, теперь
Я наконецъ узнала громовержца!
Ты поклялся мнѣ Стиксомъ... О, позволь
Обнять тебя, обнять, какъ дочь Сатурна
Царя боговъ привыкла обнимать...

Зевесъ *(вскрикиваетъ въ ужасѣ).*

Несчастная!.. Не подходи ко мнѣ!

Семела.

Но я хочу обнять тебя...

Зевесъ.

Молчи!

Семела.

Но ты искалъ моихъ объятій!

Зевесъ *(блѣдный быстро отступаетъ отъ нея).*

Поздно!..
Все кончено — ужъ слово прозвучало!..
Ужасный Стиксъ!.. Семела, ты погибла —
Сама себѣ ты выпросила смерть!

Семела.

Такъ вотъ любовь Зевеса!

Зевесъ.

Землю, небо

И все, и все я отдалъ бы, Семела,
Чтобъ менѣе любить тебя!

Семела.

Зевесъ...

Зевесъ.

О, торжествуй ревнивая Юнона:—
Пресыщена ты мщеньемъ! Эта роза
Такъ молода, свѣжа и такъ прекрасна,
И ужъ должна завянуть и изсохнуть!

Семела.

Я понела тебя: ты не желаешь
Явиться мнѣ въ величьи Олимпійскомъ.

Зевесъ.

Проклятіе величью моему: —
Оно тебя сгубило невозвратно!
Проклятіе моимъ мечтамъ безумнымъ —
Я основать хотѣлъ мое блаженство
Въ земной пыли — въ юдоли разрушенья.

Семела.

Зачѣмъ пугать меня? Я не боюсь
Твоихъ угрозъ!...

Зевесъ.

Безумное дитя!
Поди — скажи послѣднее прости
Своимъ младымъ подругамъ — ты умрешь!
Ничто теперь спасти тебя не можетъ: —
Я твой Зевесъ — люблю тебя — ты знаешь,
Но даже я спасти тебя не въ силахъ.

Семела.

О божество завистливое, Стиксъ!
Ты отъ меня не ускользнешь.

(Семела уходитъ,

Зевесъ.

Нѣтъ, нѣтъ!
Не будешь ты торжествовать, Юнона!
Той властiю, что небеса и землю
Содѣлала подножiемъ моимъ,
Низрину я тебя съ высотъ Олимпа,
И на цѣпи алмазной прикую
Къ нагой скалѣ среди пустыни дикой,
Куда къ тебѣ во вѣки не проникнетъ
Ни человѣкъ, ни звукъ живой... Клянусь...

(Меркурiй показывается въ отдаленiи).

Къ чему ты такъ поспѣшно возвратился?

Меркурiй.

Чтобъ принести тебѣ благодаренья
Отъ тѣхъ, кого щедротами своими
Заставилъ ты лить радостныя слезы...

Зевесъ.

Возьми назадъ у нихъ мои щедроты!

Меркурiй. *(въ изумленiи).*
Зевесъ!...

Зевесъ.

Никто не долженъ счастливъ быть:
Семела умираетъ...

21 iюля 1867 г.

IV.

НЕЗНАКОМЕЦЪ.

НЕЗНАКОМЕЦЪ.

(Изъ Romancero).

На лугу предъ древнимъ зàмкомъ,
На скамьѣ, въ тѣни оливы
Донья Гарція сидѣла
И глядѣла въ даль тревожно.
Вотъ глядитъ она и видитъ:
Мимо зàмка ѣдетъ рыцарь,
Съ головы до ногъ закованъ
Въ латы крѣпкія стальныя,
Съ головы до ногъ покрытый
Ѣдкой ржавчиной и пылью;
Конь подъ нимъ едва ступаетъ
Утомленъ походомъ дальнимъ.
Увидавъ его, синьйора
Со скамьи поспѣшно встала
И стопою торопливой
Подошла къ рѣшеткѣ зàмка.

—«Рыцарь, рыцарь, добрый рыцарь!..
Отчего ты ѣдешь мимо?
Отчего въ мой зàмокъ мирный
Завернуть съ пути не хочешь»?

Такъ въ волненьи и тревогѣ
Громко къ путнику взывала
Донья Гарція. И путникъ
Слѣзъ съ коня неторопливо

И приблизился съ поклономъ
Къ доньѣ Гарціи прекрасной.

— Ты усталъ съ дороги, рыцарь,
Донья Гарція сказала,
Отдохни же въ этомъ замкѣ,
Подкрѣпись виномъ и пищей!..
Добрый рыцарь! ты навѣрно
Возвращаешься въ свой замокъ
Изъ похода противъ Мавровъ, —
Такъ, молю тебя, скажи мнѣ,
Гдѣ мой мужъ?.. Уже три года,
Какъ о немъ пропали слухи...

— Но скажите мнѣ, синьйора,
Кто вашъ мужъ и опишите
Точно всѣ его примѣты...

— Мужъ мой — рыцарь, графъ донъ-Гарцій;
Онъ высокъ, прекрасенъ, строенъ,
Храбръ, уменъ, любезенъ, ловокъ...
На устахъ его играетъ
Вѣчно-свѣтлая улыбка;
Надъ челомъ его высокимъ
Вьются шелковыя кудри —
Свѣтлорусыя, густыя,
И горятъ, какъ звѣзды ночи,
У него младыя очи,
Очи темно-голубыя.

— Знаю я, и кто не знаетъ
Графа Гарція!.. Съ нимъ вмѣстѣ
Мы сражались подъ Кордовой:
Тамъ, въ глазахъ моихъ, донъ-Гарцій
Изувѣченъ былъ врагами.

Видѣлъ, видѣлъ я синьйора,
Какъ одинъ наѣздникъ маврскій
Остріемъ копья стальнаго
Въ правый глазъ ему ударилъ,
А другой мечомъ дамасскимъ
Отрубилъ однимъ ударомъ
Руку правую по лòкоть.
И упалъ съ коня на землю
Вашъ супругъ, покрытый кровью,
И изъ статнаго красавца
Сталъ онъ вдругъ уродъ уродомъ.
Одноглазый, однорукій
Онъ достался въ плѣнъ Арабамъ
И живетъ теперь въ Кордовѣ.
Тамъ отъ вѣры Христіанской,
Отъ родныхъ и отъ отчизны
Онъ отрекся предъ Кораномъ, —
И за то въ такую милость
И любовь вошелъ къ калифу,
Что теперь въ его палатахъ
Онъ живетъ и утопаетъ
Въ нѣгѣ, роскоши, весельи...
Далъ ему калифъ въ подарокъ
Четырехъ красавицъ юныхъ, —
И вступилъ донъ-Гарцій съ ними
Въ мусульманскій бракъ постыдный.
И въ горячихъ ихъ объятьяхъ
Онъ забылъ и васъ синьйора,
И вашъ зàмокъ мирный, тихій,
И страну свою родную.

— Горе, горе мнѣ несчастной!
Я навѣкъ вдовой осталась...
Цѣлый вѣкъ я стану плакать
По своемъ несчастномъ мужѣ!

Такъ сказала, тихо плача,
Донья Гарція въ печали
И дрожащими руками
Очи влажныя закрыла.

— «Не печальтесь такъ синьйора,
Молвилъ рыцарь, поправляя
На себѣ свой шлемъ пернатый:
Съ вашей дивной красотою
Вы останетесь недолго
Скорбной, плачущей вдовицей: —
Лишь примчится слухъ въ столицу,
Что свободны вы, графиня,
Какъ взволнуется тревожно
Изъ конца въ конецъ все царство,
И полны надеждой сладкой,
Всѣ сердца любовью вспыхнуть, —
И придутъ толпой влюбленной
Къ вамъ и рыцари, и гранды,
И съ мольбою нѣжной, страстной
Вокругъ васъ тѣсниться станутъ
Женихи съ утра до ночи.
Первый я — простите дерзость
Предложить хочу вамъ руку.
Вѣрьте мнѣ, ничѣмъ не хуже
Я донъ-Гарція: клянусь вамъ,
Я, какъ онъ, богатъ и знатенъ,
Я какъ онъ и храбръ, и молодъ;
Я ему не уступаю
Ни красой, ни даромъ слова,
Ни любезностью веселой;
Что-жъ до роста и до стана,
То и сами вашимъ взоромъ
Ростъ мой можете вы смѣрить
И моимъ красивымъ станомъ

От҄ъ души полюбоваться.
Что-жъ вы плачете, синьйора?..
Вѣроломный вашъ донъ-Гарцій
Недостоинъ этой чести:
Онъ, по совѣсти, не стоитъ
Ни одной слезинки вашей.
Онъ себя тройной измѣной
Запятналъ предъ всей страною:
Измѣнилъ своей онъ вѣрѣ,
Измѣнилъ своей отчизнѣ,
Измѣнилъ женѣ прекрасной...
Ахъ одно лишь ваше слово,
Лишь одинъ вашъ взглядъ привѣтный—
Взглядъ одинъ, — и я навѣки
Здѣсь у вашихъ ногъ останусь
Вашимъ плѣнникомъ послушнымъ
И любовію моею
И заботливой, и нѣжной,
И почтительной, и страстной
Воскрешу я вашу душу
Отъ унынія и скорби—
Исцѣлю всѣ раны сердца!..
Взглядъ одинъ, и я мгновенно
Для одной для васъ забуду
Цѣлый міръ — одно лишь чувство
Я въ душѣ лелѣять стану —
Пламень страсти свѣтлый, чистый
Къ вамъ, чистѣйшая изъ женщинъ!
Если-жъ вы моимъ моленьямъ
Не хотите внять, синьйора, —
То введете въ грѣхъ ужасный
Вы меня отказомъ вашимъ:
Здѣсь — предъ вашими глазами —
Я моимъ мечомъ толедскимъ

Усмирю въ себѣ навѣки
Сердца нѣжнаго мученья...

— Рыцарь, рыцарь, для чего ты
Говоришь такія рѣчи!
Ахъ, повѣрь мнѣ, ни мольбами,
Ни прельщеньями, ни лестью
Не зажжешь въ моемъ ты сердцѣ
Бурный пламень новой страсти:
Ахъ, повѣрь, одной душою
Я любить двоихъ не въ силахъ, —
И донъ-Гарцію до гроба
Я женой останусь вѣрной!
Пусть лишился онъ несчастный
Красоты своей навѣки,
Пусть измѣной заплатилъ мнѣ
За любовь мою и вѣрность,
Пусть меня для женъ презрѣнныхъ
Разлюбилъ и позабылъ онъ;
Но не въ силахъ я, не въ правѣ
Разлюбить его. Ужели
Отплатить ему рѣшуся
Я измѣной за измѣну?
Нѣтъ, никто, ничто не въ силахъ
Потушить во мнѣ то пламя —
Пламя чистое, святое,
Что̀ въ моемъ пылаетъ сердцѣ
Съ той поры, какъ полюбила
Я донъ-Гарція: то пламя
Лишь съ моей угаснетъ жизнью.
И меня своей любовью
Ты теперь утѣшить хочешь
И сулишь мнѣ въ дняхъ грядущихъ
Счастье новое и радость!
Нѣтъ, мое исчезло счастье,

Безвозвратно скрылась радость;
Опустѣлъ и опостылѣлъ
Для меня весь міръ отнынѣ!...
Ахъ, когда-бъ была я въ силахъ
Съ этой жизнью распроститься:
Чтò мнѣ въ ней, когда донъ-Гарцій
Разлюбилъ меня и бросилъ!...
Завтра... нынче же покину
Я постылый этотъ замокъ —
Навсегда разстанусь съ міромъ
И одна съ своей тоскою
Въ монастырь укроюсь дальній!
Тамъ запрусь я въ кельѣ тѣсной,
Буду лить ручьями слезы,
Лить, пока всю жизнь, всю душу
Я не выплачу слезами!...

— Не спѣшите такъ, синьйора,
Въ монастырь — побудьте съ нами!
Молвилъ рыцарь-незнакомецъ,
И съ веселымъ, звонкимъ смѣхомъ,
Поднялъ онъ съ лица забрало, —
И къ нему на шею съ крикомъ,
Съ крикомъ радости внезапной,
Быстро бросилась графиня,
И лаская и лобзая,
Увлекла его въ свой зàмокъ.

V.

ПЛѢННИКЪ.

(ОТРЫВОКЪ).

ПЛѢННИКЪ.

Испанская сказка.

(Изъ Romancero).

Горько плакали Французы,
Горько плакалъ Карлъ Великій,
Вѣсть узнавши роковую
О побоищѣ несчастномъ
При ущельяхъ ронсевальскихъ:
Тамъ отборная дружина
Храбрыхъ рыцарей французскихъ
Вся погибла въ лютой сѣчѣ —
Въ битвахъ съ полчищами мавровъ;
Тамъ легли на полѣ чести
Храбрецы - любимцы Карла —
Всѣ его двѣнадцать пэровъ;
Тамъ отъ всей французской рати
Лишь одинъ въ живыхъ остался
Графъ Гварѝносъ, славный воинъ;
Да и тотъ съ разбитой броней,
Безъ щита и весь израненъ
Былъ захваченъ въ плѣнъ врагами.

Былъ Гварѝносъ молодъ, статенъ,
Былъ высокъ, красивъ и силенъ,
Былъ давно извѣстенъ Маврамъ
Онъ высокою отвагой.
И когда Гвариносъ, плѣнный
Приведенъ былъ съ поля битвы

Предъ вождей невѣрной рати,
За него вступили въ распрю
Повелители невѣрныхъ:
Всѣмъ былъ любъ Гварѝносъ смѣлый,
И хотѣлъ межъ ними каждый,
Чтобъ ему во власть достался
Плѣнный рыцарь, знатный родомъ,
Славный доблестью и силой.
Наконецъ, они рѣшили
Кончить споръ и бросить жребій.
И семь разъ бросали жребій
По Гварѝносѣ прекрасномъ
Мусульманскіе владыки.
И семь разъ желанный жребій
Выпадалъ, по волѣ счастья,
Ихъ калифу Марлотѐцу.

Марлотѐцъ, веселья полонъ,
Взоромъ радостнымъ и гордымъ
Съ головы до ногъ окинулъ
Донъ - Гварѝноса и молвилъ:

— Слушай, храбрый графъ Гварѝносъ!
Ты теперь мой вѣчный плѣнникъ,
Вѣчный рабъ. Теперь я властенъ
Заковать тебя въ оковы
И продать другому въ рабство,
Иль казнить позорной казнью,
Иль отдать на растерзанье
Львамъ и тиграмъ разъяренным ъ...
Я могу тебя, Гварѝносъ,
Истомить работой тяжкой,
Тяжкой, низкой и постыдной:
Будешь ты впряженъ въ телѣгу,
Будешь ты возить, какъ кляча,

И известку, и каменья,
Иль въ подземныхъ рудокопняхъ,
Смраднымъ рубищемъ покрытый,
Будешь ты до самой смерти,
Наряду съ рабомъ преступнымъ,
Низкимъ дѣломъ запятнаннымъ,
Землю рыть съ утра до ночи,
Задыхаясь, какъ въ могилѣ,
Въ мрачномъ, душномъ подземельи.
Но клянусь тебѣ Аллахомъ,
Храбрый, честный мой Гвариносъ,
Не хочу твоей я смерти;
Не хочу я сердце тѣшить,
На твои взирая муки;
Не хочу, чтобы мой плѣнникъ,
Отрасль предковъ благородныхъ,
Былъ поруганъ на чужбинѣ...
Ты пришелся мнѣ по сердцу,
Ты плѣнилъ меня, Гвари́носъ,
Удальствомъ своимъ, отвагой
Гордымъ взоромъ, смѣлой рѣчью
И осанкой благородной.
Лишь одно въ тебѣ, Гвари́носъ,
Не по мнѣ: ты Христіанинъ!
Я тебя осыплю златомъ,
Возвращу тебѣ свободу,
Подарю тебѣ я въ жены
Дочерей моихъ прекрасныхъ,
А въ приданое за ними
Отдѣлю тебѣ полцарства,
Лишь, молю тебя, исполни
Ты одно мое желанье: —
Отрекись передъ Кораномъ
Отъ своей неправой вѣры —

Будь какъ я — такимъ же Мавромъ
По обычъямъ и закону.

Усмѣхнулся плѣнный рыцарь,
И въ отвѣтъ на рѣчь калифа,
Онъ сказалъ:

— Ты, вѣрно, шутишь
Надо мной, король невѣрныхъ.
Если-жъ ты такія рѣчи
Не шутя со мной заводишь,
То — скажу тебѣ я прямо —
Видно, ты съ ума рехнулся
Послѣ битвы ронсевальской.
И не диво, что сегодня
Ты отъ радости нежданной
Потерялся, обезумѣлъ:
Въ первый разъ твои Арабы
Взяли верхъ надъ нами въ битвѣ.
Если-жъ ты съ ума сегодня
Не сошелъ, то, полагаю,
Безъ него на свѣтъ родился.
Еслибъ въ разумѣ ты полномъ
Былъ теперь, то не посмѣлъ бы
И во снѣ подумать, нехристь,
Чтобы я, я — графъ Гвари́носъ
Могъ твоимъ прельститься златомъ
И мою святую вѣру
Промѣнять, тебѣ въ угоду,
На законъ твой нечестивый.
Нѣтъ, законъ свой христіанскій
Не продамъ я ни за злато,
Ни за царскую корону,
Ни за жизнь, ни за свободу!

Поблѣднѣлъ калифъ надменный,
Задрожалъ отъ злобы лютой,
Рѣчь Гвари́носа услышавъ,
И велѣлъ своимъ Арабамъ
Заковать его въ желѣза
И отвесть въ свою столицу,
Въ крѣпкій городъ Сарагоссу.

Тамъ въ подземную темницу
Заключенъ былъ донъ-Гвари́носъ.
И семь лѣтъ томился узникъ,
Свѣта Божьяго не видя,
Въ душной, смрадной той темницѣ,
Погруженъ въ водѣ по плечи,
Скованъ тяжкими цѣпями.
И въ тѣ дни, когда для Мавровъ
Наступалъ великій праздникъ
Въ честь и въ память ихъ пророка,
Въ дни ихъ игрищъ и веселья, —
Приходилъ палачъ въ темницу,
И ругаяся надъ плѣннымъ,
Плоть его терзалъ нещадно
И бичами, и желѣзомъ.

Ужъ прошла восьмая осень
Съ той поры, какъ графъ Гвари́носъ
Былъ въ плѣну у Марлотеца.
Вотъ пріѣхалъ въ Сарагоссу
Именитый гость съ Востока —
Сынъ Багдадскаго калифа.
И хотѣлъ предъ нимъ похвастать
Марлотецъ своей дружиной —
Показать проворство, ловкость,
Силу мышцъ и мѣткость глаза
Удалыхъ своихъ Арабовъ.

И велѣлъ онъ столбъ поставить
Вышиной въ четыре мачты
И прибить къ его вершинѣ
Мѣдный щитъ гвоздемъ въ три пяди.
И въ тотъ щитъ своей дружинѣ
Приказалъ пускать онъ стрѣлы,
Чтобы сбить его на землю.

И съ утра и до заката,
Цѣлый день стрѣляли Мавры
Въ Марлотецевъ щитъ блестящій,
Но пернатыя ихъ стрѣлы
До щита не долетали.

Цѣлый день смотрѣлъ въ молчаньи
Сынъ Багдадскаго калифа
На напрасныя усилья
Марлотецевой дружины.
Наконецъ, когда ужъ солнце
Приближалося къ закату,
Громко онъ расхохотался
И сказалъ, смѣясь, калифу:

— Ну, калифъ, пора ужъ кончить
Эту долгую потѣху:
Головой тебѣ ручаюсь,
Никому изъ здѣшнихъ Мавровъ
Не попасть стрѣлой изъ лука
Въ эту цѣль: они не въ силахъ,
Точно малые ребята,
Натянуть рукою слабой
Тетиву тугую лука
Видно, воздухъ, солнце, небо
Или, можетъ-быть (кто знаетъ!),
И вино страны испанской
Ихъ изнѣжило чрезъ мѣру,

И они изъ кровныхъ Мавровъ
Въ Готовъ всѣ переродились.

Вспыхнулъ гнѣвомъ въ гордомъ сердцѣ,
Рѣчь обидную услышавъ,
Марлотецъ; но ни полслова
Не сказалъ въ отвѣтъ онъ гостю,
Только стиснулъ крѣпко зубы,
Засверкалъ свирѣпо взоромъ,
И всадивъ глубоко шпоры
Въ своего коня степнаго,
Въ свой дворецъ одинъ помчался.
И такой указъ народу
Написалъ, дрожа отъ злобы:

«Марлотецъ, калифъ испанскій,
Объявляетъ всѣмъ Арабамъ:
Да никто изъ правовѣрныхъ
Не дерзнетъ коснуться пищи,
Не дерзнетъ и сну предаться...
. . . .
Груди матери устами...
. . . .
Не сшибетъ стрѣлой изъ лука
Щитъ Калифа Марлотеца.»

И глашатаи за утро
Огласили съ трубнымъ звукомъ
По всѣмъ стогнамъ Сарагоссы
Волю грозную калифа.

И услышалъ въ подземельи
Надъ собою графъ Гвариносъ
Конскій топотъ непрестанный
И толпы народной крики,

И воскликнулъ со слезами
Плѣнный рыцарь:

— Боже, Боже!
Видно, нынче снова праздникъ
У Арабовъ окаянныхъ,
И придетъ ко мнѣ въ темницу
Мой мучитель изступленный,
И весельемъ лютымъ полонъ,
Плоть мою терзать онъ станетъ!..

— Нѣтъ, ошибся ты, Гвари́носъ,
Возразилъ со злобнымъ смѣхомъ
Заключенному тюремщикъ,
Не придетъ къ тебѣ сегодня
Твой мучитель: нынче будни.

— Отчего-жъ, спросилъ Гвари́носъ,
Надъ собой теперь я слышу,
Будто ропотъ волнъ бѣгущихъ,
Шумъ глухой толпы народной,
Отчего надъ подземельемъ
Вся земля дрожитъ и стонетъ?

— Оттого, сказалъ тюремщикъ,
Что теперь со всей Кордовы
Собрался народъ на площадь...
. . . .
Лишь окончилъ рѣчь тюремщикъ,
Какъ Гвари́носъ, весь въ тревогѣ,
Такъ воскликнулъ, потрясая
Ненавистными цѣпями:

— Ахъ, когда бы былъ со мною
Боевой мой конь ретивый
Да копье мое, да шпоры,

На коня-бъ вскочилъ я мигомъ,
И вонзивъ въ бока крутые
Шпоры острыя стальныя,
Быстрымъ вихремъ полетѣлъ бы
Я по площади широкой
И копьемъ моимъ тяжелымъ,
На скаку, свалилъ бы сразу
Марлотецевъ щитъ на землю.

— Гдѣ тебѣ! сказалъ тюремщикъ,
Ужъ семь лѣтъ, какъ ты въ оковахъ
Въ подземельи здѣсь томишься:
Ты разслабъ уже всѣмъ тѣломъ
Отъ оковъ и истязаній,
И въ тебѣ не хватитъ силы
Совладать съ копьемъ тяжелымъ.
Да и конь-то твой ретивый
Былъ конемъ давно когда-то,
А теперь, забитъ, замученъ,
Изнуренъ въ работѣ тяжкой,
Сталъ онъ хуже всякой клячи.
....

VI.

РУСЬ И ЗАПАДЪ.

РУСЬ И ЗАПАДЪ.

Когда въ предѣлы Палестины,
Неся огня и смерти адъ,
Свирѣпо вторглись Сарацыны
И ворвались въ священный градъ:
И прахъ страны обѣтованья,
И храмъ святой, и гробъ Христовъ
Тогда достались въ поруганье
Толпѣ суровыхъ пришлецовъ.
Прошли вѣка со дня плѣненья,
И къ рубежу священныхъ мѣстъ
Никто не шелъ на избавленье,
И только новаго гоненья
Послалъ имъ Богъ тяжелый крестъ.
Послалъ на чадъ Христовой вѣры
Онъ племя новыхъ мусульманъ,
И мукамъ ихъ не стало мѣры
И все низвергъ, попралъ Коранъ.

Тогда изъ стѣнъ Ерусалима,
Стыдомъ и ужасомъ гонимъ,
Въ предѣлы царственнаго Рима
Явился нѣкій пилигримъ.
Огонь наитія святаго
Горѣлъ у странника въ глазахъ,
И съ скорбной вѣстью горя злаго
Къ стопамъ Намѣстника Петрова
Онъ палъ, въ стенаньяхъ и слезахъ.

Онъ говорилъ, что зрѣлъ видѣнье,
Что съ неба гласъ къ нему сошелъ
И возвѣстилъ, что день спасенья
Страны Сіонскія пришелъ;
Что волю Вышняго Владыки
Сей райскій гласъ открылъ предъ нимъ, —
Да ополчатся всѣ языки
И двинутъ рать въ Ерусалимъ.
И повелѣлъ, да возвѣстится
Его святая воля та
Вездѣ, гдѣ Гробъ Господень чтится,
Гдѣ вѣрятъ въ Господа Христа,
Да знаютъ всѣ о поруганьи
Обѣтованныя страны,
И придутъ въ гнѣвъ и содроганье
Христовы вѣрные сыны.

И рекъ Апостольскій Намѣстникъ,
Смущенный вѣстію святой:
«Иди-жъ ты въ путь, Господень вѣстникъ!»
И онъ пошелъ въ путь дальній свой.
И шелъ онъ отъ моря до моря,
Переходилъ изъ града въ градъ
Всѣмъ возвѣстить святое горе
И ополчить Христовыхъ чадъ.
И слово странника-витіи
Отъ снѣжныхъ Альпъ до Пириней,
Отъ Рейнскихъ струй до Византіи
Сзывало нищихъ и царей
Подвигнуть мечъ за Божье дѣло;
И какъ торжественный набатъ,
Оно надъ міромъ прогремѣло:
Все поднялось, все закипѣло,
Все шло спасать Священный Градъ.

И содрогнулись Сарацыны
Предъ ополченіемъ святымъ,
И Крестоносцы - Паладины
Взошли въ Святой Ерусалимъ.
И что-жъ?.. — Для подвига святаго,
Для цѣлей чистыхъ, неземныхъ
Была душа въ нихъ неготова:
Нечисто сердце было въ нихъ.

Душѣ ихъ было слишкомъ много
Стремленій суетныхъ дано,
И жить для міра и для Бога
Они хотѣли заодно:
Чтя древній рыцарскій обычай,
Они землей страны святой,
Какъ бранной, прибыльной добычей,
Дѣлились шумно межъ собой.

Но тотъ, кто изгналъ дерзновенныхъ
Во храмъ пришедшихъ торжниковъ,
Исторгъ изъ рукъ непосвященныхъ,
Священный прахъ и гробъ Христовъ,
Закрылъ врата святаго храма
Предъ ополченіемъ святымъ,
И вновь поборники Ислама
Взошли въ святой Ерусалимъ.

И долго, праздные душою,
Ища добычи и войны,
Одною силой, просто съ бою
Вновь овладѣть святой землею
Пытались Запада сыны.
Но духъ геройскихъ предпріятій
Въ нихъ понемногу унялся,

И роду новому занятій
Степенный Западъ предался:
Въ пылу текущихъ дѣлъ привычныхъ,
Въ чаду промышленныхъ тревогъ,
Подъ шумъ и громъ машинъ фабричныхъ
И свистъ желѣзныхъ тѣхъ дорогъ,
Въ мірскомъ и суетномъ волненьи,
Забыли Запада сыны
О святотатственномъ плѣненьи
Обѣтованныя страны.

Но чуждый споровъ и волненій
И гордыхъ Запада заботъ,
Вдали отъ нихъ, въ уединеньи
Жилъ юный, дѣвственный народъ.
Сосѣдей распри и печали,
Мірскихъ утѣхъ ихъ блескъ и шумъ
Его души не волновали,
И долго, долго не смущали
Его величественныхъ думъ.

Дичился онъ вступить въ ихъ сферу,
Въ міръ гордыхъ думъ и гордыхъ дѣлъ
И только пламенную вѣру
Себѣ въ смиренный взялъ удѣлъ.
И съ дѣтской сердца простотою,
Онъ весь, онъ весь отдался ей,
Всѣмъ сердцемъ, всей своей душою
И всею мыслію своей.
И корни всѣ духовной гнили,
Все, что нечисто было въ немъ,
На лонѣ вѣры, какъ въ горнилѣ,
Сожглось божественнымъ огнемъ.

Свое предчувствуя призванье,
Свой умъ отъ міра отчуждя,
Хранилъ онъ долгое молчанье,
Замкнувшись тихо самъ въ себя.

И въ думъ своихъ безбрежныхъ море
Поникъ душой онъ глубоко,
И злымъ врагамъ своимъ на горе,
Въ своей равнинѣ, на просторѣ,
Разросся вольно, широко.
Вокругъ него все измѣнялось,
Кипѣло, жило, изжилось
И бурно жизнью наслаждалось,
А онъ въ тиши все росъ, да росъ;
Проросъ слои лѣсовъ дремучихъ,
Проросъ Уралъ, проникъ въ Сибирь,
И вдругъ избытокъ силъ могучихъ
Въ себѣ почуялъ богатырь.
Почуялъ онъ, что часъ священный,
Часъ славныхъ дѣлъ его настал,
И вдругъ предъ Западъ изумленный
Могучъ и грозенъ онъ предсталъ.

И съ той поры, съ кѣмъ онъ ни спорилъ,
Куда во гнѣвѣ ни шагнулъ,
Вездѣ стопамъ могучимъ вторилъ
Побѣдъ и славы грозный гулъ.
И въ грозный споръ борьбы неравной
Готова Русь опять вступить.
Приходитъ часъ, нашъ подвигъ главный,
Нашъ высшій подвигъ совершить!
Сей подвигъ славный, подвигъ новый
Самъ Царь повелѣваетъ намъ:
Во славу Церкви онъ Христовой
Велѣлъ идти въ походъ Крестовый
Своимъ воинственнымъ сынамъ.

И зову Царскому внимая,
Сознавъ призванiе свое,
Подвиглась грозно Русь святая,
И къ брегу древняго Дуная
Дружины хлынули ея.
И полны бранною отвагой,
Герои сѣверныхъ дружинъ
Лицомъ къ лицу сошлись съ ватагой
Исчадья дикихъ Сарацынъ.
И предъ отвагою спокойной
Могучихъ сѣверныхъ полковъ,
Предъ ихъ громадой грозно-стройной
Остыла удаль крови знойной
Свирѣпыхъ Азiи сыновъ,
Остылъ сирiйскаго героя
Отважныхъ думъ наемный пылъ,
И погрузясь въ раздумье злое,
Стамбулъ притихъ и прiунылъ.

Но кто же заодно съ Стамбуломъ
Вперилъ на насъ взоръ злобный свой?
Кто славы русской новымъ гуломъ
Смущенъ, какъ вѣстью роковой?
Смутились въ суетныхъ забавахъ
Давно погрязшiе сыны
Тѣхъ крестоносцевъ величавыхъ,
Чей кличъ гремѣлъ въ бояхъ кровавыхъ
Среди полей святой земли:
Смутился Западъ утомленный,
И вспомнивъ Русскую метель,
Французъ смутился просвѣщенный,
Смутился людъ полукрещеный
Германскихъ маленькихъ земель.

И ты, чьей злобы потаенной
Дрожатъ сердца племенъ, царей,

Ты, Альбіонъ, гроза вселенной,
Властитель царственный морей,
И ты, тоскою злой терзаемъ,
На время гордость усмирилъ,
Когда внезапно надъ Дунаемъ
Орелъ двухглавый воспарилъ,
И флотъ невѣрныхъ при Синопѣ
Огнемъ нежданнымъ запылалъ,
И ахнулъ міръ, и по Европѣ
Предсмертный трепетъ пробѣжалъ.

Твои граждане пріуныли,
И въ сердцѣ съ вѣщею тоской,
Они тревожно устремили
Взоръ хитрый и пытливый свой
Къ предѣламъ дряхлаго Востока,
И страхъ ревнивый ихъ томитъ,
Что слишкомъ быстро и далеко
Орелъ двуглавый залетитъ.

И вотъ кричатъ они, что время
Пришло отпоръ намъ строгій дать,
Что наглыхъ Скиѳовъ злое племя
Пора унять и наказать,
Что плѣна, рабства и насилья
Готовимъ мы для міра бичъ,
И что давно бы надо крылья
Орлу двуглавому подстричь,
Что, подъ святой личиной брани
За угнетенныхъ Христіанъ,
Своихъ земель раздвинуть грани
Задумалъ Русскій великанъ;
Что интересъ насъ движетъ личный,
Не чувствъ высокихъ благодать...
Британцы, вы народъ фабричный,
Вамъ безкорыстья не понять.

Къ чему-жъ такъ громко вы кричите,
Что Грековъ вольность, славу, честь
Вы вашей грудью отстоите?
Кого увѣрить вы хотите,
Что совѣсть въ васъ и правда есть?
Что нужды вамъ до слезъ народныхъ?
Племенъ униженныхъ права
Смѣшны для лордовъ благородныхъ,
Какъ сказки брошенной слова.

Что нужды вамъ, что вновь Эллада
Готова вспыхнуть и ожить,
Какъ въ чудный вѣкъ Милитіада?
Вамъ только пунктъ торговый надо
При Черномъ морѣ получить.
Что нужды вамъ, что градъ великій,
Полсвѣта падшій властелинъ,
Въ плѣну томится полудикой
Ватаги звѣрскихъ Сарацынъ,
И ждетъ, когда народъ полночный
На зовъ отчаянный придетъ,
И Русскій Царь, рукою мощной
Оковы Греціи сорветъ?

Что вамъ до ига цѣлыхъ націй!
Ихъ воплямъ вашъ не внемлетъ слухъ:
Однихъ торговыхъ операцій
Васъ меркантильный движетъ духъ.
Какой барышъ, какой убытокъ,
Какой для васъ составитъ счетъ,
Что среди казней, мукъ и пытокъ
Кровь христіанская течетъ?
Не можетъ кровь святая эта
Лечь лишней цифрой на листѣ
Скупой Британіи бюджета —

Такъ пусть потомки Магомета
Терзаютъ, жгутъ, сотрутъ со свѣта
Всѣхъ вашихъ братьевъ о Христѣ.

Ужель вы только для холодныхъ
Аферъ и счетовъ рождены?
Вы-ль крестоносцевъ благородныхъ
Свободныхъ рыцарей сыны?
Ужель потомки вы Ричарда?
Ужель, не въ шутку, братья вы
Того таинственнаго барда,
Любимца гордаго молвы,
Чья пѣснь, какъ ропотъ отдаленный,
Чей вдохновенный мощный гласъ,
Какъ вихрь, промчался надъ вселенной
И все смутилъ, и все потрясъ;

Чья пѣснь мила и Руси снѣжной,
И знойнымъ западнымъ странамъ,
Чей взоръ горѣлъ любовью нѣжной
Ко всѣмъ живущимъ племенамъ,
Кто въ жаркомъ сердцѣ упованье
Въ соединенье ихъ носилъ
И юной Греціи возстанье
Свободной пѣснью огласилъ?

Пѣвецъ измученный, несчастный,
Зачѣмъ ты пѣлъ, къ чему ты жилъ?
Ты всѣ дары души прекрасной
Въ своей отчизнѣ загубилъ!
Твоей душѣ высокой, сильной,
Былъ ненавистенъ, гадокъ, чуждъ
Твоей отчизны меркантильной
Духъ матерьяльныхъ, грубыхъ нуждъ.
Среди сыновъ своей отчизны,

Какъ плѣнный узникъ, ты страдалъ,
И воплемъ горькой укоризны
Ихъ слухъ суровый поражалъ.
И что-жъ? на гнѣвъ твой, на страданье,
Разинувъ съ любопытствомъ ротъ,
Безъ слезъ, безъ мукъ, безъ состраданья,
Глядѣлъ «великій» твой народъ.
И не смягчилъ сердца ты снобсовъ
И лордовъ Англіи сухой
Какъ на спектакли скачекъ, боксовъ,
Они на гнѣвъ смотрѣли твой.

Рука ихъ щедро поощряла
Страданья гордаго пѣвца
И очень дорого давала
За стихъ, вонзавшійся, какъ жало,
Въ ихъ очерствѣлыя сердца.
Тогда твоей душою нѣжной
Духъ вѣчной злобы овладѣлъ,
И ты, измученный, мятежный
Покинулъ родины предѣлъ.
Ища больной душѣ отрады,
Въ тоскѣ ты Западъ обѣжалъ
И землю славную Эллады
Своимъ отечествомъ назвалъ.

Тамъ съ бурной жизнью ты прощался,
Тамъ въ часъ предсмертный, свѣтлый твой,
Слабѣвшій взоръ твой повстрѣчался
Съ свободы Греціи зарей.
Весь міръ, всѣ люди чужды были
Душѣ обманутой твоей;
Больному сердцу опостыли
И ласки нѣжныя друзей,
И славы лучъ твоей блестящей

И прелесть юной красоты:
Весь жаръ души твоей любящей
Отчизнѣ новой отдалъ ты.
Когда въ предѣлъ родной и дальній
Твой духъ могучій отлеталъ,
Съ улыбкой грустною, прощальной
Ты что-то нѣжно прошепталъ.
Но не привѣтъ странѣ родимой,
Не имя ближнихъ и друзей,
Не имя женщины любимой,
Но имя Греціи своей...

Когда-бъ ты жилъ пѣвецъ суровый,
Когда бы могъ твой видѣть взоръ
Твоей отчизны злы ковы,
Ея безчестье и позоръ;
Когда-бъ ты видѣлъ, какъ искусно
Царица гордая морей,
Какъ ростовщикъ торгуетъ гнусный,
Свободой Греціи твоей,
И пронося съ негодованьемъ
Ея тирановъ и враговъ,
Она Іудинымъ лобзаньемъ
Ея привѣтствуетъ сыновъ, —

Какимъ бы гнѣвомъ ты могучимъ
Вскипѣлъ, какой бы бурей силъ
Своимъ стихомъ разящимъ, жгучимъ,
Позоръ отчизны-бъ заклеймилъ.
Тогда-бъ рѣчей твоихъ перуны
Надъ міромъ грозно пронеслись,
И всѣхъ пѣвцовъ подлунныхъ струны
На голосъ твой отозвались!
Въ какой бы злобѣ онѣмѣли
Твои витіи, Альбіонъ,
Когда-бъ твой стыдъ мы всѣ воспѣли,

И наши-бъ лиры прогремѣли
Тебѣ анаѳему племенъ!

И вы, свободы пустозвонной,
Вы, заблужденія сыны,
Сыны имперіи картонной,
Гражданскихъ распрей и войны,
И вы, во славу Магомета,
Подвигнувъ мечъ свой за Исламъ,
Грозитесь насъ смести со свѣта,
Какъ залежалый старый хламъ.

И ты, искатель приключеній,
Ты, грозный Страсбургскій герой,
Ахиллъ булонскихъ похожденій
Грозишь намъ ссорой и войной.
Пройдутъ припадки этой дури:
Нашъ грозный штыкъ тебя смиритъ,
И повторимъ въ миніатюрѣ
Судьбу героя пирамидъ.
Не островъ Эльбу, не Елену
Гдѣ онъ почилъ послѣднимъ сномъ,
Для твоего мы прочимъ плѣну,
А просто мирный желтый домъ.

Народъ великій и несчастный
Гражданскихъ смутъ еще съ пеленъ
Игрою тѣшиться опасной
Судьбой жестокой осужденъ.
Для брата жизнь отдать готовый,
Свободу гордо ты поешь,
Но весь свой вѣкъ влачишь оковы
И кровь своихъ собратій льешь!

Давно-ль, давно-ль прошло то время,
Когда въ порывѣ злыхъ страстей,

Ты свергъ съ себя святое бремя
Земныхъ смиряющихъ властей,
Свободы, братства и равенства
Хотѣлъ алтарь воздвигнуть ты,
Вкусить земныя всѣ блаженства...
Сбылись-ли смѣлыя мечты?

Да, ты воздвигъ алтарь свободы,
И былъ алтарь священный тотъ
Хула Творцу, укоръ природѣ —
То былъ кровавый эшафотъ.
Въ противорѣчіяхъ опасныхъ,
Въ софизмахъ умъ твой изнемогъ,
Ты смыслъ рѣчей простыхъ и ясныхъ
Какъ пошлый слушаешь урокъ.

Но вы, но вы, кому судьбою
Данъ осторожный, хладный умъ,
Народъ съ логической душою,
Народъ, рожденный лишь для думъ,
Ты, разсмотрѣвшій такъ подробно
Права народовъ и царей,
Распредѣлившій такъ удобно
По книгѣ функціи властей,
Идею каждаго народа
Такъ аккуратно ты постигъ
И знаешь ты, что есть свобода,
Хоть не на дѣлѣ, а изъ книгъ:
Скажи, съ твоимъ ли воспитаньемъ,
Съ твоимъ ли сердцемъ и умомъ,
Внимать въ испугѣ съ содроганьемъ
Побѣдъ полночныхъ новый громъ?

Не вамъ, Германіи холодной
Благоразумные сыны,
Понять нашъ подвигъ благородный

И смыслъ простой, святой войны.
Средь жизни мирной и безстрастной
Идите тихо, господа,
Стезею скромной, безопасной
Науки, мысли и труда,
Вы чужды намъ: не ваша сфера
Свободныхъ чувствъ огонь святой,
Святая, пламенная вѣра
Не внятна логикѣ сухой.
Въ васъ сердце бьется такъ несмѣло,
Такъ осторожно, какъ въ цѣпяхъ,
Оно какъ будто присмирѣло,
Остепенилось, охладѣло
Въ филологическихъ трудахъ.

Вамъ памятна-ль та скорбная годиa,
Тотъ страшный мигъ, когда у вашихъ ногъ
Разверзлась вдругъ бездонная пучина
Кровавыхъ внутреннихъ тревогъ.
И былъ готовъ, вслѣдъ за шальнымъ французомъ,
Германскій людъ по простотѣ своей
Въ ту бездну ринуться со всѣмъ тяжелымъ грузомъ
Грамматикъ, древностей и разныхъ словарей.
И ваша честь, и ваши учрежденья,
И ваша жизнь была на волоскѣ,
И грозныхъ бурь гражданскихъ дуновенье
Смело бы васъ, какъ букву на пескѣ.
Не намъ ли вы одолжены спасеньемъ,
Не нашъ ли штыкъ смирилъ тѣхъ удальцовъ?
Зачѣмъ же вы глядите съ опасеньемъ
На грозный сборъ полуночныхъ полковъ?

Ученыхъ вашихъ слава не поблекла
Отъ зарева Синопскихъ кораблей, —
Идите же шажкомъ дорогою своей
И комментируйте Гомера и Софокла.

За что-жъ сердиться вамъ, друзья? Вы рождены
Не для пустыхъ и гибельныхъ волненій,
Не для опасностей и ужасовъ войны,
А для однихъ спокойныхъ размышленій
Вамъ классиковъ компактно издавать,
Раскапывать, описывать антики.:.
Въ такихъ трудахъ вамъ могутъ помѣшать,
Иль напугать войны и славы клики!..

Вы у судьбы себѣ на долю взяли
Глубокій умъ и склонность «познавать»,
И въ мірѣ все постигли и узнали,
Что можетъ умъ постигнуть и узнать.
Вы разъяснили намъ былыхъ временъ скрижали,
Вы все прошедшее изъ праха извлекли,
Законы разума и мысли указали
И въ міръ идей насъ мощно увлекли.
Германскаго ума вы силой исполинской
Законы творчества добились разгадать,
Постигли синтаксисъ запутанный Латинскій
И Грековъ метрику успѣли возсоздать,
Юстиніанова вы духъ постигли Свода
И смыслъ патриціевъ съ плебеями борьбы...
Но не постигнуть вамъ духъ Русскаго народа,
Великій смыслъ его судьбы.

Его надеждъ, стремленій задушевныхъ.
Его ума спокойныхъ тихихъ думъ.
Его души изгибовъ сокровенныхъ
Пойметъ ли вашъ холодный точный умъ?
Вы Русь обнимите-ль безстрашно мыслью узкой
Отъ Вислы, чрезъ Уралъ до устьевъ Иртыша?
Откликнется ль у васъ на звуки пѣсни Русской
Эстетиковъ нѣмецкая душа?
Хоть силою ума весь міръ вы удивили,
Хоть описали бытъ младенческихъ временъ,

И текстъ двѣнадцати таблицъ возстановили,
Хоть вами Гай открытъ и объясненъ,
Но никакой Нибуръ, ни Винкельманъ, ни Гёте,
Ни Шеллингъ самъ на то не намекнетъ,
И въ комментаріяхъ нигдѣ вы не прочтете,
Чѣмъ сердце въ насъ и бьется, и живетъ.
Не въ прахѣ древности откопаннымъ обломкамъ,
Не буквѣ мертвенной, не хладнымъ письменамъ,
Не новымъ истинамъ, въ умѣ рожденнымъ толкамъ,
Зажечь въ васъ свѣтъ, живящій сердце намъ.
Ученость мертвая уму одна верига,
Стѣсняетъ мысль, приводитъ сердце въ страхъ,
Изъ груды книгъ плодомъ все-жъ будетъ книга,
Изъ праха хладнаго все-жъ выдетъ хладный прахъ.

Приходитъ часъ борьбы, борьбы великой,
Идетъ на насъ могучій, сильный врагъ,
Готова Русь, по манію Владыки,
Поднять войны кровавый стягъ.
Забывъ права народныя и Бога,
И смѣлый Галлъ, и хитрый Альбіонъ
Идутъ на насъ, и много, много, много
У насъ враговъ, — имъ имя легіонъ.
Пускай идутъ: ихъ Русь не побоится,
На насъ они идутъ не въ первый разъ;
Пускай на насъ во гнѣвѣ ополчится
Хоть цѣлый міръ — не дрогнетъ сердце въ насъ.
Порой меча сильнѣй была идея, —
Не цифрой войскъ былъ славенъ Мараѳонъ;
Не силой мышцъ держалась Іудея:
Отъ звука трубъ палъ крѣпкій Ерихонъ.

Такъ пусть идутъ... Ихъ встрѣтить Русь готова
Безъ грозныхъ смутъ и внутреннихъ тревогъ:
За насъ звучитъ всегда святое слово:
«И въ мнозѣ Богъ, и въ малѣ Богъ»!

И знаемъ мы, что ждетъ враговъ паденье,
Но не попремъ мы падшаго пятой:
Мы имъ несемъ не плѣнъ, не разрушенье,
Мы имъ несемъ спасенье и покой.
Народы Запада со славой управляли
Русломъ рѣки событій міровыхъ —
И много словъ великихъ намъ сказали,
И много дѣлъ содѣлали благихъ:
Но подвигъ свой они давно скончали,
Создали все, что призваны создать,
И міру все давнымъ-давно сказали,
Что имъ судьбой назначено сказать.

И пустота ихъ сердцемъ овладѣла,
Тоска и грусть давно томитъ имъ грудь,
Имъ скучно жить безъ цѣли и безъ дѣла,
Безсмысленъ имъ постылой жизни путь.
Вотще съ отчаяннымъ тяжелымъ напряженьемъ
Они трудамъ суровымъ предались;
Вотще душой стремятся къ наслажденьямъ,
Вотще въ сребро и въ злато облеклись;
Пускай ихъ жизнь летитъ подъ шумъ веселый
Забавъ и нѣгъ, тревогами кипитъ —
Ихъ давитъ гнѣвъ апатіи тяжелый
И сердце имъ ничто не шевелитъ.

Пускай же ихъ поддѣльные восторги
Хвалебный гимнъ художествамъ гремятъ,
Пускай въ шуму своихъ холодныхъ оргій
Они до дна исчерпаютъ развратъ;
Пускай они искусственнымъ развратомъ
Себѣ сердца стараются разжечь
И пусть пѣвцовъ усыплютъ щедро златомъ —
Имъ тѣмъ души унылой не развлечь.

Давно, давно сердца въ нихъ охладѣли,

Искусство имъ души не веселитъ,
Въ нихъ страсти всѣ до тла перекипѣли,
И только умъ желаньемъ въ нихъ горитъ.
Пускай они, въ пылу промышленныхъ стараній,
Измучивъ умъ и изсушивши грудь,
Откроютъ рядъ машинъ и груды хитрыхъ тканій
И новый свѣтъ отыщутъ гдѣ-нибудь:

Ни шумъ, ни визгъ машинъ, ни ткани дорогія,
Ни нѣжный зовъ искусства и наукъ,
Не пробудятъ души уснувшей летаргіи,
Не исцѣлятъ сомнѣнья злой недугъ.
Они путемъ простаго разсужденья
Всѣхъ тайнъ земныхъ найти хотѣли ключъ,
Свободы сказочной найти осуществленье
И вѣчной истины животворящій лучъ;
Но жребій ждалъ ихъ горькій и печальный:
Искали вольности, но цѣпи обрѣли,
И правды свѣтъ искали идеальный,
Но въ вѣчный мракъ неправды забрели,
И въ мракѣ томъ, — какъ въ вѣчномъ заточеньи, —
Какъ жаркій сонмъ озлобленныхъ враговъ,
Свободы ждутъ они въ ожесточеньи,
Съ тоской, въ слезахъ и съ скрежетомъ зубовъ...

И жаль намъ ихъ, и часто мы твердили:
Когда-жъ блеснетъ имъ правды лучъ святой?
Когда пройдутъ дни бѣдствія? Не мы-ли
Имъ возвратимъ и счастье, и покой?
Не мы-ль смиримъ въ нихъ бой стихій враждебныхъ,
Заблудшимъ вновь укажемъ гладкій путь
И освѣжимъ потокомъ струй цѣлебныхъ
Сомнѣньемъ злымъ измученную грудь?
Не въ насъ ли Богъ вложилъ всѣ тѣ начатки,
Откуда имъ блеснетъ желанный свѣтъ?

Не мы-ль дадимъ томящей міръ загадкѣ
Въ груди у насъ таящійся отвѣтъ?

Не даромъ Русь въ семьѣ ихъ нетерпимой
Была всегда непризнанной сестрой
И въ тишинѣ ничѣмъ невозмутимой
Наединѣ жила сама съ собой.
Вдали отъ ихъ тревогъ, заботъ и шума,
Не даромъ Русь давно чего-то ждетъ,
И съ давнихъ поръ взлелѣянная дума
Такъ долго въ ней и зрѣетъ, и ростетъ.
Ужель въ ихъ кругъ мы брошены случайно,
И міръ пройдемъ безмолвно, безъ слѣда?
Ужели въ насъ хранящаяся тайна
Умретъ для нихъ, исчезнетъ навсегда?
Ужель вовѣкъ живительное слово
Не скажетъ имъ могучій нашъ народъ?
Ужель заря спасенія святаго
Вовѣки имъ съ Востока не взойдетъ?..

Нѣтъ! Нѣтъ! Заря съ Востока встанетъ,
И слово русское, какъ громъ,
Надъ усыпленнымъ міромъ грянетъ,
И міръ проснется и воспрянетъ,
И намъ преклонится челомъ.
И мы повѣдаемъ вселенной
Святыя тайны нашихъ думъ,
Все, все, что силой вдохновенной,
Лучемъ небеснымъ просвѣтленной,
Создалъ могучій русскій умъ.

Тогда о томъ, что въ насъ таится,
Что умъ и сердце грѣетъ въ насъ,
Что хочетъ вырваться, излиться
Изъ нашей груди каждый часъ,

Мы возвѣстимъ могучимъ словомъ,
И новымъ дѣвственнымъ путемъ,
Путемъ широкимъ, къ цѣлямъ новымъ
Народы гордо поведемъ.

И вотъ для подвига святаго
Насталъ давно желанный часъ,
И Русь подвинуться готова,
И въ ней таившееся слово
Готово вырваться у насъ.
И тайна правды и свободы,
Что въ насъ хранится искони,
Которой ищутъ всѣ народы,
Которой жаждутъ такъ они,
Которой падшій міръ спасется,
На свѣтъ готова проглянуть,
И наше войско такъ и рвется
Скорѣй Дунай перешагнуть.

Святая Русь, возвеселися,
Спѣши въ отверстый Божій храмъ,
Благодари, проси, молися,
И выше къ небу вознесися,
Кадилъ церковныхъ ѳиміамъ!
Греми немолчно, голосъ лирный:
Съ Востока свѣтится заря,
И руль исторіи всемірной
Въ рукахъ у Русскаго Царя!

10 февраля
1854 г.

СТИХОТВОРЕНІЯ

САТИРИЧЕСКІЯ, ЮМОРИСТИЧЕСКІЯ И ШУТОЧНЫЯ.

I.

НЕИЗБѢЖНЫЙ.

Toujours lui! lui partout!
Victor Hugo.

—

Чтò-бъ ни послали боги намъ —
Счастливый случай иль печальный —
Во всемъ, друзья, какъ соль ко щамъ,
Необходимъ для насъ квартальный.

Повѣстку-ль съ почты принесутъ
На малый кушъ иль капитальный, —
Намъ денегъ съ почты не дадутъ,
Коль не подпишется квартальный.

Хотимъ ли видѣть Божій свѣтъ, —
И въ путь сбираемся мы дальный,
Кто дастъ на выѣздъ намъ билетъ?
Все онъ опять, опять квартальный!

И въ скорбный часъ, когда зажгутъ
Надъ нами факелъ погребальный,
Какъ насъ въ заставу провезутъ;
Кто намъ повѣритъ, коль и тутъ
Не дастъ свидѣтельства квартальный?

1860 года.

II.

ЮНОМУ БЮРОКРАТУ.

„Не вѣрь, не вѣрь себѣ, мечтатель мо
Лерм

Со скамейки жесткой школьной
Соскочить ты лишь успѣлъ,
И быстрѣе птицы вольной
Въ міръ чернильный полетѣлъ.

И съ слезою умиленья
Я любуюся тобой:
Какъ свѣтлы твои стремленья,
Какъ высоки убѣжденья,
Какъ невиненъ ты душой!
Какъ свѣжи твои ланиты,
Какъ ты любишь Божій міръ,
Какъ блеститъ твой взоръ открытый,
Какъ сидитъ, вчера лишь сшитый,
Твой зеленый вицъ-мундиръ.
Чистъ, какъ жертва для закланья,
Въ бой съ неправдою людской,
Какъ любовникъ на свиданье,
Такъ и рвешься ты душой!

Но увы, промчится время,
И незрѣлый разумъ твой
Канцелярской жизни бремя
Сдавитъ тяжкою пятой:
Въ годы мысленной отваги,
Не отечество спасать
Будешь ты, но лишь бумаги

Для начальства подшивать.
Погрузясь душой глубоко
Въ переписку *черновыхъ*,
Позабудешь ты до срока
Рядъ вопросовъ міровыхъ;
Заваленъ работой срочной,
Въ часъ, свободный отъ труда,
Чтобъ достичь карьеры прочной, —
Будешь столбъ свой позвоночный
Гнуть предъ старшимъ безъ стыда.
И въ ерархіи чиновной
Много скользкихъ ступеней
Ты по лѣстницѣ неровной
Проползешь, какъ червь безмолвный,
Къ свѣтлой цѣли юныхъ дней,
Къ цѣли трудной, но великой —
Санъ высокій получить, —
И своей рукой-владыкой
Родъ людской преобразить.
Но пока, мой пролетарій,
Ты до цѣли добредешь, —
Въ атомсферѣ канцелярій
Силы лучшія убьешь.
Тамъ до сроку испарится
Всѣхъ мечтаній свѣтлый рой,
И вселится въ поясницѣ
Постоянный геморой;
Съ гемороемъ, какъ вожатый,
Приплетется ревматизмъ,
И душой твоей измятой
Овладѣетъ скептицизмъ.
И тогда, махнувъ рукою
На завѣтныя мечты,
Лишь комфорту да покою
Всей душой предашься ты.

Будешь спать ты за докладомъ,
Будешь искренне желать —
Съ тѣмъ же чиномъ и окладомъ
Въ сонмѣ праздныхъ засѣдать.

1861 года.

III.

БЕЗСРЕБРЕННИКЪ.

Молва гласитъ, что ты живешь
Одной любовію къ законамъ, —
И доморощеннымъ Катономъ
Ты въ нашемъ обществѣ слывешь.
Я твердо вѣрю въ гласъ народный...
Къ тому же твой изящный видъ —
Твой ликъ надменно-благородный,
Pince-nez и галстукъ новомодный —
Все ясно сердцу говоритъ,
Что не подъячій ты приказный
Съ тупымъ умомъ, съ душою грязной,
Не стракулистъ, не казнокрадъ,
Но жрецъ Ѳемиды неподкупный —
Гуманный, твердый, неприступный
Новѣйшей школы бюрократъ.
Ты чуждъ чиновничьихъ преданій:
Ты не пойдешь на шумный пиръ
Къ своимъ просителямъ въ трактиръ
Для вакханальныхъ возліяній.
Куда! Какъ можно — что за тонъ!
Вѣдь ты совсѣмъ не такъ рожденъ,
Чтобъ пить съ купцами по трактирамъ:
Ты вѣкъ не знался съ этимъ міромъ,
Тебѣ открытъ любой салонъ
Съ его духовной, тонкой пищей;
Притомъ же ты совсѣмъ не нищій,
Чтобъ подкупить тебя возмогъ
Графинчикъ съ водкой да пирогъ;
Нѣтъ! Хоть тебя въ ухѣ стерляжьей

И хоть въ шампанскомъ закупай,
Хоть десять тысячъ предлагай, —
Ты не поддашься силѣ вражьей —
Себя за деньги не продашь:
Ты крѣпокъ въ правилахъ, какъ кряжъ.

Какъ я люблю твой ликъ красивый,
Когда, съ осанкой горделивой,
Съ высоко поднятымъ челомъ,
Ты за столомъ судейскимъ алымъ
Сидишь, въ молчаньи, предъ зерцаломъ
Въ священномъ капищѣ своемъ;
Когда съ усмѣшкой и презрѣньемъ
Внимаешь длиннымъ, важнымъ преньямъ
Сѣдыхъ товарищей своихъ, —
И вдругъ нежданнымъ заключеньемъ
Въ словахъ и ясныхъ, и простыхъ
Ты въ пять секундъ рѣшаешь дѣло, —
И потупляясь со стыдомъ,
Въ подобострастіи нѣмомъ,
Приказныхъ сонмъ, заматерѣлый
Въ рутинѣ добрыхъ старыхъ дней,
Дивится мудрости твоей.
Какое гордое сознанье
Природныхъ силъ и воспитанья
Ты ощущаешь той порой: —
Какъ всѣ ничтожны предъ тобой!

Люблю я тоже тѣ мгновенья,
Когда чиновникамъ плохимъ
За ихъ грѣшки иль нерадѣнье
Ты кротко дѣлаешь внушенье:
О, какъ ты мягко стелешь имъ!
Какъ ты учтивъ, какъ ты гуманенъ!
А между тѣмъ, совсѣмъ израненъ,

Передъ тобой дрожитъ, какъ листъ,
Неаккуратный копіистъ.
Хоть ты не топаешь ногами,
Не распекаешь, не кричишь,
Не сыплешь крѣпкими словами:
Зато улыбкой и очами
Ты вволю ближняго язвишь.

Всего-жъ ты лучше въ тѣ минуты,
Когда какой-нибудь истецъ —
Степнякъ помѣщикъ иль купецъ,
Съ рукой за пазухой раздутой,
Не слишкомъ ловкій на языкъ,
Тебѣ вдругъ ляпнетъ напрямикъ
О благодарности священной, —
Ужъ тутъ ты истинный герой: —
Какъ будто свыше вдохновенный,
Вдругъ вспыхнетъ взоръ орлиный твой,
Ты выпрямляешь грудь и плечи,
Ты выростаешь на вершокъ, —
И Демосѳеновскія рѣчи
Изъ устъ стремятся, какъ потокъ;
Полны святымъ негодованьемъ,
Гремятъ и жгутъ твои слова,
И мнится, нѣкіимъ сіяньемъ
Твоя объемлется глава...
И въ монологѣ страстномъ, длинномъ
Изливъ свой гнѣвъ предъ наглецомъ,
Ты, съ жестомъ истинно картиннымъ,
Своимъ хорошенькимъ перстомъ
На двери молча указуешь, —
И искуситель злобный твой
Летитъ изъ комнаты стрѣлой.
О, какъ въ душѣ своей ликуешь,
О, какъ ты счастливъ въ этотъ мигъ:

Ты сознаешь, что ты великъ,
Что совершилъ ты подвигъ дивный,
Что ты Баярдъ страны родной!...
О, какъ ты искренно, наивно
Благоговѣешь предъ собой.
И цѣлый годъ, по всѣмъ салонамъ,
И часто въ клубѣ, за столомъ,
Ты, будто вскользь — небрежнымъ тономъ
Твердишь о подвигѣ своемъ.

Теперь позволь иной картиной
Мое посланье оживить:
Позволь тебя изобразить
Не предъ зерцаломъ, а въ гостиной.
Сверкаетъ балъ. Взираешь ты
На пляску свѣтскую прилежно,
И дама — чудо красоты
Къ тебѣ приблизилась небрежно,
И чуднымъ голосомъ своимъ,
Пѣвучимъ, мягкимъ — неземнымъ,
Подобнымъ только звукамъ рая,
Тебя рѣшается молить
За дурака и негодяя:
— Ему, представьте, нечѣмъ жить!
Нельзя-ль его опредѣлить
Куда нибудь!? — И ты ужъ таешь,
И тотчасъ мѣсто обѣщаешь,
И разумѣется, даешь.

— Тутъ нѣту взятки и на грошъ —
Ты мнѣ съ улыбкой возражаешь —
Къ тому-жъ — что дѣлать — красота...
Предъ ней одной я преклоняюсь...
Да, слабость къ женщинамъ — я каюсь —
Моя Ахиллова пята!

Ну такъ и быть, тебѣ прощаемъ
Мы этотъ грѣхъ; въ твои лѣта
Всѣхъ подкупаетъ красота;
И по исторіи мы знаемъ,
Что люди, не тебѣ чета,
Къ ней попадали часто въ сѣти.
Но предъ одной ли красотой
Ты преклоняешься главой,
Когда бываешь въ высшемъ свѣтѣ?
О нѣтъ! Всѣ знаемъ мы, увы!
Что у ***скаго на балѣ
Тебя улыбкой подкупали
Уроды первые Москвы;
Что, старымъ бабамъ въ угожденье,
Ты измѣнялъ свои рѣшенья,
Что таешь, млѣешь ты душой,
Какъ предъ античной красотой,
Какъ предъ паѳосскою богиней,
Предъ Тугоуховской княгиней,
Предъ этой вѣдьмою въ чепцѣ,
Съ пятномъ табачнымъ надъ губами,
Съ милльйономъ складокъ на лицѣ,
Но вѣдьмой съ сильными связами.
Да, мой законникъ-бюрократъ,
Въ судахъ повсюду говорятъ,
Что графу Нулину въ угоду,
Чтобы къ нему втереться въ домъ, —
Въ соблазнъ приказному народу,
Ты извращалъ *десятый томъ*.
Все это такъ, все это вѣрно
И — извини — довольно... скверно.
Съ твоимъ логическимъ умомъ,
Ты согласишься, вѣрно, въ томъ,
Когда разсудишь хладнокровно,
Что, хоть подъ судъ подъ уголовный

Ты никогда не попадешь,
Однако взятки ты берешь,
Но лишь духовными дарами —
Берешь протекціей, связями...
Ну что же, Богъ съ тобой, бери.
Да только носъ свой не дери
Передъ минувшимъ поколѣньемъ: —
Не говори съ такимъ презрѣньемъ
Ты о предмѣстникѣ своемъ,
Который грѣшными трудами
Воздвигнулъ трехъ-этажный домъ.
Немного разницы межъ вами!
Конечно, онъ открыто бралъ —
Бралъ прямо, грубо, неприлично;
Зато рельефно и пластично;
Зато онъ ясно сознавалъ,
Гордыней злой не обуянный,
«Что я, де, грѣшникъ окаянный,»
И очи долу потуплялъ.

IV.

ВЕСНА.

Und Freud' und Wonne
Aus jeder Brust!
O Erd'! o Sonne!
O Glück! o Lust!

Goethe.

Разбивъ ледяныя оковы,
Ужъ рѣки къ морямъ пронеслись,
Въ саду распуститься готовы
Подснѣжникъ, тюльпанъ и нарцисъ;

Ужъ носится бабочекъ стая
Среди оживленныхъ равнинъ,
И новымъ убранствомъ блистая,
Въ ручей заглядѣлся павлинъ;

И громъ благодатный ужъ грянулъ,
И землю ужъ дождь освятилъ, —
И міръ насѣкомыхъ воспрянулъ
На свѣтъ изъ холодныхъ могилъ;

Ужъ вынуты зимнія рамы
И спрятаны шубы подъ спудъ,
И смѣло по улицѣ дамы
Въ холодныхъ бурнусахъ идутъ;

Съ утра до утра ребятишки
Готовы на улицѣ жить,
И только посредствомъ коврижки
Ихъ можно домой заманить;

Гремятъ соловья переливы,
Поющаго гимнъ предъ Творцомъ;
Подернулись зеленью нивы;
Явилися щи изъ крапивы,
Ботвинья съ младымъ огурцомъ;

И радостной мысли быстрѣе
Несется надъ нами весна;
Ужъ скоро во всей апогеѣ
Блеснетъ и умчится она; —

И первою зеленью нѣжной
Одѣнется роща и садъ,
И брюки свои бѣлоснѣжны
Натянетъ пѣхотный солдатъ;

Ужъ признаки лѣта явились:
Уже отцвѣтаетъ сирень,
Уже всѣ журналы пустились
Печатать одну дребедень...

Весна! Всѣ съ восторгомъ встрѣчаютъ
Твой свѣтлый, волшебный приходъ,
Какъ будто съ тебя получаютъ
Кресты и чины каждый годъ.

И я, хоть не жду отъ весны я
Крестовъ и подобныхъ наградъ,
Но больше чѣмъ птицы лѣсныя
Ея возвращенью я радъ.

Весна лишь наступитъ, — и разомъ
Проснешься душой, оживешь,
Лирическимъ полонъ экстазомъ,
На горе рукою махнешь.

И смотришь на міръ веселѣе,
Забывши и старость, и плѣшь,
Мечтаешь и мыслишь сильнѣе,
Охотнѣе вѣришь и ѣшь,

И жарче и чаще ласкаешь
Подругу въ объятьяхъ своихъ,
И глубже душой понимаешь
Кольцова и Шиллера стихъ;

Противны становятся споры
Про польскій вопросъ и прогрессъ,
И хочется спрятаться въ горы,
И хочется въ поле да въ лѣсъ;

И хочешь читать Вальтеръ-Скотта
И пѣть, и кутить, и рыдать,
И хочешь еще тамъ чего-то —
Чего-то... но схватитъ зѣвота,
Лишь чувства начнешь разбирать;

Люблю я весну!... да и кто же
Изъ насъ недоволенъ весной?
Но цѣнитъ ее всѣхъ дороже
Сосѣдъ мой, убогій портной.

Ему драгоцѣннѣе вдвое
Весны благодатный приходъ:
Топливо ему даровое
Она каждогодно даетъ:

Карманы его утучняютъ
Весенняго солнца лучи:
Они съ барышомъ замѣняютъ
Мерцаніе сальной свѣчи.

Надѣюсь, мои государи,
Изъ словъ моихъ каждый пойметъ,
Что, право, простой пролетарій
Всѣхъ ближе къ природѣ живетъ.

4 апрѣля 1864 г.

V.

МУНДИРЪ И ФРАКЪ.

Всѣмъ сердцемъ своимъ, всей душою
Я дѣвочку Полю любилъ;
Когда она стала большою,
У ней я руки попросилъ.
Но съ хладной ироніей адской
Она мнѣ сказала; «какъ быть!?
М-г Гумилевскій! вы штатскій:
Лишь чистой любовію братской
Я штатскихъ способна любить.
Чувствительной дѣвы кумиромъ
Не можетъ быть фрачникъ никакъ;
Но если отставленъ съ мундиромъ,
Съ нимъ можно рѣшиться на бракъ.»

Я чуть не свалился со стула,
Отвѣтомъ такимъ пораженъ;
Она граціозно зѣвнула
И вышла изъ комнаты вонъ.
Я тоже изъ комнаты вышелъ,
Но вышелъ притомъ изъ себя...
И вскорѣ я въ клубѣ услышалъ,

Что шитый мундиръ возлюбя,
На дняхъ на линейномъ ученьи
Была, и влюбилась она, —
И руку свою и имѣнье
Отдать пожелала сполна
Усатому лейбъ-гренадеру...
И местію я воспылалъ, —
И тотчасъ письмо къ Искандéру
Про это съ нарочнымъ послалъ

1862 г.

VI.

ИСПУГЪ УЛАНА.

или

Старое и Новое.

Въ полуночный часъ, на Таганкѣ
У дома купца граматея
Стоятъ и кареты, и санки,
А въ домѣ идетъ ассамблея:
Бушуетъ оркестрикъ дешевый—
Три скрипки пронзительно плачутъ,
Реветъ контробасъ, какъ корова,
И гости кружатся и скачутъ;
Проносится пара за парой
Подъ музыку польки веселой;
Несется уланъ сухопарый
Съ купеческой дочкой тяжелой, —
Несется и думаетъ думу:

— «Ахъ, какъ бы узнать повѣрнѣй,
Какую въ приданое сумму
Отвалитъ родитель за ней?
Отличная, право, невѣста —
Солидные плечи и торсъ,
Бѣла, какъ пшеничное тѣсто,
Румяна, какъ клюковный морсъ!
И вѣрно, глупа, какъ дубина,
И въ каждый мундиръ влюблена,
И прочитъ въ мужья дворянина,
И сердцемъ мягка, какъ перина, —
И славная будетъ жена.

Но кончился балъ; отплясали
И валятъ въ столовую гости —
Всѣ страшно вспотѣли, устали
И всѣ проглядались до злости.
И сѣли гурьбою веселой
За ужинъ стряпни допотопной;
Съ своею зазнобой тяжелой
Сѣлъ рядомъ уланъ расторопный.

— Сударыня, вы, вѣроятно,
Не рады, что кончился балъ,
Съ улыбкой лукаво пріятной
Своей онъ сосѣдкѣ сказалъ.
И съ радостью-бъ вы до разсвѣта
Порхали, когда бы могли,
Не правда-ли?

— Дурой отпѣтой,
Должно быть, меня вы сочли?
Что-жъ, нешто вертушка, коза я,
Аль глупый рабенокъ трехъ лѣтъ,
Аль тамъ полотерка какая,
Что нужно тереть мнѣ паркетъ?!
Я къ танцамъ имѣю презрѣнье,
Но тятенька строгій у насъ:
Ему, дураку, въ угожденье
Я нынче ударилась въ плясъ.

— А! вѣрно ты лѣзешь въ Татьяны,
Смекнулъ прозорливый уланъ
И любишь стихи и романы,
Луну... ручейки и... туманъ.
Ну что-жъ, ничего! поведемъ мы
Аттаку съ другой стороны
И сердце въ полонъ заберемъ мы,

Коснувшись до слабой струны:
Я въ мигъ разыграю поэта —
Скажу, что всю жизнь я скучалъ
Въ салонахъ блестящаго свѣта
И въ хижинѣ жить бы желалъ.

— И самъ я скучаю на балахъ,
Сказалъ съ разстановкой онъ вслухъ:
Я тѣломъ пляшу въ этихъ залахъ,
Межъ тѣмъ въ неземныхъ идеалахъ
Витаетъ мой сладостный духъ.
Что балъ?! пустяки! То-ли дѣло
Романъ Полеваго читать —
Тамъ можемъ свободно и смѣло
Мечтой за героемъ летать!...

— Терпѣть не могу я романы,
Сказала купчиха въ отвѣтъ:
Въ нихъ плутни однѣ, да обманы,
А жизни дѣйствительной нѣтъ.
Съ идеей одной идеальной
Что дѣлать таперь я должна?
Мнѣ надобно міръ матерьяльный: —
Мнѣ прахтика въ книгѣ нужна!!...
Читали ли вы Фейербаха?
Читали-ли?

— Какже-съ, читалъ,—
Исполненъ внезапнаго страха,
Сконфузясь, уланъ отвѣчалъ.

Уланъ нашъ былъ истымъ уланомъ:
Любилъ онъ подъ случай кутнуть,
Махнуть для компаньи къ цыганамъ
И уголъ у карты загнуть,

Ну, словомъ, былъ малый рубаха,
Но книгъ никогда не читалъ
И имени онъ Фейербаха,
Увы, никогда не слыхалъ.
Испуганъ, растерянъ, сконфуженъ,
Нашъ храбрый усачъ замолчалъ,
И такъ промолчалъ онъ весь ужинъ
И мудрой сосѣдкѣ внималъ.
Межъ тѣмъ удалая купчиха
Пустилась въ большой монологъ,
И рѣчь ея бойко и лихо
Лилася, какъ мутный потокъ;
Хотя ни единаго слова
Купчиха понять не могла
Изъ рѣчи своей безтолковой,
Но фразъ философіи новой
Ей нравилась грозная мгла.
А бѣдный уланъ, оглушённый
Шумихой неслыханныхъ словъ,
Дивился купчихѣ учёной,
Какъ сонму семи мудрецовъ.
Когда-жъ изъ-за ужина встали,
Домой со всѣхъ ногъ онъ утекъ,
И полонъ тоски и печали,
Въ постель одинокую легъ.
И долго метался въ постели,
И тщетно старался уснуть:
Въ немъ мысли тревожно горѣли,
И ныла уланская грудь,
И образъ купчихи ученой,
Покоя ему не давалъ,
И смыслъ ея рѣчи мудреной
Его и бѣсилъ, и пугалъ;
Отъ новыхъ «идей и понятій»
Онъ весь превратился въ хаосъ

И выкурилъ, лежа въ кровати,
Восьмнадцать большихъ папиросъ.
А всетаки, какъ ни старался,
Себѣ уяснить онъ не могъ,
Какого предмета касался
Купчихи лихой монологъ.

— Кой чортъ! наконецъ онъ воскликнулъ,
Вѣдь это ужъ просто бѣда:
Прогрессъ этотъ нынче проникнулъ,
Ужъ даже... чортъ знаетъ куда!
Нигдѣ отъ него нѣтъ спасенья:
Онъ даже въ Таганку залѣзъ: —
И тамъ завелось просвѣщенье!
Купчиха кричитъ про прогрессъ!
Вѣдь это ужасно... вѣдь это...
Нѣтъ, видно, ужъ, чортъ побери,
Пришло преставленіе свѣта —
Антихристъ ужъ, видно, въ Твери,
Быть можетъ, и ближе — кто знаетъ:
Быть можетъ, онъ въ Химкахъ, подлецъ, —
Быть можетъ, къ Москвѣ подъѣзжаетъ,
И мигомъ придетъ нашъ конецъ!!!
Встревоженный мыслью суровой,
Онъ быстро оставилъ кровать,
Послалъ за бумагой гербовой
И сталъ завѣщанье писать.

1864 года.

VII.

ПОЛУРУССКАЯ БАРЫНЯ.

(Посвящено П. М. Садовскому).

Іюль. Безоблаченъ палящій сводъ небесъ;
Въ туманѣ дымчатомъ вдали синѣетъ лѣсъ;
Тяжелымъ колосомъ склонясь къ землѣ сонливо,
Блистаетъ золотомъ величественно нива;
Рѣка, красуяся на солнечныхъ лучахъ,
Спокойно нѣжится въ цвѣтистыхъ берегахъ;
Перекликаются въ лѣсу лѣниво птицы;
Припавши на снопы, заснули крѣпко жницы;
Въ деревнѣ не видать нигдѣ души живой —
Все будто вымерло отъ язвы моровой.
И съ поля, сонными гонимы пастухами,
Стада, измучены и зноемъ, и слѣпнями,
Лѣниво тянутся по зелени луговъ
Въ прохладу темную сараевъ и хлѣвовъ.
Всѣхъ давитъ жаръ и зной; все жадно ищетъ тѣни;
На всемъ видна печать бездѣйствія и лѣни,
И въ мыслящемъ умѣ раждается вопросъ —
Что лучше на Руси: жара или морозъ?
И въ этотъ жаръ и зной васъ, свѣтскую княгиню
Забросила судьба въ самарскую пустыню!
Съ веселыхъ береговъ красавицы-Невы
Впервые въ эту глушь и дичь попали вы.
Васъ утомляетъ зной, васъ раздираетъ скука:
Въ деревнѣ жить одной, вѣдь это просто мука.
Кто-жъ наложилъ на васъ тяжелый этотъ крестъ?
Все онъ (увы!), все онъ — февральскій манифестъ!
Чтобъ не корили васъ въ постыдномъ нерадѣньи,
Явились лично вы теперь въ свои владѣнья —

Своимъ присутствіемъ народъ свой осѣнить
И словомъ мудрости въ немъ страсти утушить.
И вы, какъ Русская, по прихоти Зевеса,
Въ народномъ языкѣ не смысля ни бельмеса,
Предъ сонмомъ выборныхъ держали тронный спичъ;
Но даже староста никакъ не могъ постичь,
Чего вамъ хочется. Внимая галлицизмамъ,
Народъ исполнился глубокимъ скептицизмомъ, —
И вашу кроткую родительскую рѣчь
Онъ принялъ за приказъ: всю волость пересѣчь, —
И вмигъ парламентъ вашъ пришелъ въ негодованье,
И страшно бурное открылось засѣданье,
И дерзко завопилъ какой-то смѣлый вигъ,
Что нынче, молъ, ужъ нѣтъ помѣщичьихъ веригъ!
И грубо раздались слова его по залѣ,
И вы... вы распустить парламентъ приказали.
Парламентъ вышелъ вонъ, испачкавъ вамъ паркетъ,
И вы подумали, глядя ему во слѣдъ:
«Неблагодарные!... и этому народу
Тупому, дикому рѣшились дать свободу!
Нѣтъ, правду говорилъ покойный князь Андрей,
Что наши мужики глупѣе дикарей.
Какія странныя у нихъ все выраженья,
И кто имъ объяснить съумѣетъ Положенье,
Тогда какъ я сама едва могу понять,
Что значитъ, напримѣръ, угодья разверстать.»
Такъ размышляли вы... Но не прошло недѣли
Вы снова выборныхъ призвать къ себѣ велѣли.
И вашихъ словъ они опять не взяли въ толкъ:
Вы говорили имъ про ихъ священный долгъ
Къ помѣщицѣ, къ властямъ; и говорили долго
О томъ, какъ пагубно несоблюденье долга,
И дружно грянули вамъ мужики въ отвѣтъ:
«За нами, матушка, вѣдь недоимокъ нѣтъ.»
И сессія опять должна была закрыться,

И вы, не зная какъ къ народу приступиться,
Уѣхать въ Петербургъ совсѣмъ ужъ собрались,
Но боги, сжалившись, вамъ сдѣлали сюрпризъ:
Не дожидаяся открытія палаты,
Явились сами къ вамъ съ поклономъ депутаты.
— «Что вамъ любезные?» — «Мы къ милости твоей:
Пожалуй намъ лѣску на срубку сто корней!»
И вы приходите мгновенно въ умиленье:
Les pauvres gens, vraiment! имъ въ рѣдкость и коренья!
Имъ негдѣ ихъ достать! Ахъ, бѣдный нашъ народъ!
Имъ нужно сто корней! Возьмите хоть семьсотъ,»
Вы говорите имъ чуть-чуть не со слезами,
И депутаты въ прахъ простерлись передъ вами,
Дань благодарности обычную платя, —
И вы сконфузились, какъ скромное дитя.
«Ахъ, встаньте!... Ахъ, зачѣмъ такое униженье...»
Проговорили вы, краснѣя отъ смущенья,
«Вы кланяетесь мнѣ, какъ Богу, до земли...
«Ахъ, встаньте, это грѣхъ...» Тѣ встали и ушли.
И сжала сердце вамъ чувствительная жалость.
«Какъ благодарны мнѣ! И за какую малость!»
Вы восклицаете въ волненьи и слезахъ...
И вдругъ къ вамъ староста вбѣгаетъ въ попыхахъ
И говоритъ навзрыдъ въ испугѣ и печали:
— «Крестьяне говорятъ, что вы де приказали
Семьсотъ большихъ корней на срубку имъ отдать!...
Вы ихъ изволите, княгиня, баловать...» —
И вы приходите сейчасъ въ негодованье:
«Жестокій! Нѣтъ въ тебѣ ни капли состраданья —
Тебѣ совсѣмъ не жаль несчастныхъ мужичковъ:
Ты даже въ малости имъ отказать готовъ.
Какъ всѣ зазнались вы, всѣ — старосты, бурмистры, —
Воображаете, что вы почти министры,
И презираете свой прежній бѣдный классъ.
И оттого народъ не понимаетъ насъ

И недовѣрчиво такъ смотритъ на дворянство,
Что въ управителяхъ нѣтъ искры христіанства.
Нѣтъ, вижу, надо намъ во все самимъ входить,
Чтобы довѣріе народа заслужить,
И я возьмусь теперь сама за управленье...
Ступай и исполняй мои распоряженья!»
И староста ушелъ, потупя странно взоръ.
И глухо застоналъ сосновый древній боръ:
Гуляютъ заступы и топоры лихіе,
И съ трескомъ валятся деревья строевыя,
И поле новое довольно, широко,
Залоснилось, какъ плѣшь. «Какое quiproquo!»
Вы восклицаете: «какъ низко, какъ коварно
Со мною поступилъ народъ неблагодарный!
Въ немъ нѣтъ ни совѣсти, ни чести, ни стыда...
Вотъ дали вы кому свободу, господа!»
И сдѣлавъ реверансъ предъ книгой съ «Положеньемъ»,
Вы обратились къ ней съ такимъ нравоученьемъ:
«Вотъ русскій вашъ народъ! Вотъ онъ, любимецъ вашъ!
Любуйтесь, господа, на этотъ пеизажъ.
(Тутъ указали вы на новую просѣку).
Нѣтъ, страшно волю дать такому человѣку!
Я говорила вамъ... Вотъ онъ — ce peuple russe!»
— «Я ефто тоже вамъ, княгиня, говорю-съ,»
Вашъ Несторъ-староста вступаетъ въ разсужденье:
— «Мужикъ, сударыня, не знаетъ обращенья
И къ деликатности, выходитъ, не привыкъ;
Что хошь ему толкуй — онъ, значитъ, все мужикъ;
А кабы сѣчь его покрѣпче, да почаще,
Такъ онъ бы затвердилъ, что нѣсть, молъ, власти аще.»
И тутъ совѣтникъ вашъ разчислилъ вамъ какъ могъ,
Что̀ обошелся вамъ въ вокабулахъ урокъ.
И много съ вами бѣдъ случилось въ этомъ родѣ,
И вы отчаялись совсѣмъ въ своемъ народѣ.

О полурусская красавица моя,
Какъ живо васъ теперь воображаю я!
Томимы скукою, бездѣйствіемъ и зноемъ,
Вы бродите, какъ тѣнь, по дѣдовскимъ покоямъ;
Вездѣ тоска и жаръ васъ душитъ и томитъ,
Все какъ-то не по васъ, все жметъ, все тяготитъ —
И платье легкое изъ кисеи воздушной,
И обувь, и коса. Вездѣ вамъ душно, скучно,
И день вашъ тянется, какъ вѣчность, какъ процессъ;
Не манитъ васъ ни садъ, ни рощица, ни лѣсъ;
Все валится изъ рукъ — и книга, и работа.
Межъ тѣмъ украдкою всесильная дремота,
Васъ нѣжно осѣнивъ невидимымъ крыломъ,
Уноситъ бережно таинственнымъ путемъ
Въ предѣлы вашего возлюбленнаго міра, —
И вотъ вамъ грезится полночная Пальмира.
Какая красота, какой волшебный видъ!
Вотъ зеркало Невы, оправленной въ гранитъ,
Вотъ грозный памятникъ монарха-великана,
Вотъ храмъ Исакія — созданье Монферрана.
Вотъ стройные ряды дворцовъ и колоннадъ,
Вотъ крѣпость, вотъ манежъ, казармы, плацъ-парадъ!
Вотъ Невскій вашъ проспектъ, а вотъ и онъ... о Боже!..
Михайловскій театръ! Вамъ снится, будто въ ложѣ
Сидите вы, бинокль на сцену устремивъ.
Безпеченъ, пустъ и милъ, кокетливо-игривъ
Французскій водевиль рѣзвится передъ вами:
Онъ разсыпается небрежно остротами,
Щекочетъ умъ и слухъ пріятно и легко,
Кипитъ и искрится, какъ рѣзвое клико,
И каламбурами бѣснуются и хлещетъ,
И чопорный партеръ въ восторгѣ рукоплещетъ.
Вы улыбаетесь, вы счастливы... и вдругъ
До васъ доносится какой-то странный звукъ:

То пѣсня русская на пробужденной нивѣ
Внезапно грянула — и разбудила васъ,
И широко, раздольно понеслась,
Какъ Волга-матушка во всемъ своемъ разливѣ.
Несется и гремитъ по нивамъ и полямъ
То замираетъ вдругъ, то дружнымъ хоромъ снова
Гремитъ, удалая, и вторя голосамъ,
Ей откликается сосѣдняя дуброва.
И откликается, заслышавъ звукъ родной,
Ей сердце русское, восторгомъ замирая, —
То ноетъ вмѣстѣ съ ней бездольною тоской,
То рвется на просторъ, надеждой оживая.
Ахъ, пѣсня русская! Прекрасенъ и глубокъ
Твой ясный токъ, раздольный и свободный!
Ты сокровенныхъ силъ народный нашъ залогъ,
Родникъ поэзіи живой и самородной.
Да, слушая тебя, растроганный душой,
Все милой родинѣ безропотно прощаешь:
Ты молишь за нее съ упрекомъ и тоской,
Ты за нее въ грядущемъ обѣщаешь.

Но вамъ, Петрополя законнѣйшая дщерь,
Вамъ пѣсня русская лишь нервы раздражаетъ,
Какъ будто бы скрипитъ немазанная дверь,
Иль вьюга зимняя въ каминѣ завываетъ.
Да, звуки русскіе не очень вамъ сродни —
Совсѣмъ иной языкъ, совсѣмъ иное пѣнье
Вашъ слухъ лелѣяли въ младенческіе дни,
И ваши первыя, святыя впечатлѣнья
Не въ русскомъ лепетѣ впервые излились;
Не нянька русская, когда вы родились,
Васъ, крестнымъ знаменемъ съ молитвой осѣняя
Укладывала спать, но англійская миссъ —
Британка кровная, Британка выписная.
Когда-жъ вы подросли, на вашъ незрѣлый умъ

Набили кандалы грамматики французской,
И всѣ зародыши едва возникшихъ думъ
Сдавили фразою опошленной и узкой;
Родной словесностью не занимались вы —
Вамъ все въ ней кажется такъ пошло и такъ грубо:
И только чтите вы, внявъ голосу молвы,
Творенья Мятлева, да графа Сологуба.
Отъ милой родины, какъ собственность свою,
Вы только приняли имѣніе да вѣру —
Вамъ родственнѣй звучитъ «Malbrouk s' en va-t-en guerre»
Чѣмъ даже «баюшки-баю».

———

VIII.

ЮНОЙ СОЧИНИТЕЛЬНИЦѢ.

(З. И. Ж — вой.)

Не плѣняйся бренной славой
Сходно купленныхъ вѣнковъ,
Не мѣшайся ты съ аравой
Синихъ фраковъ и чулковъ!
Знаю, слогъ твой нѣжный, милый
Всѣхъ разнѣжитъ, умилитъ,
Даже злѣйшіе зоилы
Всѣ расплачутся навзрыдъ.
Павловъ гимнъ тебѣ напишетъ,
Антоновичъ самъ, ей-ей,
О красѣ твоей прослышитъ,
И пощада будетъ ей.
Но въ тебѣ, отъ упражненій
Въ книжныхъ мысляхъ и рѣчахъ,
Пропадетъ краса движеній
И наивность выраженій
Съ дѣтской робостью въ очахъ.
Въ сонмъ московскихъ «беллетристовъ»
Ты какъ въ омутъ попадешь:
Тамъ кагалъ вралей-софистовъ
И учено-женскихъ рожъ
Вознесетъ тебя высоко
И въ свой орденъ посвятитъ,
И въ одно мгновенье ока
Преждевременно, до срока
Разовьетъ и просвѣтитъ.

Не топись ты въ этомъ морѣ,
Развиваться не спѣши,
И свободно на просторѣ,
Безъ запутанныхъ теорій
Вольной жизнью подыши!
Погоди! твой срокъ настанетъ.
Лѣтъ, примѣрно, въ сорокъ пять
Красота твоя увянетъ.
Начинай тогда писать —
Упражняйся въ резонерствѣ,
Книгу Бюхнера читай,
Хоть пиши объ акушерствѣ,
Во всѣ тяжкія валяй.
Погоди же упражняться
Въ ремеслѣ твоихъ друзей,
Дай ты намъ налюбоваться
Дѣтской прелестью твоей,
Непосредственностью милой,
Скромной нѣжностью очей,
Поэтическою силой
Безъискуственныхъ рѣчей.

1862 г.

IX.

ОНЪ И ОНА.

(Романъ въ куплетахъ).

Богатъ Онъ былъ очень и знатенъ,
Она — не знатна и бѣдна;
Лицомъ Онъ былъ очень пріятенъ,
Пріятна была и Она.

Онъ жилъ на квартирѣ огромной,
Всю жизнь упражнялся въ пирахъ;
Она же жила очень скромно
У нѣмки - вдовы въ нумерахъ.

Моталъ Онъ съ имѣнья оброки,
Играя, кутя, волочась;
Она же давала уроки,
Брала по полтинѣ за часъ.

Съ игры Онъ всегда возвращался
Ужъ утромъ, какъ истый игрокъ,
И съ нею онъ часто встрѣчался:
Она уже шла на урокъ.

Встрѣчаяся съ Нею, онъ смѣло
Ей слалъ поцѣлуи рукой,
Она отъ досады краснѣла
При дерзости глупой такой.

Онъ съ пьяну въ танцорку влюбился
И съ нею пошелъ подъ вѣнецъ.
На Ней, для хозяйства, женился
Богатый и старый купецъ.

Была та танцорка красива,
Легка, какъ безе изъ бѣлковъ;
Купецъ былъ рябой и плѣшивый
И вѣсилъ восьмнадцать пудовъ.

Онъ быстро свое состоянье
Съ танцоркой своей промоталъ;
А Ей ея мужъ въ завѣщаньи
Оставилъ большой капиталъ.

Она стала ѣздить въ коляскѣ,
Онъ скромно пѣшечкомъ гулялъ;
Она ему дѣлала глазки,
Онъ строго глаза потуплялъ.

Пресѣкъ онъ съ кутилами дружбу
И пить и играть пересталъ;
Потомъ поступилъ Онъ на службу
И службой семью содержалъ.

Она, не нуждаясь въ работѣ,
Лишь ѣла, пила да спала,
Весь день прохлаждалась въ капотѣ,
И жиромъ совсѣмъ заплыла;

Отъ жизни и сытой, и праздной
Ей въ голову лѣзъ всякій вздоръ —
Ей начали сниться соблазны, —
И съ ней подружился сапёръ...

И такъ помѣнялись ролями
Герои мои межъ собой: —
Онъ вѣчно корпѣлъ надъ дѣлами,
Жилъ мирно съ дѣтьми и съ женой.

Она все съ друзьями кутила —
Каталась на тройкахъ, пила:
И съ пьяну нерѣдко ихъ била,
Нерѣдко и бита была.

Читатель! позволь въ заключенье
Моралью покончить съ тобой: —
Коль ты не имѣлъ отъ рожденья
И двухъ десятинъ за душой, —

Работай, доволенъ будь малымъ,
Чужаго осла не желай!
Когда-жъ ты рожденъ съ капиталомъ,
Скорѣе его промотай!

X.

ЭМАНЦИПИРОВАННАЯ ПРОВИНЦІАЛКА.

Далеко, далеко,
Въ краю благодатномъ и райскомъ,
За Волгой широкой,
Въ уѣздѣ Царевококшайскомъ,
Гдѣ дешево мясо
И рыба, и все, что угодно, —
На свѣтъ родилася
Она отъ четы благородной.
Вдали отъ соблазна,
Науки, искусства и моды,
Росла она праздно
На лонѣ Казанской природы,
Росла и толстѣла,
Родимой семьѣ въ утѣшенье,
Читать не хотѣла
И ѣла пудами варенье;
Все больше дремала,
Ни шить, ни вязать не любила
И думала мало:
Все время въ ѣдѣ проводила;
Сидѣла все дома,
Довольная участью скромной,
Была лишь знакома
Съ своей попадьей да поповной.

Такъ дѣва младая
Цвѣла подъ отеческимъ кровомъ,
Семью умиляя
Своимъ аппетитомъ здоровымъ.
Ни гнѣвъ, ни тревоги,
Ни бури восторженной страсти
Не знали дороги
Къ душѣ вѣчно-дремлющей Насти;
Достигла счастливо
Она двадцать перваго года;
Кротка, молчалива,
Тиха и скромна, какъ колода.
Въ своемъ околодкѣ
Она не была исключеньемъ:
Всѣ были тамъ кротки,
И славился край поведеньемъ,
Зане всѣ народы
Въ уѣздѣ Царевококшайскомъ
Несчетные годы
Дремали въ застоѣ Китайскомъ.
За это коснѣнье
Весь край былъ наказанъ жестоко:
Утративъ терпѣнье,
Юпитеръ послалъ лжепророка, —
Орудіе кары,
Пророкъ сей — двойникъ Магомета —
Фанатикъ былъ ярый,
Но только особаго цвѣта.
Мудрецъ самородный,
Рѣшитель всѣхъ высшихъ вопросовъ,
Онъ былъ что угодно:
Политикъ, юристъ и философъ.
Онъ былъ гимназистомъ,
Но выгнанъ изъ третьяго класса, —
И сталъ публицистомъ,

Издателемъ «Трубнаго Гласа».
Рычагъ и свѣтило
Великой науки всезнанья,
Свирѣпъ, какъ Аттила,
Громилъ онъ нещадно преданья.
Онъ былъ уроженцемъ
Царевококшайской пустыни: —
Когда то младенцемъ
Игралъ онъ съ моей героиней —
(Двоюроднымъ братомъ
Онъ Настѣ моей доводился);
Прогресса набатомъ
Теперь онъ надъ ней разразился.
Какъ змій тотъ проклятый,
Что древле предсталъ передъ Евой,
Прогресса глашатай
Явился предъ сельскою дѣвой.
Легко искушенье:
Онъ быстро поддѣлался къ Настѣ —
Ѣлъ съ нею варенье,
Коврижки и прочія сласти.
И вотъ за сластями
Повелъ онъ свободно аттаку —
Трунилъ надъ властями,
Пѣлъ гимны гражданскому браку;
Съ насмѣшкою злобной
Онъ все отвергалъ, какъ химеру —
Міръ жизни загробной,
Законы, семейство и вѣру;
Статей Молешотта
И Фогта поборникъ завзятый,
До пятаго пота
Изъ нихъ приводилъ онъ цитаты;
Онъ счелъ, безъ сомнѣнья,
Работой, отчизнѣ полезной —

Внушить ихъ ученье
Безграматной дурѣ уѣздной, —
И сѣмя лихое
Отъ плевелъ науки германской
Усилилось втрое
На дѣвственной почвѣ казанской.
Настасьѣ Андревнѣ,
Сложенья простаго не знавшей,
Вѣкъ жившей въ деревнѣ
И свѣта въ глаза не видавшей,
Такія ученья
Внезапно услышать пришлося,
Что въ то-же мгновенье
Въ ней умъ изнемогъ отъ хаоса —
Въ ней все помутилось
Отъ новыхъ понятій тумана, —
И дѣва взбѣсилась,
Какъ будто хлебнула дурмана.
Средь этой маніи
Проектъ въ ней родился мудреный —
Дать міру другіе
Обычаи, нравы, законы.
И вотъ для начала
Взяла она въ ротъ папиросу,
Отца обругала
И въ скобку обрѣзала косу.
Съ тѣхъ поръ, какъ шальная,
Въ какомъ-то наитіи рьяномъ,
Дворянка младая
Являлась на сходки къ крестьянамъ
И тамъ для скандала,
Вѣщая имъ мудрое слово,
Она отвергала
Оброки и власть становаго,
И всѣмъ безъ разбору

Несла современныя враки —
Ткачу Никанору
Врала про гражданскіе браки;
Бурмистру Авдѣю
И прачкамъ, и ключницѣ Ѳеклѣ
Плела ахинею
О Бюхнерѣ, Фогтѣ и Бёклѣ.
Все въ домѣ дивилось,
Какъ Настя изъ кроткой голубки
Теперь превратилась
Въ гусара какого-то въ юбкѣ.
Всѣхъ больше дивилась
Мать Насти — старушка простая —
Она лишь крестилась,
Ея монологамъ внимая.
Она не цѣнила
Страстей соціальныхъ экстаза,
И просто рѣшила,
Что дочь заболѣла «отъ глаза»,
Что ропотъ на власти
И термины фразъ философскихъ
Явились у Насти
Отъ порчи и козней бѣсовскихъ,
Что, слѣдственно; надо
Исторгнуть несчастную душу
Изъ челюстей ада —
И Настю лѣчить, какъ кликушу.
И вотъ собралися
Жрецы всѣ и жрицы Гекаты:
Лѣкарка Анфиса
И знахарь Аѳонька Горбатый,
Танюшка Босая
И каторжникъ бѣглый Паисій,
И цѣлая стая
Ѳеклушекъ, Ѳедоръ и Анисій.

Открылися пренья,
Какъ пишутъ въ газетахъ — дебаты —
Давалъ направленье
Всѣмъ спорамъ Аѳонька Горбатый.
(На докторскомъ съѣздѣ
За то онъ былъ избранъ деканомъ,
Что всюду въ уѣздѣ
Онъ смерть наносилъ тараканамъ.)
Въ больной не открыли
Припадковъ болѣзни наружной
И хоромъ рѣшили,
Что Настю отчитывать нужно.
Ученая дѣва,
Услышавъ такое рѣшенье,
Исполнилась гнѣва,
Бранилась, дралась въ изступленьи.
Врачи растерялись,
Къ больной приступить не дерзая, —
И всѣ разбѣжались,
Осталась лишь Танька Босая.
Въ честь демонской власти
Оружья она не сложила,
И втайнѣ отъ Насти,
Прилежно надъ ней ворожила:
Усердно твердила
Надъ спящею дѣвой заклятья,
Украдкой курила
Ей ладономъ обувь и платье,
И въ пищу ей клала
Волшебнаго свойства коренья,
И что-то шептала
По цѣлымъ часамъ на варенье.
Но какъ ни старалась
Изъ Насти не выгнала бѣса, —
И дѣва осталась

Поборницей ярой «прогресса».
  Смекнула Танюша,
Что, видно, она ворожила
  Надъ мнимой кликушей,
Что барышня просто блажила;
  И это сомнѣнье
Открыла родителямъ Насти;
  Тѣ взяли рѣшенье —
Прибѣгнуть къ отеческой власти:
  Лѣченье оставить,
А дѣйствовать строго и круто,
  И дочку исправить
Посредствомъ древеснаго прута.
  Но дочка смекнула
Объ этомъ рѣшеньи проклятомъ —
  И вдругъ улизнула
Въ Петрополь съ двоюроднымъ братомъ.
  И тамъ отличалась
Своимъ направленьемъ отпѣтымъ —
  Въ танцклассы являлась —
И кончила — желтымъ билетомъ.

1866 года.

XI.

РУССКІЕ УЧЕНЫЕ.

I.

Ученый прежнихъ временъ.

Онъ былъ въ веснѣ своей
И въ Боннѣ, и въ Берлинѣ:
Пылалъ любовью къ *ней*
(Къ кухаркѣ Каролинѣ);
И брудершафты пилъ,
И на рапирахъ дрался,
И Фихте изучилъ,
И Кантомъ пропитался.
Онъ умъ свой упражнялъ
Въ мышленіи германскомъ
И пиво истреблялъ
Въ количествѣ гигантскомъ.
Онъ Нѣмцемъ сталъ кругомъ:
Вкушалъ онъ съ умиленьемъ
Картофель съ молокомъ,
Яичницу съ вареньемъ,
Прокислый кофей пилъ,
Ѣлъ супы изъ корицы

И гриву отростилъ
До самой поясницы.
Учился онъ лѣтъ шесть
И живмя жилъ въ биргалѣ,
Но все успѣлъ прочесть,
Что Нѣмцы написали.
Усердно посѣщалъ
Профессорскія чтенья
И вѣчно имъ внималъ
Въ какомъ-то изступленьи.
Онъ бралъ изъ всѣхъ наукъ
Лишь общія начала,
И въ умъ свой, какъ въ сундукъ,
Валилъ ихъ какъ попало:
Духовный сей амбаръ,
Сей арсеналъ огромный
Везти хотѣлъ онъ въ даръ
Своей отчизнѣ темной.
А тамъ — въ Москвѣ у насъ
Его давно ужъ знали
И каждый день и часъ
Тревожно ожидали:
Ученая молва
Давно о немъ гремѣла,
И добрая Москва
Предъ нимъ благоговѣла:
По отзывамъ о немъ
Друзей его Берлинскихъ,
Онъ обладалъ умомъ
Размѣровъ исполинскихъ;
Твердили всѣ, что онъ
Нашъ будущій Спиноза,
Декартъ, Сократъ, Зенонъ —
Ихъ душъ апоѳеоза,
Что онъ произведетъ

Въ наукѣ непремѣнно
Такой переворотъ,
Что ахнетъ вся вселенна.

Предсталъ онъ въ край родной
Косматымъ, исхудалымъ,
Съ восторженной душой,
Парящей къ идеаламъ.
Россію онъ обрёлъ
Въ невѣжествѣ глубокомъ,
Въ пучинѣ бѣдъ и золъ,
И сдѣлался пророкомъ.
Хотѣлъ онъ озарить
Отчизну свѣтомъ новымъ
И жизнь въ ней пробудить
Своимъ могучимъ словомъ:
Онъ просвѣтить желалъ
Московскихъ дамъ и франтовъ —
Въ мазуркѣ имъ кричалъ
Про Гегелей и Кантовъ;
Палимъ святымъ огнемъ
Науки отвлеченной,
Ходилъ изъ дома въ домъ,
Оралъ, какъ изступленный:
Носилъ онъ въ головѣ
Какую-то идею
И бѣгалъ по Москвѣ
Семь лѣтъ, чреватый ею.
Нова и глубока
Была идея эта,
Унесть за облака
Могла-бъ она поэта,
Могла бы разрѣшить
Вопросы вѣковые,
И сразу намъ открыть

Всѣ тайны міровыя,
И могъ бы міръ земной
Вдругъ въ рай преобразиться,
Когда бы мой герой
Могъ ею разрѣшиться.
Но тщетно онъ хотѣлъ
Найти ей выраженье —
Билъ въ грудь себя, пыхтѣлъ,
Потѣлъ отъ напряженья.
На сей жестокій трудъ,
На эти всѣ мученья
Москвы ученый людъ
Взиралъ въ благоговѣньи.
И долго, долго ждалъ
И ждалъ нетерпѣливо,
Чтобъ наконецъ насталъ
Тотъ день и мигъ счастливый —
Тотъ мигъ, какъ нашъ Сократъ
Идеей разрѣшится, —
И тотчасъ новый взглядъ
Въ наукѣ воцарится.
Казалось имъ порой,
Что мигъ сей приближался:
Философъ молодой
Вдругъ въ думу погружался...
И молча просидѣвъ
Минуты три на стулѣ,
Вдругъ вскакивалъ, какъ левъ,
Задѣтый дерзкой пулей,
И будто пораженъ
Открытіемъ мгновеннымъ,
Сверкалъ какъ Аполлонъ
Онъ взоромъ вдохновеннымъ.
Всѣ думали: «ну вотъ!
Нашелъ онъ видно слово:

Разинетъ только ротъ —
И истина готова.
Вѣдь послѣ столькихъ мукъ,
Какъ Зевса порожденье,
Она предстанетъ вдругъ
Во всемъ вооруженьи.»
И ротъ онъ разѣвалъ,
Но тотчасъ запинался
И слова вновь искалъ,
И снова бѣсновался.
И будущій Зенонъ
Умомъ своимъ мудренымъ
Постигъ, что видно онъ
Не созданъ Цицерономъ, —
Что въ немъ недостаетъ
Ораторской отваги,
Что рѣчь онъ поведетъ
Смѣлѣе на бумагѣ.
И вздумалъ онъ писать
Трактатъ, — трактатъ обширный,
Чтобъ имъ вѣнецъ стяжать
Извѣстности всемірной,
Чтобъ въономъ воплотить
Завѣтную *идею*
И міръ ошеломитъ
Премудростью своею.
Онъ сшилъ себѣ тетрадь
Безъ малаго въ три пуда
И сѣлъ было писать...
Но съ нимъ случилось чудо:
Увы! въ тотъ самый мигъ,
Какъ за перо онъ взялся,
Онъ сразу сталъ въ тупикъ
И въ мысляхъ растерялся: —
Въ себѣ онъ ощутилъ

Вдругъ страшное волненье —
Приливъ духовныхъ силъ
И мыслей наводенье:
Ходили худуномъ,
Вздымались океаномъ
Бурливо думы въ немъ,
Покрытыя туманомъ;
Весь умственный запасъ,
Что въ немъ давно копился,
Возсталъ теперь заразъ
И выдти вонъ стремился.
Стремился, но увы,
То было лишь стремленье:
Не лѣзъ изъ головы,
Не шелъ изъ заточенья
Хаосъ великихъ думъ;
Въ ихъ скопищѣ огромномъ
Блуждалъ напрасно умъ,
Какъ въ лабиринтѣ темномъ;
И тщетно мой герой
Ихъ выразить старался —
Теръ лобъ себѣ рукой,
По комнатѣ метался,
То по Москвѣ бродилъ,
То на диванъ ложился,
Грызъ ногти, воду пилъ
И плакалъ, и бѣсился,
А все никакъ не могъ
Привесть въ порядокъ стройный
Туманныхъ думъ потокъ
Безплодно безпокойный.
Какъ будто сокрушенъ
Отверженной любовью,
Блѣднѣлъ и чахнулъ онъ
И даже харкалъ кровью,

Чуть ноги волочилъ,
Не зналъ ни сна, ни пищи,
Едва не угодилъ
Ad patres — на кладбище,
А все не могъ сыскать
Для мыслей оболочки,
И въ толстую тетрадь
Не внесъ онъ ни полстрочки.

—

И много, много лѣтъ
И лучшихъ лѣтъ умчалось,
А все на Божій свѣтъ
Идея не являлась.
И вотъ ученый мужъ
Увидѣлъ самъ, въ чемъ дѣло —
Смекнулъ, что просто чушь
Въ башкѣ его сидѣла —
Что ровно никакой
Тамъ не было идеи,
И что всему виной
Поклонники злодѣи.
«Не смысля ничего,
Они съ восторгомъ дикимъ
Прославили его
Премудрымъ и великимъ.»
И вотъ мечты покровъ
Съ очей его свалился:
Сталъ веселъ онъ, здоровъ
И весь преобразился;
На впадинахъ ланитъ
Румянецъ показался,
И волчій аппетитъ
Въ желудкѣ разыгрался.
Сталъ клубъ онъ посѣщать,

Сталъ мирнымъ гражданиномъ,
Не сталъ пренебрегать
Ни орденомъ, ни чиномъ.
И мѣсто получилъ,
И выгодно женился,
И брюхо отпустилъ,
И съ жизнью примирился, —
И съ глупою женой
Подъ теплымъ одѣяломъ
Заспалъ философъ мой
Стремленье къ идеаламъ.

II.

УЧЕНЫЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ.

Дней своихъ еще весною —
На тринадцатомъ году —
Онъ прочелъ съ меньшой сестрою
Всю «Полярную Звѣзду».
Былъ онъ мальчикъ скороспѣлый:
Въ эти раннія лѣта
Онъ кричалъ, съ осанкой смѣлой,
Что ученье суета.
Съ видомъ гордаго презрѣнья,
Онъ твердилъ въ кругу ребятъ,
Что склоненья и спряженья
И таблица умноженья
Ходъ прогресса тормозятъ;
Что великая преграда
Для прогресса буква *ять*,
Что ее давно бы надо
Изъ отечества изгнать,
Что она, сдружась издавна
Съ недостойною *ѳитой*,
Вмѣстѣ съ *ижицей* безславной
Въ насъ поддерживаетъ явно
Духъ неволи и застой, —
Что грамматика, — наслѣдство
Схоластическихъ затѣй,
Есть надежнѣйшее средство
Притуплять умы дѣтей;
Что латынь — одно мученье, —

Старыхъ нѣмцевъ злой недугъ;
Что для насъ одно спасенье —
Свѣтъ естественныхъ наукъ.
Такъ нашъ будущій учитель,
Русской мудрости атлетъ —
Юной Руси просвѣтитель
Разсуждалъ въ двѣнадцать лѣтъ.
Разъ избравши путь реальный,
Вѣренъ взгляду своему,
Онъ въ гимназіи буквально
Не учился ничему.
Лишь сбиралъ букашекъ, мушекъ,
Травы всякія сушилъ
И мышей, крысятъ, лягушекъ
Съ наслажденьемъ потрошилъ.
Эти важныя занятья,
Эти тяжкіе труды,
Хоть марали страшно платье,
Дали чудные плоды:
Строгій методъ наблюденья
Рано въ отрокѣ развилъ
Благотворный духъ сомнѣнья
И реальное воззрѣнье
Въ немъ навѣки укрѣпилъ:
Мучимъ жаждой отрицанья,
Сомнѣвался онъ во *всемъ*, —
И съ тѣхъ поръ лишь въ осязанье,
Въ микроскопъ, да въ обонянье
Сохранилась вѣра въ немъ;
Міръ природы — міръ реальный
Весь раскрылся передъ нимъ,
И мальчишка геніальный
Сталъ философомъ лихимъ.
Много истинъ драгоцѣнныхъ...
Не высокихъ истинъ — нѣтъ!

Но безспорныхъ, несомнѣнныхъ
Набрался онъ съ юныхъ лѣтъ: —
Онъ узналъ чрезъ изученье
Положительныхъ наукъ,
Что на свѣтѣ есть творенье
Подъ названіемъ паукъ,
Онъ узналъ (то фактъ не новый,
Но наглядность дорога,
Дорогъ методъ намъ толковый)
Онъ узналъ, что у коровы
Есть дѣйствительно рога.
Этихъ фактовъ безъ сомнѣнья
Онъ не могъ бы вѣкъ узнать,
Еслибъ Цезаря творенья
Принужденъ былъ изучать.
Съ этой массой колоссальной
Фактовъ, взглядовъ и началъ
Эрудиціи реальной
Къ русской публикѣ журнальной
Онъ въ диктаторы попалъ.
Не щадя остротъ лакейскихъ,
Онъ съ плеча въ своихъ статьяхъ
Всѣхъ ученыхъ Европейскихъ
Разгромилъ и въ пухъ и въ прахъ.
И Гизо, и Маколея,
И Токвиля, и Минье
Обвинялъ онъ, не краснѣя,
Въ шарлатанствѣ и враньѣ.
И народной нашей славы
Онъ кумировъ не забылъ, —
И создателя «Полтавы»
Идіотомъ объявилъ.
Вѣренъ Бюхнера доктринамъ,
Онъ кричалъ, что самъ Ньютонъ
Былъ, какъ всѣ, умомъ куринымъ

От природы одаренъ —
Что въ минуту вдохновенья —
Въ мигъ, когда постигнулъ онъ
Міроваго тяготѣнья
Богомъ созданный законъ, —
Имъ владѣла та-же сила,
Та-же мысль свѣтилась въ немъ,
Что индѣйку научила
Пробавлять себя зерномъ.
И такихъ теорій кучи
Нашъ ученый сочинилъ;
Долго гласъ его могучій
Предъ толпой эффектъ трескучій
Въ мѣсяцъ разъ производилъ.
И могучее вліянье
За собой онъ укрѣпилъ,
И въ наукѣ основанье
Новой школы положилъ:
Бурсаки, пансіонерки
И провинцій дикихъ львы,
И дѣвицы - баядерки,
Фрины Мойки и Невы
Свято чтутъ его ученье,
Какъ Евреи свой Талмудъ,
И другаго направленья
Вплоть до гроба не поймутъ.

Май 1866 г.

XII.

НЕДАЛЬНОВИДНОЕ ЧЕСТОЛЮБІЕ.

или

Замоскворѣчье и Бѣлый Городъ.

(Историческій романъ.)

Грядущаго знать невозможно:
День завтрашній — тайна для насъ.
На истинѣ сей непреложной
Основанъ мой новый разсказъ.

Въ Москвѣ близъ Коровьяго Вала
Младая купчиха жила,
(Для риѳмы скажу обитала),
И первою львицей квартала
Въ общественномъ мнѣньи слыла.
Мила, какъ мечтанье поэта,
Пуста, какъ его кошелекъ,
Невинная дѣвушка эта
На балахъ торговаго свѣта
Царила, какъ мѣстный божокъ.
Природа ее изваяла,

Какъ самый прилежный скульпторъ:
Въ ней всякая мелочь прельщала
Отдѣлкой изящною взоръ;
Все страстью и нѣгою томной
Дышало въ красоткѣ моей,
Все — кончикъ ноги ея скромной,
Шикарная форма ногтей,
Рисунокъ бровей, подбородокъ
И личика строгій овалъ, —
И на версту весь околодокъ
Въ нее былъ влюбленъ наповалъ.
И вся молодежь холостая
Ея добивались руки,
И страстью преступною тая,
Къ ней льнули толпой старики.
Но въ сердцѣ сей дѣвы ужасной
Любовь никогда не жила:
Холодной, надменной, безстрастной
Природа ее создала:
Въ ней гордое сердце не знало
Ни сладкихъ восторговъ, ни мукъ,
Открыто она презирала
Своихъ жениховъ и подругъ
И матери нѣжной, старушки,
Какъ будто чуждалась она...
Ну, словомъ, какъ кожа лягушки,
Была въ ней душа холодна.
Въ мущинахъ ея не прельщали
Ни кудри, ни очи, ни станъ,
Ни зубы блестящей эмали,
Ни туго набитый карманъ,
Ни умъ, ни тѣлесная сила,
Ни усъ трехъаршинной длины:
За то она страстно любила
Кресты да большіе чины.

Ея благосклоннаго взора
Лишь тотъ удостоиться могъ,
Кто чиномъ не ниже майора,
Хоть будь онъ умомъ недалекъ,
Да, наша Анфиса Петровна
(Такъ будемъ ее называть)
Хотѣла быть дамой чиновной,
Пробраться въ дворянство и въ знать.

Въ Москвѣ близъ Коровьяго Вала
Въ тѣ дни проживалъ кандидатъ:
Вбивалъ онъ науки начала
Въ купеческихъ жирныхъ ребятъ.
Хоть былъ онъ учености рѣдкой,
Но малый былъ желчный, больной.
И былъ онъ своею сосѣдкой
Три года плѣненъ, какъ шальной.
Подъѣхалъ онъ къ ней съ предложеньемъ,
И что-жъ? получилъ только носъ: —
Она отвѣчала презрѣньемъ;
Онъ это едва перенесъ:
И мщенья зловредная искра
Вдругъ въ сердцѣ влюбленномъ зажглась, —
И сталъ онъ держать на магистра,
Чтобъ ей отомстить за отказъ.

Опасности грозной не чуя,
Не чуя предательскихъ ковъ,
Анфиса, на балахъ танцуя,
Искала межъ тѣмъ жениховъ.
И вотъ, наконецъ, отыскался
Какой-то майоръ отставной
И бракомъ онъ съ ней сочетался,
Но въ маѣ, въ концѣ Ѳоминой.
И гордою барыней стала

Анфиса Петровна моя:
Съ восторгомъ она промѣняла
Затишье Коровьяго Вала
На шумные наши края.
Но только своей атмосферой
Пахнулъ на Анфису Арбатъ, —
На званіе штабъ - офицера
Она измѣнила свой взглядъ.
И скоро она разгадала,
Раскинувъ кичливымъ умомъ,
Что то, что умы поражало
Въ предѣлахъ Коровьяго Вала,
Въ Арбатской части нипочемъ.
И вотъ съ высоты идеала
Майорство она низвела:
Теперь лишь звѣздѣ генерала
Она удивляться могла.
И стало на свѣтѣ ей тошно:
Лишась аппетита и сна,
Къ супругу и денно, и нощно
Теперь приставала она,
Чтобъ онъ, дармоѣдъ, непремѣнно
На службу опять поступилъ,
И чинъ генеральскій почтенный
Какъ можно скорѣй получилъ;
А бѣдный супругъ всей душою
На службу вступить былъ бы радъ,
Но былъ тутъ помѣхой большою
Служебный его аттестатъ.

Межъ тѣмъ, получивши магистра,
Учитель на службу вступилъ
И въ гору поднялся онъ быстро,
И пропасть чиновъ получилъ.
Его наградила природа

Умомъ бюрократа: постигъ
Онъ таинства службы въ полгода, —
А тамъ, съ быстротой парохода,
Четвертаго класса достигъ.

Однажды Анфиса сидѣла
Въ театрѣ; давали балетъ:
До сцены ей не было дѣла —
Она въ бельэтажъ все глядѣла,
Любуясь на чопорный свѣтъ.
Глядѣла — и вдругъ задрожала,
Почувствовавъ холодъ въ крови:
Учитель съ Коровьяго Вала
Съ ней гордо сидѣлъ vis-à-vis: —
На персяхъ его красовались
Такихъ степеней ордена,
Что мысли ея вдругъ смѣшались, —
И замертво пала она.

Съ тѣхъ поръ Чальдъ-Гарольдъ мой чиновный
(Онъ страшно злопамятенъ былъ)
Вездѣ за Анфисой Петровной
Съ ехидной улыбкой слѣдилъ:
Въ концертахъ, въ рядахъ, на гуляньи,
Вездѣ передъ ней онъ торчалъ,
Встрѣчался ей въ каждомъ собраньи
И въ церкви молиться мѣшалъ.
И гдѣ бы они не встрѣчались,
Онъ страшенъ ей былъ, какъ гроза: —
Съ упрекомъ ей въ сердце впивались
Его ордена и глаза.
И, кажется, вслухъ ей твердили
Безжалостно-злобный вопросъ:
— «Анфиса! зачѣмъ вы сглупили?
Зачѣмъ сгоряча наклеили

Хозяину нашему носъ?!
Конечно, левитовъ потомокъ,
Онъ рангомъ былъ такъ невысокъ,
За то онъ рыдалъ, какъ ребенокъ,
У вашихъ хорошенькихъ ногъ!
А вы... вы безчувственны были
И гордо стояли предъ нимъ,
И юное сердце разбили
Вы словомъ суровымъ однимъ.
Терпите же Тантала муки
Вы, съ завистью глядя на насъ,
Ломайте въ отчаяньи руки:
Теперь мы блестимъ не про васъ.

20 Января, 1865 г.

XIII.

БЕЗКОРЫСТНЫЙ РЕФОРМАТОРЪ.

Въ Москвѣ было душно и жарко,
Марія на дачѣ жила;
Я жилъ близь Петровскаго парка,
А въ паркѣ ихъ дача была.
Сошелся я съ ней подъ Всесвятскимъ.
Она какъ-то сбилась съ пути,
Взялся я съ участіемъ братскимъ
Съ ней до дому вмѣстѣ дойти.
Съ тѣхъ поръ каждый день мы видались,
И вздумалось мнѣ той порой
Поднять философскій анализъ
Въ головкѣ ея молодой.
Огромный талантъ педагога
Въ себѣ я внезапно открылъ
И планъ воспитанія строго
Въ двѣнадцать минутъ обсудилъ.
Сей планъ изложу я вамъ вкратцѣ·
Вопервыхъ, я сразу постигъ,
Что дѣвушкѣ, вѣрящей въ святцы,
Нельзя все сказать напрямикъ
И міра открыть вдругъ изнанку, —
И прямо, безъ каверзъ и штукъ,
Впихнуть молодую дворянку
Въ тайникъ философскихъ наукъ.

Такимъ откровеннымъ пріемомъ
Лишь можно ее запугать;
Ужъ лучше обухомъ иль ломомъ
Ей просто затрещину дать.
Притомъ же она перескажетъ
Все матери дурѣ, а мать
Сейчасъ же лакеямъ прикажетъ
Философа въ часть отослать.
Итакъ я рѣшился на штуки —
Рѣшился съ Маріей хитрить
И въ храмъ нашей постной науки
Конфеткой ее заманить: —
Сначала въ ней къ чтенью охоту
Посредствомъ романовъ развить,
Задать ея мозгу работу,
И только тогда къ Молешоту
Открытымъ путемъ приступить,
Когда подо всѣ тѣ ученья,
Что̀ съ дѣтства внушаетъ намъ попъ,
При помощи *легкаго чтенья*;
Я вырою тайный подкопъ
Въ головкѣ ея полудикой,
И въ душу къ ней вкрадусь, какъ тать...
И съ этою цѣлью великой
Я сталъ ей романы читать.
Задорный романъ «Наканунѣ»
Въ одинъ я присѣстъ отмахалъ;
Вспотѣлъ я, какъ лошадь, но втунѣ
Священный мой потъ не пропалъ.
Съ достоинствомъ, точна Юнона.
Сначала внимала она,
Полна родоваго аплона,
И дѣвушка лучшаго тона
Была въ ней до пятокъ видна: —
Какъ слѣдуетъ свѣтской дѣвицѣ,

Внимающей русскій романъ,
Сидѣла, не двинувъ рѣсницей,
Она, какъ какой истуканъ:
Во взорѣ ни тѣни вниманья,
Лишь гордость, презрѣнье и лѣнь,
Какъ будто бы все мірозданье
Для ней нипочемъ, дребедень,
Какъ будто вся кровь въ ней застыла,
Какъ будто давилъ ее сплинъ,
Какъ будто она проглотила
Въ дни дѣтства желѣзный аршинъ.
Но послѣ, когда за живое
Елена ее забрала,
И вспыхнуло въ ней ретивое, —
Она точно вдругъ ожила.
Когда-жъ прочиталъ я то мѣсто,
Гдѣ, долга сознаньемъ полна, —
Инсарова проситъ невѣста
Ее получить всю сполна, —
Она на меня устремила
Взоръ, полный любви и огня,
И съ хохотомъ нервнымъ спросила:
Чтò значитъ «возьми всю меня»?
Я обмеръ, какъ будто обухомъ
Меня угодили въ високъ;
И долго сбирался я съ духомъ,
Чтобъ ей отвѣчать, но не могъ.
Молчу, все лицо покраснѣло
Дрожу, словно пойманный воръ;
Она же въ меня очень смѣло
Вонзила насмѣшливый взоръ...
И чувствовалъ я... но словами
Тѣхъ чувствъ передать не могу...
«Monsiur Вознесенскій, чтó съ вами?»
Спросила, блистая глазами,

Марія. Но я—ни гу-гу!
«Что съ вами?» она повторила
И снова насмѣшливый взглядъ
Въ меня, какъ иголку, вонзила,
И съ хохотомъ скрылася въ садъ.

Оставшись одинъ, я невольно
Себя обругалъ дуракомъ
И въ собственный лобъ очень больно
Съ досады хватилъ кулакомъ.
Вѣдь дѣвка-то бой, я воскликнулъ,
Какого же маху я далъ!
Какъ мало въ природу я вникнулъ,
Хоть Бюхнера много читалъ.
Увѣренъ я былъ, что Марія
Еще предразсудковъ полна;
Готовъ бы держать былъ пари я,
Что вѣритъ доселѣ она,
Какъ вѣритъ любая дѣвица
Ея воспитанья и лѣтъ,
Что племя людское родится
Изъ бѣлой капусты на свѣтъ.
Воспитанъ по старой методѣ,
Вѣдь вѣрилъ я самъ, съ годъ назадъ,
Что будто меня въ огородѣ
Мамаша нашла между грядъ.
Но этотъ смѣшной, идеальный,
Отсталый, мистическій взглядъ
Во мнѣ истребилъ радикально
Наукой своей либеральной
Философовъ новыхъ отрядъ:
Когда Молешотъ съ Фейербахомъ
Сорвали съ природы покровъ,
Во мнѣ разлетѣлися прахомъ
Всѣ догматы Среднихъ Вѣковъ;

Къ тому же и лекціи Коха
Я въ прошломъ году посѣщалъ,
А прежде я какъ - то все плохо
Природу вещей постигалъ.
Марія же отроду въ руки
Ученыхъ брошюръ не брала,
Жила въ сторонѣ отъ науки
И съ самаго дѣтства росла
Въ оковахъ желѣзныхъ преданья,
Идей современныхъ чужда...
Откуда же эти познанья
Она почерпнула? Когда?
Ужели она инстинктивно
Посредствомъ догадокъ простыхъ
Своею головкой наивной
Дошла до познаній такихъ?
Ее я считалъ прежде дурой,
Но вижу теперь, что она
Почти геніальной натурой
И быстрымъ умомъ снабжена;
Она совершенно созрѣла
Для самыхъ серьезныхъ идей, —
И можно открыто и смѣло
Начать пропаганду надъ ней.

И вотъ началась пропаганда.
Чтобъ дать ея взглядамъ просторъ,
Я ей прочиталъ Жоржа Санда,
Записки Селестъ Магадоръ,
Густава Надо, Беранжера, —
И мало - по - малу предъ ней
Открылася новая сфера,
Открылась изнанка вещей.
Марія прилежно внимала
Съ участіемъ страстно - нѣмымъ,

И кажется, все понимала
Инстинктомъ природнымъ своимъ.
И часто, когда мнѣ случалось
Прочесть ей пикантный куплетъ,
То грудь ея бурно вздымалась,
И такъ ея кровь волновалась,
Что лопнулъ однажды корсетъ.

Марія совсѣмъ измѣнилась
Отъ чтенья порядочныхъ книгъ: —
Со мной какъ съ сестрой обходилась,
Ни въ чемъ никогда не стыдилась,
Какъ будто ужъ былъ я старикъ: —
Свободно и смѣло, безъ краски
Въ лицѣ, скидавала башмакъ,
При мнѣ поправляла подвязки.
А я? Я краснѣлъ какъ дуракъ!
Краснѣлъ я, но въ эти минуты
Я въ нѣдрахъ души ликовалъ,
Что свѣтскихъ обычаевъ путы
На юной душѣ развязалъ.
Но ты усмѣхнулся лукаво.
Читатель и молвилъ: «хе, хе!..
«Онъ малый не промахъ!» Но право,
Меня обвинилъ ты неправо
Ловласства во мнимомъ грѣхѣ.
Ей Богу, на дѣвушку эту
Я видовъ совсѣмъ не имѣлъ:
На пользу отчизнѣ и свѣту
Развить я Марію хотѣлъ.
Клянуся, и правую руку
Я съ чувствомъ на сердце кладу,
Что только прогрессъ и науку
Имѣлъ я при этомъ въ виду.
По мнѣ, господа, что мущина

Что дама все это равно,
И страстной любви чертовщина
Есть вздоръ, пустословье одно.
Что мнѣ красоты обаянье!
Я такъ отъ природы сложенъ,
Что даже лишенъ обонянья
И въ кушаньяхъ вкусу лишенъ.
Ни страсти, ни нѣжныя чувства,
Души не смущають моей;
Терпѣть не могу я искусства,
Природы, собакъ и дѣтей;
Противны мнѣ музыка, пѣнье;
Вино и табакъ не терплю.
Я знаю лишь два наслажденья:
Люблю я читать разсужденья
И мыслить ужасно люблю.
Франтить не люблю, — одѣваюсь
Я только, чтобъ тѣло прикрыть,
И чѣмъ ни попало питаюсь,
Чтобъ только голоднымъ не быть;
И чуждый мірскому веселью,
Я мрачнымъ аскетомъ слыву:
И ѣмъ я съ ученою цѣлью,
И съ этой же цѣлью живу: —
Вѣдь жить для того я желаю,
Чтобъ умныя книги читать,
А умныя книги читаю,
Чтобъ послѣ людей просвѣщать...

Но я возвращаюсь къ Маріи
Любовью къ наукѣ полна.
Въ познаньяхъ успѣхи большіе
При мнѣ оказала она.
Всего протекло три недѣли,
Какъ сталъ я ее развивать,

Но близокъ ужъ былъ я отъ цѣли,
Уже помышлялъ я начать
Знакомить ее съ Луи Бланомъ,
Съ Прудономъ, Бланки и Кабе,
Но это осталось лишь планомъ,
(Такъ было угодно судьбѣ!)
Вдругъ осень нагрянула. Холодъ
Сталъ въ дачи ходить по ночамъ,
И бросились дачники въ городъ
Къ окошкамъ двойнымъ и печамъ.
Прощаясь со мною, Марія
Была и грустна, и блѣдна...
«Прошли наши дни золотые»,
Вздохнувъ, прошептала она
И съ чувствомъ мнѣ руку пожала,
И томно склонясь головой,
Почти со слезами сказала:
«Я знаю, вамъ скучно со мной:
Вы такъ и умны, и учены,
И столько читали вы книгъ,
Что знаете все: и... законы...
И... этотъ... латинскій языкъ...
И химію... знаете даже,
Что въ мозгъ намъ кладется фосфоръ,
Что всякая собственность — кража,
Что бракъ и Юркевичъ — все вздоръ.
Вы такъ говорите прекрасно!...
И въ Зыковской рощѣ вчера
Вы такъ доказали мнѣ ясно,
Что нѣту ни зла, ни добра,
Что въ людяхъ нѣтъ вовсе... экстаза,
А сдѣлана наша душа
Изъ угля прокислаго, газа,
И... какъ бишь его?... поташа,
По-русски сказать аммоньяка, —

Что, слѣдственно, нѣту грѣха
Любить иногда и безъ брака
И ѣздить на балы безъ фрака,
И выбрать въ мужья бурлака,
Что можно курить за обѣдомъ,
Бѣлья никогда не мѣнять,
Что можно Финляндію Шведамъ,
А Польшу Замойскимъ отдать,
Велѣть всѣмъ губерніямъ нашимъ
Жаргоны свои развивать,
Велѣть и Мордвѣ, и Чувашамъ
Словесность родную создать;
Что можно порядочнымъ дамамъ
Въ квартальныхъ служить, какъ мужьямъ;
Что не было Евы съ Адамомъ;
Что міръ нашъ вдругъ сдѣлался самъ;
Что можно родиться изъ пыли;
Что люди, въ старинные дни.
Сперва обезьянами были
И ѣли легюмы одни,
Но стали читать и учиться,
И сдѣлались тотчасъ людьми, —
Что, слѣдственно, стыдно гордиться
И носъ подымать предъ звѣрьми,
А надо открыть имъ объятья:
Всѣ птицы, всѣ даже скоты
По крови намъ меньшіе братья,
Но мало еще развиты.
Когда же придетъ просвѣщенье,
И люди прогрессъ заведутъ,
И всѣ эти... тамъ... учрежденья
Совсѣмъ наконецъ упадутъ,
И будетъ порядокъ разрушенъ,
И люди скотовъ разовьютъ, —
То лошади всѣ изъ конюшенъ,

И изъ лѣсу волки уйдутъ,
Отъ матокъ отдѣлятся пчелы,
И свиньи сломаютъ хлѣва,
И бросившись съ жадностью въ школы,
Получатъ на службѣ права
И будутъ безплатно учиться,
И даже стипендіи брать,
И наше начальство рѣшится
Усадьбами ихъ надѣлять.
И будетъ у насъ все прекрасно,
И такъ хорошо будетъ всѣмъ,
И будетъ все дѣлаться гласно,
И просто наступитъ эдемъ:
Пройдутъ у людей всѣ пороки
И страсти: крестьяне тогда
Платить перестанутъ оброки,
Не будетъ судей и суда;
Дадимъ мы всѣмъ нищимъ богатство,
На выборахъ — всѣмъ голоса, —
И будетъ вдругъ равенство, братство,
Свобода, любовь... et... tout... ca!...»

«И много вы мнѣ говорили
Хорошихъ и умныхъ вещей;
Но больше всего поразили
Вы фразой одною своей...
Сказали вы: еслибъ аптека
Была подъ рукою у васъ,
Вы сдѣлать могли-бъ человѣка
По химіи вашей сейчасъ...
И вѣрю я вамъ — вы философъ...
Вы химикъ и физикъ такой,
И столько рѣшили вопросовъ,
Что право... вамъ скучно со мной: —
Вѣдь я... Я глупа. Убѣдилась

Я въ этомъ недавно сама:
Хоть въ дѣтствѣ я много училась,
Но въ памяти лишь сохранилось:
J'aimai, tu aimas, il aima;
Но ежели жаль хоть немного
Вамъ дурой меня оставлять,
То я васъ прошу, ради Бога,
Меня и въ Москвѣ... развивать.»

Я принялъ ея предложенье
И былъ такъ глубоко счастливъ,
Что тотчасъ со мной отъ волненья
Ужаснѣйшій сдѣлался тифъ.
Я утромъ съ Маріей разстался,
А къ вечеру слегъ ужъ въ постель;
Въ постели же я провалялся
Ровнехонько восемь недѣль.
И лежа, горѣлъ я желаньемъ
Скорѣе оставить кровать,
Чтобъ снова и съ вящимъ стараньемъ
Марію начать развивать.
И только что я убѣдился,
Что въ силахъ ногами владѣть,
Сію же минуту рѣшился
Къ прекрасной адепткѣ летѣть.
Надѣвъ панталоны, манишку
И прочій безсмысленный вздоръ
И взявъ восемь томовъ подъ мышку,
Во весь я помчался опоръ
На ванькѣ несчастномъ къ Маріи,
Везя ей духовный обѣдъ.
Дорогой сложилъ я по хріи
Ей краткій и сильный привѣтъ.
У нихъ былъ свой домъ близъ Мясницкой,
Огромнѣйшій каменный домъ,

Гдѣ, комфортъ любя сибаритскій,
Мать съ дочерью жили вдвоемъ.
Когда передо мною открылся
Его мрачно-гордый фасадъ,
Я вдругъ почему-то смутился
И думалъ ужъ ѣхать назадъ.
Но ванька мой, мысли быстрѣе,
Къ подъѣзду меня подкатилъ;
Швейцаръ въ темносиней ливреѣ
Съ почтеньемъ мнѣ дверь отворилъ.
Я вдругъ очутился въ швейцарской,
Межъ мраморныхъ статуй и вазъ.
И обмеръ: мой взоръ семинарскій
Такой обстановки боярской
Во снѣ не видалъ отродясь.
Я назвалъ себя, — и раздался
Зачѣмъ-то на лѣстницѣ звонъ. —
И тутъ я совсѣмъ растерялся,
Явленьемъ такимъ пораженъ.
(Доселѣ считалъ ужъ бонтономъ
Я домъ, гдѣ у двери звонокъ,
Но право же лѣстницъ со звономъ
Себѣ и представить не могъ).
Явился слуга трехъаршинный,
Потомъ обо мнѣ доложилъ,
И мигомъ по лѣстницѣ длинной
Меня онъ наверхъ протащилъ.
И вотъ прохожу я съ смущеньемъ
Гостиныхъ безчисленныхъ рядъ;
Со стѣнъ на меня съ удивленьемъ
Фамильныя рожи глядятъ.
Иду и въ душѣ ощущаю
Какой-то паническій страхъ.
Ногами совсѣмъ утопаю
Въ безсовѣстно-мягкихъ коврахъ:

И поступью глупо-несмѣлой
Достигъ я до комнаты той,
Гдѣ Марья Петровна сидѣла, —
И ожилъ заранѣ душой.
Вошелъ... и сробѣлъ совершенно,
И бросило тѣло все въ жаръ: —
Предъ ней возсѣдалъ пренадменно
Огромный... гвардейскій гусаръ.
Взглянулъ на Марію тогда я,
И право, насилу узналъ,
Холодность и важность такая —
Ну просто — что твой генералъ!
Она мнѣ кивнула головкой,
И этотъ небрежный кивокъ
Былъ сдѣланъ такъ мило и ловко,
Былъ такъ граціозно легокъ
И былъ онъ такъ вѣжливъ жестоко,
Презрительно ласковъ такъ былъ,
Что я, оскорбленный глубоко,
Невольно глаза опустилъ;
Глаза опустивши, впервые
Тутъ только замѣтилъ я вдругъ
Свои сапожищи худые
И пухомъ покрытый сюртукъ.
Я вздрогнулъ, и вдругъ изъ-подъ мышки,
Какъ бы къ довершенію бѣдъ,
Посыпались умныя книжки,
Какъ бомбы, на звонкій паркетъ.
Марія чуть-чуть улыбнулась,
Взглянувши на книги мои,
Но эта улыбка воткнулась
Мнѣ въ сердце, какъ жало змѣи.
Мнѣ было бы легче разъ во сто,
Когда-бъ, при пассажѣ такомъ,
Она разсмѣялась бы просто,

Какъ пьяный мужикъ, — на весь домъ.
Но былъ такъ обидно спокоенъ
Характеръ улыбки у ней,
Какъ будто ужъ я недостоинъ
И громко смѣха — ей, ей!
И взглядъ ея въ это мгновенье
Такъ мягко въ себѣ отражалъ
Такое ко мнѣ снисхожденье, —
Что я... я сейчасъ убѣжалъ.
Вскипѣлъ я безмѣрною злобой
Къ адепткѣ бездушной моей
И собственной жалкой особой
Гнушался четырнадцать дней.
И билъ себя съ яростью въ темя,
И плакалъ, и громко вопилъ:
«Зачѣмъ я безцѣнное время
Для этой дѣвченки губилъ!?
Зачѣмъ подлѣ Зыкова въ рощѣ,
Краснѣя, ее развивалъ!?
Ахъ, лучше бъ я дѣйствовалъ проще!..
И бисеръ предъ ней не металъ.
Тогда-бъ я имѣлъ утѣшенье,
Что ей напередъ отомстилъ
За гордый пріемъ и презрѣнье: —
Что въ глупомъ общественномъ мнѣньи
Навѣки ее погубилъ.»
Такъ гордости раненой муки
Я самъ предъ собой изливалъ,
И съ горя, прогрессъ и науки,
И Фогта, и всѣхъ проклиналъ.
И думать о нихъ не хотѣлось,
Противенъ мнѣ былъ Фейербахъ...
Въ мечтахъ все Марія вертѣлась,
Съ улыбкой на тонкихъ губахъ,
И каждую ночь мнѣ являлась

Во снѣ, и какъ будто дразня,
Съ вопросомъ ко мнѣ обращалась:
«Что̀ значитъ: возьми всю меня?»
И съ нѣжностью истинно женской,
Присѣвши ко мнѣ на диванъ,
Шептала: «Monsieur Вознесенскій,
Вѣдь вы совершенный болванъ:
Съ большимъ убѣжденьемъ и жаромъ
Громите вы сильныхъ земли,
Но лишь повстрѣчались съ гусаромъ, —
И къ полу сейчасъ приросли!»

1864 г.

XIV.

СКЕПТИКЪ.

Дивлюсь ли грому фразъ журнальныхъ.
Веду-ль про гласность разговоръ,
Сижу-ль межъ франтовъ либеральныхъ,
Хулу ли слышу на квартальныхъ, —
Я грустно потупляю взоръ.

Внимаю-ль старца рѣчи страстной
Въ честь новыхъ взглядовъ и началъ,
Я мыслю: «старецъ мой прекрасный,
Зачѣмъ же прежде столь же гласно
Ты мракъ и рабство восхвалялъ?»

Внимаю-ль рѣчи гимназиста,
Кипящей токомъ модныхъ словъ
И кроткихъ чувствъ либръ-эшанжиста,
Я въ немъ провижу афериста,
Героя винныхъ откуповъ.

И слышу-ль слово громовое
Я противъ взятокъ и судовъ
Изъ устъ чиновника героя,
Смекаю: видно родовое
Ты получилъ, братъ, отъ отцовъ!
Когда-бъ ты былъ бѣднякъ безродный
И сѣмью службою питалъ,
Ѳемиды тощей и голодной

Такъ горячо и такъ свободно
Ты-бъ на тощакъ не осуждалъ.
Твержу я всѣмъ: промчатся годы,
Остепенится снова міръ, —
И вы, поборники свободы,
Всѣ облечетесь въ вицъ - мундиръ.
За правду вы теперь стоите,
Но вамъ лишь пальцемъ погрози,
И вы въ минуту замолчите;
Пугни, — и хоромъ запищите:
«И вашимъ Боже помози!»

И мало тѣхъ, въ комъ правды пламя
Средь бурь житейскихъ не замретъ,
Кто не продастъ святое знамя
И съ поля битвы не уйдетъ!

1862 г.

XV.

НЕДОВОЛЬНЫЙ.

Даръ прекрасный, даръ широкій —
Крѣпостные мнѣ даны!
Но почто по волѣ рока
Быть отпущены должны?

Кто? зачѣмъ? къ какому чорту
Мнѣ дворянство даровалъ?
Тѣло пріучилъ къ комфорту,
Умъ гордыней обуялъ?

Цѣли нѣтъ передо мною;
Праздны думы, пустъ карманъ,
И томитъ меня тоскою
Сложный выкупа туманъ.

1859 г.

XVI.

ТУРИСТЪ.

Соблазнясь паспортовъ крайней дешевизной,
Всѣ спѣшатъ разстаться съ дорогой отчизной,
Всѣ спѣшатъ оставить родины предѣлы:
Кто для исцѣленья боли застарѣлой,
Кто для осмотрѣнья фабрикъ и заводовъ,
Кто для истребленья годовыхъ доходовъ,
Юноша — для пользы и ученыхъ цѣлей,
Франтъ — для созерцанья милыхъ дамъ — камелій,
Купчикъ — поучиться жизни и комфорту,
И привычки предковъ всѣ отправивъ къ чорту,
Получивъ манеры, заведясь туалетомъ,
Въ край родной вернуться комъ-иль-фо отпѣтымъ.
Словомъ, всѣ ужъ нынче прутъ въ края чужіе —
Всѣ: купцы, сидѣльцы, даже цеховые.
При такомъ движеньи черни самой низкой,
Я-ль останусь дома, дворянинъ россійскій??
Соберу-жъ скорѣе съ вотчины доходы,
Притворюсь, что боленъ, что хочу пить воды,
Поручу имѣнье ближнему сосѣду,
Дамъ обѣдъ прощальный и въ Парижъ уѣду.
Изучу тамъ нравы въ модномъ водевилѣ,
Натолкаюсь вдоволь въ скромномъ *баль-мабилль*,
Наглазѣюсь вдоволь въ оперѣ, на балѣ,
Тысячи посѣю я въ Роше d'Канкалѣ

И на биржѣ счастье разикъ попытаю,
Предъ лореткой милой въ нѣжностяхъ растаю,
На ея капризы сильно промотавшись,
Всюду натаскавшись, весь поистаскавшись,
Износившись тѣломъ, утомленъ душою,
Свидѣться рѣшуся съ родиной святою.
Но весь кушъ, что спрятанъ мной на путь возвратный,
Сбуду на дорогѣ я въ игрѣ азартной
Нѣмцамъ—и пѣшечкомъ поплетусь къ Карлсбаду:
Тамъ, изнеможенный, прямо въ ванну сяду,
И усѣвшись въ ванну, въ сильномъ нетерпѣньи,
Буду ждать доходовъ съ моего имѣнья.

1859 г.

———

XVII.

МОСКОВСКІЙ АЛКИВІАДЪ.

Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Какъ изъ почтамта объявленье,
Въ минуту крайней нищеты.

Я голодалъ, и ни полушки
На пропитанье не имѣлъ,
А въ долгъ и сахару осьмушки
Никто мнѣ вѣрить не хотѣлъ.

Къ тому же сроки роковые
Пришли: на личность ужъ мою
Въ судъ представляли кормовыя, —
И я былъ ямы на краю.

Но и во дни тоски голодной
Я бодрость духа не терялъ
И смѣло, поступью свободной,
Съ осанкой гордой, благородной,
Передъ окномъ твоимъ гулялъ.

Тогда вдовою неутѣшной
По всей Таганкѣ ты слыла,

Но и тебя на помыслъ грѣшный
Моя наружность навела.

Мой усъ, мой профиль молодецкій,
Мой крупный ростъ тебя смутилъ, —
И огнь любви замоскворѣцкой
Тебѣ весь корпусъ обхватилъ.

Твоей любовью очарованъ,
Я оттолкнуть тебя не могъ...
И былъ за то окопированъ,
Какъ дэнди, съ головы до ногъ.

Въ великолѣпную квартиру
Я вдругъ свалился съ чердака
И сталъ кутить на диво міру:
Купилъ въ пять тысячъ рысака;

Царилъ надъ таборомъ цыганскимъ,
Держалъ безумныя пари,
Поилъ друзей своихъ шампанскимъ
Я «отъ зари и до зари.»

Москвы общественное мнѣнье
Меня клеймило, какъ могло,
И Катилиной — въ изступленьи —
Врагомъ отчизны нарекло.

Но хоть бранили Катилину
Катоны гордые Москвы,
Въ глаза предъ нимъ сгибали спину
Высоконравственные львы.

Съ какимъ нѣмымъ благоговѣньемъ
Я въ оны дни встрѣчаемъ былъ
По всѣмъ московскимъ *заведеньямъ*,

Гдѣ я съ тупымъ остервенѣньемъ,
Какъ купчикъ, деньгами сорилъ.

Купеческій и шустеръ клубы
Меня страшились, какъ врага;
Никто не могъ такъ свистнуть въ зубы,
Чужую даму чмокнуть въ губы,
Какъ вашъ покорнѣйшій слуга.

Купцы, извощики, модистки,
Всѣ говорили обо мнѣ,
И первоклассныя артистки
Со сцены улыбались мнѣ.

Казалось, все, сама природа
Мнѣ ухмылялась... но, увы,
Тогда я былъ всего полгода
Любимцемъ счастья и молвы.

Новѣйшій Лейчестеръ, скучая
Своей любовью должностной,
Насильно ласки расточая,
Я думалъ: «эка доля злая —
Я, право, точно крѣпостной!»

Душа алкала перемѣны;
Любови жаждалъ я иной,
Искалъ предмета для измѣны, —
И отыскался таковой.

Я измѣнилъ... младой цыганки
Меня плѣнилъ нескромный ликъ, —
И слухъ объ этомъ до Таганки
Въ одно мгновеніе достигъ...

Подобно древней Клеопатрѣ,
Ты напустилась на меня —

Въ мигъ похудѣла пальца на три...
Нигдѣ, какъ только на театрѣ,
Подобныхъ сценъ не видѣлъ я.

Я, право, плакалъ непритворно,
Клялся, что измѣнилъ любя,
Но все напрасно... и позорно
Меня прогнали отъ тебя.

И вотъ, какъ встарь, изъ бельэтажа
Я возвратился къ чердаку:
Жилъ безъ слуги, безъ экипажа,
Безъ папиросъ и табаку.

Томился долго я въ опалѣ;
Костюмъ мой видимо поблёкъ,
Отъ злой діэты щеки впали,
Но бодрость духа я сберегъ.

Но вотъ настало примиренье:
Умилосердилася ты,
И возвратя благоволенье,
Вновь извлекла изъ нищеты.

И вотъ опять пошли попойки,
Обѣды, жженки, пикники,
Съ углами загнутыми двойки,
Катанья за городъ на тройкѣ,
Цыгане, драки, рысаки.

1859 г.

XVIII.

НЕ ГОВОРИ.

Романсъ на голосъ «T'en souviens-tu.»

Не говори, что страсти знойной муку
Познала ты въ бунтующей крови,
Что ты *ему* вручила нѣжно руку
Въ святомъ чаду восторженной любви;
Не говори, что ты *о немъ* мечтала
Давно, почти съ младенческихъ пеленъ;
Мы знаемъ всѣ: презрѣннаго металла
Тебя плѣнилъ пріятный, нѣжный звонъ.

—

Не говори, что ты не разгадала
Его главы бездонной пустоты,
И что твой умъ невинный обуяло,
Какъ волшебство, сіянье красоты: —
Не говори, что *онъ*, какъ ангелъ божій,
Какъ вешній цвѣтъ, красивъ, пріятенъ, милъ,
Мы видимъ всѣ: такой противной рожи
Еще никто изъ смертныхъ не носилъ.

—

Не говори, что будто полюбила
Ты въ *немъ* ума и сердца простоту:

Мы знаемъ всё, что ты себя сгубила
И продалась влюбленному плуту;
Не говори, что глупости съ обманомъ
Еще никто въ душѣ не сочеталъ: —
Мы знаемъ всё, что водкой съ кукельваномъ
Онъ въ простотѣ душевной торговалъ.

—

Не говори, что ты толпѣ голодной
Весь свой доходъ желала бы отдать
И что свой домъ роскошный и доходный
Ты на шалашъ готова промѣнять.
Не говори съ улыбкой грустно-томной,
Что ты была счастливѣй раза въ три,
Когда жила въ квартирѣ тѣсной, темной...
Мой милый другъ, пожалуйста, не ври!

1865 г.

XIX.

ФЛЮГЕРЪ.

(Фантазія.)

Всѣ говорятъ: «блаженства нѣтъ
Въ земной заброшенной юдоли —
Здѣсь много слезъ, заботъ и бѣдъ
И ни одной счастливой доли.»
Неправда! Въ мірѣ что ни шагъ,
Вездѣ мы зримъ людей блаженныхъ;
Блаженъ въ гаремѣ падишахъ
Среди красавицъ обнаженныхъ;
Блаженъ, кто страсти обуздалъ,
Обрекъ всего себя смиренью,
Блаженъ, кто съ роду не страдалъ
Зубною болью и мигренью,
Блаженъ поэтъ, когда творитъ,
И въ немъ кипитъ небесный пламень.
Блаженъ обжора-сибаритъ —
Тотъ, чей желудокъ все варитъ —
И фрикасе, и дикій камень.
Блаженны жавронки весной;
Блаженъ кутила записной
Среди камелій и бутылокъ;
Блаженъ оплаканный женой
Бѣдняга рекрутъ молодой,

Когда кричатъ надъ нимъ «затылокъ»;
Блаженъ былъ странникъ Одиссей,
Когда въ Итаку возвратился;
Блаженъ, блаженъ, кто въ жизни сей
Ни разу страстно не влюбился —
И съ дѣтскихъ лѣтъ владѣлъ собой,
Какъ ловеласъ, какъ фатъ отпѣтый;
Блаженъ подпрапорщикъ младой,
Сейчасъ надѣвшій эполеты;
Блаженна мать, въ священный мигъ,
Когда она средь адской муки,
Простретъ съ восторгомъ къ небу руки,
Заслышавъ первый дѣтскій крикъ;
Блаженъ супругъ давно влюбленный,
Когда, вступивши въ бракъ законный,
Онъ въ первый разъ наединѣ
Остался съ плѣнницей своею;
Блаженъ, кто первый на войнѣ
Вскочилъ на вражью баттарею
И тамъ, предъ носомъ вражьихъ силъ
Родное знамя водрузилъ;
Блаженъ газетчикъ благородный,
Въ ужасный годъ войны народной;
Блаженъ, кто лежа на боку,
Дѣла обдѣлывать умѣетъ;
Блаженъ стократъ, кто не пьянѣетъ
Отъ двухъ бутылокъ коньяку...
Блаженныхъ много положеній!...
Но всѣхъ блаженнѣй, господа,
Тотъ, кто не вѣдалъ никогда
Въ себѣ серьезныхъ убѣжденій.
Ахъ, убѣжденья!.. это ядъ:
Они насъ за-живо ѣдятъ —
Отъ нихъ и раннія сѣдины,
И нервъ разстройство, и морщины;

Они мѣшаютъ спать порой,
Какъ самый сильный геморой;
Въ дѣлахъ по службѣ, по имѣнью
Они намъ пакостятъ всегда;
Они вредятъ пищеваренью...
Кто ихъ завелъ, тому бѣда!

Есть у меня одинъ знакомый
(Кто онъ такой — вамъ дѣла нѣтъ)
Поклонникъ музъ, поклонникъ Кома,
Онъ любитъ карты, ѣздитъ въ свѣтъ,
Не врагъ ученыхъ словопреній
И тайныхъ паѳоса даровъ,
Но не имѣетъ убѣжденій,
И оттого всегда здоровъ:
Всегда онъ веселъ и любезенъ
И всѣми искренно любимъ,
И хоть повсюду безполезенъ,
Повсюду онъ необходимъ.
Все въ немъ пріятно мягко, мило —
И хоть ему перекатило
Давнымъ-давно за шестьдесятъ,
Но вѣчно молодъ онъ на взглядъ:
На лбу короткомъ ни морщинки,
Въ кудряхъ душистыхъ ни сѣдинки,
Всегда и бодръ, и свѣтелъ взоръ,
И зубы блещутъ, какъ фарфоръ.
— «Но почему же вашъ пріятель
Такъ сохранить себя умѣлъ?»
А потому, мой другъ, читатель,
Что убѣжденій не имѣлъ!

Онъ обладаетъ дивнымъ даромъ:
О всемъ онъ споритъ съ сильнымъ жаромъ
Пріятнымъ дамскимъ голоскомъ,

Но ни въ гостиной онъ, ни въ клубѣ
Московскихъ барскихъ самолюбій
Не тронетъ въ спорѣ волоскомъ.
Его ораторскіе споры
Не доведутъ его до ссоры
Нигдѣ съ вліятельнымъ лицомъ,—
Онъ всѣхъ слегка по шерсткѣ гладитъ
И оттого со всѣми ладитъ —
И правды съ доблестнымъ борцомъ,
И съ самымъ явнымъ подлецомъ.

Онъ, безъ борьбы и сожалѣнья,
Хоть каждый день, готовъ мѣнять
Свои начала, взгляды, мнѣнья.
Тому назадъ лѣтъ тридцать пять
Онъ вольнодумцемъ былъ открытымъ —
Разилъ сарказмомъ ядовитымъ
Земныя власти и чины
И былъ пророкомъ новизны;
Не признавалъ онъ міръ загробный
И не хотѣлъ нигдѣ служить...
Но въ этомъ духѣ говорить
Вдругъ оказалось неудобно:
Подуло вѣтромъ вдругъ инымъ —
Нашъ якобинецъ встрепенулся
И вмигъ, какъ флюгеръ, обернулся
И сталъ служакой записнымъ
И гражданиномъ благонравнымъ,
И человѣкомъ православнымъ.
И сталъ открыто онъ ругать
Опасный духъ нововведеній
И пересталъ пренебрегать
Сіяньемъ бренныхъ украшеній.

Такъ велъ себя лѣтъ тридцать онъ.

Но новымъ вѣтромъ вновь подуло —
И вновь его перевернуло:
Онъ, всей душой преображенъ,
Сталъ прославлять нововведенья,
Хвалилъ крестьянъ освобожденье
И, было, началъ ужъ кричать
О польскомъ царствѣ съ увлеченьемъ,
Но вѣтеръ новымъ дуновеньемъ
Первернулъ его опять.
Онъ шныритъ, нюхаетъ въ народѣ, —
Чтобъ съ большинствомъ прожить въ ладу,—
Какой товаръ сегодня въ модѣ,
Какое мнѣніе въ ходу;
Онъ одаренъ чутьемъ собачьимъ —
Онъ разъ нюхнулъ, и въ тотъ же мигъ
Духъ современности постигъ, —
И патріотомъ сталъ горячимъ;
Онъ за толпой слѣдитъ, какъ тѣнь, —
И этотъ годъ, въ Михайловъ день,
Онъ за здоровье Муравьева
Просвирку вынуть поспѣшилъ
И утро цѣлое юлилъ
Съ сладчайшей миной у Каткова.
А спотыкнись, пади Катковъ
На политической тропинкѣ, —
Онъ шаркъ ногой, и былъ таковъ,
И не проронитъ ни слезинки
По миломъ идолѣ своемъ,
Да еще скажетъ: «подѣломъ!
Да, подѣломъ ему награда!
Его унять давно бы надо.
Вѣдь вамъ извѣстно, господа:
Его теорій, мыслей, взгляда
Не раздѣлялъ я никогда...
Онъ волновалъ насъ всякимъ вздоромъ.»

Такъ скажетъ онъ, и громкимъ хоромъ
Ему поддакнутъ сей же часъ...
Sic transit gloria... у насъ!

О Россъ, о родъ великодушный,
О твердо-каменная грудь!
Вѣтрамъ измѣнчивымъ послушный,
Ты каждый мигъ мѣняешь путь!
Въ тебя вложило Провидѣнье
Тьму чувствъ высокихъ и даровъ,
Но твоего пищеваренья
Не затрудняютъ убѣжденья...
Не потому-ль ты такъ здоровъ?..

1864 г. 10 ноября.

XX.

МОДНЫЕ ЗВУКИ.

Есть вирши — теченье
Ихъ ровно и гладко,
Но смыслъ ихъ, при чтеньи,
Для смертныхъ загадка.
Но дамскія уши
Имъ внемлютъ прилежно:
Такъ много въ нихъ чуши
Таинственно нѣжной!
И критикъ, что́ строчитъ
Статьи за лафитомъ,
Творцу ихъ пророчитъ
Быть первымъ піитомъ.
Но дома ли, въ свѣтѣ,
И гдѣ я ни буду,
Заслышавъ стихи тѣ,
Уйду отовсюду:
Куска не доѣвши,
Съ обѣда рвануся,
Сапогъ не надѣвши,
Изъ бани умчуся.

XXI.

РАЗСТАВАНЬЕ.

Шумѣла широкая Волга,
Пыхтѣлъ и визжалъ паровозъ;
Мы съ ней разставались и долго
Рыдали безъ словъ и безъ слезъ.

А долго и много, и много
Хотѣлося намъ говорить: —
Хотѣлось, прощаясь навѣки,
Всю душу другъ другу излить. .

Но только несвязные звуки
Съ трудомъ произнесть мы могли,
И грудь надрывалась отъ муки...
И слезы изъ глазъ не текли...

Шумѣла родимая Волга,
И плыть пароходъ былъ готовъ;
Мы что-то сказать все хотѣли
И все другъ на друга глядѣли,
Страдая безъ слезъ и безъ словъ.

Но судно вдругъ тронулось, — взвизгнулъ
Неистовымъ голосомъ паръ,

Я быстро на палубу вспрыгнулъ
И могъ лишь сказать; «au revoir.»

Она затряслась, побѣлѣла,
Какъ шляпы придворной плюмажъ,
И только сказать мнѣ съумѣла:
«Adieu, Дормидонтъ, bon voyage!»

Сказала и въ ту же минуту
На землю упала безъ силъ;
Я бросился мигомъ въ каюту,
И горе отправивши къ шуту,
Я выпилъ и... и закусилъ

1865 г.

XXII.

ПОСЛАНІЕ КЪ ЧИНОВНИКУ-ЛИБЕРАЛУ

от ъ

МИРНАГО ОБЫВАТЕЛЯ.

(Фантазія)

Хоть ты и въ новой кожѣ,
Да сердце у тебя все то же.
Крыловъ (Басня: *Крестьянинъ и Змѣя*).

Какъ хочешь, братъ, а мы живемъ
Во дни волшебныхъ превращеній;
Какой-то магъ иль добрый геній
Своимъ невидимымъ жезломъ
Съ плеча безъ устали махаетъ,
Всему давая новый видъ: —
Онъ дряхлыхъ старцевъ молодитъ,
Волковъ въ овечекъ превращаетъ,
Воронъ и галокъ — въ соловьевъ,
И самыхъ явныхъ дураковъ
Гражданскимъ смысломъ надѣляетъ.
Ужъ много лѣтъ, какъ я гляжу
На всѣ метаморфозы эти,—
И мнѣ сдается, что сижу
Я въ фантастическомъ балетѣ;
Сижу, гляжу, а предо мной,
Подъ громы музыки лихой
И при бенгальскомъ освѣщеньи,
Мелькаютъ быстро превращенья.

Да, другъ сердечный, мы живемъ
Во дни волшебные. Не такъ ли?
Какъ декораціи въ спектаклѣ,
Вдругъ измѣнилось все кругомъ!
Порядки, нравы, учрежденья,
Поступки, рѣчи, убѣжденья,
Стремленья, мысли и мечты —
Все измѣнилось... Даже ты
Пріялъ печать преображенья.
Злыхъ бюрократовъ идеалъ,
Ты сталъ открытымъ либераломъ,
Ты, кто предъ каждымъ генераломъ,
Какъ дѣва, взоры потуплялъ!
Ты либераломъ сталъ!! Ты самъ!!!
О баснословное явленье!..
Ну какъ не вѣрить чудесамъ
Въ виду такого превращенья?!
Какъ не принесть благодаренья
Смягчившимъ гнѣвъ свой небесамъ!
Хоть о твоемъ преображеньи
Давно ужъ слухъ вездѣ гремѣлъ,
Но я все вѣрить не хотѣлъ,
Все напрягалъ воображенье,
Чтобы знакомый образъ твой —
Санктпетербургскій дѣловой,
Казенный, форменный, «похвальный»
Представить въ позѣ либеральной,
Но какъ ни бился, все не могъ.
Да и могло ли быть иначе?
Я знаю вдоль и поперекъ
Твою натуру: ты подъячій —
Подъячій съ головы до ногъ.

Начальства стараго отрада,
Прямое чадо Петрограда,

Его посильный, милый даръ,
Его продуктъ, его товаръ,
Ты съ юныхъ лѣтъ постигъ искусство
Къ начальству въ душу заползать —
На всѣ слова свои и чувства
Казенный штемпель налагать.
Я помню, помню очень живо,
Когда ты такъ краснорѣчиво
Хвалилъ до слезъ и плеть, и кнутъ,
И крѣпостной пріятный трудъ;
Когда доказывалъ такъ ясно,
Что и безбожно и опасно
Ввести въ Россіи гласный судъ;
Когда плѣнялся откупами
И громоносными рѣчами
Плоды науки поносилъ,
Какъ проявленье адскихъ силъ.
Тебя начальство полюбило:
Оно, дивясь твоимъ рѣчамъ,
Съ надеждой сладкой говорило,
Что ты уменъ не по лѣтамъ.
Но этотъ отзывъ благосклонный
Всего ты больше заслужилъ
Своей спиной низкопоклонной:
Сей частью тѣла ты служилъ
Съ такою ревностью похвальной,
Во славу родины святой,
Что порѣшилъ начальникъ твой,
Что ты чиновникъ идеальный,
Что ты работаешь какъ волъ,
Что по уму ты просто геній, —
И быстро въ гору ты пошелъ
Путемъ гражданскихъ повышеній.
И точно былъ ты идеалъ
Дѣльцовъ, но высшаго полета:

Ты только издали видалъ,
Чтò значитъ дѣло и работа;
И было некогда тебѣ
Заняться пристально дѣлами:
Ты постоянно былъ въ ходьбѣ,
Вертясь у старшихъ предъ глазами,
И не знавалъ иныхъ заботъ,
Какъ только бѣгать взадъ-впередъ,
Таская портфель огромный,
Отъ кабинета до пріемной
И изъ пріемной въ кабинетъ.
И такъ ты бѣгалъ двадцать лѣтъ:
А дѣло дѣлали другіе —
Плебеи, хамы дѣловые: —
Ты только руку прилагалъ
И на чужой рабочей выѣ
Передъ начальствомъ выѣзжалъ.
И былъ ты мастеръ на парады —
Начальству пыль въ глаза пускалъ,
Какъ Цицеронъ, ты велъ доклады,
А потому всегда хваталъ
Чины и жирные оклады.

Таковъ твой былъ гражданскій цвѣтъ,
Твой неуклонный путь служебный
Тому назадъ шестнадцать лѣтъ;
Но геній съ палочкой волшебной
Однажды ночью, будто тать,
Къ тебѣ пролѣзъ, тебя коснулся, —
И вдругъ твой мозгъ перевернулся:
Ты консерваторомъ легъ спать,
А реформаторомъ проснулся.
Ты всю семью перепугалъ
Своимъ нежданнымъ обращеньемъ:—
Лишь только ты съ постели всталъ,

Какъ заревѣлъ съ остервенѣньемъ
Про судъ присяжныхъ и прогрессъ ..
Твоя супруга ужасалась,
Тебѣ внимая: ей казалось,
Что кто - нибудь въ тебя залѣзъ,
Что изъ тебя, какъ изъ болвана,
Какой - нибудь профессоръ спьяна
Начальство дерзко порицалъ
И о реформахъ прорицалъ.
Твои слова ей дики были,
И даже думала она,
Что ей на зло, во время сна,
Тебя родные подмѣнили.
И странно: сей переворотъ
Въ твоемъ мозгу въ тотъ самый годъ,
Въ тотъ самый день и часъ случился,
Когда начальникъ старый твой
Вдругъ по болѣзни, удалился
Со службы царской на покой.

Текли года, и съ ними вмѣстѣ
Воды довольно утекло...
Тебѣ по прежнему везло.
И вотъ ко мнѣ приходятъ вѣсти,
Что ты на новомъ важномъ мѣстѣ
И что, подъ бременемъ наградъ,
Оставивъ шумный Петроградъ,
Ты, какъ центральной власти око,
Среди провинціи далекой
Благіе подвиги творишь —
По правдѣ вяжешь и рѣшишь.
Твои друзья кричали всюду,
Что ты правитель, просто чудо:
Что ты сталъ мудръ, какъ Соломонъ,
Что цѣлый край въ тебя влюбленъ,

Что ты отецъ для подчиненныхъ,
Покровъ и щитъ для угнетенныхъ,
Что область проста процвѣла,
Съ тѣхъ поръ какъ ты ведешь дѣла;
Что ты устроилъ для народа
Не жизнь, а медленный восторгъ,
И что такая тамъ свобода,
Какой не видывалъ Нью-Йоркъ.

Таковъ былъ гласъ молвы летучей
О чудныхъ подвигахъ твоихъ;
Но, наконецъ, мнѣ выпалъ случай
И самому взглянуть на нихъ.
Въ той самой области счастливой,
Что̀ геній твой нетерпѣливый
Вдругъ обратилъ въ Эдемскій садъ,
Лѣтъ пять иль шесть тому назадъ
Въ одномъ изъ храмиковъ Ѳемиды
Случилось дѣло у меня;
Его бы кончили въ три дня,
Безъ притѣсненій и обиды
И для меня, и для другихъ:
По всѣмъ инстанціямъ проворно,
Какъ по дорогѣ гладкой, торной,
Оно прошло на почтовыхъ,
И наконецъ, къ тебѣ попало —
Къ тебѣ, мудрѣйшій изъ судей —
И въ канцеляріи твоей
На вѣки вѣчные застряло.
И много лѣтъ я хлопоталъ:
Во всѣ суды, во всѣ правленья
Писалъ я слезныя прошенья,
И къ самому тебѣ писалъ,
Писалъ не разъ — писалъ разъ двѣсти,
И что̀-жъ? Ни граматки, ни вѣсти

Ни отъ кого не получалъ.
И потерявъ совсѣмъ терпѣнье,
На быстрой тройкѣ почтовой
Я прискакалъ въ твои владѣнья, —
И... и поникнулъ головой,
Узрѣвъ повсюду предъ собой
Роскошный видъ столпотворенья.
Да я увидѣлъ, наконецъ,
Такой блестящій образецъ,
Такой свободы безпримѣрной,
Какой ни Брутъ, ни Коллатинъ,
Ни Гарибальди, ни Франклинъ
Не пожелали бы навѣрно
Для блага родины святой:
Они всѣ дѣти предъ тобой!
Чтобъ въ этомъ ясно убѣдиться
И чтобъ войти въ твой кругъ идей,
Мнѣ только стоило пройтиться
По канцеляріи твоей,
Куда за справкой я явился:
Тамъ мнѣ представилось, ей, ей,
Что по оплошности своей
Я какъ-нибудь съ дороги сбился —
Ошибся улицей, крыльцомъ —
И межъ безумныхъ очутился,
Попавши въ сумашедшій домъ.
Лишь только я передъ собою
Дверь изъ передней отворилъ,
Меня чуть съ ногъ не повалилъ
Табачный дымъ; густой волною,
Какъ изъ мортиры, онъ пахнулъ:
Я пошатнулся и чихнулъ.
Вхожу, — и предо мной картина, —
Tableau de genre à la Гогартъ:
Повсюду пыль и паутина;

Здѣсь подлѣ дѣлъ колода картъ,
Тамъ на подписанной бумагѣ
Вареной колбасы кусокъ,
При немъ графинъ какой-то влаги,
А тамъ — кондитерскій пирогъ.
Глядѣлъ я долго въ изумленьи
На эти всѣ нововведенья...
Твоихъ чиновниковъ почтенныхъ,
Писцовъ и даже сторожей
Засталъ я сильно углубленныхъ
Въ міръ политическихъ идей;
Предъ ними дѣлъ твоихъ правитель,
Новѣйшей школы либералъ,
Актрисъ губернскихъ покровитель,
Съ великимъ паѳосомъ читалъ
Листокъ какой-то заграничный,
Гдѣ авторъ бранью неприличной
Россію-матушку каталъ
И увѣрялъ краснорѣчиво,
Что лишь тогда стезей счастливой
У насъ въ отчизнѣ все пойдетъ
И поумнѣетъ нашъ народъ,
И просвѣщенье разовьется,
Когда Россія распадется,
По предписанію властей,
На сто четырнадцать частей,
И что для насъ одно спасенье
Въ семъ благодатномъ разрушеньи:
Что все измѣнится тогда
Подъ знаменемъ Россіи юной,
Вездѣ устроятся коммуны,
И вмигъ исчезнутъ безъ слѣда
Всѣ язвы жизни современной:
И власть, и собственность, и бракъ, —
И мы засвѣтимъ для вселенной

Свободы истинной маякъ...
И декламируя брошюру,
Оффиціальный либералъ,
Не знаю, съ умысломъ иль сдуру,
Во всеуслышанье оралъ.
Меня замѣтивъ, онъ свободно,
И не женируясь, спросилъ:
— Кто вы такой? Что вамъ угодно?
Но только я заговорилъ,
Меня онъ тотчасъ перебилъ:
— Вы говорите очень мило...
Я вамъ помочь душевно радъ...
Но сколько дней тому назадъ
Къ намъ ваше дѣло поступило?
— У васъ пять лѣтъ лежитъ оно!...
— Уже пять лѣтъ... Ахъ, какъ давно!...
И вы, почтеннѣйшій, хотите
Такую ветошь подымать...
Кто-жъ будетъ вамъ его искать?!
У насъ нѣтъ времени... Подите!...
— Но вѣдь у васъ, конечно, есть
Всегда реестеръ дѣламъ входящимъ —
Вы справку можете навесть...
Сказалъ я голосомъ дрожащимъ,
Уже предчувствіемъ томимъ,
Какъ предъ ударомъ роковымъ;
Но только я единымъ словомъ
Задѣлъ «реестеръ входящихъ дѣлъ»,
Какъ дружнымъ хохотомъ громовымъ
Весь людъ чиновный заревѣлъ.
Всѣ долго, сильно хохотали,
А всѣхъ сильнѣе сторожа, —
И стекла въ рамахъ дребезжали,
Подъ гуломъ хохота дрожа.
Затѣмъ правитель либеральный,

Съ улыбкой важной и нахальной,
Закинувъ голову назадъ,
Мнѣ вдругъ сказалъ: — Вы ретроградъ,
Сказать иначе, — вы престранный
И преотсталый человѣкъ:
Скажите, можно ли въ нашъ вѣкъ,
Въ вѣкъ либеральный и гуманный,
Реестры старые беречь?!
Мы ихъ кидаемъ прямо въ печь.
— Да это просто ужъ нахальство...
Я закричалъ ему въ отвѣтъ;
Пускай у васъ реестровъ нѣтъ,
Однако, вѣрно, есть начальство;
Ему я жалобу подамъ,
И вѣрно, плохо будетъ вамъ!
— Ну, что же, жалуйтесь, пожалуй!...
Съ чего вы взяли, что у насъ
Начальникъ человѣкъ отсталый?
Нѣтъ! Онъ вамъ ротъ зажметъ какъ разъ:
У насъ онъ малый либеральный!
Онъ заклятой, открытый врагъ
Реестровъ всякихъ и бумагъ:
Онъ выше истины формальной:
Онъ говоритъ, что слишкомъ строгъ
Законовъ нашихъ смыслъ буквальный,
И въ нихъ читаетъ между строкъ;
Ему противенъ, тошенъ, гадокъ
Наружный пошленькій порядокъ:
Онъ лишь начальника тѣснитъ...
Его онъ скоро замѣнитъ
Порядкомъ внутреннимъ, незримымъ,
Для внѣшнихъ чувствъ неощутимымъ...
А вамъ реестры подавай!
Подите вонъ! Здѣсь не Китай!

Я поплелся. И на квартирѣ
Я долго, долго размышлялъ
Все о тебѣ, мой либералъ;
Какъ измѣняется все въ мірѣ!
О, чѣмъ ты сталъ и чѣмъ ты былъ
Въ тѣ дни, когда еще служилъ
Такъ грозно въ Сѣверной Пальмирѣ!
Тому назадъ шестнадцать лѣтъ
Ты былъ бичемъ для подчиненныхъ;
Ты видѣлъ въ нихъ военно-плѣнныхъ
И трактовалъ ихъ какъ кадетъ:
Велѣлъ имъ стричься подъ гребенку,
По формѣ баки подбривать,
Не то, задавъ публично гонку,
Ихъ подъ арестъ велѣлъ сажать.
А кто бывало къ вицмундиру
Надѣнетъ брюки не подъ цвѣтъ,
Ужъ тотъ пропалъ — спасенья нѣтъ!
Подобно лютому вампиру,
Ты либерала пожиралъ,
И грозно топая, кричалъ:
«Вы, вольнодумецъ! — Кто не знаетъ,
Что благодѣтельный законъ
У насъ отнюдь не допускаетъ
На службѣ пестрыхъ панталонъ?!.
Вѣдь это превышенье власти!
Вотъ до чего доводятъ страсти!
Вотъ плодъ отъ западныхъ наукъ!
Я васъ негоднымъ аттестую!»
И подчиненный зачастую
Лишался мѣста изъ-за брюкъ.
Такъ угнеталъ ты подчиненныхъ,
Во времена страстей военныхъ,
Мундироманіи въ бреду;
А нынче, въ новомъ опьяненьи,

Пожалуй, дашь имъ повелѣнье
Играть на службѣ въ чехарду
Что дѣлать! Знать, съ согласья рока,
Издалъ Зевесъ законъ жестокій,
Гдѣ говорится, что вашъ братъ,
Санктпетербургскій бюрократъ,
Какой бы ни былъ онъ доктрины,
Все будетъ дѣлать не впопадъ —
Ни въ чемъ не сыщетъ середины,
И что когда, плѣняя насъ,
Свой хвостъ онъ вынетъ изъ трясины,
То это значитъ, носъ увязъ.

Такъ разсуждалъ я самъ съ собою,
Сигару съ горя закуривъ,
И долго не давалъ покою
Мнѣ мыслей горестныхъ приливъ.
Но нить моей печальной думы
Хозяинъ дома перервалъ.
—«Что это съ вами? онъ сказалъ,
Войдя ко мнѣ,—вы такъ угрюмы,
Какъ будто злы на цѣлый свѣтъ»
Я разсказалъ ему въ отвѣтъ,
Какія принялъ впечатлѣнья,
Какихъ наслушался рѣчей
Я въ канцеляріи твоей.
Онъ слушалъ все безъ удивленья,
Когда-жъ я кончилъ свой разсказъ,
Онъ мнѣ сказалъ:—«Ну, жаль мнѣ васъ!
Когда, въ надеждѣ на законы,
Вы къ намъ пріѣхали сюда
Искать защиты и суда,
То даромъ бросили прогоны:
Законъ, порядокъ, правда, судъ
У насъ на пенсіи живутъ

(У насъ на нихъ теперь не мода);
Здѣсь только царствуетъ свобода...
Свобода грабить, воровать,
Сѣчь безъ суда и взятки брать.
Начальникъ нашъ префектъ отличный,
Гуманный; добръ онъ безгранично,
Но добръ онъ только для воровъ —
Для нихъ онъ истинный покровъ.
Съ улыбкой нѣжной снисхожденья
Взираетъ онъ на преступленья:
«Къ чему де грѣшника карать,
Онъ долженъ въ людяхъ возбуждать
Лишь состраданье, сожалѣнье».
И вотъ у насъ жалѣетъ онъ
Лишь тѣхъ, кто преступилъ законъ,
А тѣхъ, кто жертва преступленья,
Кто отъ него должны терпѣть
Ущербъ и даже разоренье,
Онъ и не думаетъ жалѣть.
И оттого-то въ нашемъ краѣ
Счастливы только негодяи;
Но обывателямъ простымъ,
Не заслужившимъ состраданья
Передъ начальствомъ городскимъ
Ни совершеньемъ злодѣянья,
Ни поведеньемъ воровскимъ,
Здѣсь не житье, а наказанье.

«Вотъ вы заѣхали куда
Искать управы и суда!
Теперь, какъ Несторъ осторожный,
Я вамъ подамъ совѣтъ благой:
Послать сейчасъ за подорожной
И укатить скорѣй домой.
Вы не найдете лучше средства

Покончить дѣло. Право такъ!
Я вашъ характеръ знаю съ дѣтства.
Вѣдь вашъ языкъ — вашъ первый врагъ;
Вы говорите слишкомъ вольно,
Какъ здѣсь не говорятъ (увы!),
И вотъ теперь, какъ недовольный,
Ругать при всѣхъ начнете вы
Чиновниковъ и воеводу.
А онъ... онъ къ правдѣ не привыкъ:
Хоть онъ на все намъ далъ свободу,
Но не далъ воли на языкъ:
Кто про его распоряженья
Неодобрительныя мнѣнья
Дерзаетъ громко излагать,
Тому у насъ не сдобровать.
Скажите, напримѣръ, публично,
Что края здѣшняго патронъ,
Стремяся къ власти безграничной,
Толкуетъ вкривь и вкось законъ
И искажаетъ безъ зазрѣнья
Верховной власти повелѣнья:
Нашъ либеральный бюрократъ
Про вашу рѣчь сейчасъ прослышитъ
И вмигъ на васъ доносъ напишетъ,
И напугаетъ Петроградъ
Своими страшными вѣстями:
Вѣдь онъ разскажетъ, напримѣръ,
Что вы страшнѣй, чѣмъ Робеспьеръ,
Что вы, ругаясь надъ властями,
Хотите бунтъ произвести —
Разжечь въ народѣ злыя страсти,
Чтобы оплотъ верховной власти
Въ его основѣ потрясти.

Такъ мой хозяинъ, врагъ стѣсненья,
Твоихъ владѣній старожилъ,

Передо мною изложилъ
Твою систему управленья.
Ну, разсуди теперь ты самъ,
Какая выгода всѣмъ намъ —
И государю, и народу —
Что ты толкуешь про свободу,
Что въ либералы ты попалъ?...
Но я отвѣтъ твой угадалъ:
Ты говоришь, что благородно,
Пріятно либераломъ быть,
Что вѣчно въ памяти народной.
Какъ другъ народа, будетъ жить
У насъ чиновникъ либеральный,
Что онъ въ потомствѣ не умретъ,
Хотя бы просто былъ квартальный...
Братъ! не надуешь ты народъ,
Не обморочишь ловкой штукой!
Ты, братъ, слыхалъ ли кто у насъ
Стяжалъ любви народной гласъ?
Сенаторъ Яковъ Долгорукій!
А вѣдь онъ былъ не «*либералъ*»: —
Ворамъ потачки не давалъ:
Но до-Петровскій духъ боярскій —
Народной правды духъ въ немъ жилъ, —
И не страшась опалы царской,
Царю онъ правду говорилъ.
Въ глаза царю, да вѣдь какому!?
Неукротимому, крутому!...
А ты не то что предъ царемъ,
Ты пресмыкаешься ужомъ,
Вертишься безсловесной мошкой
Передъ любой придворной... кошкой.
Такимъ путемъ не обрѣтешь
Ты славы истинной, нетлѣнной!...
Но точно-ль службу ты несешь

Для этой цѣли отдаленной?!
Нѣтъ! мнѣ сдается, что ты врешь.
Тебѣ, мой другъ, не славы надо,
Не насъ ты хочешь обмануть,
Не чернь, а власти Петрограда:
Ты служишь только для оклада,
Да чтобъ свою украсить грудь.

И вашей братьи много, много
Идетъ съ тобой одной дорогой,
Влекомы цѣлію одной —
Пожить на счетъ земли родной.

XXIII.

МОСКВА 1873 Г., ПО Р. Х.

(Экспромптъ.)

Увы, увы, увы, увы!!!
Восплачьте плачемъ Еремiи,
Всѣ отъ Амура до Невы
О горькой участи Москвы:
Ахъ, та Москва, что̀ въ дни былые
Была главою всей Россiи,
Сама теперь безъ головы!

XXIV.

НА СМЕРТЬ СТРЯПЧАГО.

Предстала, — и стряпчій великій смежилъ
Поповскія очи въ покоѣ;
Онъ умеръ спокойно, зане накопилъ
Себѣ состоянье большое;
Надгробную надпись прочтешь ты въ Донскомъ:
«Коллежскій ассессоръ здѣсь спитъ съ старшинствомъ.»

Все плоть въ немъ питало: опека дѣтей,
По векселямъ старымъ взысканье,
Спасенье банкротовъ отъ вѣрныхъ плетей,
Сомнительныхъ купчихъ созданье.
Два разные смысла на каждый законъ,
Со скоростью вихря, подъискивалъ онъ.

Съ палатой одною онъ жизнью дышалъ, —
Заранѣе зналъ всѣ рѣшенья,
Сенатскихъ нерѣдко въ трактиръ зазывалъ,
Кому сколько сунуть, — по рожѣ онъ зналъ.
Питалъ къ правовѣдамъ презрѣнье;
Десятаго тома вся книга ясна
Была для него, — и казалась сносна.

Не разъ попадался, — подъ слѣдствіемъ былъ,
Но всюду умѣлъ отвертѣться
И сухъ изъ воды онъ всегда выходилъ,
И связи повсюду себѣ находилъ,
И всюду умѣлъ протереться:
Лазейку онъ быстро прорыть себѣ могъ —
И въ домъ къ правовѣду, и въ графскій чертогъ.

Ограбленъ, обманутъ имъ былъ человѣкъ;
Но, если общественнымъ мнѣньемъ
Казниться мерзавцы не будутъ вовѣкъ, —
О немъ всѣ помянутъ съ почтеньемъ:
Ограбленныхъ вопли исчезнутъ какъ паръ, —
Плута оправдаетъ его формуляръ.

И если загробная жизнь намъ дана,
Онъ, въ здѣшней въ Сибирь не попавшій,
Въ крючкахъ и увёрткахъ себя издавна
Съ любовью такой упражнявшій,
Хотя и съ поличнымъ предстанетъ во адъ, —
Допросные пункты его не смутятъ.

1859 г.

XXV.

КОНЧИНА ОТКУПА ИЛИ ПОТЕРЯННЫЙ РАЙ.

Pleurez, doux alcyons! ô vous, oiseaux sacrés!
Oiseaux chers à Téthys, doux alcyons, pleurez!
Elle a vécu, Myrto, *la belle* Tarentine!

A. Chénier.

Восплачьте, Рюмины! Восплачь, о Бенардаки!
Стенайте, Утины! Стенай, Кондоянаки!
Визжи, о Мамонтовъ! О Кокоревъ, взреви,
На потребителяхъ гнѣвъ лютый оборви!
Реви, о Кокоревъ, поклонникъ музъ и грацій,
Реви съ Медынцевымъ, реви съ Козьмой Варваци!
Ревите хоромъ всѣ отечества отцы,
Всѣ безъ различія — дворяне и купцы,
Всѣ, подписавшіе проектъ великодушный:
Въ долинѣ жизни сей вамъ скверно, тошно, душно...
Нѣтъ больше откупа — низринутъ сей колоссъ!
Вы думали поднять, да видно «сорвалось!»
Да, откупъ шлепнулся акцизу въ назиданье.
Прощай погибшее, но милое созданье!
«Прощай кормилецъ нашъ», кричите громко вы —
«Тебя оклеветалъ коварный гласъ молвы.
Да, въ Питерѣ понять, какъ видно, не хотѣли
Проекта нашего гуманной, мудрой цѣли.
Желая родину отъ гибели спасти,
Мы всѣ надѣялись навѣрно провести
Двѣ тысячи турусъ... бишь верстъ дорогъ желѣзныхъ;

Но нашихъ замысловъ высокихъ и полезныхъ
Не поняли, и мы отъ смерти на вершокъ —
Мы угнетенная невинность, что въ мѣшокъ
Посажена, и тамъ пищитъ, визжитъ и злится.
Что дѣлать намъ теперь?!» Что дѣлать вамъ?—Топиться.
Топитесь въ Яузѣ, въ Днѣпрѣ, въ Москвѣ - рѣкѣ
И въ Волгѣ - матушкѣ, и въ Клязьмѣ, и въ Окѣ!
Всѣ рѣки вамъ равны, всѣ вѣрно вамъ служили:
По ихъ вѣдь милости дышали вы и жили.
Теперь же съ помощью ихъ благодатныхъ водъ
Кончайте смертію прекрасный свой животъ!
Идите всѣ гуртомъ къ волнамъ родной стихіи, —
Воды достаточно у матушки Россіи;
Не всю исчерпали и распоили вы —
Топитесь же, сыны любимые молвы!...
Постойте! Прежде чѣмъ начнете вы топиться,
Позвольте къ вамъ теперь съ вопросомъ обратиться:
Кто болѣе изъ васъ отечества отецъ?
Чей благородный ликъ на мраморѣ сердецъ
Яснѣе выдолбитъ народное преданье?
Въ чьемъ сердцѣ болѣе къ народу состраданья?
Кто болѣе добра отечеству желалъ
И въ праздникъ кабаки всѣхъ раньше отпиралъ?
Скажите поскорѣй! исторія готова,
Въ лицѣ историка Сергѣя Соловьева,
То имя занести въ нетлѣнную скрижаль,
Потомству дальнему на диво и въ мораль.

XXVI.

ЧЕТЫРЕ ПѢСНИ

или

Поэтъ и синіе чулки.

(Истинное происшествіе).

«Споетъ ли намъ пѣсню нашъ милый поэтъ?»
Сказала дѣвица Еноховскихъ лѣтъ.
И вотъ къ фортепьяно подходитъ піитъ.
Въ немъ желчь и презрѣнье, и юморъ кипитъ.
«Три пѣсни я знаю, онъ мрачно сказалъ:
Одну у камелій я часто пѣвалъ;
Вторую же пѣсню я зналъ да забылъ;
Ее я съ похмѣлья когда то сложилъ.
А третія пѣсня — всѣхъ лучше она,
И мной въ пьяномъ видѣ была сложена.»
Она сѣлъ къ фортепьяно,—педаль надавилъ
И въ клавиши грозно съ размаху хватилъ:
Педаль затрещала подъ мощной стопой,
И рвется со звономъ струна за струной;
Притихнулъ, сконфузясь, ученый салонъ,
И рявкнулъ піита во весь баритонъ
Такую канцону, что... даже Барковъ
Не слыхивалъ съ роду подобныхъ стиховъ.

И взвизгнули дамы при первой строфѣ, —
И пали притворно безъ чувствъ на софѣ.
Лишь сей катастрофы поэтъ ожидалъ —
И вихремъ безъ шапки домой побѣжалъ:
На воздухѣ вольномъ онъ ожилъ, вздохнулъ
И съ радости пѣсню опять затянулъ:
«Раздайся-жъ послѣдняя пѣсня моя!
Ту пѣсню и другу, и недругу я
Твердить безвозмездно повсюду готовъ, —
Та пѣсня: «бѣгите отъ синихъ чулковъ!»»

XXVII.

ИСПОВѢДЬ ДАМЫ.

Falso queritur de natura sua genus humanum, quod imbecilla atque aevi brevis sorte potius quam virtute regatur.
(C. Sallust. C. Bel. jugurthin).

I.

Всѣ говорятъ обыкновенно,
Что счастье слѣпо совершенно,
Что, какъ придетъ ему капризъ,
Оно подниметъ насъ, возвыситъ,
А тамъ въ грязь втопчетъ... Quelle bêtise!
Все, все отъ насъ самихъ зависитъ!
Къ чему-жъ намъ дали небеса
И умъ, и память... et tout ça...
Ну тамъ способности всѣ эти?
Къ тому, чтобъ съ первымъ шагомъ въ свѣтъ,
Умѣть себя поставить въ свѣтѣ,
Чтобъ съ небольшимъ въ шестнадцать лѣтъ
Какъ въ сорокъ пять владѣть собою,
Съумѣть, какъ говорится, съ бою,
На зло и людямъ, и судьбѣ —
Составить партію себѣ.

Я въ жизни много испытала
И знаю хорошо людей,
И потому-бъ теперь желала,
По добротѣ души своей,
Вамъ, молодое поколѣнье,
Благое дать нравоученье.
Послушайте меня, mesdames,
Я вамъ совѣтъ полезный дамъ.
Вопервыхъ, въ горѣ не ропщите
На жребій (то великій грѣхъ!),
Враговъ своихъ за неуспѣхъ
Стремленій вашихъ не вините:
Повѣрьте, много въ насъ самихъ
Враговъ найдется самыхъ злыхъ.
Нашъ главный врагъ, врагъ самый первый,
Начало всякихъ золъ и бѣдъ:
Les nerfs, какъ говорится, «*нервы*»,
И счастливъ тотъ, въ комъ *нервовъ* нѣтъ!
Я никогда ихъ не имѣла
И потому на все, всегда
Спокойно, холодно смотрѣла:
Но съ нервами у насъ бѣда: —
Отъ нихъ всѣ эти искушенья,
Волненья разныя въ крови,
Безвѣрье, къ старшимъ непочтенье,
Бунты и браки по любви;
Отъ нихъ Жоржъ-Зандъ и страсть къ романамъ,
Отъ нихъ Вольтеръ и Робеспьеръ
И филантропія къ крестьянамъ.
Всему виной одно — les nerfs.
Родители должны всѣ средства
И силы всѣ употреблять
На то, чтобъ дочекъ съ малолѣтства
Отъ этихъ нервовъ отучать.
Откуда въ жизни всѣ страданья,

Любовь и прочіе грѣхи,
Разводы, тайныя свиданья,
Безъ состоянья женихи?
Все отъ дурнаго воспитанья...
Ахъ, воспитанье! всѣмъ ему
Одолжена я одному!
Чины и связи родовыя,
Гербы и даже красота,
Повѣрьте мнѣ, все суета,
И только правила благія,
Внушенныя намъ съ малыхъ лѣтъ,
Здѣсь прочны: посреди всѣхъ бѣдъ,
Соблазновъ, бурь и козней свѣта
Они хранятъ, какъ талисманъ...
Чтобъ вамъ яснѣй представить это,
Я разскажу вамъ свой романъ.

II.

Въ тотъ годъ, когда Москва изъ пепла,
Красуясь, снова поднялась,
Въ приходѣ мученика Евпла,
Въ успенскій постъ, я родилась.
Отецъ мой, отставной военный,
Былъ человѣкъ весьма почтенный:
Его весь городъ уважалъ
За то, что былъ онъ генералъ,
Что домъ имѣлъ свой на Мясницкой,
Высокъ былъ ростомъ и богатъ
И на княжнѣ Абдулмеджидской,
Умнѣйшей женщинѣ, женатъ.
Они открыто, славно жили,
И послѣ свадьбы черезъ годъ,
Свои имѣнья заложили.

Хоть мой отецъ и не былъ мотъ,
Хотя терпѣть не могъ онъ свѣта —
Ни вечеровъ, ни этикета...
Онъ былъ предобрый, но чудакъ:
Пилъ квасъ, держалъ борзыхъ собакъ,
Охотникъ былъ до щей и каши,
Ѣдалъ онъ даже съ чеснокомъ
Кой-что отъ матушки тайкомъ,
И ежели-бъ не связи наши,
Ни съ кѣмъ бы не былъ онъ знакомъ;
Но, къ счастью, воли не давали
Ему; совѣтовъ и морали
Его не слушались, и онъ
Былъ жить открыто принужденъ,
То было матушки желанье:
Какъ урожденная княжна,
Она жить свыше состоянья
Bon gré, mal gré была должна...
И по отцу мой родъ предревній:
Въ его владимірской деревнѣ
Во всѣхъ амбарахъ, кладовыхъ
Портретовъ куча родовыхъ
Валялась съ старыми вещами,—
Все генералы въ парикахъ,
Въ цвѣтныхъ кафтанахъ съ кружевами,
Mais quelles figures! и вспомнить страхъ!
И всѣ прогрызены мышами...
И было множество у насъ
Старинныхъ кубковъ, блюдъ и вазъ.
(Какой-то предокъ мой, когда-то,
Не помню при какомъ царѣ,
Былъ чѣмъ-то важнымъ при дворѣ
«И деньги загребалъ лопатой»,
Какъ говорила нянька мнѣ);
Но вазы, кубки, блюда эти,

По волѣ матушки, въ Совѣтѣ,
Отцомъ моимъ заложены
Сперва, а послѣ проданы.
И не продать нельзя ихъ было:
Разъ какъ-то денегъ не хватило
У матушки, чтобъ сдѣлать балъ,
Тогда зачѣмъ-то (я забыла)
Хозревъ-Мирза здѣсь проѣзжалъ,
И вся Москва была въ волненьи
Отъ удивленья, умиленья, —
Такъ кто же могъ тутъ устоять,
Чтобъ бала съ радости не дать?!...

III.

Но извините, отъ предмета
Я отдалилась, увлеклась...
Итакъ, mesdames, я родилась,
Въ Москвѣ, въ средѣ большаго свѣта,
И потому отецъ и мать
Меня рѣшились воспитать
На славу просто. Ихъ желанье
Богъ внялъ, и въ самомъ дѣлѣ мнѣ
На славу дали воспитанье..

. . . .

Когда на свѣтъ я родилась,
Мнѣ взяты были въ тотъ же часъ
Три няньки: русская — Прасковья,
Француженка, чтобы съ пеленъ
Внушенъ мнѣ былъ хорошій тонъ;
Для чистоты же и здоровья
Мнѣ взяли мистриссъ Варингтонъ;
Она жила при мнѣ лѣтъ десять.
За то француженокъ у насъ

Мѣняли въ двѣ недѣли разъ
За то, что съ ними почудесить
Любилъ домашній нашъ Ловласъ —
Мой батюшка, не тѣмъ помянуть:
Какихъ, бывало, страшныхъ рожъ
Ни брали въ домъ нарочно, что-жъ?
Недѣли не пройдетъ — застанутъ
Глазъ на глазъ съ батюшкой, ей-ей!
Прошу представить рядъ мученій,
Въ виду подобныхъ приключеній
Несчастной матушки моей!...
Бѣдняжка мучилась безмѣрно
И изо всѣхъ старалась силъ,
Чтобы сожитель благовѣрный
Скандалы эти прекратилъ:
Просила, плакала, сердилась,
Ногами топала, бранилась,
Ну только-только не дралась,
По суткамъ въ спальнѣ запиралась,
Больной и мертвой притворялась,
Формально развестись клялась,
Начальству просьбы подавала,
Совѣта спрашивать ѣзжала
Къ Корейшѣ — въ сумашедшій домъ,*)
Ходила къ Троицѣ пѣшкомъ,
Но ничего не помогало.
Не знаю право, отчего
Всѣ эти ссоры и тревоги
Не сбили съ истинной дороги
Образованья моего?
Лишь только стала я ходить,
Какъ присѣдать меня учить

*) *Иванъ Яковлевичъ* Корейша — извѣстный московскій прорицатель, содержавшійся въ домѣ умалишенныхъ.

Былъ нанятъ самъ покойникъ Іоголь;
Навѣрное не знаю, много-ль
Ему лѣтъ было; но твердилъ
Онъ намъ шутя, что ужъ училъ
Онъ со временъ Елизаветы.
Когда я стала подростать,
Мнѣ стали высшіе предметы
Учителя преподавать,
И стала я учить спряженья,
Стихи, таблицу умноженья.
Ко мнѣ ходилъ monsieur d'Olbert.
Его я очень полюбила —
Училъ онъ очень, очень мило:
Quelle éloquence et quelles manières!
Ко мнѣ учитель русскій тоже
Зачѣмъ-то цѣлый годъ ходилъ.
Вѣкъ не забуду этой рожи;
Сюртукъ до пятокъ онъ носилъ
И томъ Хераскова претолстый.
(Такой противный!). Онъ былъ просто
Дьячковскій сынъ — семинаристъ,
Неловокъ страшно и нечистъ...
Не знаю я, какимъ наукамъ
Могъ научить подобный пень:
Вѣдь отъ него на пять сажень
Благоухало вѣчно лукомъ.
У насъ онъ на застольной ѣлъ,
Пилъ въ кабакахъ вино простое;
При мнѣ садиться онъ не смѣлъ,
А потому училъ все стоя.
За то ужъ вовсе не такой
Былъ мой учитель рисованья!
Хоть былъ онъ тоже цеховой
И не имѣлъ образованья,
Но дѣло онъ отлично зналъ:

Такъ мнѣ рисунки поправлялъ,
Что всѣ отъ нихъ въ восторгѣ были.
  Меня и музыкѣ учили,
J'avais un maître de piano,
Покойникъ Фильдъ къ намъ ѣздилъ. Но
Онъ былъ мной недоволенъ что-то...
Со мною дѣлалась зѣвота,
Когда садилась я играть.
И то сказать: кому охота
Крючки тамъ въ нотахъ разбирать!
  И много, много къ намъ таскалось
Еще другихъ учителей,
Но мало въ памяти моей
Отъ ихъ учености осталось.
Вѣдь я, по правдѣ вамъ сказать,
Учиться очень не любила;
Когда же стала выѣзжать,
И то, что знала, позабыла.
Теперь я помню, какъ во снѣ,
О томъ, что говорили мнѣ
Про умноженье и дѣленье,
И какъ за грѣхъ столпотворенья
Всѣ люди разбрелися врозь,
Что у земли у нашей ось
Въ середкѣ будто бы продѣта,
Что облака и тамъ все это
Совсѣмъ не облака, а паръ,
И что земля кругла, какъ шаръ,
И вокругъ солнца все вертится,
А солнце какъ-то тамъ стоитъ,
Что Cléopâtre была царица,
Что былъ у Грековъ царь Солонъ,
А въ Римѣ Цезарь и Катонъ...
Какія глупости — ужасно!
Я не могу никакъ понять,

Зачѣмъ ихъ дамамъ нужно знать?
Безъ нихъ вѣдь можно безопасно
И жить, и всюду выѣзжать.
Вѣдь, чтобъ въ Москвѣ во всѣхъ салонахъ
Казаться умной и блистать,
Объ этихъ Цезаряхъ, Солонахъ
У насъ совсѣмъ не нужно знать.

IV.

Но я недолго обучалась:
Лишь стукнуло шестнадцать лѣтъ
(А съ виду взрослой я казалась),
Меня рѣшились вывезть въ свѣтъ.
Мнѣ платье длинное надѣли,
Игрушки выбросить велѣли,
Велѣли съ старшими сидѣть
И чаще въ зеркало смотрѣть.
Такъ шесть недѣль меня томили,
И наконецъ мой день насталъ:
Мнѣ наканунѣ объявили,
Что повезутъ меня на балъ.
Съ шести часовъ меня рядили,
Помадили, чесали, мыли
И ночью, въ безъ четверти часъ,
На балъ умчали, помолясь.
Примчали. Съ громомъ подкатилась
Карета тяжкая къ крыльцу —
И сердце трепетно забилось
Во мнѣ, и блѣдность по лицу,
И дрожь по тѣлу пробѣжала:
Мнѣ страшно вдругъ чего-то стало.
Чего? не знала я сама;
Но новыхъ чувствъ и мыслей тьма

Тогда мнѣ душу вдругъ сдавила,
Какъ будто горе иль бѣда
Мнѣ неминучая грозила,
Какъ будто съ чѣмъ-то навсегда
Я разставалась и прощалась.
А полчаса всего назадъ
Я дома въ бальный свой нарядъ
Съ такимъ восторгомъ одѣвалась:
То пѣла весело, то вдругъ
У старыхъ горничныхъ изъ рукъ
Я съ звонкимъ смѣхомъ вырывалась
Съ недошнурованной спиной,
Вертѣлась, прыгала козой,
При мысли радостной о балѣ,
И няньки съ матушкой толпой
Мои восторги унимали.
Давно ли? А теперь съ тоской,
Дрожа, по лѣстницѣ чужой
Стопой невѣрной я всходила,
И такъ мнѣ тяжко, тяжко было
И такъ хотѣлось мнѣ домой.
Я даже маменьку хотѣла
Тутъ на колѣняхъ попросить
Меня съ каретой отпустить;
Но отчего-то не посмѣла.
Ужъ мы полъ-лѣстницы прошли,
Ужъ намъ послышались вдали
Оркестра звуки, и страшнѣе
Еще мнѣ стало. Мы идемъ,
И все слышнѣе и слышнѣе
Оркестра раздается громъ,
И сердце бьется все сильнѣе.
Мы все идемъ, идемъ впередъ...
Ужъ мы пришли къ дверямъ, — и вотъ
Дверь въ залу съ шумомъ распахнулась.

Я вся со страху обмерла,
Едва-едва не пошатнулась,
Но я себя превозмогла
И вслѣдъ за маменькой вошла.
  Вошла, и все, какъ по сигналу,
Глаза, лорнеты и очки,
Гусары, дамы, старички,
Все, все, что наполняло залу,
Все жаднымъ взоромъ вдругъ впилось
Въ меня, и быстро пронеслось
По залѣ шумное волненье —
Раздался шопотъ удивленья,
Все встрепенулось въ этотъ мигъ.
Поправивъ орденъ и парикъ,
Всѣ старцы какъ-то подбодрились:
Юсуповъ выронилъ лорнетъ,
Въ сосѣдней комнатѣ пикетъ,
Бостонъ и вистъ остановились,
И вспыхнулъ ярко лютый гнѣвъ
На злобныхъ лицахъ старыхъ дѣвъ.
Ну, словомъ, все мной любовалось...
И тутъ я только догадалась,
Что я... я очень хороша.
И вмигъ совсѣмъ другой я стала:
Во мнѣ воспрянула душа,
Свои я силы вдругъ узнала,
Свое призванье я нашла.
И тутъ, съ сознаньемъ власти полной,
Походкой твердой и спокойной
По залѣ гордо я прошла.
  Кто не рожденъ для самовластья,
Тотъ не постигнетъ головой,
Какой восторгъ и сладострастье
Владѣть по прихоти толпой!
О, въ вечеръ тотъ я ей владѣла,

Какъ будто свыклась съ ней давно:
Царицей бала я летѣла,
Все на меня одну глядѣло,
Все было мной упоено!
Но вамъ теперь невѣроятно,
Что я могла такой фуроръ
Надѣлать въ свѣтѣ. Но съ тѣхъ поръ
Все измѣнили безвозвратно
Болѣзни, хлопоты, года!
Но находили всѣ тогда,
Что хороша я, какъ Мадонна...
И я сознаться вамъ должна,
Что, не шутя, во время оно
Была я очень недурна
То скажутъ всѣ въ одинъ вамъ голосъ.
Была я ростомъ высока,
Была тонка, гибка, какъ колосъ,
Какъ колосъ срѣзанный, легка;
Густыя черныя рѣсницы,
Походка, рѣчь,— какъ у царицы,
Небрежный, смѣлый, гордый взоръ,
Носъ тонкій, правильный и длинный,
Въ середкѣ съ маленькой горбиной,
Лицо и зубы, какъ фарфоръ,
Коса тяжелая, густая,
Вилась змѣей вкругъ головы,
Чернѣя углемъ и блистая
Отливомъ легкой синевы...
Итакъ j'avais un grand succès: —
Наперерывъ старались всѣ
По залѣ сдѣлать туръ со мною,
И я, успѣхомъ оживясь,
Съ безпечно дѣтскою душою,
По залѣ весело неслась,
Съ восторгомъ въ сердцѣ безконечнымъ....

Ахъ, первый выѣздъ, первый балъ!
Кто съ сладкимъ трепетомъ сердечнымъ
О немъ всю жизнь не вспоминалъ?
Какъ обаятельно надъ нами
На хорахъ музыка гремитъ,
Какими чудными огнями
Вся зала рдѣетъ и горитъ!
Какимъ раздольнымъ и богатымъ
Намъ вдругъ предстанетъ жизни путь,
Какимъ весеннимъ ароматомъ
Тѣснится воздухъ въ нашу грудь!
Съ какой довѣрчивостью дѣтской,
Впервые станъ свой отдаешь
Рукѣ гвардейца молодецкой
И ручку дѣтскую прижмешь,
Въ невѣдѣньи, къ рукѣ могучей
И съ грудью грудь помчишься съ нимъ
Четою бѣшено-летучей,
Какъ будто съ кѣмъ-то неземнымъ!
И мчишься, мчишься... все мелькаетъ
Въ глазахъ; летишь какъ ураганъ,
А онъ... онъ съ жадностью впиваетъ
Твое дыханье и твой станъ
Рукою дерзкой прижимаетъ,
И шепчетъ нѣжныя слова...
Кружится сладко голова;
Какъ въ смутномъ, сладкомъ снѣ, внимаешь
Слова неясныя любви,
И какъ-то стыдно, и не знаешь,
Зачѣмъ пылаетъ жаръ въ крови!
Но конченъ вальсъ, и въ утомленьи
Садишься, чувствуя душой,
Что всѣ любуются тобой
Въ какомъ-то нѣжномъ умиленьи,
Какъ первымъ по веснѣ цвѣткомъ,

Какъ оперившимся птенцомъ,
Впервой вспорхнувшимъ такъ охотно
На свѣтъ изъ теплаго гнѣзда
И полетѣвшимъ беззаботно,
Не зная самъ, зачѣмъ, куда?!
Ахъ балъ!... Тотъ жалкое созданье,
Тотъ счастья вовсе не знавалъ,
Кто, въ годы дѣвственныхъ мечтаній,
Хоть разъ на балѣ не блисталъ!

V.

На этотъ разъ я проблистала
Вплоть до утра. Когда я встала,
Ужъ православная Москва
Послѣ обѣда отдыхала.
Я встать могла едва-едва:
Болѣла страшно голова
Отъ новыхъ чувствъ и утомленья.
Я долго не хотѣла встать,
И несмотря на возраженья
Прасковьи, чай себѣ подать,
Въ постели лежа приказала:
Ужъ я себя воображала
Совсѣмъ большой... Но вдругъ приказъ:
«Явиться къ матушкѣ сейчасъ»
Меня извлекъ изъ заблужденья.
Я встала, зная напередъ,
Что, вѣрно, матушка прочтетъ
За что-нибудь нравоученье...
Что услыхала я тогда
Запало въ душу навсегда
«Послушай, матушка сказала,
Вчера на балѣ ты была

Къ лицу одѣта и... мила,
Не дурно очень танцовала;
Но вотъ что дурно вонъ изъ рукъ,
Что танцовала ты, мой другъ,
Вчера со всѣми безъ разбору;
Вѣдь я на балъ тебя взяла
Совсѣмъ не для такого вздору —
Ты какъ дитя себя вела...
Мнѣ, право, совѣстно и больно
И вспомнить про вчерашній балъ:
Ты безпрестанно танцовала
Со всѣми, кто ни приглашалъ,
И всю мнѣ душу истерзала,
И хоть бы разъ кому-нибудь
Ты отказать, мой другъ, рѣшилась,
Хоть для того, чтобъ отдохнуть.
Нѣтъ, ты кружилась да кружилась.
Вѣдь я на балъ тебя взяла
Не для пустаго развлеченья:
У насъ разстроены дѣла:
Грозитъ намъ стыдъ и разоренье;
У насъ нѣтъ въ домѣ пятака, —
А ярославское имѣнье
Какъ разъ, продастся съ молотка!
Въ тебѣ одно для насъ спасенье,
И если скоро жениха
Ты не отыщешь съ состояньемъ,
То доведешь насъ до грѣха:
Придется жить хоть подаяньемъ —
Все: домъ и мебель продадимъ
И въ Устьсысольскъ мы укатимъ.
«Вотъ потому-то не должна ты
Теперь вести себя дитёй.
Кто танцовалъ вчера съ тобой?!
Ты только вспомни! Тотъ женатый,

А этотъ вовсе небогатый;
Гвардеецъ твой ужасный мотъ,
Игрокъ и пьяница прескверный
И черезъ полгода навѣрно
Все состоянье проживетъ.
Нѣтъ, мы должны себя иначе
Въ хорошемъ обществѣ держать:
Кто поважнѣй да побогаче,
Кто душъ имѣетъ тысячъ пять,
Того не должно съ глазъ спускать;
Но ежели всѣ души эти
Въ приказѣ или тамъ въ совѣтѣ,
Иль гдѣ-нибудь заложены, —
Мы холоднѣй съ нимъ быть должны».
И въ этомъ духѣ долго, долго
Читала матушка мораль —
Про долгъ въ Совѣтъ, про святость долга
Дѣтей къ родителямъ; про даль
И скуку жизни въ Устьсысольскѣ,
И поняла я съ разу тутъ,
Что путь извилистый и скользкій
Мнѣ предстоитъ, но въ пять минутъ
Я создала себѣ маршрутъ.
И вотъ съ маршрутомъ этимъ твердо
Дорогой жизни я пошла;
Всѣхъ сплетницъ въ дружбу забрала
И осмотрительно и гордо
Себя съ мужчинами вела.
Какъ вкругъ меня они ни вились,
Какъ застрѣлиться ни грозились,
Какихъ жилетовъ шутовскихъ
Ни доставали у портныхъ,
Какъ мнѣ платковъ ни поднимали,
Какихъ любезностей ни врали,
Но я была ко всѣмъ одна, —

Со всѣми важно холодна.
Ихъ это больше поджигало,
Но твердо помня свой маршрутъ,
Я и смотрѣть на нихъ не стала.
Бѣдняжки! Какъ, бывало, ждутъ,
Когда взгляну, скажу хоть слово,
Но взглядъ мой скромный и суровый
Ихъ никогда не баловалъ,
И въ немъ никто не прочиталъ,
Что на душѣ моей таилось,
По комъ сильнѣе сердце билось.
И какъ-то сладко было мнѣ
Ихъ жечь на медленномъ огнѣ.
Но изъ влюбленнаго конвоя,
Вездѣ бродившаго за мной,
Всѣхъ рѣзче выдѣлялись двое,
Какъ, въ кучкѣ мѣди, золотой.
Одинъ изъ нихъ простой былъ смертный,
Но человѣкъ былъ молодой,
Другой былъ князь, но пожилой
И даже съ лысинкой замѣтной.
Обоихъ я съ ума свела;
Но съ княземъ мнѣ бывало скучно,
А съ молодымъ... Къ нему была,
Признаться, я неравнодушна;
Но это чувство ото всѣхъ
Таила я, какъ смертный грѣхъ,
Но отъ maman не утаила.
И сердца юнаго въ тайникъ,
Какъ сверхъестественная сила,
Орлиный взоръ ея проникъ.
N N красивый былъ мущина,
А князь на мумію похожъ;
Но мать сказала мнѣ: «Полина,
Ужель простаго дворянина

Ты съ дуру князю предпочтешь?!
Къ тому же князь богаче втрое
Другаго твоего героя
Конечно, тотъ хорошъ лицомъ,
Есть у него и состоянье,
Но не въ рукахъ, а въ ожиданьи, —
Не отдѣленъ еще отцомъ,
И всѣ твердятъ единогласно,
Что человѣкъ онъ преопасный.
Вѣдь слухи носятся, что онъ
Ужасный... химикъ и масонъ,
Что по ночамъ въ своемъ каминѣ
Онъ зелья разныя варитъ,
Лакеямъ *вы* всѣмъ говоритъ,
Рецепты пишетъ по-латыни
И втайнѣ страшный филантропъ,
И если ты его полюбишь,
То душу навсегда погубишь
И мать свою положишь въ гробъ.
А князь женихъ, какихъ немного,
И генералъ, и вѣритъ въ Бога,
И будетъ онъ примѣрный мужъ.
Вѣдь у него семь тысячъ душъ.
Ты понимаешь ли? — семь тысячъ!»
И взоромъ дикаго коня
Мать такъ взглянула па меня,
Какъ будто собиралась высѣчь.
Но я сказала ей въ отвѣтъ,
Что сердце у меня свободно.
Что я привыкла съ дѣтскихъ лѣтъ
Все дѣлать такъ, какъ ей угодно.
— «Вотъ это мило и умно»,
Мать, прослезившись, мнѣ сказала
И въ лобъ меня поцѣловала...
И дѣло было рѣшено.

Была я вовсе не упряма
Покорна матушкѣ во всемъ...
Однако маленькая драма
Тутъ разыгралася тайкомъ...
Не то чтобъ драма въ самомъ дѣлѣ:
Ни отравленья, ни дуэли
Тутъ не было... А только такъ...
Но, еслибъ нервы я имѣла,
Бѣда-бъ была.... Но вотъ въ чемъ дѣло.
N N мой былъ большой чудакъ.
Онъ былъ влюбленъ, въ томъ нѣтъ сомнѣнья;
Но даже тѣни объясненья
Со мной себѣ не позволялъ.
Не знаю, робость ли мѣшала,
И онъ руки не предлагалъ,
Или онъ зналъ меня такъ мало,
Что прежде справки собиралъ.
Да, человѣкъ онъ былъ престранный:
Всегда задумчивъ, молчаливъ;
Должно быть, все читалъ романы
И вѣрно страшно былъ ревнивъ.
Онъ былъ мужчина статный, стройный,
Лицомъ недуренъ: римскій носъ,
Высокій лобъ, всегда спокойный,
И темнорусый цвѣтъ волосъ,
Глаза же черные, большіе,
Живые, добрые такіе,
Но если что его кольнетъ,
Бывало ими такъ сверкнетъ,
Такое дастъ имъ выраженье,
Что, кажется, въ одно мгновенье
Онъ человѣка вамъ убьетъ.
Ни по рѣчамъ, ни по манерамъ
Онъ былъ нисколько не похожъ
На остальную молодежь,

Хоть могъ бы ей служить примѣромъ. —
Ни въ карты не игралъ, не пилъ
И даже трубки не курилъ.
Стыдливъ, какъ красная дѣвица:
Бывало, слишкомъ близко стулъ
Ко мнѣ придвинуть онъ боится;
Ни разу страстно не взглянулъ,
Ни разу въ вальсѣ иль кадрили
Руки мнѣ съ чувствомъ не пожалъ...
Хоть комплиментъ бы разъ сказалъ!...
А въ одинъ голосъ всѣ твердили,
Что отъ меня онъ безъ ума.
Я это видѣла сама,
И мнѣ неловко крайне было,
Всегда конфузно какъ-то съ нимъ:
За каждымъ шагомъ онъ моимъ,
За каждымъ взглядомъ и движеньемъ
Съ какимъ-то страхомъ, напряженьемъ,
Съ какой-то нѣжностью слѣдилъ:
Меня онъ будто сторожилъ,
Какъ вещь какую-то святую,
Какъ бы боялся каждый часъ,
Что я его разочарую
Хоть чѣмъ-нибудь — движеньемъ глазъ,
Поступкомъ, фразой задушевной,
Какъ бы увѣриться желалъ,
Что я такая совершенно,
Какой меня онъ представлялъ,
А не обманъ воображенья.
При немъ, бывало, мнѣ мученье:
Сидишь, какъ будто на огнѣ;
Не то чтобъ скучно было мнѣ,
Но какъ-то страшно, но пріятно.
И какъ при мнѣ онъ ни робѣлъ,
Какой-то властью непонятной

Онъ надо мною тяготѣлъ.
При немъ мнѣ было бы обидно
Себя кокеткой показать;
При немъ мнѣ страшно было, стыдно
И фразу пошлую сказать;
При немъ солгать я не умѣла,
Мнѣ даже въ душу заползать
И мысль нечестная не смѣла,
Когда онъ въ комнатѣ бывалъ
И робкимъ взоромъ то и дѣло
Мой гордый взоръ подстерегалъ;
При немъ казаться я боялась
Похожей быть на всѣхъ другихъ;
При немъ такъ пошло представлялось
Все въ рѣзвыхъ сверстницахъ моихъ
И все казалось пошлымъ вздоромъ
Въ обычной свѣтской болтовнѣ;
Всему онъ былъ живымъ укоромъ,
Что вкругъ меня и что во мнѣ.
  Когда мы съ матушкой *Энъ-Эну*
Рѣшились князя предпочесть,
Во мнѣ большую перемѣну
Она нашла: въ дней пять иль шесть
Всѣ платья широки мнѣ стали,
Такъ что мнѣ все перешивали,
Все — лифы, юбки и корсетъ,
Меня почти не узнавали —
Я просто сдѣлалась скелетъ.
  Княгиней сдѣлаться затѣя,
Я изо всѣхъ старалась силъ,
Чтобъ князь какъ можно поскорѣе
Свою мнѣ руку предложилъ.
Намъ торопиться нужно было
Окончить дѣло все, пока
Имѣнье наше съ молотка

Не продано. Собравшись съ силой
И помолясь отцу щедротъ,
Пошла на князя я въ походъ.
Я вмигъ его атаковала
И безо всякаго стыда
Кокетничать открыто стала
Съ нимъ какъ никто и никогда, —
Такъ танцовала съ нимъ усердно,
Что даже докторъ говорилъ,
Что для здоровья это вредно.
Князь отъ меня не отходилъ,
Почти въ любви ужъ признавался,
И дѣло шло на почтовыхъ,
Но нашъ дуэтъ вдругъ обрывался
На фразахъ только начатыхъ,
Когда N N тутъ появлялся,
Обычно важенъ, скроменъ, тихъ.
Я вся терялась: потупляла
Глаза и путалась въ словахъ,
Улыбка хладно замирала
Гримасой глупой на губахъ;
А князь мой видитъ все и злится,
Ревнуетъ, смотритъ какъ медвѣдь...
О, какъ сквозь землю провалиться,
Или на мѣстѣ умереть
Хотѣлось мнѣ, иль съ балу скрыться,
Домой скорѣе убѣжать,
Прижаться къ нянюшкѣ старушкѣ,
Или упасть къ себѣ въ кровать,
Скорѣй лицо закрыть въ подушки
И такъ всю жизнь бы пролежать,
И не глядѣть на свѣтъ глазами,
И плакать, плакать безъ конца
И жизнь всю выплакать слезами!..
Но я, благодаря Творца,

На эту глупость не рѣшилась
Какъ мнѣ ни плохо приходилось!
N N былъ добръ: когда узналъ,
Что онъ безъ умысла, напрасно
Такъ сильно мучилъ и терзалъ
Сердчишко дѣвочки несчастной,
Къ намъ ѣздить въ домъ онъ пересталъ.
А все, бѣдняжка, всей душою
Меня по прежнему любилъ
И всюду, всюду онъ за мною
Украдкой издали слѣдилъ:
Какъ романическій влюбленный,
Стоялъ въ собраньи за колонной
Или слѣдилъ за нами съ хоръ,
И хоть его я не видала,
Но сердце вѣсть мнѣ подавало,
Когда его ревнивый взоръ,
Какъ жгучій совѣсти укоръ,
Въ меня впивался, точно жало.
И я блѣднѣла и дрожала.
О, какъ тогда хотѣлось мнѣ
Остаться съ нимъ наединѣ
И говорить съ нимъ много-много,
Всю душу передъ нимъ открыть,
Его просить, его молить,
Чтобъ не судилъ меня онъ строго,
Не презиралъ хоть ради Бога
И взоромъ не терзалъ своимъ...
О, какъ мучительно желала
Я оправдаться передъ нимъ,
А чѣмъ и въ чемъ, сама не знала,
А какъ на зло въ подобный мигъ,
Бывало, нѣжный мой старикъ
Мнѣ дѣлалъ сладенькіе глазки...
Я выбивался изъ силъ...

Но дѣло наконецъ къ развязкѣ
Пришло; день счастья наступилъ —
Мой князь мнѣ руку предложилъ.
И по Москвѣ въ одно мгновенье
Слухъ прокатился точно громъ,
Что князь мнѣ сдѣлалъ предложенье,
И вдругъ родными цѣлый домъ
У насъ наполнился биткомъ:
Восторги, слезы, поздравленья
На насъ какъ дождикъ полились, —
И люди всѣ перепились,
Подъ шумъ всеобщаго волненья.
И счета не было у насъ
Въ тотъ день привѣтствіямъ, объятьямъ..
Maman велѣла въ тотъ же часъ
Служить молебенъ съ водосвятьемъ
И громко клялась на весь домъ
Въ Ростовъ отправиться пѣшкомъ.
Когда же эта вся тревога
И чувствъ родительскихъ потокъ
Поуспокоились немного,
Усѣлись чинно всѣ въ кружокъ,
Мнѣ дали мѣсто посередкѣ,
И разразилася въ меня
Моралью вся моя родня:
Двѣ бабушки, четыре тетки
И до семнадцати кузинъ,
Дожившихъ въ дѣвствѣ до сѣдинъ,
Мнѣ стали дѣлать наставленья;
И полились тутъ разсужденья
О томъ, какъ вышній промыслъ благъ,
О томъ, какой великій шагъ
Я въ жизни дѣлаю, какая
Теперь обязанность святая
Мнѣ предстоитъ: съ какимъ умомъ

Должна умѣть я мужемъ править,
И съ разу такъ его поставить,
Чтобъ вѣкъ онъ былъ подъ башмакомъ.
И тутъ семейный весь соборъ
Рѣшилъ, что я должна стараться
Стать прежде мужа на коверъ
Въ тотъ мигъ, какъ станемъ мы вѣнчаться. —
Что это самый вѣрный знакъ,
Что мужъ окажется колпакъ.
Но вѣдь всему на этомъ свѣтѣ
Дождешься наконецъ конца, —
И вотъ, по благости Творца,
Всѣ наставленья, толки эти
Рѣшились родичи прервать:
Maman меня послала спать.
Утомлена всей смутой этой,
Я спать легла полураздѣтой,
И мнѣ приснился страшный сонъ...
И знаю вѣрно я, что онъ
Былъ мнѣ внушеньемъ духа злаго.
Приснилось мнѣ, что я готова
Совсѣмъ, чтобъ ѣхать подъ вѣнецъ.
И вотъ меня благословляютъ,
И всѣ вокругъ меня рыдаютъ,
И всѣхъ сильнѣе — мой отецъ,
Потомъ совсѣмъ одну сажаютъ
Меня въ карету Тамъ темно.
(Какъ будто ночь пришла давно!)
И мнѣ какъ будто показалось,
Что кто-то тамъ уже сидитъ
И грозно мнѣ въ глаза глядитъ...
Карета къ паперти примчалась...
Вотъ въ церковь я вхожу одна,
А церковь вся уже полна
Безмолвно-мрачною толпою...

Иду, — и всѣ передо мною
Со страхомъ пятятся назадъ,
Какъ передъ чумною какою,
И съ гнѣвомъ на меня глядятъ,
И шепчутся между собою...
Иду... И кто-то, что есть силъ,
Меня вдругъ за руку схватилъ...
Гляжу: то князь — такой ужасный
И смотритъ на меня такъ страстно.
И хочетъ къ алтарю вести..
Я рвусь, кричу: «пусти, пусти!
Я не хочу»... Но все напрасно:
Ужъ начался обрядъ святой,
Уже вѣнцы на насъ надѣли...
И вдругъ на клиросахъ запѣли
Намъ «Со святыми упокой!»
И вотъ подъ пѣнье гробовое
Насъ повели вкругъ аналоя.
Ужъ провели насъ разъ, другой
И въ третій ужъ вести хотѣли;
Но я не движусь: подо мной
Мгновенно ноги омертвѣли...
Я на полъ падаю, и мать
Меня старается поднять,
Бранитъ и проситъ, и толкаетъ...
Вдругъ съ шумомъ закричалъ народъ:
«Вотъ *онъ*, вотъ онъ, идетъ, идетъ!»
И въ церковь съ яростью вбѣгаетъ
N N и страшно такъ глядитъ,
И быстро за руку хватаетъ
Священника и говоритъ,
Дрожа отъ гнѣва и волненья:
«Опомнись, батюшка, постой!
Не совершай ты преступленья
Надъ этой дѣтскою душой,

Не призывай благословенья
Ты всуе Троицы святой
На дѣло грѣшное и злое,
И «это сердце молодое
Не дай навѣки погубить
И въ землю заживо зарыть!»
Такъ говорилъ онъ золъ, неистовъ...
Но вмигъ затихло все вокругъ;
Толпа вся разступилась вдругъ —
Явился въ церковь частный приставъ...
Тѣмъ кончился мой страшный сонъ.
Но былъ совсѣмъ *не въ руку* онъ,
Какъ я потомъ уразумѣла...
А между тѣмъ давно, давно
Все въ домѣ поднялось, шумѣло,
И утро майское глядѣло
Черезъ гардины мнѣ въ окно.
Въ то утро я съ постели встала
Едва, едва — почти больной,
И мрачныхъ чувствъ за роемъ рой
Вмигъ овладѣлъ моей душой.
О, какъ я плакала, страдала,
Какъ жадно, пламенно желала,
Чтобъ мой ужасный сонъ сбылся —
Чтобы въ минуту обрученья
N N мой въ церковь ворвался
И грознымъ словомъ обличенья,
Какъ Божьимъ громомъ, разгромилъ
Меня гнетущія оковы
И чтобъ заранѣ отомстилъ
Молвѣ, проклясть меня готовой,
И спасъ меня, какъ отъ грѣха,
Отъ брачныхъ узъ и жениха.
Тогда мечтамъ моимъ кипучимъ
Являлся *онъ* такимъ могучимъ,

Такимъ прекраснымъ и святымъ,
Какой-то тайной въ сердцѣ мучимъ,
Какой-то грустію томимъ,
Какъ мой судья и повелитель,
Какъ мужъ рожденный для чудесъ,
Какъ добрый геній-избавитель,
Ко мнѣ ниспосланный съ небесъ,
Чтобы рукою нѣжной, вѣрной
Меня отъ гибели спасти
И отъ людскихъ суетъ и скверны
Куда-то выше унести.
Въ тотъ часъ, когда мечтанья эти
Вдругъ одурили разумъ мой.
Совсѣмъ въ какомъ-то новомъ свѣтѣ
Весь міръ явился предо мной,
И неестественная сила
Во мнѣ кипѣла и бурлила...
Тутъ былъ одинъ опасный мигъ:
Я такъ въ мечтаньяхъ расхрабрилась,
Что объявить было рѣшилась
Властямъ семейнымъ напрямикъ,
Что гадокъ мнѣ до омерзѣнья
Мой князь, что онъ уродъ, дуракъ,
Что невозможенъ этотъ бракъ,
Что онъ грѣшнѣй, чѣмъ преступленье...
О, въ этотъ страшный, дерзкій мигъ
На все-бъ рѣшился мой языкъ,
И за свою свободу смѣло
Тогда я выступить хотѣла
Въ открытый и упорный бой —
На бой хоть со вселенной цѣлой,
Хоть съ стаей тигровъ, хоть съ судьбой.
Хоть даже съ маменькой самой;
Но лишь одна боязнь скандала
Мои мечтанья перервала...

Но вотъ день брака наступилъ...
Хоть мнѣ мой князь противенъ былъ,
Хоть я страдала, сердцемъ ныла,
Грустила страстно по другомъ,
Когда стояла подъ вѣнцомъ,
Хоть мнѣ такъ тяжко, тяжко было,
Что я едва могла сдержать
Себя, чтобъ вдругъ не зарыдать,
Но я себя переломила:
Достало силъ въ душѣ моей,
Достало воли въ ней, искусства
Скрыть на лицѣ моемъ всѣ чувства —
Все, все, что волновалось въ ней.
И вотъ невѣстою счастливой,
Съ открыто радостнымъ лицомъ,
Съ улыбкой свѣтлой, горделивой
Я простояла подъ вѣнцомъ.
Всѣ благородныя дѣвицы
Москвы, дворянство всей столицы
И, словомъ, вся моя родня
Толпой тѣснилась вкругъ меня.
Всѣ съ любопытствомъ ненасытнымъ,
Съ безцеремоннымъ, первобытнымъ
Меня отъ головы до ногъ
Глазами жадно пожирали...
И что-жъ!? Никто, никто не могъ
И тѣни легонькой печали
Подмѣтить на лицѣ моемъ, —
Такъ все спокойно было въ немъ!
И весь романъ мой скоротечный
Остался тайной, тайной вѣчной
Для нашихъ сплетницъ городскихъ,
Моихъ враговъ — соперницъ злыхъ.

Оконченъ мой простосердечный

И безъискуственный разсказъ.
Mesdames! Пусть буду я для васъ
На жизненной стезѣ опасной
Примѣромъ вѣчнымъ. Еслибъ я
Рѣшилась взять себѣ въ мужья
Того, кого любила страстно
И кѣмъ жила душа моя,
Когда-бъ (какъ нынче это мода),
Я умъ богатству предпочла
И замужъ за глупца урода
(То есть за князя) не пошла,
Когда-бъ желѣзной силой воли
Я не сломила страсти злой,
Теперь жила-бъ я въ низкой долѣ
И шлялась, можетъ быть, съ сумой...
Mesdames! Не смѣйтесь надо мной!
Была-бъ я нищей непремѣнно,
Когда бъ N N мнѣ мужемъ былъ:
Вѣдь онъ въ три года совершенно
Все состоянье разорилъ...
Онъ филантропомъ оказался:
Крестьянъ на волю отпустилъ
И весь на нихъ же промотался,
(Надѣлалъ много онъ чудесъ!)
И въ чемъ-то наконецъ попался,
И изъ Москвы навѣкъ исчезъ...
  А я съ супругомъ неразлучно,
Хоть былъ совсѣмъ онъ идіотъ
И замѣчательный уродъ,
Жила межъ тѣмъ благополучно,
И сорокъ лѣтъ проживши съ нимъ,
Какъ крайне вѣрная супруга,
Теперь, по титуламъ моимъ,
Почетомъ пользуюсь большимъ
Я въ сферахъ избраннаго круга.

Счастлива я... А отчего?
Да ужъ, конечно, оттого,
Что очень, очень я богата;
А я богата потому,
Что воли сердцу своему
Я не дала, и этимъ свято
Свой долгъ исполнила во всемъ
Передъ maman, передъ отцомъ
И даже предъ самимъ Творцомъ.

Признайтесь мнѣ теперь, mesdames,
Что вѣрно трудно было-бъ вамъ
Въ шестнадцать лѣтъ такою властью
Вооружиться надъ собой,
Чтобъ устоять въ борьбѣ со страстью
И тѣмъ исполнить долгъ святой?
Тутъ нужно мужество, геройство...
А вы! откуда вамъ ихъ взять?!
Вамъ стоитъ платье разорвать,
У васъ ужъ нервное разстройство!

1876 г.
Январь.

XXVIII.

(Подражаніе Лермонтову).

За все, за все тебя благодарю я —
За стерлядей, за трюфели, за джинъ,
За поншъ-глясе, мадеру выписную,
За кло-вужо, клико и мараскинъ,
За портеръ твой, разливки заграничной,
За все, чѣмъ я вчера отравленъ былъ;
Устрой лишь такъ, чтобы тебя вторично
За эту смѣсь я не благодарилъ.

XXIX

ТАНЦОВЩИЦА.

„Le cynisme des moeurs doit salir la parole,
Et la haine du mal enfante l'hyperbole.

A. Barbier.

Чу! по городу волненье:
Нóвый ставится балетъ, —
Всѣ закладывать имѣнье
Мчатся весело въ Совѣтъ.

Прибѣгаютъ и къ продажѣ —
(Такъ танцовщица мила!)
Въ день спектакля, экипажей
У театра нѣсть числа.

Ужъ балетъ во всемъ разваль,
Страшно музыка гремитъ;
Полны ложи, кресла, стали
И раекъ биткомъ набитъ.

Ярко, ярко сѣдинами
Блещетъ креселъ первый рядъ:
Старцы съ юными сердцами,
Точно муміи, сидятъ.

Ненасытно-жаднымъ взоромъ
На танцовщицу глядятъ,
Полны старческимъ задоромъ,
Страстно млѣютъ и дрожатъ.

Терпсихоры русской жрица
Не щадитъ ни силъ, ни ногъ:
То юлой она вертится,
То летитъ подъ потолокъ;

«Вотъ искусство такъ искусство! —
Старцы пылкіе твердятъ, —
«Грѣетъ кровь, волнуетъ чувства,
Какъ съ ванилью шоколадъ.»

Доморощенной Тальони
Щедро сыплются цвѣты;
Отбиваются ладони
Въ честь тѣлесной красоты.

Жены старыя трепещутъ
За сердца своихъ мужей
И блѣднѣютъ, и скрежещутъ, —
А мужья-то рукоплещутъ
Все сильнѣй и все сильнѣй!

А балетная царица
Угодить имъ норовитъ:
Шибче прежняго вертится,
Выше, выше все летитъ. .

XXX.

ЛЮБИТЕЛИ ПРИРОДЫ ВЪ ОКРЕСТНОСТЯХЪ МОСКВЫ.

Идиллія.

(Подражаніе буколикамъ Виргилія Марона.)

Два пріятеля въ Всесвятскомъ
Повстрѣчались невзначай,
Обнялись съ восторгомъ братскимъ
И рѣшились... кушать чай.

Былъ прекрасенъ вечеръ майскій;
Мѣсяцъ на небѣ сіялъ;
Передъ ними ромъ ямайскій
Рядомъ съ чайникомъ стоялъ.
Чистъ и милъ, какъ грезы дѣтства,
Но могучъ былъ этотъ ромъ,
Описать его нѣтъ средства
Ни словами, ни перомъ.
Но лѣниво, безъ желанья,
Пился чай между друзей,
Длилось мрачное молчанье,
Было страшно состоянье
Ихъ тоскующихъ очей.
И какая-то забота
Не сходила съ ихъ лица,

И таинственное что-то
Ихъ тревожило сердца.
Каждый тайное желанье
На душѣ своей питалъ
И глубокое страданье
Въ нѣдрахъ сердца ощущалъ;
Но съ гордыней непреклонной
Чувствъ своихъ не выражалъ.
Лишь порой то сей, то оный,
Взоръ косой, но благосклонный,
На бутылку устремлялъ.
Наконецъ, одинъ рѣшился...
Ложный стыдъ свой превозмогъ
И съ пріятелемъ пустился
Въ философскій діалогъ.

Хозяинъ.

Ахъ, зачѣмъ мы нектаръ этотъ
Въ этотъ чай дурацкій льемъ!
Это крайне ложный методъ:
Надо пить его гольемъ.
Джентельменамъ комильфотнымъ
Неприлично пуншъ глотать;
Этимъ сладко-теплымъ рвотнымъ
Офицерамъ лишь пѣхотнымъ
Можно душу услаждать
Ты согласенъ ли?..

Гость.

Конечно,
Я себѣ совсѣмъ не врагъ!
Но сознаюсь, многогрѣшный,
Предпочелъ бы я коньякъ.

Хозяинъ.

И прекрасно. Эй, Гаврилка,
Принеси-ка коньяку;
У меня тамъ есть бутылка
Въ спальнѣ, въ темномъ уголку.
(Коньякъ приносится и быстро приходитъ къ концу.)

Хозяинъ

Что ты смотришь такъ уныло?
Что вздохнулъ такъ глубоко?

Гость.

Ахъ, теперь не худо-бъ было
По стаканчику клико!
Я по-англійски — серьезно
И солидно пить привыкъ.
Какъ мнѣ жаль, что такъ ужъ поздно!
Какъ мнѣ жаль, что въ этотъ мигъ
Мы на скверной этой виллѣ,
А не въ царственной Москвѣ.
Будь мы тамъ — мигнулъ Гаврилѣ,
И слеталъ бы онъ къ Левѣ.

Хозяинъ.

Что съ тобой? — ты пьянъ мертвецки,
Или бредишь середь дня?
Вспомни, здѣсь не Соловецкій:
Ты на дачѣ у меня.
У меня здѣсь свой есть погребъ,
Слава Богу, есть что пить!
Разсуди ты самъ, ну могъ ли-бъ
Я безъ погреба здѣсь жить?

(*Встаетъ и декламируетъ à la Rachel*):
Je suis un gentilhomme bien né et qui sait vivre,
Chaque matin je suis gris et chaque soir je suis ivre.
И къ тому-жъ теперь холера
Здѣсь гуляетъ.

Гость. (*Весело.*)

Неужель?!

Хозяинъ.

Слушай: есть у насъ мадера,
Хересъ, портеръ, даже эль,
Три бутылки эрмитажа
Да клико бутылокъ шесть;
Словомъ, въ погребѣ поклажа
Препорядочная есть.
Выпьемъ все, мой другъ! Не такъ ли?

Гость.

Но...

Хозяинъ.

Тсъ! слушай, милый мой,
Я порядокъ весь *спектакля*
Изложу передъ тобой.
Ты коньякъ еще не допилъ?
И не пей — довольно съ насъ;
Принесутъ сейчасъ намъ *доппель*:
Ужъ закуски близокъ часъ —
Часъ, назначенный закономъ...
Перестань же, братецъ, пить, —
Я велю подъ этимъ кленомъ
Столъ для ужина накрыть.
Ужинъ будетъ не невинный,
На меня ты положись,

А покуда выпьемъ *тминной*,
Для закуски есть редисъ;
Колбасы съѣдимъ немножко,
Покуримъ, поговоримъ,
А какъ явится окрошка,
Мы, пожалуй, *повторимъ*;
Станемъ ѣсть потомъ. Увѣрясь,
Что окрошка уже вся,
Я велю подать намъ хересъ
И въ сметанѣ карася.
Карася бордо̀ заправимъ,
И усѣвшись на траву,
Передъ собою мы поставимъ
Неутѣшную *вдову*.
Этой чудной, нѣжной влаги
Выпьемъ быстро въ полчаса
Мы съ тобою по три фляги,
Восхваляя небеса.
Можно зельтерской водицы
Подпустить. А тамъ ужо,
Передъ тѣмъ какъ спать ложиться,
Мы приступимъ къ кло-вужо.
Если тонкія всѣ вина
Мы покончимъ въ этотъ разъ,
Какъ намедни въ именины,
И они не свалятъ насъ, —
Тотчасъ портеръ принесется;
Если-жъ онъ не свалитъ съ ногъ —
Дѣлать нечего — придется
Намъ приняться за медокъ.

Гость.

Что ты, что ты?! Можно-ль это
Все въ желудкѣ сочетать?
Вѣдь теперь почти ужъ лѣто,

Отъ жары нельзя дышать;
Просто, дѣлать что́, не знаешь,
Безъ вина всѣхъ мучитъ жаръ,
Если-жъ пить, какъ ты желаешь,
Можетъ сдѣлаться ударъ.

Хозяинъ. *(Торжественно.)*

О другъ коварный, малодушный!
Я не могу тебя любить!
Ты лжешь: теперь совсѣмъ не душно,
Къ тому же *если пить, такъ пить*.
Ты вспомни, братъ, какъ князь Владиміръ
Отозвался про нашъ народъ!
Ужель съ тѣхъ поръ духъ русскій вымеръ?
Нѣтъ! Русь по прежнему все пьетъ.
Падутъ всѣ царства, встанутъ снова,
Пройдутъ несчетные вѣка,
Исчезнетъ все съ лица земнаго,
Русь не отстанетъ отъ хмѣльнаго.
Натура русская крѣпка!
Не Нѣмецъ ты съ душою узкой,
А истый русскій человѣкъ:
«*Не посрамимъ же земли Русской!*»
Какъ кто-то въ древности изрекъ.

И они не посрамили
Край родной, святую Русь,
Пили, пили, пили, пили, —
Погребъ весь опустошили,
Пили какъ... сказать боюсь.
На ногахъ едва держались;
Пѣли, плакали, дрались,
Обнимались, цѣловались
И природой любовались,
И насилу улеглись.

XXXI.

РАЗОЧАРОВАНІЕ.

Я шелъ, не имѣя копейки,
Онъ шелъ, не имѣя гроша;
Мы выпили съ нимъ наканунѣ:
Съ похмѣлья томилась душа.

Мы шли по пути къ *заведенью*, —
Къ притоку живительныхъ влагъ:
Я думалъ, что съ нимъ есть полтинникъ,
Онъ думалъ, — со мной четвертакъ.

Мы мрачно молчали, и было
Безвыходно-тягостно намъ;
Одна насъ надежда живила —
Графинчикъ роспить пополамъ.

И зналъ я, о чемъ онъ тоскуетъ,
И зналъ онъ, о чемъ я грущу:
Я думалъ, меня угоститъ онъ,
Онъ думалъ, что я угощу.

Идемъ мы, и зритъ наше око
Вдругъ вывѣску: блещетъ, какъ жаръ,
Написанный кистью широкой
На вывѣскѣ той самоваръ.

Мы шагъ ускорили; въ волненьи,
Но бодро мы къ цѣли идемъ,
Конецъ предвкушаемъ мученьямъ
И мысленно водку ужъ пьемъ.

Вотъ съ вывѣской мы поровнялись
И вотъ ужъ къ крыльцу подошли,
Но взглядами мы помѣнялись —
И нашу въ нихъ участь прочли:

Тѣ взгляды и думъ безпокойство,
Вопросъ и мольбу, и отказъ,
Испугъ и финансовъ разстройство, —
И все намъ сказали заразъ.

Съ тоской по разбитой надеждѣ,
Главу опустивши на грудь,
Безмолвно, мрачнѣе чѣмъ прежде,
Мы съ нимъ продолжали свой путь.

И былъ тотъ нашъ путь безконеченъ;
Мы шли, не питаясь ничѣмъ;
И шли мы все дальше и дальше,
Не зная — куда и зачѣмъ.

XXXII.

КОФЕЙ.

Я сначала терпѣть не могъ кофей,
И когда человѣкъ мой Прокофій
По утрамъ съ нимъ являлся къ женѣ,
То всегда тошно дѣлалось мнѣ.

Больше чувствовалъ склонность я къ чаю.
Но записочку разъ получаю:
«Завтра утромъ приди, милой мой,—
«Вмѣстѣ кофей пить будемъ съ тобой.»

Въ мигъ всю ложность и всѣ затрудненья
Я постигъ моего положенья.
Но законъ для меня billet doux —
На свиданіе къ милой иду.

Я дорогой дрожу весь заранѣ.
Прихожу. Что-жъ? она на диванѣ
Передъ столикомъ чайнымъ сидитъ: —
На спирту сама кофей варитъ.

Я не ждалъ такой дивной картины!
Опустили мы мигомъ гардины,
Чтобъ чей злой и насмѣшливый глазъ
Не замѣтилъ бы съ улицы насъ...

Опишу ли весь пылъ упоенья?!
Все, что можетъ себѣ въ услажденье,

Когда время свободное есть,
На просторѣ любовь изобрѣсть—

Все тогда съ нею мы испытали. —
О, съ какимъ наслажденьемъ глотали
Жирный кофей мы послѣ того:
Чашекъ десять я выпилъ его.

Она выпила тоже не мало,
И прощаясь, мнѣ нѣжно сказала:
«Другъ мой милый, до этого дня
«Не любила вѣдь кофею я.

«Я его съ отвращеньемъ варила,
«Но себя той надеждою льстила,
«Что охотникъ до кофею ты, —
«И сбылось предвѣщанье мечты.

«Но чего и въ мечтахъ мнѣ не снилось,
«То со мною внезапно случилось:
«Прежде кофей я въ ротъ не брала,
«А теперь съ наслажденьемъ пила!»

— «Онъ мнѣ тоже всегда былъ противенъ,
(Я сказалъ ей въ отвѣтъ), о, какъ дивенъ
Волканическій пламень страстей:
Онъ привычки мѣняетъ людей.»

Съ той поры полюбилъ я и кофей.
Весьма часто, когда мой Прокофій
По утрамъ съ нимъ приходитъ къ женѣ,
Я кричу: «дай, братъ, чашку и мнѣ.»

1851 г.

XXXIII.

БРОДЯГА.

Съ похмѣлья жаждою томимъ,
Вкругъ *заведенья* я влачился,
И полицейскій господинъ
Изъ-за угла мнѣ вдругъ явился.
Перстами грязными, какъ илъ,
Меня за шиворотъ схватилъ;
Шинель съ застежекъ оторвалась, —
Въ его владѣніи осталась;
За галстукъ взявъ меня рукой,
Онъ снялъ несчастный галстукъ мой,
И полинялый, и дырявый,
Презрѣвъ мольбы мои и стонъ,
Меня въ сибирку быстро онъ
Втолкнулъ десницею костлявой.
Какъ трупъ, въ сибиркѣ я лежалъ;
Ко мнѣ гласъ частнаго воззвалъ:
«Проснись, бродяга, и отселѣ
Домой стопы свои направь:
Но объ утраченной шинели
Мысль безпокойную оставь!»

1859 г.

XXXIV.

ЗАВѢЩАНІЕ.

Когда одно благословенье
Да разоренное въ конецъ
И заложенное имѣнье
Тебѣ оставитъ твой отецъ, —
И у тебя уже не станетъ
Ни брюкъ приличныхъ, ни сапогъ,
И за имѣніе настанетъ
Платить въ Совѣтъ послѣдній срокъ;
Когда предъ свѣтскимъ приговоромъ
Ты смолкнешь, голову склоня,
И будетъ для тебя позоромъ
Фамилья громкая твоя: —
Того, кто далъ тебѣ съ рожденьемъ
Гербы фамильные одни, —
Сынъ, неприличнымъ выраженьемъ
Ты въ черный день не помяни!
Но предъ толпою празднословной
Скажи, что взятъ въ учителя
Тебѣ Французъ былъ самый кровный,
Что я платилъ безпрекословно
Твои младые векселя;
Что къ жизни вѣтреной приманкамъ
Ты страстью съ дѣтства былъ палимъ,
И что ѣзжали по цыганкамъ
Вы вмѣстѣ съ батюшкой своимъ.

1859 г.

XXXV.

ПЕРЕДЪ ПОРТРЕТОМЪ ПРОВИНЦІАЛКИ.

Я не люблю холодныхъ, вялыхъ
Московскихъ чопорныхъ дѣвицъ,
Всегда измученныхъ на балахъ.
Что мнѣ въ ихъ ручкахъ, грудкахъ впалыхъ?
Я не люблю казенныхъ лицъ
Московскихъ дамъ, московскихъ львицъ.

И вы, изящныя созданья,
Ундины царственной Невы —
Одинъ лишь страхъ да состраданье
Внушать къ себѣ способны вы.
Въ васъ совершенно нѣту плоти:
Легки, прозрачны вы, какъ тѣнь,
Вы вѣрно воздухомъ живете,
Вамъ даже ѣсть какъ будто лѣнь.
Цивилизаціей измяты
Вы съ самыхъ раннихъ дѣтскихъ лѣтъ;
Вы совершенно автоматы, —
Въ васъ ни страстей, ни крови нѣтъ.
Богъ съ вами, право!

Толи дѣло
Степной губерніи краса!
Какая жизнь, какое тѣло,

Какая толстая коса!
Вотъ, напримѣръ, передо мною
Приволжскихъ странъ природный фруктъ;
Сырой — какъ есть, совсѣмъ съ корою —
Россіи-матушки продуктъ.
Да, господа! дѣвица эта,
Какъ говоритъ ея портретъ,
Не извелась въ забавахъ свѣта:
Она здорова, какъ атлетъ;
Въ ней — за глаза ручаюсь смѣло —
Закваска русская крѣпка.
Ея и пальцемъ не задѣла
Цивилизаціи рука;
Десятка два нѣжнѣйшихъ нянекъ
Ее кормили день и ночь;
Она полна, бѣла точь въ точь...
Точь въ точь тверской рублевый пряникъ;
Ея глаза горятъ, какъ жаръ, —
Какъ новый тульскій самоваръ;
Проста душа ея младая,
Какъ воды Волжскія, чиста,
Какъ лучшій колоколъ Валдая,
Звучатъ широкія уста.

Блаженъ тотъ юноша практичный,
Кому назначено судьбой
Владѣть, на зло молвѣ столичной,
Ея громадною рукой;
Кто, одаренъ разсудкомъ точнымъ,
Благоразумно предпочтетъ
Плодамъ тепличнымъ, малосочнымъ
Сей огородный, сочный плодъ.
Дѣла отцовъ ея не громки,
Но отъ нея за то пойдутъ
Такіе сильные потомки,

Что сами родъ свой вознесутъ.
Она супругу не наскучитъ
Разстройствомъ нервъ. Счастливый мужъ
За ней въ приданое получитъ
Не восемьсотъ тщедушныхъ душъ,
Покрытыхъ сказочнымъ туманомъ:
Ему отсыпятъ чистоганомъ
Кредитокъ пестрыхъ толстый кушъ.

Хвала вамъ, Пенза и Саратовъ,
Мокшанъ, Алатырь и Ардатовъ,
Бугурусланъ, Сердобскъ, Казань,
Мамадышъ, Бузулукъ, Сызрань
И Бугульма, и Чебоксары,
Курмышъ, Тетюши и Чембаръ: —
Вы шлете прочные товары
На нашъ пустѣющій базаръ!
Цивилизаціи десница
По васъ едва-едва прошлась, —
И ваши красныя дѣвицы
Ростутъ, полнѣютъ въ добрый часъ;
Еще у васъ по волѣ неба
Всего довольно — рыбы, хлѣба,
И всякій въ волю спитъ и ѣстъ,—
Такъ шлите-жъ въ пользу львовъ столичныхъ
Съ приличнымъ кушемъ суммъ наличныхъ
На славу вскормленныхъ невѣстъ,—
Для поддержанья нашей расы
Притокомъ новыхъ свѣжихъ силъ
И пополненья тощей кассы
Остепенившихся кутилъ.

1863 г.

XXXVI.

(изъ Гейне).

ИСПУГЪ.

Свѣтила сонная луна,
Свѣча задумчиво горѣла...
Она сидѣла у окна
И въ садъ безсмысленно глядѣла,
И не сводила сѣрыхъ глазъ
Съ аллеи темной и печальной.
И вдругъ вскочила, затряслась:
Ей, въ этотъ скорбно-сладкій часъ,
Въ саду привидѣлся квартальный.
Я подалъ ей воды стаканъ
И убѣдить ее старался,
Что то оптическій обманъ —
Что *онъ* ей только показался.
Я говорилъ: «воротника
«Тебя смутилъ сей колеръ адскій...
«Какъ ты пуглива и робка!
«Вѣдь это нашъ — коммиссаріатскій!
«Клянусь любовію моей,
«То не квартальный надзиратель.»
И въ подтвержденье клятвы сей,
Дверь отворилась, и предъ ней
Предсталъ старинный мой пріятель.

И вмигъ въ себя она пришла
Передъ лицомъ давно знакомымъ
И самоваръ намъ подала,
И принесла бутылку съ ромомъ.
Мы съ нимъ болтали межъ собой...
Она разсѣянно внимала,
И грустно, трепетной рукой
Намъ въ чай все рому подливала.
И въ нашъ веселый разговоръ
Она вмѣшаться не хотѣла;
Все грустно потупляла взоръ
И все блѣднѣла, да блѣднѣла.
То содрагалась, и лицо
Румянцемъ нервнымъ разгоралось,
И мнилось ей, что на крыльцо
Хожалыхъ сонмище взбиралось.
А равнодушная луна
Глазами сонными смотрѣла,
Какъ страшно мучилась она
И какъ краснѣла и блѣднѣла.
И толстый флегма - самоваръ,
Ея тоски не раздѣляя,
Пускалъ ей въ носъ угаръ и паръ,
Мотивъ бравурный напѣвая;
И на поверхности своей
Онъ отражалъ довольно вѣрно
Ликъ блѣдный дѣвушки моей
И двухъ пирующихъ друзей —
Два лика красные чрезмѣрно.

XXXVII

МОСКОВСКІЙ ПОЭТЪ

и

Петербургскій обыватель.

Какъ нынѣ сбирается желчный поэтъ
Отмстить Петербургскимъ журналамъ:
Ихъ прозу и вирши за гнусный памфлетъ
Обрекъ онъ во снѣдь эпиграммамъ.
Въ татарскомъ халатѣ, за старымъ бюро
Сидитъ онъ и злобно кусаетъ перо.
Изъ темной передней предъ нимъ вдругъ предсталъ
Прихвостникъ всѣхъ Русскихъ талантовъ,
Редакторовъ Русскихъ курьеръ и фискалъ,
Наперсникъ неопытныхъ франтовъ,
Для сплетенъ и кляузъ встающій чѣмъ свѣтъ.
И сплетнику водки подноситъ поэтъ.

—«Скажи мнѣ, Тряпичкинъ, какъ въ обществѣ львовъ
Находятъ мои сочиненья,
И скоро-ль, на гибель отчизны враговъ,
Собранье моихъ громозвучныхъ стиховъ
Достигнетъ втораго тисненья?
Скажи мнѣ всю правду, не бойся, и въ даръ
За то ты получишь стиховъ экземпляръ.

— Мы, денди и львы, не боимся писакъ,
Стихи же твои мнѣ не нужны —
Попробуй, сгруби мнѣ. отдѣлаютъ такъ...
Со мной всѣ редакторы дружны.
Я въ Питерѣ знаю весь избранный кругъ
По скачкамъ, гуляньямъ и клубамъ: —
Самъ *Гречъ* мнѣ родня, *Григоровичъ* мнѣ другъ,
Я даже на *ты* съ *Сологубомъ*.
Нашъ критикъ извѣстный играетъ въ ланскне
Съ моею прислугой въ передней;
Аскоченскій чай пить заходитъ ко мнѣ,
Идучи отъ ранней обѣдни:
Мнѣ деньги разъ двадцать взаймы предлагалъ
Андрей Александрычъ *Краевскій*,
И въ долгъ папиросы всегда отпускалъ
Редакторъ Мишель *Достоевскій*;
Некрасовъ партнеръ мой: съ нимъ въ клубѣ сижу
За картами я до разсвѣта.
Съ *Тургеневымъ* вмѣстѣ на утокъ хожу
И съ *Майковымъ* ýжу все лѣто.
Панаевъ впервые у Шармера фракъ
По моему сдѣлалъ совѣту;
Нерѣдко у *Мея* пивалъ я коньякъ
И рифмы подыскивалъ *Фету*.
Иванъ *Гончаровъ* для меня издаетъ
Романъ про мадамъ Бѣловодовъ,
А *Гербель*, какъ встрѣтитъ, сейчасъ пристаетъ:
Изъ *Шиллера* дай переводовъ.
Громека мнѣ отдалъ свой синій картузъ,
Въ тотъ день, когда снялъ эполеты,
А *Боткинъ* привезъ мнѣ мѣшокъ кукурузъ
И тещѣ моей кастаньеты.
Съ *Бодянскимъ* я вмѣстѣ въ казакахъ служилъ,
А съ *Хавскимъ* Петромъ — въ лейбъ-гусарахъ.
Про Пушкина *Анненковъ* мнѣ говорилъ,

При встрѣчѣ со мной въ Чебоксарахъ.
А *Писемскій* часто при мнѣ умиралъ
(Разъ сорокъ!)... Какія страданья...
Отходную съ чувствомъ надъ нимъ я читалъ,
А онъ диктовалъ завѣщанье.
Толстой Алексѣй, Теофиль и Леонъ,
И всѣ, что ни пишутъ, Толстые,
(Ихъ много: названіе имъ легіонъ)
Со мной хороши чуть не съ самыхъ пеленъ...
Такіе все право чудные!
Ристори съ *Ольдриджемъ*, *Рашель* съ *Бурдинымъ*
Мои посѣщали салоны;
Бурдинъ безъ утайки, но на ухо имъ
Открылъ, какъ любимымъ адептамъ своимъ,
Искусства святые законы.
Въ Москвѣ каждый вечеръ я въ клубѣ сижу,
Тамъ царствуетъ *Лонгиновъ* Миша...
Кричитъ онъ ужасно... Я только твержу:
«Мой милый! потише, потише.»
Мадамъ *Толмачеву* я слышалъ въ Перми,
Китарры въ Москвѣ и *Студничку*...
А *Саша Стаховичъ!*.. Его не корми,
Лишь дай прочитать хоть страничку.
При мнѣ всѣ комедьи свои написалъ
Извѣстный писатель *Островскій*;
Во всѣхъ мнѣ изданьяхъ паи предлагалъ
Извѣстный издатель *Основскій*.
Съ *Садовскимъ* знакомъ я; *Мартынова* зналъ...
(Я другъ и наставникъ артистовъ)
И даже мнѣ руку однажды пожалъ,
Повѣришь ли кто? *Ѳеоктистовъ!!*.
Нашъ *Щепкинъ* не разъ про жокартовъ станокъ
Разсказывалъ мнѣ со слезами,
Я тоже отъ слезъ удержаться не могъ,
И плакали *Корши* всѣ съ нами.

Въ печатнѣ *Каткова* я часто внималъ
Тисненья торжественный грохотъ.
Мнѣ Павелъ *Якушкинъ* самъ пѣсни пѣвалъ,
И слышалъ я *Кетчера* хохотъ.
Я зрѣлъ драматурговъ Россійскихъ главу
Потѣхина... то-есть втораго
И въ Брынскихъ лѣсахъ середь дня, наяву
Григорьева видѣлъ... живаго!!!
Всѣ двѣсти Россійскихъ писательницъ дамъ
Мнѣ туфли къ святой вышиваютъ;
Колошинъ Сергѣй и калужскій *Имамъ*
Меня одного уважаютъ.
При мнѣ *Аѳанасьевъ* — Московскій Нарцисъ —
Глядѣлся въ колодезь въ Мытищѣ;
Кузьма *Солдатенковъ* — Козьма Медичисъ —
При всѣхъ на Рогожскомъ кладбищѣ
Меня поощрялъ и обѣдъ мнѣ давалъ,
И дачу мнѣ съ прудомъ купить обѣщалъ.

«Совѣтъ сихъ Улемовъ, собравшись вчера
На общемъ торжественномъ сеймѣ,
Въ виду колоссальной статуи Петра,
Рѣшилъ, при самомъ *Розенгеймѣ*,
Что вирши нечесанной музы твоей
Не стоятъ и браннаго слова, —
Что площе они аравійскихъ степей,
Наивнѣе папскихъ всѣхъ буллъ и рѣчей,
Пошлѣе комедіи *Львова*.
На счастье твое былъ *Аскоченскій* тутъ
И подалъ протестъ дерзновенный, —
И вирши твои поступаютъ на судъ
Къ какой-то просвирнѣ почтенной.»

1861 г.

XXXVIII.

ПОХОРОНЫ „РУССКОЙ РѢЧИ,“

скончавшейся послѣ непродолжительной, но тяжкой болѣзни

Все великое земное
Разлетается какъ дымъ;
Нынѣ жребій выпалъ Троѣ,
Завтра выпадетъ другимъ.

Жуковскій.

Палъ журналъ новорожденный —
Органъ женскаго ума,
И надъ плачущей вселенной
Воцарилась снова тьма.
Важенъ, толстъ, какъ частный приставъ,
Жертва злобной клеветы,
Палъ великій Ѳеоктистовъ
Съ двухъ-аршинной высоты.

И съ предвѣдѣньемъ во взглядѣ,
Жертву самъ Катковъ заклалъ.
— «Слава Зевсу и Палладѣ,
Онъ Леонтьеву сказалъ;
Слава мышцамъ Аполлона,
Ратоборца свѣтлыхъ силъ;
Онъ шипящаго Пиѳона
Прямо въ темя угодилъ.»

Зритель, *День* и *Развлеченье*,
И журналовъ цѣлый полкъ,
Всѣ сошлись на погребенье,
Чтобъ отдать послѣдній долгъ
Брату, падшему со славой,
Какъ отчизны вѣрный сынъ, —
И вломились всей аравой
Къ Базунову въ магазинъ.
Тамъ, взваливъ себѣ на плечи,
Какъ священный нѣкій кладъ,
Хламъ останковъ *Русской Рѣчи*,
Ихъ несли въ Лоскутный рядъ.
У Петровскаго бульвара
Ихъ догнавъ, библіофилъ
Русской Рѣчи экземпляра,
Какъ диковинки, просилъ.

Съ воплемъ шла толпа густая
Горько плачущихъ Коршей,
Слезы падали блистая
Изъ безчисленныхъ очей.
И смиривъ свой пылъ воинскій,
Польско-Русскій Маколей
Шелъ задумчивъ панъ Вызинскій —
Хитроумный Одиссей.

Провожая прахъ любезный,
Шла редакція-вдова
И причитывала слезно
Прежестокія слова:
«Ахъ, когда-бъ на дѣлѣ знала
Я журнальные труды,
Я-бъ журналъ не затѣвала —
Вотъ безумія плоды!
Но могла-ль я Олимпійца

Снесть восточный произволъ?
Онъ—редакторъ - кровопійца,
Не щадитъ и слабый полъ:
Онъ терзалъ мои созданья
И подъ каждою статьей
Дѣлалъ дерзко примѣчанья
Святотатственной рукой.
Нѣтъ, крутымъ его законамъ
Ни за что не подчинюсь:
Съ нимъ, какъ Сталь съ Наполеономъ,
Хоть умру, а не сойдусь!»

Кетчеръ, жизнью убѣленный,
Нацѣдилъ вина бокалъ
И вдовицѣ сокрушенной
Подкрѣпиться предлагалъ:
— «Пей и знай: виномъ заморскимъ
Накатиться нѣтъ грѣха,
Вотъ другое дѣло горскимъ
Или водкой, ха, ха, ха!
Ха, ха, ха! Вино—лѣкарство...
Ха, ха, ха! Ну, пей скорѣй,
Ха, ха, ха! Ну, къ шуту барство,
Пей да только не пролей!
Вспомни матерь Ніобею,
Что извѣдала она,
Сколь ужасная надъ нею
Казнь была совершена,
Но и въ вѣкъ тотъ безотрадный
Солдатенковъ тоже жилъ, —
Онъ ей влаги виноградной
Цѣлый ящикъ подарилъ.
Ты, чай, знаешь: Ніобея
Схоронила всѣхъ дѣтей, —
Ну такъ пей же, не робѣя,

Въ память внучки *Атенея*,
Рѣчи, дочери твоей!»

Но редакція подняла
Гордо голову свою
И съ презрѣньемъ отвѣчала:
«Отвяжитесь, я не пью!»
И рукой своей сурово
Оттолкнула прочь бокалъ, —
Влага брызнула, и снова
Кетчеръ вдругъ захохоталъ.

И на хохотъ Провъ Садовскій
Запыхавшись прибѣжалъ:
Жбанъ эпохи допетровской
Онъ въ рукахъ своихъ держалъ;
Силой генія чудесной
Чрезъ толпу Коршей пролѣзъ
И куда-то (неизвѣстно!)
Быстро съ Кетчеромъ изчезъ.

— «Смерть велитъ умолкнуть злобѣ»,
Жрецъ Аскоченскій сказалъ,
«Миръ покойницѣ во гробѣ:
Преневинный былъ журналъ!»

Миша книжникъ книжной ражи
Удержать въ себѣ не могъ,
И на улицѣ сейчасъ же
Настрочилъ онъ некрологъ:
— «Молъ, жила-была газетка,
Такъ себѣ, не безъ грѣшковъ
(Сей журналъ ужасно рѣдкій
Здѣсь читалъ одинъ Сушковъ),
Нравъ имѣла тихій, кроткій:

Не бросалась на своихъ;
А скончалась отъ сухотки
Къ сожалѣнію родныхъ.»

«Господа! Ей Богу, тошенъ
Жребій родины моей»,
Загремѣлъ Сергѣй Колошинъ,
Катилина нашихъ дней,
«У боговъ на умномъ вѣчѣ,
Видно, правда не живетъ,
Нѣтъ громовой *Русской Рѣчи*,
Наше Время все не мретъ.»

— «Да, нашъ вѣкъ ужасно скверенъ,
Нѣтъ людей — все я одинъ,»
Возгласилъ Борисъ Чичеринъ, —
Публицистъ и дворянинъ.
«Всѣ желаютъ вертикально
Мой народъ разгородить,
Я хочу горизонтально:
Кто мнѣ можетъ запретить?»

Взоръ вперяя изступленный
Въ сѣроватый небосклонъ,
Вдругъ Медузой вдохновенный
Рекъ Григорьевъ Аполлонъ:
— «Демоническимъ началамъ
Честно, вѣрно я служу —
И съ сочувствіемъ не малымъ
За паденьями слѣжу:
Легіоны журналистовъ,
Точно мухи, такъ и мрутъ;
Нынче умеръ Ѳеоктистовъ,
Завтра Павлову капутъ.»

1862 г.

XXXIX.

СПОРЪ.

(Отрывокъ изъ умозрительной исторіи русской литературы).

Въ дни, когда отдохновеньемъ
    Занимался Россъ —
И хорошимъ поведеньемъ
    Всѣхъ плѣнялъ до слезъ;
Въ дни, когда еще въ пеленкахъ
    Журнализмъ нашъ былъ
И вполголоса, въ потемкахъ
    Онъ кряхтѣлъ и вылъ, —
И отъ сѣвера до юга
    По родной землѣ,
Отъ великаго Устюга
    До Сухумъ-Кале,
И отъ губы Анадырской
    Вплоть до Финскихъ скалъ,
Сонъ вкушая богатырскій,
    Русскій умъ молчалъ;
И застрявъ въ рутинѣ старой,
    Край нашъ погибалъ,
И купечеству Китарры
    Лекцій не читалъ;
Въ дни, когда еще Громека
    Былъ и тихъ, и нѣмъ, —

И у насъ за человѣка
    Страшно было всѣмъ;
Въ дни, когда не издавали
    Въ Бельгіи le Nord
И на свѣтъ не выползали
    Изъ щелей и норъ
Вереницы насѣкомыхъ
    (Будущихъ писакъ):
Всякъ, кто былъ тогда не промахъ,
    Нѣмъ былъ, какъ чурбакъ.
Въ оны дни проспектомъ Невскимъ
    На Апраксинъ дворъ
Шли Краевскій съ Достоевскимъ
    И вступили въ споръ.
— «Не кичись своею властью,»
    Достоевскій рекъ:
«Твоему слѣпому счастью
    Не продлиться вѣкъ.
Твой журналъ — въ томъ спору нѣту —
    Ужъ который годъ,
Опираясь на газету,
    Молодцомъ идетъ:
Но грядущее въ туманѣ —
    Что подъ нимъ, Богъ вѣсть!
Забастуй-ка, братъ, заранѣ,
    Благо деньги есть.
Брось журнальныя занятья
    (Ты ужъ сѣдъ, какъ лунь).
И въ другое предпріятье
    Капиталъ свой ссунь!
Можетъ быть, настанетъ время,
    И на твой журналъ
Журналистовъ новыхъ племя
    Хлынетъ, словно шквалъ.
Отъ напора силы вражьей

Рухнетъ твой колоссъ.
Забастуй! Займись продажей
Крѣпкихъ папиросъ!
— «Что ты мелешь, Достоевскій?!
Что за низкій тонъ!
Крикнулъ съ гордостью Краевскій,
Гнѣвомъ омраченъ.
Никогда не забастую,
Выи не согну
И въ коммерцію простую
Рукъ не окуну!
И кого мнѣ опасаться?!
Оглянись кругомъ —
Все изволитъ заниматься
Размертвецкимъ сномъ:
Вотъ эффекта вѣчный плѣнникъ,
Рѣзвыхъ модъ дитя,
Вотъ зѣваетъ *Современникъ*,
Надо всѣмъ шутя;
Библіотеки для Чтенья
Не боюсь: она
Джентельменскаго презрѣнья
Ко всему полна;
Смерть безжалостной рукою
Ералашъ взяла,
И раздавленная мною
Чуть жужжитъ *Пчела*;
Инвалидъ еще хромаетъ
И бредетъ съ клюкой;
Сынъ Отечества вкушаетъ
Праведный покой;
Внукъ Варяговъ *Москвитянинъ*,
Юный ветеранъ,
Мной ощипанъ и израненъ,
И умретъ отъ ранъ;

Сонмъ безвредныхъ драмодѣевъ —
  Дремлетъ *Пантеонъ*,
И не страшенъ *Пропилеевъ*
  Мнѣ архитектонъ.
Я согналъ съ лица земнаго
  Цѣлый полкъ писакъ;
Я дорѣзалъ Полеваго,
  Я задулъ *Маякъ*.
А журнальные атлеты,
  Что̀ еще въ живыхъ,
Окропясь струями Леты,
  Послѣ дѣлъ благихъ,
Съ носовымъ протяжнымъ свистомъ
  Спятъ, покой цѣня...
Нѣтъ, не нашимъ журналистамъ
  Подорвать меня!»
Достоевскій вспыхнулъ гнѣвомъ,
  При такихъ словахъ,
И прежалостнымъ напѣвомъ
  Онъ воскликнулъ: «Ахъ!
Ахъ! Ужели безъ движенья,
  Какъ нѣмой гранитъ,
Русь до свѣта представленья
  Глупо пролежитъ?!
Нѣтъ! Придетъ пора прогресса,
  Славныхъ дѣлъ пора, —
И воспрянетъ наша пресса
  Съ жесткаго одра;
Снова мыслями богата,
  Юныхъ силъ полна,
Загребая мѣдь и злато,
  Закутитъ она
И пронзитъ всезрящимъ окомъ
  Темныхъ дѣлъ покровъ,
И загнетъ людскимъ порокамъ

Много крѣпкихъ словъ.
Нѣтъ, я вѣчно, вѣчно буду
Вѣрить въ русскій умъ.
Чу!... ты слышишь — отовсюду
Вдругъ раздался шумъ!...»
И Краевскій этимъ шумомъ
Сильно былъ смущенъ,
И въ молчаніи угрюмомъ
Слушать началъ онъ.
И въ большомъ недоумѣньи
Слушалъ журналистъ;
Слышно чье-то приближенье —
Хохотъ, брань и свистъ.
Все яснѣе и яснѣе
Слышенъ сей содомъ;
Хохотъ громче, брань сильнѣе, —
Мчится пыль столбомъ:
Отъ Петропольскихъ каналовъ
И Москвы - рѣки
Вновь - родившихся журналовъ
Движутся полки.
Делибашъ литературный
Всѣхъ напереди —
Русскій Вѣстникъ мчится бурно
И кричитъ: «поди!»
А за нимъ въ костюмѣ дѣда,
Но душой нова,
Ѣдетъ *Русская Бесѣда*
И при ней *Молва*.
Вслѣдъ за ней младенецъ хилый,
Скучный *Атеней*
Мчится, мчится, что есть силы,
Прямо въ міръ тѣней.
Вотъ *Домашняя Бесѣда*
Пляшетъ, какъ медвѣдь,

И въ припадкѣ злаго бреда,
Всѣхъ зоветъ въ «камедь.»
Какъ мордашки, въ изступленьи,
Гонятся за ней
Искра, *Зритель*, *Развлеченье*
И кричатъ: «смѣлѣй»!
Наше Время, просто *Время*
Мчатся имъ во слѣдъ
И безчисленное племя
Площадныхъ газетъ.
Мчатся новые журналы,
Шумны, какъ потокъ,
Сыплютъ въ публику скандалы.
(Пуще всѣхъ *Свистокъ*).
Все кипитъ, полно броженья;
Хоть иной и вретъ,
Но въ какомъ-то опьяненьи
Претъ себѣ впередъ.
И созвавъ своихъ вассаловъ,
Журналистъ сѣдой
Сталъ считать число журналовъ
И махнулъ рукой.
И смекая, что въ облаву
Къ недругамъ попалъ,
Онъ Дудышкину въ забаву
Отдалъ свой журналъ.

1868 г.

———

XL.

ПОКАЯВШІЙСЯ ОТКУПЩИКЪ.

Любви къ добру опасныхъ бредней
Не испыталъ я никогда.
У князя Холмскаго въ передней
Провелъ я юности года.
Женился я изъ-за имѣнья;
Жена моя была глупа,
И первой страсти въ упоеньи,—
Все отдала мнѣ въ управленье,
И я пустился въ откупа.
Съ тѣхъ поръ съ утра до поздней ночи
Сидѣлъ я сиднемъ въ кабакѣ,
Обмѣривалъ, что было мочи,
И водку гналъ на табакѣ.
По всей губерніи Рязанской
Желудки водкой растравилъ,
Но капиталъ за то гигантскій
Въ короткій срокъ я сколотилъ.
Составивъ быстро состоянье
И домъ построивъ щегольской,
Принесъ предъ небомъ покаянье
Я въ прежней жизни воровской.
И вмигъ пролѣзъ я въ граматеи, —
И всюду смѣло сталъ кричать

Про либеральныя идеи
И про свободную печать.
Святую гласность, судъ присяжныхъ
Превозносилъ, что было силъ,
Бранилъ чиновниковъ продажныхъ
И даже откупъ поносилъ.
И въ мнѣньи общемъ такъ прилично
Съ тѣхъ поръ я ухитрился стать,
Что люди честные публично
Мнѣ не стыдятся руку жать!

XLI

Передъ франтикомъ столичнымъ
Два извощика стоятъ.
Оба въ паѳосѣ обычномъ:
Оба везть его хотятъ.

Оба рядятся съ Неглинной
На Устрѣтенку, въ Грачи
Довезти за пять-алтынный,
Оба съ виду лихачи.

Оба молоды и свѣжи,
Оба ростомъ высоки,
Оба съ полостью медвѣжьей,
У обоихъ рысаки.

Оба только на починѣ,
Оба мигомъ долетятъ.
По какой же злой причинѣ
Не садится гордый фатъ?

1851 г.

XLII.

ВЕНГЕРКА.

(Баллада).

Веселится домъ питейный,
Позабывши часъ указный:
Нынче праздникъ тамъ семейный,
Плясъ и прочіе соблазны.

Цѣловальникъ весь блистаетъ
Въ новыхъ портахъ и поддевкѣ:
Именины онъ справляетъ
Дорогой своей плутовки.

Нынче ликъ его угрюмый
Свѣтлой радостью сіяетъ;
Нынче онъ безъ дальней думы
Всѣхъ знакомыхъ угощаетъ;

Нынче онъ позабываетъ
Треволненіе мірское, —
Торбанъ слухъ его ласкаетъ,
Пляска тѣшитъ ретивое, —

Онъ любуется на Вѣрку —
Какъ, платкомъ своимъ махая,

Пляшетъ съ сыщикомъ венгерку
Цѣловальница лихая.

Пляшетъ Вѣрка предъ гостями:
Какъ волчекъ, вдругъ замираетъ,
То плыветъ, то вдругъ ногами
Дробь съ азартомъ выбиваетъ.

Засмотрѣлись на молодку
Всѣ — отъ старца до дѣвчонки,
И забыли всѣ про водку
И закуску изъ печенки.

Раздаются одобренья:
Вдругъ то тотъ, то этотъ скажетъ:
«Вотъ ужъ, братъ... мое почтенье!
Эка баба! ужъ уважитъ!»

Пляшетъ Вѣрка удалая;
Полки, штофы, все трясется...
А венгерка-то шальная
Такъ и брызжетъ, такъ и льется.

И какъ оборотень словно,
То смѣется, то вдругъ плачетъ,
То катится ямбомъ ровно,
То хореемъ вдругъ заскачетъ;

То умомъ народнымъ блещетъ;
То заноетъ нѣгой страсти,
То сатирой ѣдкой хлещетъ
Исполнительныя власти.

Всѣ заслушались венгерки,
Какъ французскаго романа,
Лишь вздремнулъ сожитель Вѣрки...
Пожалѣйте Митрофана!

Онъ вздремнулъ, забылъ несчастный.
Что всю ночь не спитъ законъ,
Что давно съ нимъ въ ссорѣ частный...
Чу! Полиціей всевластной
Домъ питейный окруженъ!

И мгновенно отворились
Двери съ шумомъ роковымъ,
И хожалые вломились
Съ предводителемъ своимъ.

Все притихло. — «А, здѣсь пляска!
Всѣхъ вязать и прямо въ часть!»
И пошла и брань, и таска,
И аресты. Значитъ,—власть!

Вѣрка, думать что, не зная,
Въ рожу сыщику глядитъ,
А бородка подвязная
Подлѣ ногъ ея лежитъ.

—

Вы, кому послали боги
Важный постъ или имѣнье,
Ахъ, не будьте слишкомъ строги
Къ меньшимъ братьямъ: — снисхожденье!

Какъ у нихъ, у васъ попойки
Тоже за-полночь бываютъ,
Но у васъ родной настойкѣ
Всѣ клико предпочитаютъ.

Какъ у нихъ, порой аккорды
Потрясаютъ ваши стѣны;
Защищайте-жъ ихъ, милорды,
Не тѣсните, джентельмены!

1862 г.

XLIII.

ПОЛОВОЙ.

На свѣтскія цѣпи,
На блескъ упоительный бала
Цвѣтущія степи
Украйны она промѣняла..

М. Лермонтовъ.

На санъ половаго
(Увы!) промѣнять онъ рѣшился
Видъ края роднаго
И избу, въ которой родился;
Но съ тайной тоскою
Глядитъ онъ на жизнь городскую,—
Стремится душою
Въ губернію все Костромскую.
И края роднаго
На немъ сохранилися знаки:
Безъ юмора злаго
Не можетъ глядѣть онъ на фраки;
Откупоривъ пробку,
На водку онъ гордый не проситъ
И волосы въ скобку
И бороду длинную носитъ;
Недѣлю проводитъ,

Предавшись трактирнымъ заботамъ.
Но париться ходитъ
Онъ въ баню всегда по субботамъ;
Пьетъ водку онъ рѣдко,
За то ужъ, когда онъ напьется,—
Ругается мѣтко
И сильно и больно дерется.
Въ немъ мало задора
Откроешь неопытнымъ глазомъ:
Ударитъ не скоро,
За то пришибетъ тебя разомъ.

1851 г.

XLIV.

МОСКОВСКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ 1863 ГОДУ.

(Изъ письма въ Петербургъ).

Меня просили вы
Писать къ вамъ изъ Москвы,
Чѣмъ подчуетъ насъ сцена: —
Чѣмъ Талія смѣшитъ,
Чѣмъ ближняго страшитъ
Родная Мельпомена?
Но что-жъ мнѣ вамъ писать?
Вѣдь вы должны ужъ знать
Изъ устъ Московской прессы,
Кто будетъ въ чемъ играть,
Какія идутъ пьесы:
О всякихъ новостяхъ
Про скучный бытъ Московскій,
Отчетъ въ вѣдомостяхъ
Печатаетъ Пановскій.

По прежнему у насъ
Потребность въ Русскомъ Кинѣ;
Васильевъ нашъ угасъ;
Все тотъ-же Живокини;

Нашъ Щепкинъ такъ-же хилъ;
Нашъ Ольгинъ такъ-же грозенъ;
Самаринъ такъ-же милъ
И такъ-же граціозенъ:
Онъ прелесть, говорятъ,
Въ «Испанскомъ дворянинѣ.»
Даютъ здѣсь «Маскарадъ»,
И Позднякова въ Нинѣ
У насъ съ ума свела
Не мало молодежи;
Медвѣдева вяла,
Шубертъ вездѣ мила
И Колосова тоже.
Васильева блеститъ,
Какъ прежде, въ Гувернанткѣ *)..
Акимова смѣшитъ
Въ Пошлепкиной мѣщанкѣ..

— «А что Садовскій Провъ?»
Спросить васъ подмываетъ, —
Живъ, мраченъ и здоровъ
Да типы созидаетъ:
Что роль, то новый типъ, —
То онъ служака статскій,
То ловкій плутъ *Антипъ*
Антипычъ, купчикъ рядскій **),
То старый дворянинъ,
Помѣщикъ деревенскій,
А тамъ — дьячковскій сынъ —
Максимъ Беневоленскій,
То честный онъ купецъ —
Простой, патріархальный,

---

*) Въ піесѣ г. Боборыкина „Однодворецъ“.

**) Купецъ въ піесѣ Островскаго „Картина семейнаго счастья.“

То Пѣтуховъ наглецъ
Съ походкою нахальной,
То самодуръ Диковъ,
То смирный Подколесинъ...
— «Дмитревскій вашъ каковъ?»
Дмитревскій всюду сносенъ...
— «Что Шумскій?» Славно онъ
Играетъ свѣтскихъ фатовъ
И копируетъ тонъ
Разслабленныхъ магнатовъ;
Какъ дивно онъ высокъ
На сценѣ офицеромъ!
Онъ научить бы могъ
Шамборовскій кружокъ
Порядочнымъ манерамъ!!!

Теперь сказалъ бы я
О нашихъ Итальянцахъ,
Но я вѣдь не судья
Ни въ оперѣ, ни въ танцахъ.
Никакъ не положусь
На свой природный вкусъ —
Вкусъ шаткій стихотворца;
Но вотъ что говорятъ:
Панкани нашъ не кладъ —
Хорошъ онъ только въ forza:
Пріятный голосокъ
Находятъ всѣ у Нери;
Но истинно высокъ
По тембру и манерѣ
Былъ прошлогодній басъ,
Прекрасный басъ Вьялети;
Да публика у насъ
Толкъ знаетъ лишь въ балетѣ:
Онъ насъ не удивилъ, —

За то во всѣ ладони
Стучали, что есть силъ.
Мы всякой примадоннѣ.
Гассье всѣ хвалятъ сплошь, —
Прекрасный голосъ, ровный;
Однимъ лишь нехорошъ —
Не Итальянецъ кровный;
Почище есть, чѣмъ онъ,
Здѣсь quasi Итальянецъ —
То Стеллеръ баритонъ;
Все слышно, что Германецъ!

Вамъ хочется узнать.
Кто наши драматурги?
Да тѣ-же, что блистать
Изволятъ въ Петербургѣ.
По пьесѣ каждый годъ
Намъ жалуетъ Островскій,
Да ставитъ переводъ
Съ французскаго Тарновскій.
Кобылинъ все молчитъ;
Замолкъ давно Владыкинъ;
За то теперь строчитъ
Для сцены Боборыкинъ.
Дьяченко пропасть далъ
Намъ пьесъ; одну Устряловъ.
Марковъ здѣсь отломалъ
Камедь на либераловъ;
Она недурно шла,
Но юморъ въ ней отсталый,
И такъ она пошла, —
Что я, совсѣмъ усталый,
Куда-то укатилъ,
Полъ-акта не прослушавъ,

И недоволенъ былъ
Ей даже князь Кугушевъ.

Вотъ все, на что глядимъ
Мы съ рвеніемъ большимъ
Въ лорнеты и бинокли,
Не чувствуя душой
Потребности большой
Въ Шекспирѣ и Софоклѣ.

XLV.

ГАСТРОНОМЪ.

Нѣтъ, не тебя такъ нѣжно я люблю,
Не веселятъ меня твои бесѣды, —
Люблю твои роскошные обѣды,
Мадеру старую душистую твою.
Когда за кофеемъ я на тебя смотрю,
Въ твой жирный ликъ вникая соннымъ взоромъ,
Не внемлю я тобой несомымъ вздорамъ
И про себя я злобно говорю:
«Вѣдь далъ же Богъ милльйонъ и аппетитъ
Въ распоряженіе безсмысленной скотины
Француза повара и дѣдовскія вина,
А онъ клико съ донскимъ не различитъ!»

Попъ деревенскій сбиралъ въ праздникъ гроши по приходу,
Мальчикъ ему помогалъ. Мальчикъ, оставь ты попа!
Куши иные тебя ожидаютъ, иные доходы:
Ежели ты одаренъ гибкимъ и прочнымъ хребтомъ,
Будь бюрократомъ (везетъ вашему брату на службѣ!):
Будешь милльйонами брать — будешь въ чинахъ ты большихъ.

XLVI.

КОРШЪ.

В Москвѣ въ книжной лавкѣ Краевскій стоялъ
И тронную рѣчь онъ держалъ.

И Кетчеръ, и Щепкинъ, и Корши толпой
Внимали той рѣчи съ тоской.

Твердилъ онъ: «Какая, друзья, благодать
Казенный журналъ издавать!»

Твердилъ про доходъ съ объявленій большихъ —
Съ казенныхъ, а также съ простыхъ.

Итогъ тѣхъ доходовъ запалъ той порой
У Корша въ душѣ молодой, —

И цифрой итога томилась она,
Желаньемъ законнымъ полна —

Доходъ собирать съ объявленій большихъ —
Казенныхъ, а также простыхъ.

1868 г.

XLVII.

ИЗЪ АНАКРЕОНА.

Узнаемъ коней ретивыхъ
Мы по выжженнымъ таврамъ;
Узнаемъ Парѳянъ кичливыхъ
По высокимъ клобукамъ:
Я любовниковъ счастливыхъ
Узнаю по ихъ глазамъ...

А. Пушкинъ.

Узнаютъ людей коронныхъ
По кокардамъ и усамъ,
Старыхъ пьяницъ забубенныхъ —
По краснѣющимъ носамъ,
А писакъ низкопоклонныхъ —
По журнальнымъ похваламъ.

XLVIII.

СОСТОЯНІЕ ЕВРОПЫ ВЪ 1866 ГОДУ.

или

ГУБЕРНСКІЙ ФРАНТЪ,

заблудившійся въ степяхъ Аравійскихъ.

(эпическая поэма въ стихахъ и прозѣ)

Желая всегда и во всемъ подражать
Витіи-пѣвцу Ламартину,
Рѣшился я въ прошломъ году предпринять
Вояжъ на Востокъ — въ Палестину.
Обдумавъ заранѣ кратчайшій маршрутъ,
Запасшись большимъ чемоданомъ,
Махнулъ я въ Одессу — оттуда въ Бейрутъ,
Оттуда пѣшкомъ съ караваномъ
Прибрелъ въ Палестину; пробывъ тамъ пять дней,
Верхомъ на верблюдѣ пустился
Я въ самую глубь Аравійскихъ степей, —
И въ оныхъ степяхъ заблудился.
Блуждалъ я съ недѣлю — не пилъ и не ѣлъ, —
И струсилъ, но вдругъ предъ собою

Тѣнистую пальму нежданно узрѣлъ...
Спрыгнулъ я съ верблюда, подъ дерево сѣлъ
И въ думу поникъ всей душою:
Сталъ думать я, чѣмъ червячка заморить,
И выдумалъ странное блюдо:
Рѣшился я злое убійство свершить
И скушать сыраго верблюда.
Хоть мнѣ не хотѣлось дворянскую длань
Въ крови обагрить неповинной,
Но голодъ не тетка, — и звѣрю въ гортань
Вонзилъ я булатъ... перочинный.
Питался я мясомъ верблюжьимъ дней шесть;
Когда-жъ мой запасъ истощился,
Я снова сталъ думать, чего бы мнѣ съѣсть, —
И пальмы отвѣдать рѣшился.
И сорокъ недѣль я прожилъ, какъ аскетъ,
Питаясь древесной корою;
И скучно мнѣ стало, и проклялъ я свѣтъ: —
Безъ чаю, безъ винъ, безъ сигаръ и газетъ,
Не зналъ я, что дѣлать съ собою
«О боги, вопилъ я, какъ скучно здѣсь жить!
Ахъ, еслибъ хоть карты здѣсь были, —
Я-бъ могъ на пескѣ гранъ-пасьянсъ разложить,
Но видно здѣсь люди не жили:
Здѣсь картъ не отыщешь и за сто рублей: —
Въ странѣ сей восточной и грубой,
Точь въ точь какъ въ Тамбовской деревнѣ моей,
Нѣтъ лавокъ овощныхъ, ни клуба.
А въ книгахъ все пишутъ: «Востокъ да Востокъ»
Вотъ тамъ де раздолье поэту!
Какое раздолье — песокъ да песокъ...
Здѣсь даже полиціи нѣту:
Тутъ могутъ ограбить, хоть волкомъ завой,
Тебя не услышитъ квартальный,
Къ тебѣ не примчится родной становой, —

Здѣсь край черезчуръ либеральный!
Шли дни. Я всю пальму успѣлъ ободрать,
Питая тревожное чрево;
Я съѣлъ всю кору, начиналъ ужъ глодать
Прилежно и самое древо...

Здѣсь я долженъ на нѣсколько секундъ оставить стихъ; про- пестві<, которое постигло меня и которое я хочу изобразить, ю такъ неожиданно и такъ «благополучно,» что мой тяже- і и мѣшковатый стихъ не въ состояніи передать публикѣ ктрической быстроты впечатлѣнія, потрясшаго мой организмъ, нажды утромъ, когда я съ большимъ аппетитомъ завтракалъ пьмовымъ деревомъ, коего прочность имѣю честь рекомендо- ъ всѣмъ добросовѣстнымъ столярамъ, вдругъ позади себя я ышалъ нашъ родной bonjour, произнесенный самымъ чис- въ французскимъ выговоромъ. Я такъ обрадовался, что совер- нно оцѣпенѣлъ, и потому долго не могъ обернуться назадъ: оже мой! воскликнулъ я въ глубинѣ своего сердца, какъ юсь прекрасно говорятъ по-французски, напрасно же я ругалъ страну и называлъ ее восточной: — здѣсь можно очень ятно провести время.» Когда столбнякъ мой прошелъ, и я рнулся назадъ, — передо мной стоялъ извѣстный Московскій ьетонистъ, одѣтый по послѣдней модѣ; въ правой рукѣ его ъ зонтикъ, а на лѣвой висѣло бѣлое лѣтнее пальто. Между и произошелъ нижеслѣдующій діалогъ. Діалогъ этотъ я на- ренъ изложить стихами, но уже не тѣмъ размѣромъ, какимъ ата сія піима. Подобно древнимъ греческимъ трагикамъ, я няю метръ стиха, сообразно съ метромъ біенія моего сердца, минуты вдохновенья.

ДІАЛОГЪ

между франтомъ и фельетонистомъ.

Франтъ.

Кого я зрю!?... Иль это сонъ!
Какъ ты попалъ сюда, дружище, —
Ты, чей роскошный фельетонъ
Вскормилъ Москву духовной пищей?
Вотъ ужъ кого совсѣмъ не ждалъ!...
Но ты однако издалека
И вѣрно голоденъ жестоко,
Такъ закуси, чѣмъ Богъ послалъ —
Не церемонься, будь какъ дома!...

Фельетонистъ.

Merci, я только что поѣлъ...

Франтъ.

А! ты все корчишь гастронома..
Ну, хоть присядь!

Фельетонистъ.

Я все сидѣлъ!

Франтъ.

Эхъ, брось всѣ отговорки эти,
Садись и говори сейчасъ,
Что новаго на бѣломъ свѣтѣ?
Скажи, что Польша, что Кавказъ?
Повѣдай, кто въ Москвѣ у васъ
Теперь примируетъ въ балетѣ?

Рѣшенъ ли, наконецъ, сполна
Вопросъ о герцогствѣ Гольштинскомъ?
Смирили-ль, наконецъ, слона,
Что бѣсновался подъ Новинскимъ?
Смирилъ ли Бисмаркъ удалой
Палаты Прусской гоноръ дерзкій,
Иль со скамейки министерской
Уже свалился онъ долой?
Смирили-ль Сѣверные штаты
Южанъ, на зло молвѣ людской?...
Скажи, утверждены ли штаты
Московской думы городской,
И ледъ прошелъ ли москворѣцкій?
Прорытъ иль нѣтъ каналъ Суэцкій?
Въ Москвѣ у Троицкихъ воротъ
Не починили-ль мостовую?
Не покосилъ ли ось земную
Какой-нибудь переворотъ,
И уцѣлѣла ли Европа?
Москву не освѣтилъ ли газъ?
Не совершилось ли у насъ
Опять всемірнаго потопа?
Скажи мнѣ все, скажи скорѣй!...
Я здѣсь газетъ не получаю;
Въ пустынѣ сей, безъ новостей,
Я совершенно одичаю.

Фельетонистъ.

Изволь, скажу. Съ чего-жъ начать?
Начну съ Германіи ученой,
Вопросъ о герцогствахъ мудреный
Тамъ сильно взволновалъ печать:
Забористъ онъ, — вопросъ Гольштинскій,
Навелъ онъ на германцевъ страхъ,
Зажегъ въ ученыхъ ихъ сердцахъ

И гнѣвъ, и грозный пылъ воинскій.
Вотъ дѣло въ чемъ. Они прочли
Въ одномъ хорошемъ сочиненьи,
Что часть нѣмецкой ихъ земли
Теперь у Датчанъ во владѣньи,
Что датскій маленькій народъ,
Тому назадъ лѣтъ восемьсотъ,
Внушеньемъ силы сатанинской
У нихъ отжилилъ край Гольштинскій.
Все это въ книжкѣ прочитавъ,
Сыны германскихъ всѣхъ державъ —
Потомки Цумпта и Клопштока,
Сперва задумались глубоко
И долго думали — лѣтъ пять;
Потомъ, надумавшись, степенно
Пустились справки собирать,
Чтобы доподлинно узнать
И убѣдиться совершенно,
Что край гольштинскій—имъ родной
И дышитъ жизнію одной
Съ нѣмецкой націей священной.
И вотъ работа началась, —
И пыль столбами поднялась
Въ книгохранилищахъ, въ архивахъ:
Милльйоны нѣмцевъ кропотливыхъ
Тамъ рылись, воздымая прахъ,
И рылись, рылись, рылись, рылись,
Пока вполнѣ не убѣдились
Въ своихъ затерянныхъ правахъ.
И убѣдившись, вдругъ озлились
Они на новаго врага,
Открытаго въ архивной пыли,
И хоромъ вдругъ заголосили:
— «Ура! побѣда! Мы открыли,
Что намъ мила и дорога

Земля священная Гольштейна,
Что мы ее должны любить.
Что безъ нея не можемъ жить!»
И вотъ отъ Одера до Рейна...

Франтъ.

Ну братъ довольно, довольно о гольштинскомъ вопросѣ! онъ мнѣ надоѣлъ при самомъ своемъ зарожденіи: для меня ничего нѣтъ интереснаго въ нѣмецкомъ археологическомъ патріотизмѣ. Скажи лучше что-нибудь объ Англіи, или, какъ весьма основательно называютъ ее нѣкоторые поэты, объ Альбіонѣ.

Фельетонистъ.

О Альбіонъ, Альбіонъ! какъ онъ могучъ и спокоенъ!
О, какъ похожъ онъ на Римъ, строемъ гражданскимъ своимъ!
Такъ все въ немъ дышитъ доднесь духомъ республики римской —
Крѣпость семейственныхъ узъ, нравовъ простыхъ чистота,
Мужество вѣрныхъ гражданъ, страстью къ отчизнѣ горящихъ,
Все отпечатокъ живой свѣтлыхъ античныхъ временъ.
Да, братъ, великъ Альбіонъ, такъ онъ могучъ и прекрасенъ,
Что невозможно о немъ въ ямбахъ простыхъ говорить:
Только гекзаметръ одинъ, хоть и плохой, да гекзаметръ,
Шумомъ державнымъ своимъ, музыкой строгой своей
Можетъ достойно воспѣть сей надувательный островъ —
Островъ гражданскихъ чудесъ, островъ всесвѣтныхъ крамолъ.
Счастливъ былъ древле всякъ мужъ, что получалъ отъ рожденья
Въ Римѣ гражданство:—предъ нимъ міръ преклонялся челомъ.
Въ наши дурацкіе дни счастливъ надменный британецъ:
Всюду, куда-бъ ни забрелъ англійскій рыжій матросъ —
Въ Нанкинъ, въ Тунисъ, въ Лиссабонъ, въ Любекъ, иль въ край Готтентотовъ,
Или хоть въ тартарары, — всюду ему хорошо. —
Всюду хозяинъ Джонъ-Буль—всюду, предъ нимъ пресмыкаясь,
Пляшетъ подъ дудку его взапуски все передъ нимъ.

Но хоть въ гостяхъ онъ какъ свой, дома ему еще лучше:
Въ льготахъ гражданскихъ своихъ тамъ онъ по горло сидитъ;
Словно нѣжнѣйшая мать, леди-Британія крѣпко
Грудью стоитъ за своихъ плотныхъ и рдяныхъ птенцовъ:
Учитъ всему ихъ, какъ баръ, холитъ, лелѣетъ, ласкаетъ,
Въ комфортѣ нѣжитъ ихъ плоть, нѣжитъ въ свободѣ ихъ духъ,
Все, что ни просятъ, даетъ, прихотямъ всѣмъ потакаетъ,
Тѣшитъ игрушками всласть: строитъ дворцы изъ стекла,
Землю прорывъ подъ рѣкой, строитъ тамъ смѣло чугунку,
Чтобъ подъ водой покатать умныхъ, послушныхъ дѣтей.
Но ты спроси-ка, мой другъ, что этотъ комфортъ волшебный,
Эти катанья, дворцы стоятъ народамъ другимъ.
Солоно имъ обошлись эти затѣи Джонъ-Буля,
Шкура давно ужъ на нихъ внятно и громко трещитъ:—
Чтобы потѣшить своихъ, мистриссъ Британія рада
Силой съ народовъ другихъ брюки послѣднія снять,
Рада китайцевъ споить опіемъ или дурманомъ,
Кожу съ индѣйцевъ содрать, Турками Грековъ травить,
Только бы всласть накормить милыхъ своихъ ребятишекъ,
Ихъ воспитать, обучить, въ люди лицомъ показать.
Такъ лихоимецъ иной, взяточникъ наглый и грубый,
Грабитъ безжалостно всѣхъ — старцевъ и вдовъ, и сиротъ;
По міру міръ онъ пустилъ, собственныхъ дѣтокъ питая:
Въ людяхъ онъ волкъ, людоѣдъ, дома же агнецъ ручной;
Страстный и вѣрный супругъ, кроткій и нѣжный родитель.
Рядитъ онъ въ бархатъ жену, тѣшитъ и нянчитъ дѣтей;
Щедро онъ тратитъ на нихъ то, что содралъ съ постороннихъ—
Грабитъ сиротъ, но за то собственныхъ милыхъ дѣтей
Учитъ, какъ принцевъ какихъ, онъ всевозможнымъ наукамъ:
Домъ его полонъ всегда нянекъ и дядекъ всѣхъ странъ —
Дѣти на всѣхъ языкахъ чешутъ свободно и смѣло,
На клавикордахъ гремятъ, пляшутъ, рисуютъ, поютъ.

Франтъ.

Ты отчасти правъ. Но, воображая, что говоришь гекзаметромъ, ты, то и дѣло, попадаешь въ пентаметръ.

Фельетонистъ.

Это я нарочно: хочу поморочить публику; она у насъ не очень сильна въ метрикѣ.

Франтъ.

Ну что-жъ—ничего! отчего не поморочить? — Теперь скажи что-нибудь про Францію, только не стихами, а прозой: эта страна не стоитъ не только гекзаметра, но даже и одностопнаго ямба, потому что во всю жизнь не могла вообразить ничего лучше силлабическаго стихосложенія. Разсказывай же!.. Ну что̀, во Франціи все по прежнему, — французы все такъ-же непостоянны?

Фельетонистъ.

Напротивъ: они все такъ-же постоянны, какъ и десять лѣтъ тому назадъ.

Франтъ.

Какъ такъ?! вѣдь это самый непостоянный народъ!

Фельетонистъ.

Или самый постоянный. Развѣ политическія идеи, на коихъ онъ вертится, какъ стрекоза на булавкѣ, не подаваясь ни взадъ, ни впередъ, политическія идеи, олицетворяемыя его политическими партіями, не представляютъ образецъ самаго умилительнаго постоянства? Развѣ во Франціи переводятся когда-нибудь легитимисты, орлеанисты, бонапартисты и республиканцы? Никогда! они живехоньки: званіе легитимиста и другихъ истовъ и анцевъ тамъ наслѣдственно. И вотъ ужъ Богъ знаетъ сколько времени, какъ партіи во Франціи заняты однимъ и тѣмъ же: онѣ строятъ всевозможныя каверзы другъ противъ друга. Если въ силѣ легитимисты, подъ нихъ подкапываются орлеанисты заодно съ другими партіями; но

восторжествуютъ бонапартисты, орлеанисты уже заискиваютъ въ легитимистахъ, чтобъ общими силами подставить ножку бонапартистамъ, и такъ далѣе. Такимъ образомъ дѣйствуютъ они въ продолженіе полустолѣтія, и политическія партіи постоянно чередуются между собой властью и успѣхомъ. — Итакъ новаго я не могу тебѣ ничего сказать о Франціи. Ты знаешь исторію: что происходило при первой имперіи, то происходитъ и теперь — политическій репертуаръ французскаго народа все тотъ-же — все тѣ-же піэсы и смѣняются одна другою все въ томъ-же порядкѣ. Такъ будетъ продолжаться если не вѣчно, то долго, долго. Скорѣе изсякнетъ океанъ, померкнетъ солнце, починится московская мостовая и книжки русскихъ журналовъ будутъ выходить въ срокъ, то есть опаздывать только однимъ мѣсяцемъ, — чѣмъ Французы придумаютъ что-нибудь новое вмѣсто своихъ вѣчныхъ легитимистовъ, орлеанистовъ и проч. и проч. и замѣнятъ свое силлабическое стихосложеніе метрическимъ.

Франтъ.

Ну, а что Италія?

Фельетонистъ.

О Италія святая,
О страна земныхъ чудесъ!
Ты...

Франтъ.

Стой, стой! объ Италіи невѣжливо говоритъ хореемъ: тутъ надо размѣръ Данта; попробуй-ка качнуть терцинами!

Фельетонистъ *(откашливаясь)*.

Италія, страна земныхъ чудесъ,
Страна чудесъ — искусства и природы!
Духъ праотцевъ въ сынахъ твоихъ воскресъ:

Въ тебѣ вскипѣлъ духъ брани и свободы,
Воспрянули отъ вѣковаго сна
Для подвиговъ святыхъ твои народы.

Да, ты спала, чудесная страна,
Спала ты сномъ святымъ очарованья,
Въ міръ красоты душой погружена.

И грезились роскошныя мечтанья
Твоей душѣ; ихъ воплощала ты
Въ нетлѣнныя святыхъ искусствъ созданья;

Ты нѣжилась на лонѣ красоты;
Твои друзья - поклонники вѣнчали
Твое чело и въ лавры, и въ цвѣты.

Но грозные враги твои не спали —
Подкралися неслышною стопой
И спящую въ оковы заковали;

Проснулась ты, но плѣнницей, рабой;
Вокругъ тебя толпа враговъ стояла
И спорила, кому владѣть тобой.

Но и въ цѣпяхъ ты духомъ не упала:
Ты вынесла судьбины злой ударъ
И новою вдругъ славой возсіяла:

Въ твоей груди проснулся пѣсенъ даръ,
Ты пѣснями неволю усладила,
Въ нихъ излила ты сердца страстный жаръ.

И пѣснями весь міръ ты огласила,
Онъ имъ внималъ, дыханье притая,
И даже (о, мелодій сладкихъ сила!)

Частенько ихъ заслушивался я
И пѣлъ имъ гимнъ въ газетномъ фельетонѣ.
Ужъ чуяла давно душа моя,

Когда внималъ я жирной примадоннѣ,
Что скоро цѣпь съ Италіи спадетъ,
И слышался мнѣ въ каждомъ полутонѣ

Свободы крикъ торжественный. И вотъ
Сбылися сны души моей веселой:
Италія неволи свергла гнётъ,—
И тщетны всѣ враговъ ея крамолы.

Франтъ.

Ну, теперь скажи, что подѣлываетъ наша матушка Россія?

Фельетонистъ.

Отчизна наша въ этотъ годъ
Далеко двинулась впередъ.—
Пусть наши недруги лихіе
Кричатъ изъ зависти къ Россіи.
Что будто нашъ обильный край
Въ коснѣньи дремлетъ, какъ Китай,
Что будто мы китайцевъ хуже —
Что просвѣщенье лишь снаружи
На насъ набросило свой лоскъ,
А намъ не въѣлось въ кровь и мозгъ,
Что въ насъ нѣтъ жизни настоящей,
Что подъ наружностью блестящей
Еще мы просто дикари, —
Все это вымыселъ злодѣйскій
Печати наглой европейской,
И что про насъ ни говори.
Ругай, пожалуй, дикарями,
А мы впередъ таки идемъ,
Идемъ гигантскими шагами
И хорошѣемъ съ каждымъ днемъ,

На зло завистливой Европѣ,
И какъ узоръ въ калейдоскопѣ,
И каждый день, и каждый часъ,
Все измѣняется у насъ.
Да, въ наши дни мы вскачь шагаемъ
И просвѣщаемся, мужаемъ
Ужъ не по днямъ, а по часамъ:
Едва дивиться успѣваемъ
Прогресса новымъ чудесамъ,
Мы вдаль спѣшимъ для цѣлей новыхъ
Во весь опоръ, какъ на почтовыхъ;
Взоръ въ безконечность устремя, —
Все тройку нашу понукаемъ
И верстъ по триста, не кормя,
Въ однѣ мы сутки пролетаемъ.
И безъ оглядки все впередъ
Прогресъ удалый насъ несетъ.

Франтъ.

Полно, такъ ли?

Фельетонистъ.

Ей-Богу такъ! коли не вѣришь, посмотри самъ. Это очень любопытно: стоитъ того, чтобъ возвратиться въ отечество. Поѣдемъ!

Франтъ.

Ну что-жъ, я очень радъ... Поѣдемъ.

Фельетонистъ.

Дорожныя издержки пополамъ?

Франтъ.

Пополамъ.

Фельетонистъ.

Ну, такъ отправимся.

Абдулбейрамъ *)
1865 г. 10 іюня, стараго стиля.

*) Приморскій городъ въ Азіатской Турціи.

XLIX.

ДАРЫ ЧИНОВНИКА.

(Подражаніе Лермонтову).

Онъ гремитъ, и яръ, и злобенъ,
На чиновниковъ своихъ —
Бурѣ гнѣвъ его подобенъ,
Слезы капаютъ у нихъ;
Но, въ коляску помѣщаясь,
Онъ игривый принялъ видъ,
И привѣтно улыбаясь,
Къ Минѣ Карловнѣ летитъ.

Прилетѣлъ... она въ кровати.
— «Мина, другъ, пусти къ себѣ!
Утомился я въ палатѣ. —
Отдохнуть пришелъ къ тебѣ»,
Но склоняся на подушку,
Притворясь, что будто спитъ,
На свого «милашку-душку»
Злая Мина не глядитъ.

—«Я привезъ тебѣ гостинецъ
И гостинецъ не простой —
Вотъ колечко на мизинецъ,
На колечкѣ вензель мой».

Но, уткнувши носъ въ подушку,
Мина хитрая лежитъ:—
На своего милашку-душку
Разсердилась, — не глядитъ.

— «Слушай, Мина!.. даръ солидный...
Завтра будетъ здѣсь, ей, ей,
Пара сѣрыхъ, кучеръ видный,
Раззолоченный лакей
И моднѣйшая коляска...
И какая! просто рай:
И просторна, и нетряска —
Хоть по пашнѣ поѣзжай.
И никто не отгадаетъ,
Гдѣ досталъ я этотъ кладъ,
Лишь купецъ про это знаетъ,
Что̀ съ казной имѣлъ подрядъ.»

И погибшее созданье
Поднялось при сихъ словахъ, —
Замерло у ней дыханье,
Алчность вспыхнула въ глазахъ:—
Воплотилась передъ нею
Задушевная мечта...
Мина бросилась на шею
Умиленнаго скота.

1858 г.

L.

МЕЧТЫ ЧИНОВНИКА.

(Подражаніе Лермонтову.)

Я доволенъ и счастливъ на службѣ:
Предо мной мой начальникъ дрожитъ,
Потомучто министръ со мной въ дружбѣ
И публично со мной говоритъ.
Грудь моя украшена роскошно
И медалями, и лентой, и крестомъ;
Отчего-жъ въ присутствіи мнѣ тошно? —
Жду-ль чего, жалѣю-ли о чемъ?
Ужъ не жду отъ службы ничего я
И не жаль мнѣ совѣсти ничуть:—
Я желалъ бы пенсіи, покоя,
Я-бъ хотѣлъ отъ дѣла отдохнуть...
Но не чистой жажду я отставки:
Я-бъ все числиться желалъ и состоять —
Чтобъ мнѣ шли награды и прибавки,
Чтобъ чины и ленты получать.

LI.

ЖЕНИХИ.

Предъ Испанкой благородной
Двое рыцарей стоятъ,
Оба смѣло и свободно
Въ очи прямо ей глядятъ.
А. Пушкинъ.

Предъ купчихой благосклонной
Двое фатовъ предстоятъ,
Оба въ бракъ вступить законный
Страстью пламенной горятъ.

Оба Шармеромъ одѣты
Съ благородной простотой,
Оба прежде — въ оны лѣты —
Всѣхъ дивили красотой.

Оба крѣпкаго сложенья,
Оба въ нѣгѣ возросли,
Но здоровье и имѣнье
Въ бурной жизни растрясли.

Оба люди молодые,
Но ужъ въ долгъ давно живутъ;
Оба родъ свой отъ Батыя
Съ достовѣрностью ведутъ.

Оба спѣси благородной
Въ сердцѣ огнь святой хранятъ;
Оба смертію голодной
Жизнь окончить не хотятъ.

Бракъ съ купчихой запятнаетъ
Ихъ могучій древній родъ;
Но геральдики не знаетъ
Голодающій животъ.

Много шуму, много срама
И безславія ихъ ждетъ;
Но не славится и яма,
Что у Иверскихъ воротъ.

Съ этой мыслью непріятной,
Потупляя нѣжно взглядъ,
Предъ купчихой необъятной
Оба фата предстоятъ.

А купчиха съ папиросской
Возсѣдаетъ. Дивный видъ:
Ну точь-въ-точь колоссъ Родосскій
Или просто рыба Китъ!

Но на кончикѣ дивана
Съ дивной ловкостью сидитъ;
Отъ нея оделавана
Запахъ на версту разлитъ.

Много крупныхъ брилліантовъ
На серьгахъ ея горятъ
И сердца голодныхъ франтовъ
Смертью раннею разятъ.

«Кто, скажи, любимъ тобою?»
Дѣвѣ франты говорятъ:
«Кто изъ насъ избранъ судьбою?
Чей удѣлъ кинжалъ и ядъ?»

Дѣва щурится лукаво,

И жеманясь, говоритъ:
«Я сама не знаю, право, —
Мнѣ какъ тятенька велитъ.»

Бичъ семьи патріархальной,
Сухъ и хладенъ какъ гранитъ,
Допотно-колоссальный
Тутъ-же «тятенька» сидитъ.

Чай изъ блюдечка спокойно
Онъ себѣ въ прикуску пьетъ,
И довольно непристойно
Потъ съ чела его течетъ.

То вздохнетъ, то брови сдвинетъ,
Точно чѣмъ-то нездоровъ,
Точно вовсе онъ не видитъ
Двухъ пріѣзжихъ молодцовъ.

Лишь порой украдкой взглянетъ
Подозрительно на нихъ,
И свой чай опять потянетъ:
«Намъ-де надо не такихъ».

———

LII.

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ МАСКАРАДЪ.

ИНТЕРМЕДІЯ ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ,

съ приличнымъ угощеніемъ для всѣхъ вообще и для каждаго въ особенности.

Театръ старается представить россійскій Геликонъ. Очень раннее утро. Заря только начинаетъ заниматься.

На сцену появляется: г. Катковъ во образѣ лорда-мера; г. Леонтьевъ во образѣ альдермена; г. Аксаковъ въ русскомъ кафтанѣ, но въ бѣлыхъ перчаткахъ; г. Павловъ въ костюмѣ Велисарія, ведомый подъ руку г. Чичеринымъ; г. Бодянскій во образѣ Тараса Бульбы; г. Лонгиновъ, превратившійся, наконецъ, совсѣмъ въ католоrъ Сопикова въ 8-ю долю листа, переплетенный въ корешокъ, вносится съ большимъ почтеніемъ на рукахъ гг. Полторацкаго, Геннади и всѣхъ прочихъ библіографовъ; г. Соловьевъ во образѣ покойнаго г-на Роллэна; г-жа Евгенія Туръ, совмѣщающая въ своей особѣ Сафо, Бобелину и Семирамиду; г. Краевскій подъ видомъ литератора; графъ Кушелевъ-Безбородко въ положеніи Сарданапала, сопровождаемый г. Писаревымъ въ видѣ Белеса и г. Благосвѣтловымъ въ видѣ Арбака, правителя Мидіи; г. Островскій во образѣ честной вдовы Мареы Борисовны; г. Щербина въ видѣ Ифигеніи, только-что вырвавшейся изъ плѣна Тавро-Скиеовъ; г. Погодинъ съ физіономіей Марія на развалинахъ Кареагена; г-жа Кохановская въ веригахъ и траурѣ по Иванѣ Яковлевичѣ; г. Писемскій съ апломомъ помѣщика тысячи душъ; г. Садовскій въ роли Кассандры; г. Щепкинъ въ видѣ Ніобеи; г. Аполлонъ Григорьевъ въ собственномъ видѣ.

Немного погодя входятъ и становятся поодаль разныя аксессуарныя лица, т.-е. народъ, вѣстники, пастухи, пастушки, Корши и проч., и проч.

Хоръ.

Пробудись отъ сна, Россія,
Пробудись и намъ внемли!
Люди мы передовые,
Мы твой цвѣтъ, мы соль земли!
Въ насъ одно твое спасенье:
Мы враговъ твоихъ враги,
Мы роднаго просвѣщенья
И столбы, и рычаги:
Насъ томитъ одно желанье —
Край родимый просвѣтить
И на прочномъ основаньи
Въ немъ порядокъ утвердить.
И къ священной этой цѣли
Premъ мы дружною гурьбой;
Всю дорогу мы досѣлѣ
Не ругались межъ собой.
Всѣ мы страшно даровиты,
Всѣ ужасно учены,
Всѣ до-нельзя мы развиты
И неслыханно умны.

Аксаковъ.

Врагъ перчатокъ, танцевъ, фраковъ,
Древней Руси паладинъ,
Я — поэтъ Иванъ Аксаковъ,
Но поэтъ я гражданинъ.
Съ грустнымъ чувствомъ патріота
Вижу я, что мой народъ
По стопамъ Искаріота
Вслѣдъ за Западомъ идетъ.
Съ той поры, какъ мы обриты
Мощной дланію Петра,
Къ намъ вползли Адамы Смиты,

Гегель, Кантъ et caetera.
Вѣдь мы глупы, кромѣ шутокъ!
Мы почти ужъ двѣсти лѣтъ
На Антошекъ и Анюток
Пялимъ западный корсетъ;
Моемъ, тремъ ихъ такъ и эдакъ,
И снаружи, и внутри,
И рѣшились напослѣдокъ
Завести для нихъ жюри.
Это все пустыя рѣчи:
Грозный русскій великанъ
Не вздереть себѣ на плечи
Узкій западный кафтанъ.
Это такъ, даю вамъ слово!
Вѣдь народъ нашъ, господа,
Свыше правды и суда,
Свыше онъ всего земнаго.

Отчего за книгой спятъ
Въ нашихъ школахъ гимназисты,
Смотрятъ прямо въ публицисты
И учиться не хотятъ, —
Лишь узнаютъ азъ да буки,
Имъ ученье въ умъ нейдетъ?
Оттого что нашъ народъ
Свыше западной науки.
Отчего у алтаря
Доморощенной Ѳемиды,
Какъ въ объятіяхъ Киприды,
Подъ докладъ секретаря,
Спятъ такъ сладко наши судьи,
А полиція беретъ?
Оттого что нашъ народъ
Свыше чувства правосудья.

По причинамъ историческимъ,

Мы совсѣмъ не снабжены
Яснымъ смысломъ юридическимъ, —
Симъ исчадьемъ сатаны.
Широки натуры русскія: —
Нашей правды идеалъ
Не влѣзаетъ въ формы узкія
Юридическихъ началъ!
Мы враги сухой формальности,
Мы чувствительны душой, —
И при видѣ благодарности,
Не владѣемъ мы собой;
И по этой-то причинѣ я
Съ умиленіемъ гляжу
На управу благочинія:
Въ ней одной я нахожу
Въ дни печали утѣшеніе,
Въ ней одной лишь не погибъ
Отъ напора просвѣщенія
Допетровскаго кормленія
Совершенно-чистый типъ.
Не къ пути земному тѣсному
Созданъ, призванъ нашъ народъ,
Но къ чему-то неизвѣстному,
Непонятному, чудесному,
Даже, кажется, небесному
Тайный гласъ его зоветъ.

Катковъ.

Съ виду я гарибальдіецъ,
По азарту демагогъ,
По прозванью олимпіецъ,
По призванью филологъ.
Мнимыхъ знаній оболочку
Я съ Крылова своротилъ

И три раза въ одиночку
На Искандера ходилъ!
Для здоровья въ третьемъ годѣ
Островъ Уайтъ я обиталъ
И по инглишскомъ народѣ
Съ той поры я бредить сталъ.
Сталъ кричать я громогласно,
Какъ лютѣйшій англоманъ:
«Все въ Британіи прекрасно,
Даже копоть и туманъ!
Тамъ издревле расцвѣтали
Всюду розы безъ шиповъ;
Нѣтъ хожалыхъ тамъ каналій,
Нѣтъ болѣзней и печалей,
Нѣтъ пороковъ и клоповъ!»

Лонгиновъ.

Я тотъ (да кто меня не знаетъ?)...
Я — пресловутый книголюбъ,
Чей мощный голосъ потрясаетъ
По вечерамъ Британскій клубъ.
Клянуся высью олимпійской,
Клянусь семьей россійскихъ музъ
И *Вивліоѳикой Россійской*,
И Остолоповымъ клянусь!
Да! надъ Курганова могилой
И на *Письмовникѣ* святомъ
Клянуся я Вассьяномъ Рыло
И Анны Буниной стихомъ;
Клянусь Леонтіемъ Магницкимъ,
Клянусь Мелетіемъ Смотрицкимъ,
Клянусь Шатрова ерундой,
Клянусь Иваномъ Левандой!
Клянуся Бантышемъ-Каменскимъ

И даже княземъ Оболенскимъ
(Его преемникомъ земнымъ
По всѣмъ архивскимъ кладовымъ),
Клянуся Сопикова тѣнью
И новиковскимъ словаремъ,
И первымъ русскимъ букваремъ,
И всей священной дребеденью
Старинныхъ книжицъ и брошюръ,
Клянуся всѣмъ Парнассомъ россkимъ
Отъ Кантемира съ Третьяковскимъ
До госпожи Евгеньи Туръ!
Клянуся копнами тетрадей
Скоромныхъ пѣсенъ и стишковъ,
Зову въ свидѣтели Геннади,
Клянусь (убей меня, Сушковъ,
Посредствомъ собственнаго чтенья
Новорожденнаго творенья!)...
Клянусь (Бартеневъ, запиши!),
Что въ глубинѣ моей души
Созрѣлъ и выросъ планъ гигантскій!
Когда-жъ онъ приметъ кровь и плоть,
То, вѣрно, съ зависти умретъ
Издатель *Чтеній* графъ Бодянскій.
Секретари съ нимъ оба мы,
Но двухъ враждующихъ коллегій,
И онъ, внушенный духомъ тьмы,
Лишилъ насъ важныхъ привиллегій.
И я рѣшился, въ месть врагамъ,
Чтобъ ихъ коллегію унизить,
Сердца московскихъ львовъ и дамъ
Съ литературой русской сблизить.
И къ этой цѣли ужъ готовъ
Я приступить безъ замедленья
Посредствомъ дароваго чтенья
Стефана Маслова стиховъ.

Кетчеръ.

Друзья, я всесторонній геній:
И литераторъ я, и врачъ,
И всѣхъ Шекспировскихъ твореній
Я вдохновеннѣйшій толмачъ.
Но про меня, въ забаву міра,
Сказалъ какой-то щелкоперъ,
Что будто я «всего Шекспира
Не перевелъ, а перепёръ.»

Чичеринъ. *(Поетъ, ведя подъ руку Павлова).*

«Малютка, шлемъ нося, просилъ
Для Бога пищи лишь дневныя
Слѣпцу, котораго водилъ,
Кѣмъ славенъ Римъ и Византія.»
Такъ я, въ отставкѣ либералъ,
Прохожихъ съ воплемъ умоляю:
Читайте Павлова журналъ!
Я въ немъ статейки помѣщаю.
Вотъ зракъ того, кто прежде былъ
Для консерваторовъ грозою,
Кто Соллогуба поразилъ,
Но самъ сраженъ былъ самъ собою;
Кто передъ міромъ оправдалъ
Жидовъ униженное племя
И въ битву съ Зотовымъ вступалъ...
Но вдругъ публично основалъ
Въ Москвѣ газету *Наше Время*,
И вотъ мгновенно въ немъ изсякъ
Даръ остроумія блестящій,
И онъ вертится такъ и сякъ,
А нѣтъ подписки надлежащей.

Павловъ.

Да, мнѣ плохо: уже близко
Подкатилъ къ намъ новый годъ,
А подписка-то, подписка,
Хоть ты тресни, не идетъ;
Заходилъ я къ Базунову
И въ почтамтъ, и къ Глазунову,
И вездѣ одинъ отвѣтъ:
«Нѣтъ подписки, сударь, нѣтъ!»
Это очень непріятно,
И теперь мнѣ непонятно,
Какъ Аксаковъ и Катковъ,
Послѣ жатвы благодатной,
Рады плакать изъ-за словъ.
Этотъ бредитъ Альбіономъ,
Тотъ отчизной пораженъ;
Говорятъ съ такимъ апломбомъ
И такимъ серьезнымъ тономъ,
Точно Питтъ и Пальмерстонъ!
Вѣдь пришла же имъ охота
Горло драть изъ пустяковъ!
Ахъ, Аксаковъ! Ахъ, Катковъ!
Вы смѣшнѣе донъ-Кихота!
Нѣтъ, я вовсе не таковъ.
До идей мнѣ дѣла мало
(Я совсѣмъ не донъ-Кихотъ!):
Мнѣ бы только отъ журнала
Былъ хоть маленькій доходъ.
Мнѣ-ль теперь до убѣжденій?!
Не о нихъ я хлопочу:
Я казенныхъ объявленій
Привиллегіи хочу.
Въ нихъ одна моя зазноба
И надежда, и покровъ...

И щемитъ мнѣ сердце злоба,
Только вспомню, что Катковъ
Взялъ казенную газету
На аренду на шесть лѣтъ...
Ахъ, простить обиду эту
Я-бъ желалъ, но силы нѣтъ!
Какъ онъ смѣлъ безъ позволенья
И согласья моего
Взять на откупъ объявленья!..
Это просто ужъ... того...
Беззаконно, гадко, низко:
Онъ мнѣ въ сердце ножъ воткнулъ...
Ахъ, журналъ мой!.. Ахъ, подписка!..
Ахъ, Катковъ... Ахъ!.. караулъ!!!...

Падаетъ, увлекая за собой г. Чичерина. Г. Чичеринъ хочетъ что-то сказать, но занавѣсъ быстро опускается.

LIII.

ИЗЪ ПОЭМЫ „СОЦІАЛИСТЫ“.

ИЗЪ ПОЭМЫ „СОЦІАЛИСТЫ“.

I.

. . . .
. . . .

Недолго я въ тиши блаженной
Аркадской дѣвственной глуши,
Въ святой невинности души,
Подъ кровлей отческой смиренной
Баклуши беззаботно билъ;
День новой жизни наступилъ, —
И батька мой, не внемля плачу
И просьбамъ матери моей,
Велѣлъ прощаться намъ живѣй,
Потомъ единственную клячу
Въ телѣжку тряскую запрегъ, —
И на благое воспитанье,
Какъ будто жертву на закланье,
Въ губернскій градъ меня повлекъ.
И семинарія открыла
Свой грозный зѣвъ передо мной
И мигомъ съ тѣломъ и душой
Меня всецѣло поглотила.
О семинарія, родникъ
И общихъ мѣстъ, и думъ сомнѣнья,
Разсадникъ злачный и парникъ
Вождей младаго поколѣнья,
Парнаса русскаго владыкъ!
Меня ты мачихой пріяла:

Въ твоихъ стѣнахъ, и я сначала
Такъ много пролилъ горькихъ слезъ,
И много, много свѣжихъ лозъ
Начальство въ гнѣвѣ обломало,
Стараясь тщетно въ разумъ мой
Вдолбить латинскія спряженья
И цѣлыхъ чиселъ умноженье —
Начатки мудрости земной
Не поддалась внушеньямъ прута
Моя природа ни на мигъ:
Языкъ Катона, Гракховъ, Брута,
Въ твои я тайны не проникъ!
Ни глупый modus conjunctivus,
Ни genitivus partitivus.
Ни quum causale, ни супинъ
Мнѣ не давались; и донынѣ,
Лишь только вспомню о латыни,
Меня беретъ тоска и сплинъ.
А ты, наука Пиѳагора.
Головъ посредственныхъ опора,
Ты мнѣ была всего тошнѣй,
По геніальности моей:
Меня томила лѣнь, зѣвота,
Я превращался въ идіота,
Себя я чувствовалъ глухимъ,
Когда, отъ скуки изнывая
И ничего не понимая,
Внималъ безспорнымъ и сухимъ,
И пошлымъ истинамъ твоимъ.
Да и теперь (скажу вамъ прямо)
Все тотъ же геній мой упрямый:
Не понимаю, хоть убей,
Я сокращенія дробей.

Итакъ я былъ плохой грамматикъ

И самый гнусный математикъ.
И былъ ли въ правѣ разумъ мой —
Мой разумъ мощный, исполинскій
Не презирать, какъ хламъ гнилой,
Цыфирь и синтаксисъ латинскій?
Начатки мертвыхъ сихъ наукъ
Лишь клали хладныя оковы
На геній мой, на все готовый:
Былъ тѣсенъ мнѣ ихъ истинъ кругъ.
Межъ тѣмъ начальство непрестанно
Меня пороло неустанно
И съ каждымъ разомъ все больнѣй;
Оно, по глупости своей,
Не знало, что̀ во мнѣ таилось,
И какъ фено̀мену дивилось
Моей лишь тупости — ей, ей!
И чье пророческое око
Могло-бъ за толстою корой
Узнать во мнѣ любимца рока,
Бича словесности родной, —
Того, предъ чьей нездѣшней силой,
Какъ предъ Тимуромъ и Аттилой,
Вся наша русская печать
Обречена была судьбою
Дрожать, склоняться въ прахъ главою
И пресмыкаться иль... молчать!
Но надо правду вамъ сказать,
И самъ судьбы своей грядущей
Не разгадалъ бы я никакъ —
Я совершенный былъ мозглякъ,
Презрѣнный червь, едва ползущій;
Мой мощный духъ въ то время спалъ,
Сномъ летаргическимъ объятый,
Ничѣмъ великимъ не чреватый,
И крылъ своихъ не поднималъ,

Пока цѣны себѣ не зная
И со слезами проклиная
Свой жалкій умъ и злой удѣлъ,
Я за грамматикой сидѣлъ.
Когда-жъ реторика открыла
Передо мной свой дивный храмъ, —
Мой умъ ожилъ, расправилъ крыла
И прямо дернулъ къ небесамъ.
Межъ хрій, фигуръ, метафоръ, троповъ
Я былъ какъ дома, какъ въ раю.
(На нихъ способности ухлопавъ,
Я ихъ люблю, какъ жизнь мою.)
O loca topica — скрижали
И столбъ премудрости земной —
Quis, *quid* и *ubi*, и такъ далѣ!
Вы мнѣ значенье въ жизни дали!
О мать реторика, я твой!

И вотъ я весь преобразился,
И новый путь открылся мнѣ:
Могучъ и силенъ вдругъ явился
Я въ реторической бронѣ,
Никто, никто на нашемъ курсѣ,
Никто, никто и въ цѣлой бурсѣ
Сравняться не дерзалъ со мной
Идей и слога высотой;
Никто въ словесныхъ упражненьяхъ
Такъ ухищряться въ украшеньяхъ,
Такъ «увлекаться» не умѣлъ,
Никто, никто и въ древнемъ Римѣ
Мечомъ антитезъ, метонимій
Съ такимъ искусствомъ не владѣлъ,
Никто, никто такъ не былъ боекъ
Въ трудѣ логическихъ построекъ,
Такъ въ діалектикѣ силенъ,

Такъ мало истиной стѣсненъ,
Такъ въ аргументахъ изворотливъ:
Я могъ свободно за и противъ
О чемъ угодно говорить
И доказать вамъ что попало,
А если логика хромала,
Вопросъ нарочно затемнить.
Бывало, мнѣ для упражненья,
Чтобъ умъ мой въ спорахъ закалить,
Неоплатониковъ ученье
Велитъ учитель обличить,
Иль Эпикуровы начала
Низвергнуть въ прахъ со пьедестала,
Иль дастъ мнѣ тему, что Жанъ-Жакъ
Былъ плутъ, обжора и дуракъ: —
Хоть философскія ученья
Я понаслышкѣ только зналъ,
Но тотчасъ силой умозрѣнья
Ихъ въ прахъ и пепелъ обращалъ:
Посредствомъ выводовъ готовыхъ,
Избитыхъ мыслей, формулъ, схемъ
Я смѣло подрывалъ въ основахъ
Твердыни вѣковыхъ системъ.
Платонъ, Вольтеръ, Эпикурейцы,
Спиноза, Юмъ, Пиѳагорейцы!
Кого изъ васъ мнѣ ни дадутъ
Бывало обличить въ обманѣ,
Ужъ у меня про всѣхъ въ карманѣ
Былъ камешекъ,—и въ пять минутъ
Системамъ вашимъ былъ капутъ.
Разстригу Лютера Мартина
А съ нимъ и Цвингли, и Кальвина
Съ такою силой я громилъ,
Что кости ихъ въ землѣ дрожали,
И даже тѣни ихъ вставали

Съ мольбой и воемъ изъ могилъ.
Реторика все побѣждала...
Когда-жъ изъ ересей простыхъ —
Такъ... доморощенныхъ, своихъ
Кой-что, на праздникахъ, бывало,
Прикажутъ обличить тебѣ,—
Такъ это такъ происходило:
Взялъ, обмакнулъ перо въ чернила, —
И се не бѣ, и се не бѣ!

Такъ много лѣтъ я упражнялся,—
Свой умъ въ гимнастику водилъ.
Тамъ на канатѣ онъ ломался
И танцовалъ что было силъ.
Профессора приподнимали
Все вверхъ сей умственный канатъ,
И я валялъ salto mortale,
Въ надеждѣ славы и наградъ.
И умъ мой тщательно ломался —
Все изощрялся, изловчался,
И вотъ до нельзя изощренъ,—
Сталъ вверхъ ногами твердо онъ,
Сталъ и навѣки такъ остался.

Однажды какъ-то, въ жаркій день,
Въ родномъ селѣ на сѣновалѣ
Вкушалъ я сладостную лѣнь,
И мысли весело блуждали,
И отдыхали мозгъ и грудь
Отъ философскаго ломанья,—
И мнѣ явилось вдругъ желанье
Въ свой умъ спокойно заглянуть, —
Узнать, какія положенья
Въ немъ сохранились отъ ученья?
И вотъ я заглянулъ въ него

И вижу: нѣтъ тамъ ничего —
Ни вѣры, ни началъ, ни правилъ:
Діалектическій снарядъ
Все выбилъ съ корнемъ, словно градъ.
Лишь самого себя оставилъ,
Чтобъ *чистый разумъ* въ свой чередъ,
Громя преданья вѣковыя,
Могъ избавлять умы чужіе
Отъ постороннихъ нечистотъ.

II.

Вотъ, наконецъ, настало время,
Когда я школьной жизни бремя
Со славой съ плечъ своихъ свалилъ.
И въ ожиданіи прихода
И вмѣстѣ съ нимъ жены-урода,
Въ родномъ селѣ тоскуя жилъ.
Отецъ мой, старецъ жизни строгой,
Цѣнившій высоко свой санъ,
Довольный участью убогой,
Хотѣлъ, чтобъ я одной дорогой
Съ нимъ шелъ для блага прихожанъ.
Но мнѣ казалось все немило,
Предъ чѣмъ старикъ благоговѣлъ;
Иная жизнь меня манила,
Иной мнѣ грезился удѣлъ.
Межъ тѣмъ, отцу во всемъ послушный,
Боясь его морали скучной,
Я съ нимъ труды его дѣлилъ —
Пахалъ, косилъ и молотилъ,
Терзаемъ въ сердцѣ тайной злобой...
Но тутъ судьба меня свела
Съ одной курьезною особой,

Владѣльцемъ ближняго села.
То былъ въ отставкѣ фатъ гвардейскій.
Покинулъ онъ во цвѣтѣ лѣтъ
И блескъ, и тяжесть эполетъ
Для тишины эпикурейской.
Онъ малый былъ не дѣловой,
Но страстно жаждалъ повышеній —
Чиновъ и разныхъ украшеній, —
Хоть тяжкой службы фрунтовой
Весьма не жаловалъ лишеній;
А фрунтъ всей русскою землей
Въ тѣ дни былъ чествуемъ безъ мѣры,
Какъ путь надежный и прямой
Для смертныхъ, алчущихъ карьеры;
А онъ хоть былъ честолюбивъ,
Но въ тоже время былъ лѣнивъ, —
Являлся рѣдко на ученье,
Зналъ службу пополамъ съ грѣхомъ:
И ѣздить не умѣлъ верхомъ,
И вѣчно путалъ построенья.
И послѣ каждаго смотра́,
Когда за выправку и рвенье
Всѣ офицеры, юнкера
Съ восторгомъ брали награжденья —
Кто вожделѣнный чинъ, кто крестъ, —
Нашъ сибаритъ, для поощренья,
Былъ отправляемъ подъ арестъ.
И эти частые аресты
Лишь вызывали въ немъ протесты
Противъ начальства и властей
И самолюбіе терзали,
И въ сердцѣ тайно накопляли
Ядъ политическихъ страстей.
И вотъ, нотаціей жестокой
Разъ какъ-то слишкомъ раздраженъ,

Въ отставку грозно вышелъ онъ,
Съ враждой къ правительству глубокой.

Великимъ Шармеромъ одѣтъ,
Пустился онъ въ блестящій свѣтъ
Искать успѣха по гостинымъ,
Но, къ сожалѣнью, не нашелъ, —
И вотъ, на все на свѣтѣ золъ,
Онъ утѣшаться сталъ Кюстиномъ.
Тогда всю тяжесть онъ постигъ
Закона русскаго веригъ
И тлѣнъ салоновъ позлащенныхъ,
И сталъ охотникомъ до книгъ,
Но до однихъ лишь запрещенныхъ.
И жить не могъ ужъ больше онъ
Средь чинной сѣверной Пальмиры: —
Вездѣ тамъ каски, вицъ-мундиры,
И слишкомъ сѣръ тамъ небосклонъ,
И слишкомъ дороги квартиры;
Все только внѣшность да парадъ.
Всѣ служатъ лишь изъ за наградъ —
И не услышишь фразы вольной....
И всѣмъ, и всѣми недовольный,
Онъ сталъ впадать въ тяжелый сплинъ;
Душа рвалася изъ Россіи
Dahin, wo die Citronen blühn,
Въ края волшебные чужіе.
Онъ сталъ мечтать, какъ въ тѣхъ краяхъ
Онъ оживетъ душой и тѣломъ —
Излѣчитъ тѣло на водахъ,
Займетъ свой духъ серьезнымъ дѣломъ;
Какъ тамъ въ душѣ проснутся вдругъ
И мысли новыя, и чувства,
По зову строгому наукъ,
По зову нѣжному искусства;

Какъ разовьетъ онъ тамъ свой умъ
Въ отчизнѣ Канта, Винкельмана
И наберется свѣтлыхъ думъ
Среди сокровищъ Ватикана.
Мечты сбылись; и посѣтилъ
Онъ всѣ прославленныя страны,
Все осмотрѣлъ, повсюду былъ,
Но въ совершенствѣ изучилъ
Одни лишь только рестораны.
И какъ въ краю своемъ родномъ,
Онъ сталъ скучать и за границей:
И тамъ все было не по немъ —
Умы и мнѣнія, и лица.
Увы! Онъ не нашелъ нигдѣ
Своей Европы идеальной: —
Ее нашелъ онъ не похвальной —
Зарытой въ деньгахъ и трудѣ
И не довольно либеральной.
И стала Русская земля
Ему все чаще, чаще сниться: —
Первопрестольная столица
Съ зубцами стараго Кремля
Его къ себѣ теперь манила.
Туда скорѣе! Тамъ живетъ
Съ душою свѣжею народъ,
Тамъ дремлетъ дѣвственная сила,
Тамъ злата чистаго руда
Лежитъ въ землѣ непочатая!
И вотъ помчался онъ туда,
Святой надеждою пылая
Свою отчизну просвѣтить
Лучомъ науки и гражданства
И къ новой жизни пробудить
Умы Россійскаго дворянства, —
И.... но чтобъ дѣло объяснить,

Не прибѣгая къ украшеньямъ, —
Въ Москвѣ по выборамъ служить
Онъ вдругъ проникнулся стремленьемъ.
Но, сонмъ медвѣдей столбовыхъ,
Москва его не оцѣнила
И простодушно прокатила
На самыхъ кровныхъ вороныхъ.
И вотъ озлобленный, печальный,
Съ глубокой думой на челѣ,
Онъ началъ жить въ своемъ селѣ,
Какъ лежебока либеральный.
И тутъ, въ священной тишинѣ,
Онъ занялся литературой
И изучилъ все то вполнѣ,
Что недозволено цензурой.
Какъ бѣлка, движа колесо,
Трудится будто для чего-то,
Такъ онъ читалъ подчасъ до пота;
Читалъ Вольтера и Руссо,
Ламне, Жоржъ-Занда, Сенъ-Симона,
Фурье, Искандера, Прудона.
И по совѣту докторовъ,
Купилъ брошюру, Kraft und Stoff.
И вотъ онъ сталъ матерьялистомъ,
Сенъ-Симонистомъ, атеистомъ.
О фаланстерѣ сталъ мечтать
И все ругать и отвергать.
Но современныя доктрины
Ему не въѣлись въ кровь и сокъ:
Онъ въ жизни съ головы до ногъ
Былъ баричъ дней Екатерины,
И какъ его вельможный дѣдъ,
Имѣлъ изысканый обѣдъ,
Высоко ставилъ лоскъ наружный,
Предъ блескомъ роскоши ненужной,

Какъ пошлый фатъ, благовѣлъ,
И хоть анаѳему гремѣлъ
Онъ свѣтскимъ узамъ и законамъ
И былъ ходячимъ лексикономъ
Демократическихъ тирадъ,
Но былъ въ душѣ аристократъ.

Съ моею внѣшностью поскудной
Мнѣ съ нимъ сойтиться было трудно: —
Фигура жалкая моя,
Костюмъ безъ признаковъ бѣлья,
Неловкость, недостатокъ лоска,
Смѣшная, странная прическа,
Бумажный клѣтчатый платокъ
И говоръ мой провинціальный,
И луку запахъ тривіальный,
И грозный стукъ моихъ сапогъ
Рождали въ немъ негодованье: —
Въ моемъ несчастномъ одѣяньи
Не бѣдность злую видѣлъ онъ,
А лишь дурной мѣщанскій тонъ.

Да! Хоть въ душѣ своей широкой
Всѣхъ бѣдныхъ страстно онъ любилъ,
Хоть бѣдность уважалъ глубоко
И непритворно слезы лилъ,
Когда читалъ о ней въ романѣ,
Спокойно лежа на диванѣ,
Но бѣдность онъ вблизи не зналъ:
Онъ въ ней любилъ лишь идеалъ,
Въ мечтаньяхъ созданный заочно —
Весьма красиво, но не точно.
Да, бѣдность представлялъ себѣ
Онъ въ хижинѣ, но не въ избѣ, —
Въ опрятномъ рубищѣ, печальной,

Худой, ужасной, но не сальной,
Просящей съ гордостью труда,
До идеальности голодной,
Но голодающей всегда
Со вкусомъ, мило, благородно.
Но онъ вообразить не могъ,
Чтобъ бѣдность фракъ смѣшной таскала,
Сморкалась въ клѣтчатый платокъ,
Подчасъ не чистила сапогъ,
Подчасъ рубашекъ не мѣняла,
Носила гаденькій бурнусъ,
Иль шляпку, шаль не по сезону:
Все это, честью вамъ клянусь,
Онъ относилъ къ дурному тону, —
И видѣлъ тутъ лишь скверный вкусъ,
Плоды дурнаго воспитанья, —
И этотъ образъ нищеты,
Лишенный всякой красоты,
Не возбуждалъ въ немъ состраданья.
Но еслибъ бѣдность распознать
Онъ могъ сквозь эту оболочку, —
О! онъ рѣшился бы отдать
Ей хоть послѣднюю сорочку.

Мнѣ много стоило трудовъ
Сойтиться съ нимъ, — къ нему подбиться, —
Его заставить примириться,
Во имя умственныхъ даровъ,
Съ моимъ костюмомъ. Онъ, со скуки,
Меня сердечно полюбилъ
И въ соціальныя науки
Весьма проворно посвятилъ.
Съ благоговѣньемъ неофита,
Я каждый день обѣдалъ съ нимъ,
И за бутылкою лафита

Внималъ рѣчамъ его лихимъ.
Онъ толковалъ мнѣ о Прудонѣ
И о народныхъ мастерскихъ
И объяснилъ, какъ на ладони,
Что міръ разрушится безъ нихъ.
Онъ увѣрялъ, что міръ нашъ чахнетъ,
Что отъ него ужъ тлѣньемъ пахнетъ,
И что одинъ лишь коммунизмъ
Ему спасенье и лѣкарство: —
Что корень зла есть государство
И что законость есть софизмъ:
Что скоро міръ преобразится,
И всюду, всюду огласится
Священный лозунгъ: «Liberté,
Egalité, fraternité!»
Что соціальныя ученья
Ужъ приводились въ исполненье
Въ Европѣ западной, но тамъ
Они пошли ко всѣмъ чертямъ,
И что ужасно устарѣли
Европы ветхой племена,
Что новыхъ истинъ сѣмена
И коммунизма духъ священный
Ростковъ желанныхъ не дадутъ
На почвѣ, жизнью истощенной
И государствомъ развращенной, —
Но что у насъ они взойдутъ.
Взойдутъ, по той простой причинѣ,
Что почва дѣвственна у насъ,
Что на Руси не принялась
Наука Запада понынѣ, —
Что мы не знаемъ полатыни,
И наша юная страна
Еще невѣжествомъ полна,
Послушной дѣвочкѣ подобна,

Для всякихъ опытовъ удобна, —
И что теперь насталъ моментъ
Произвести экспериментъ.

Весь обращенный во вниманье,
Ему я съ жадностью внималъ
И семинарскія познанья
Соціализмомъ приправлялъ.
Моимъ вниманьемъ восхищенный
И коротко меня узнавъ,
Амфитріонъ мой просвѣщенный
Мнѣ отворилъ завѣтный шкафъ,
Кивотъ святыни запрещенной,
Укромный складъ опасныхъ книгъ.
Я прочиталъ ихъ съ сильнымъ рвеньемъ,
Но вскорѣ сталъ смотрѣть съ презрѣньемъ
На нихъ; я истину постигъ!
Изъ нихъ я вынесъ убѣжденье,
Что всѣ системы — заблужденье,
Что истины и правды нѣтъ;
Что вретъ наука, бредитъ лира,
Что въ жизни главное: обѣдъ,
Почетъ и теплая квартира.
Ужъ прежде подготовленъ былъ
Къ такимъ удобнымъ убѣжденьямъ
Я тѣмъ учебнымъ заведеньемъ,
Гдѣ воспитанье получилъ!
Тамъ всѣ наставники хотѣли,
Чтобъ нашей вѣрѣ крѣпость дать,
Намъ все на свѣтѣ доказать,
Но не дошли до этой цѣли.
Внимая шуму ловкихъ фразъ
И доказательствамъ наивнымъ,
Я убѣждался каждый часъ
Не въ томъ, въ чемъ убѣждали насъ,
Но — увѣряю васъ — въ противномъ.

III.

Итакъ мой милый меценатъ
Всегда мнѣ былъ душевно радъ:
Давалъ мнѣ лучшія сигары,
Виномъ тончайшимъ угощалъ
И безпрестанно тары - бары
О коммунизмѣ разсыпалъ.
Хоть я любилъ его обѣды
(Пріятно хорошо поѣсть),
Но мнѣ успѣли надоѣсть
Его блестящія бесѣды.
Сижу, бывало, я и ѣмъ,
И слушаю, а между тѣмъ
Задорнымъ фразамъ не внимаю
И хладнокровно размышляю,
Подъ мелодическую рѣчь,
Какую-бъ пользу мнѣ извлечь
Себѣ для тощаго кармана
Изъ дружбы этого болвана?
(Нашъ братъ, простой семинаристъ,
Не то, что баринъ: — онъ практиченъ,
Хотя-бъ и былъ соціалистъ, —
Онъ съ дѣтства къ практикѣ привыченъ.)
И размышляя, я расчелъ,
Что мой начитанный оселъ,
Связями обладая всюду,
Въ Москву мнѣ можетъ писемъ дать
Рекомендательныхъ, и буду
Дѣтей я барскихъ обучать,
Зачислюсь въ службу, — и дорогу
Себѣ пробью я понемногу.

И этихъ писемъ цѣлый пукъ
Я получилъ отъ мецената,—

И былъ зачисленъ въ штатъ сената,
И сталъ глашатаемъ наукъ
Въ домахъ роскошныхъ и спѣсивыхъ
И много видѣлъ горькихъ дней,
Уча развязныхъ и красивыхъ,
Но крайне дерзкихъ и лѣнивыхъ
Благовоспитанныхъ дѣтей.
Въ средѣ самодовольной барской
Мой желчный гоноръ семинарскій
Былъ поминутно оскорбленъ: —
Меня совсѣмъ не замѣчали,
На мой почтительный поклонъ
Кивкомъ чуть виднымъ отвѣчали;
Лишь только ротъ я разѣвалъ,
Чтобъ произнесть свое сужденье, —
Всѣ приходили вдругъ въ смущенье,
И я краснѣя умолкалъ.
Все оттого, что всякій зналъ,
Откуда я, кто мой родитель...
Къ тому же много я терялъ,
Какъ *русской* граматы учитель:
Будь я французскій гувернеръ,
Я-бъ могъ пускаться въ разговоръ!..
Вѣдь нашъ языкъ природный (русскій)
Не почитаютъ за *предметъ*: —
Чтобъ выѣзжать съ успѣхомъ въ свѣтъ,
Довольно знать одинъ французскій.
Вамъ объяснитъ любая мать,
Что нѣту нужды обучать
Дѣтей ихъ языку родному: —
Они научатся и такъ, —
Какъ вообще всему дурному,
Какъ, напримѣръ, курить табакъ...
Меня обидѣла жестоко
Одна изъ этихъ матерей;

Разъ кто-то изъ ея дѣтей
Мнѣ не хотѣлъ сказать урока;
Я сталъ мораль ему читать, —
Онъ началъ громко хохотать,
Я всталъ со стула — разсердился,
А онъ со смѣхомъ, что есть силъ,
Меня вдругъ за носъ ухватилъ;
Я тотчасъ къ матери явился,
Прося ребенка наказать...
— «Ахъ, Боже мой, сказала мать,
Но что же сдѣлалъ онъ такое!?
Ему всего десятый годъ,
Къ тому же, онъ — дитя больное
И наказанья не снесетъ!»
Я было сдѣлалъ возраженье,
Что онъ прекрѣпкаго сложенья,
Здоровъ и силенъ какъ Самсонъ,
Что бѣдный носъ мой твердо знаетъ,
Какой онъ силой обладаетъ...
Но мой обидчикъ былъ прощенъ.

И вотъ средь этихъ оскорбленій
Я получилъ внезапно вѣсть,
Что въ Бѣлокаменной здѣсь есть
Одна особа — просто геній,
Но только въ юбкѣ; что она
Всѣхъ добродѣтелей полна,
Съ умомъ глубоко либеральнымъ
И съ сердцемъ дивнымъ, идеальнымъ —
Madame Роланъ иль Зандъ точь-въ-точь,
Что это райское видѣнье
Мнѣ посылаетъ предложенье
Учить свою родную дочь.

Вотъ поступилъ я къ этой дамѣ,

(У ней я прожилъ года два),
Она была давно вдова,
Весьма не молода годами,
Но не взирая на года,
Какъ Гёте, вѣчно молода.
Воображеніе живое
Природа щедро ей дала, —
Она себя моложе вдвое
Воображала, чѣмъ была
И чѣмъ казалась въ самомъ дѣлѣ:
Ей представлялось до конца,
Что лишь промчалось двѣ недѣли
Съ тѣхъ поръ, какъ чепчикъ ей надѣли,
И что пылали всѣ сердца,
Лишь только въ дверь она являлась;
Но это только ей казалось.

Она ужъ много, много лѣтъ
Не выѣзжала въ шумный свѣтъ,
И съ озлобленьемъ Ювенала,
Его заглазно бичевала.
И свѣтъ ея терпѣть не могъ:
Ея всѣ дамы избѣгали,
А кавалеры трактовали,
Какъ синій штопаный чулокъ.
Однако какъ ея ни гнали
Во всѣхъ порядочныхъ кругахъ,
Но всѣ къ ней чувствовали страхъ:
Въ ней умъ большой подозрѣвали;
Крестились, говоря о ней,
Всѣ богомольныя старухи;
О ней межъ опытныхъ людей
Ужасные носились слухи:
Молва ходила, что она
Неимовѣрно ученà: —

Что Гарибальди и Мадзини
Къ ней пріѣзжаютъ по ночамъ,
Что предалась она чертямъ
И даже... знаетъ полатыни.
Но свѣтъ ошибся въ ней: она
Была совсѣмъ не учена.
Она въ ученыя попала
На основаньи только томъ,
Что вирши скучныя писала
На языкѣ своемъ родномъ,
Что очень странно одѣвалась,
Что дурно въ обществѣ держалась,
Не умолкая ни на мигъ,
Да что прочла пятнадцать книгъ.

Она въ глаза не знала бѣса,
Съ Мадзини дружбы не вела,
Но лишь охотница была
Весьма большая до прогресса,—
И ей хотѣлось какъ-нибудь
Все на землѣ перевернуть
И все сломать. Охота эта
Въ ней съ той минуты родилась,
Когда предстала въ первый разъ
Она на судъ большаго свѣта,
И глупый свѣтъ не оцѣнилъ
Сего духовнаго свѣтила
И въ немъ врага себѣ нажилъ...
Вотъ это какъ происходило.

Въ семнадцать иль шестнадцать лѣтъ
Ее рѣшились вывезть въ свѣтъ:
Вотъ нарядили нашу фею
Во что могли — и въ шелкъ, и въ газъ
И потащили на показъ

Въ высокій кругъ на ассамблею;
Но лишь она вступила въ залъ,
Остановился вдругъ весь балъ,
И притаили всѣ дыханье,
Оркестръ смѣшался, замолчалъ,
И черезъ цѣлое собранье
Пронесся шепотъ: «Quelle figure!..
Нѣтъ, это слишкомъ, черезчуръ!»
И даже вслухъ одинъ вельможа
Въ испугѣ вскрикнулъ: «эка рожа!»
Но всѣ оправились: опять
Балъ присмирѣвшій разыгрался,
Но съ нашей дамой танцовать
Никто изъ смертныхъ не рѣшался.
Нашелся, наконецъ, одинъ
Тутъ сердобольный господинъ
Филантропическаго свойства:
Онъ всѣмъ несчастнымъ помогалъ
И часто тюрьмы посѣщалъ —
Лишь онъ одинъ имѣлъ геройство
На вальсъ несчастную позвать, —
И вотъ они пошли писать;
На нихъ все съ ужасомъ взирало:
Она прескверно танцовала,
Была ужасно неловка, —
И почему-то вдругъ запнулась,
Онъ, по отвычкѣ, далъ зѣвка, —
И наша пара растянулась
И растянулась какъ-то такъ,
Что дама, красная, какъ ракъ,
Съ слезами на рѣсницахъ встала,
И черезъ мигъ исчезла съ бала.
И проклиная злобный рокъ,
Она сейчасъ же порѣшила,
Что свѣтъ понять ея не могъ,

Что все въ немъ пошло, глупо, гнило,
Что лишь его наружный видъ
Сусальнымъ золотомъ блеститъ.
И съ той минуты заключилась
Она въ величіи своемъ,
Со злобы въ чтенье углубилась, —
И синимъ сдѣлалась чулкомъ.

И стала Марья Алексѣвна
(Давно пора ей имя дать)
Съ большимъ терпѣньемъ ежедневно
Журналы русскіе читать.
И все читала, да читала,
За книгой проводила дни, —
И вдругъ писательницей стала,
Къ позору всей своей родни.
Когда объ этомъ приключеньи
Прошла по городу молва, —
Пришла въ ужасное волненье
Вся православная Москва.
Отецъ и мать Коринны нашей
Едва снесли такой скандалъ:
«Скажите, кто бы ожидалъ
Отъ нашей умной, милой Маши
Неблагодарности такой
Къ отцу и матери родной,»
Они твердили всѣмъ, рыдая,
«Знать попустилъ Господь, карая
Насъ за прошедшіе грѣхи, —
Чтобъ въ нашемъ домѣ, дочь родная,
Притомъ дворянка столбовая,
Писала русскіе стихи!»

Но вскорѣ приняли рѣшенье
Ея родные межъ собой,

Что для преступницы младой —
Для исправленія и спасенья
И для прикрытія грѣха —
Найти бы надо жениха.
И тотчасъ, послѣ совѣщанья,
Открытъ походъ на жениховъ,
Но очень долго всѣ старанья
Терялись втунѣ, безъ плодовъ.
Увы, мущины холостые
На этотъ разъ, какъ на подборъ,
Всѣ оказались препустые,
И говорили дичь и вздоръ:
Всѣ въ одинъ голосъ повторяли,
Что эта Машенька уродъ,
Что перлы умственныхъ красотъ
Ея лица не выкупали.
Какъ быть, ужъ, видно, такова
Дикарка, варварка Москва —
Всегда хлопочетъ изъ пустаго
И такъ отстала отъ всего, —
Что здѣсь не влюбишь никого
Въ урода — даже развитаго!
Но послѣ множества трудовъ,
Взамѣнъ Московскихъ жениховъ
Найденъ женихъ иногородный.
То былъ бѣднякъ высокородный.
Онъ въ долгъ ужъ лѣтъ пятнадцать жилъ,
И Машѣ руку предложилъ,
Чтобъ смерти избѣжать голодной.
Онъ былъ любезнѣйшій добрякъ,
Но изъ людей не геніальныхъ,
И былъ непримиримый врагъ
Новѣйшихъ истинъ соціальныхъ,
Шелъ въ жизни старой колеей,
Церковнымъ вѣровалъ преданьямъ,

И бракъ съ дѣвицей развитой
Ему былъ сущимъ наказаньемъ.
Ихъ обвѣнчали; годъ, другой
У нихъ прошелъ безъ приключеній,
Хотя супругъ былъ разныхъ мнѣній
Съ своей супругой дорогой;
Хоть нѣжный гласъ домашней музы
Вседнευно слухъ его разилъ,
Но брака сладостныя узы
Съ большимъ терпѣньемъ онъ влачилъ.
Но взглядъ на бракъ — отсталый, грубый,
Онъ измѣнить въ себѣ не могъ.
Однажды вечеромъ изъ клуба
Пріѣхавъ не въ обычный срокъ,
Когда его не ждали слуги,
Онъ прямо въ комнату супруги
Прошелъ, не встрѣченный ни кѣмъ,
Вошелъ, и подкосились ноги....
Какъ привидѣнье, блѣденъ, нѣмъ
Стоялъ онъ долго на порогѣ.
Но отчего-жъ такой столбнякъ
Его сковалъ въ одно мгновенье?!
Все отъ отсталаго воззрѣнья
На жизнь семейную и бракъ!
Имъ злость и ужасъ овладѣли,
Когда супругу онъ засталъ
За примѣненіемъ на дѣлѣ
Святыхъ Жоржъ-Зандовскихъ началъ,
Въ горячихъ дружескихъ объятьяхъ....
Онъ тутъ какъ варваръ поступилъ:
Жены совсѣмъ не поощрилъ
Въ ея возвышенныхъ занятьяхъ,
А разразившись вдругъ въ проклятьяхъ,
Дружка за шиворотъ схватилъ.
Какъ человѣкъ консервативный,

Пустилъ онъ въ дѣло свой кулакъ
И приговаривалъ наивно:
Вотъ-те Жоржъ-Зандъ, вотъ-те Жанъ-Жакъ,
Вотъ Деламберъ, вотъ Кандильякъ,
А вотъ контрактъ твой соціальный!...»
И быстро вытолкалъ изъ спальной
Онъ развитаго молодца,
И бросилъ, въ бѣшенствѣ, съ крыльца.

Какъ описать негодованье
И вопль, и стоны, и рыданья,
Сверканье глазъ, потоки слезъ
И чувствъ бунтующихъ хаосъ,
И гласъ отчаянья въ пустынѣ
Моей несчастной героини?
Оставшись въ комнатѣ одна,
Въ слезахъ воскликнула она:
«Меня мой мужъ не понимаетъ!
Онъ не развитъ, какъ древній Скиѳъ: —
Книгъ современныхъ не читаетъ,
И по невѣжеству, ревнивъ.
За что избилъ онъ человѣка,
Котораго любила я?...
О, какъ отстали мы отъ вѣка!
Вотъ наши русскіе мужья —
Невѣжды, изверги, злодѣи!
Они любви не признаютъ
И за служеніе идеѣ
Ея жрецовъ по рожѣ бьютъ!»

Протестъ подобный раздавался
Съ тѣхъ поръ нерѣдко, — каждый разъ,
Когда средь спальной повторялся
Пассажъ, описанный сейчасъ.
Конечно, Марья Алексѣвна,

Борясь съ судьбой своей плачевной
Вѣрна теоріи своей,
Не то что по просту кутила,
Но честно, ревностно служила
Святынѣ Зандовыхъ идей,
И подражая оной дамѣ,
Не раставалася съ друзьями.
Мужъ бѣсновался. Но увы!
Она ужъ въ немъ не признавала
Своей опоры и главы....
Предъ гнѣвомъ мужа не робѣя,
На зло завистливой молвѣ,
Въ сопровожденьи чичисбея
Она ходила по Москвѣ.

Мужъ все бѣсился, да бѣсился;
Терзаемъ злобой и стыдомъ,
Возненавидѣлъ онъ свой домъ, —
Съ женой разъѣхаться рѣшился:
Чтобъ не видать ея проказъ,
Онъ удалился на Кавказъ
И умеръ, не понявъ прогресса,
Отъ шашки ловкаго Черкеса.

И вотъ счастливая жена,
Уже ничѣмъ не стѣснена,
Явилась міру новой Фриной
И изъ своей пустой гостиной
Она устроила «салонъ»,
Куда текли со всѣхъ сторонъ
Всѣ радикалы записные,
Отцы отечества святые,
Неоцѣненные толпой, —
Всѣ, кто за правду пострадали.
Тамъ, между прочимъ, засѣдали:

Гражданскихъ доблестей герой —
Изъ службы выгнанный чиновникъ,
Жена-разводка, съ ней — любовникъ,
Рожденья низкаго богачъ,
Безъ практики живущій врачъ,
Сынъ на родителей взбѣшенный
За неплатежъ его долговъ,
Поэтъ, не пишущій стиховъ,
И попъ, отъ мѣста отрѣшенный.
И былъ тутъ цѣлый легіонъ
Людей, которые съ пеленъ
Имѣли промыслъ спеціальный —
Болтать и думать либерально.
Передъ хозяйкой пожилой
Всѣ умилялися душой,
Какъ передъ женщиной несчастной,
Какъ передъ жертвою прекрасной
Тирана мужа и родныхъ
Да предразсудковъ вѣковыхъ.
И всѣ нашли ее красивой
(Вѣдь прогрессисты всѣ народъ
Простой — совсѣмъ не прихотливый
Насчетъ физическихъ красотъ):
Всѣ восхищались, какъ шальные,
Ея турнюрой и лицомъ;
Ея манеры кучерскія
Казались лучшимъ образцомъ
Патриціанскаго бонтона
Изъ Сенъ-Жерменскаго салона.
И стала межъ своихъ гостей
Она разыгрывать царицу,
И стали съ трепетомъ у ней
Уста неопытныхъ людей
Лобзать невзрачную десницу,
Какъ туфлю папы.

Такова
Была «ученая» вдова.
Мы съ ней сошлись въ одно мгновенье,
Какъ бы знакомые давно:
Людей сближаютъ убѣжденья,
А мы съ ней были заодно, —
Мы съ ней не вѣровали оба,
Что можно жить и послѣ гроба,
Что есть и адъ, и сатана,
И что всѣмъ людямъ отъ рожденья,
По высшей волѣ Провидѣнья,
Въ природу совѣсть вложена;
Мы оба были за Марата,
За гильйотину и конвентъ. —
И стали вмигъ за панибрата
Лихая дама и студентъ.
Изливъ при первомъ же свиданьи
Обильно желчь передо мной
На свѣтъ и наше воспитанье,
На бытъ общественный гнилой,
На власть и даже мірозданье,
Вдругъ, посреди громовыхъ фразъ,
Она смѣшалась, замолчала;
Потомъ, немного ободрясь,
Мнѣ тихимъ голосомъ сказала:
«Monsieur Пергамскій, вы умны
И рѣчь мою понять должны —
Je me réjouis.... Я очень рада,
Что согласились вы учить
Мою Sophie.... и въ домѣ жить....
Но только, знаете, не надо
Касаться даже вскользь при ней
До нашихъ взглядовъ и идей!»

Итакъ, казалось, рокъ суровый

Теперь мнѣ радости сулилъ, —
Моей душѣ отраденъ былъ,
Какъ сонъ любви, мой жребій новый:
Я былъ съ недѣлю самъ не свой
И потиралъ съ восторгомъ руки,
Уже при мысли при одной —
Предстать оракуломъ науки
Передъ дѣвицей молодой.
А между тѣмъ дѣвица эта,
Хоть было ей семнадцать лѣтъ,
Цвѣла сокрытая отъ свѣта:
Она причесана, одѣта
Еще какъ дѣвочка была
И съ Англичанкой гувернанткой,
Сухой и строгою педанткой,
Въ укромной комнаткѣ жила.
Она порусски говорила,
Какъ иностранный брадобрей,
И рѣчью ломаной своей
Прислугу со смѣху морила.
И вотъ я началъ ей внушать
Законы граматы россійской
И рисоваться и блистать
Предъ ней способностью витійской.
И надо правду вамъ сказать,
Что дочь была совсѣмъ не въ мать: —
Не бѣсновалась, не кричала,
Великихъ фразъ не изрекала,
Была скромна, была умна
И даже очень не дурна.
Я занимался съ ней прилежно:
Все душу привлекало къ ней —
И голосъ тихій, ровный, нѣжный,
И робкій взглядъ ея очей,
И дѣтскій складъ ея рѣчей,

И даже выговоръ картавый....
И наустилъ меня лукавый,
Ученью Занда вопреки,
Идти просить ея руки.
Я разсуждалъ довольно здраво:
«Дѣвчонка эта просто кладъ;
И самъ Прудонъ ей былъ бы радъ;
Невѣсты лучшей мнѣ не надо:
Она единственное чадо, —
Имѣнье матери ея,
Домъ, мебель, будетъ все мое;
А главное, у нихъ есть связи, —
И если я на ней женюсь, —
То въ высшій кругъ изъ тьмы и грязи,
Какъ шашка въ дамки, проберусь.
И человѣкъ я буду съ вѣсомъ,
И мѣсто важное схвачу, —
И надъ прославленнымъ прогрессомъ
Отъ всей души захохочу.
А если бы моя питомка
И не рѣшилась потерять
Своей фамильи знатной, громкой
И имя темное принять
Плебеевъ бѣднаго потомка, —
Мнѣ адвокатомъ будетъ мать:
Она отчаянная дура, —
У ней въ башкѣ литература, —
Она совсѣмъ не хочетъ знать
Сословныхъ нашихъ раздѣленій,
Ни звѣздъ, ни денегъ, ни чиновъ,
И изо всѣхъ мірскихъ даровъ
Она лишь чтитъ свой мощный геній.»

И вотъ досужею порой,
Свой планъ обдумавъ строго, зрѣло,

Предсталъ я радостно и смѣло
Предъ либеральною вдовой
И объяснилъ ей просто, ясно
Все въ двухъ словахъ: «Молъ такъ и такъ —
Хочу вступить въ законный бракъ
Я съ вашей дочерью прекрасной.
Прошу мнѣ дать прямой отвѣтъ —
Скажите просто: да иль нѣтъ.»

Она съ презрѣньемъ оглянула
Меня отъ головы до ногъ,
Глазами бѣшено сверкнула
И, какъ Везувій, изрыгнула
Въ меня сей грозный монологъ:

—«Что съ вами господинъ... Силамскій
Или Сіамскій.... какъ бишь васъ?
Положимъ, хоть Перувіамскій...
Откуда дерзость въ васъ взялась,
Какъ вы подумать только смѣли
Рѣшиться руку предложить
Моей Софи?! Да вы въ умѣ ли?
Не нужно ли вамъ кровь пустить?
Вотъ самолюбіе слѣпое!...
Позвольте прежде васъ спросить,
Кто вы, откуда, что такое?
Un précepteur et rien de plus!
Да я скорѣе утоплю
Мою Софи, отдамъ въ неволю, —
Чѣмъ гнусный бракъ такой позволю.
И не могу предсттвить я,
Что Соня, Соня, дочь моя,
Вдругъ станетъ госпожей Пергамской!
Ну, можно ли на свѣтѣ жить
Съ такой фамиліей не дамской?

Ее вѣдь будутъ всѣ дразнить...
Нѣтъ, вы зазнались, позабылись!
Съ тѣхъ поръ, какъ вы къ намъ въ домъ явились,
Мы васъ по нашей добротѣ
Всегда какъ ровню трактовали,
И даже на диванъ сажали,
А вы въ душевной простотѣ,
Вдругъ о себѣ и возмечтали,
Что вы какой-то графъ, баронъ,
Испанскій грандъ и все на свѣтѣ...
Нѣтъ, вы оставьте бредни эти
И... и подите просто вонъ!»

Но я, совсѣмъ ошеломленъ
Отвѣтомъ дамы вольнодумной,
Предъ ней, какъ вкопанный, стоялъ
И на нее, какъ полоумный,
Въ упоръ безсмысленно взиралъ.
Но гнѣвъ ея не долго длился;
Какъ корабля трескучій взрывъ,
Разъ грянувъ, онъ не повторился.
Мгновенно бѣшенство изливъ,
Она внезапно присмирѣла,
Смѣшалась, даже оробѣла,
Какъ будто чѣмъ пристыжена,
(Должно быть, вспомнила она
Свой образъ мыслей либеральный,
Руссо и кругъ друзей своихъ —
Сонмъ охлократовъ самыхъ злыхъ)
И измѣнивъ свой тонъ нахальный
На самый нѣжный и печальный,
Произнесла лукавый спичъ:

— «Вѣдь вы умны, Трофимъ Ильичъ,
Потупивъ взоръ, она сказала,

И мнѣ простите мой отказъ:
Я, на себя одну сердясь,
Вамъ противъ воли отказала: —
Какъ быть! Я съ самыхъ дѣтскихъ дней
Гнетома свѣтскими цѣпями...
Но въ сферѣ взглядовъ и идей
Вѣдь я во всемъ сошлася съ вами, —
И потому вы знать должны,
Что презираю я чины
И родъ, и знатность, и богатство,
И ненавижу свѣтъ большой,
И что открыто, — всей душой
Стою за равенство и братство.
И если-бъ можно было мнѣ,
Порвавши связи всѣ со свѣтомъ,
Жить не въ Китайскомъ царствѣ этомъ,
Не въ нашей варварской странѣ,
Въ странѣ обрядовъ, этикета,
Гдѣ геній прячется во мглѣ,
А гдѣ-нибудь въ такой землѣ,
Гдѣ... въ рощахъ, по словамъ поэта,
Растетъ лимонъ и ананасъ, —
То никого бы кромѣ васъ
Себѣ въ зятья я не избрала:
Во первыхъ, умъ, а во вторыхъ...
Ну, словомъ, вы такой женихъ,
Какихъ въ Европѣ даже мало.
Но вотъ бѣда: вѣдь мы живемъ
Въ средѣ невѣждъ тупыхъ, отсталыхъ,
Рабовъ преданій обветшалыхъ,
И съ ними объ руку идемъ.
Въ комъ станетъ силы, кто рѣшится
Открыто съ ними въ бой вступить, —
И мы должны, какъ говорится,
Съ волками жить, по волчьи выть.

Когда бы ваше предложенье
Я благосклонно приняла,
То на себя бы подняла̀
Войной общественное мнѣніе:
Моя родня (вся наша знать —
Въ ея рукахъ и власть и сила,
Возможность миловать, карать)
Мнѣ непремѣнно бы отмстила
За то, что будто-бъ дочь моя
Неравнымъ бракомъ посрамила
Ихъ славный родъ. А знаю я
На дѣлѣ, каково ихъ мщенье
И ихъ клеветъ тлетворный ядъ:
Они задушатъ, заѣдятъ
Того, кто выкажетъ презрѣнье
Къ ихъ формѣ быта вѣковой,
Гнилой, стѣснительной и душной,
Но освященной благодушно
Привычки властію тупой.
Конечно, страхъ — не извиненье,
Но вѣрьте мнѣ, я вамъ клянусь,
Что я не за себя боюсь:
«*Толпы безсмысленной гоненья*»
Давнымъ давно не страшны мнѣ —
Я закалилась, какъ въ огнѣ,
Въ святой борьбѣ за убѣжденья,
Но я боюсь за дочь: она...
Ужасно слабаго сложенья
И для борьбы не рождена!...
Ахъ, à propos, меня до злобы
Смѣшитъ вашъ выборъ: вы чудакъ, —
На вашемъ мѣстѣ, я никакъ
Не избрала-бъ такой особы.
Неужто вправду, не шутя
Могли вы въ дочь мою влюбиться?

Она вамъ въ дочери годится, —
Она совсѣмъ еще дитя!
И что вы въ ней нашли такого —
Она путемъ не скажетъ слова:
Какъ можетъ страсть она вдохнуть?!
Во что-жъ, скажите, вы влюбились?
У ней вѣдь вовсе не развились
Ни умъ, ни талія, ни грудь!
Она васъ просто недостойна...
И я до нынѣшняго дня
Воображала преспокойно...
Что вы.... вы влюблены въ меня.»
. . . .
. . . .

Конечно, послѣ этой сцены,
Я бросилъ домъ моей сирены
И на брегахъ Москвы-рѣки
Взялъ на подворьѣ грязный нумеръ.
Сначала я чуть-чуть не умеръ
Со злобы лютой и тоски.
. . . .
. . . .

IV.

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

V.

Была та смутная пора,
Когда Россія молодая,
Въ трескучихъ фразахъ утопая,
Кричала Герцену ура!

Въ тѣ дни невѣдомая сила,
Какъ аравійскій ураганъ,
Вдругъ подняла и закрутила
Умы тяжелыхъ Россіянъ;
Все пробудилось, все возстало
И все куда-то понеслось —
Куда, зачѣмъ — само не знало, —
Но все впередъ, во что-бъ ни стало,
Съ просонокъ перъ лѣнивый Россъ!
Чиновники, семинаристы,
Кадеты, дамы, гимназисты,
Квартальные, профессора,
Грудныя дѣти, фельдшера,
Просвирни, даже генералы, —
Все поступило въ либералы,
И всякій взяточникъ оралъ:
«Я прогрессистъ, я либералъ!»
Пошли повсюду обличенья
И важныхъ фактовъ *заявленья*,
И всякій съ гордостью твердилъ:
«Я заявилъ, я заявилъ».

Въ тѣ дни исчезли всѣ преданья,
Всѣ связи съ прошлымъ порвались,
И всѣ стихіи отрицанья,
Какъ буря, съ ревомъ поднялись.
И вдругъ въ испугѣ замолчало
Все то, что сердцемъ и умомъ
Искало вѣчнаго начала
Въ наукѣ, жизни и во всемъ;
Жрецы присяжные науки
По щелямъ спрятались тотчасъ,
И смирно, смирно притаясь,
Сидѣли молча, сложа руки,
А если высунетъ кто носъ

Изъ своего уединенья, —
Сейчасъ поднимется волненье:
Кричатъ: «онъ написалъ доносъ!»
(Впередъ не дѣлай возраженья!)
Протесты были нипочемъ
Въ тѣ дни и сыпались дождемъ: —
Лишь заикнись, что вѣришь въ Бога,
И вмигъ подымется тревога,
Проклятья, ругань и содомъ!

Бывало, если гимназиста,
Лѣтъ эдакъ въ девять прогрессиста,
Слегка начальство посѣчетъ,
Ужъ онъ на власти гнѣвомъ пышетъ,
На судъ журнальный ихъ зоветъ,
И въ *Колоколъ* доносы пишетъ, —
И благодушный Огаревъ
На цѣлый міръ подъемлетъ ревъ.
Бывало, кто безъ уваженья
Смѣлъ о развратѣ говорить,
Ужъ тотъ прощай — ему не жить —
«Онъ врагъ прогресса, просвѣщенья,»
Всѣ дружнымъ хоромъ закричатъ:
«Онъ езуитъ, онъ ретроградъ,
Онъ врагъ младаго поколѣнья!»
И какъ-то разъ одинъ смѣльчакъ
Сказалъ печатно съ уваженьемъ
Про жизнь семейную и бракъ
И надъ Жоржъ-Зандовымъ ученьемъ, —
Стариннымъ нравамъ въ похвалу, —
Изрекъ кощунственно хулу.
И вотъ надъ нимъ со звономъ, громомъ
Такой былъ судъ произнесенъ,
Какъ будто былъ онъ уличенъ
Публично въ воровствѣ со взломомъ.

Другой къ покорности законамъ
Какихъ-то школьниковъ призвалъ,
И былъ объявленъ онъ шпіономъ,
И мѣсто чуть не потерялъ.

То было время золотое
Для афферистовъ развитыхъ,
Плутовъ гуманнаго покроя
И ловкихъ дамъ передовыхъ.
Бывало, женщина открыто
Съ своимъ возлюбленнымъ кутитъ,
А прогрессивный мужъ молчитъ,
Боится и взглянуть сердито
На счастье молодой жены,
А пикни слово, такъ, пожалуй,
Всѣ скажутъ: «человѣкъ отсталый,
Тиранъ, защитникъ старины!»

За то для лицъ высокихъ званій,
Иль занимавшихъ важный постъ,
Прошла эпоха распеканій,
Эпоха сказочныхъ дѣяній, —
И наступилъ великій постъ.
Всѣ генеральскія привычки
Вдругъ разлетѣлись, аки прахъ: —
Изъ моды вышли зуботычки;
Величье звѣрское въ очахъ
И грозный, хищный взглядъ орлиный
Вдругъ замѣнились сладкой миной.
И вмигъ понизились плеча
На полвершокъ у генеральства,
И стало штатское начальство
Распоряжаться не крича.
Смягчаться началъ постепенно
Начальства голосъ горловой —

Сей баритонъ, узаконенный
Привычки силой вѣковой: —
Вездѣ, куда прогрессъ столичный
Путемъ молвы проникнуть могъ,
Введенъ былъ мягкій, мелодичный
Оффиціальный тенорокъ.
Исчезла тутъ изъ обращенья
И фраза вѣчная: «молчать,
Не разсуждать, а исполнять»:
Тогда (о дивное явленье!)
Вся наша Русь — отъ Соловковъ
До Черноморскихъ береговъ —
Вдругъ превратилась въ разсужденье.
Тогда воспрянули главой
Стада чиновниковъ смиренныхъ,
И духъ начальства боевой
Пересилился въ подчиненныхъ.
Куда тутъ было распекать
И дѣлать громкія внушенья! —
Начальникъ не дерзалъ дышать
И ощущалъ благоговѣнье,
Неловкость и священный страхъ
При либеральныхъ писаряхъ
Изъ молодаго поколѣнья,
И штрафовать ихъ не дерзалъ
За упущенья, безпорядки,
И по гуманности прощалъ
Имъ пьянство, лѣность, даже взятки!
Когда-жъ рѣшался сдуру онъ,
Отсталый вспомнивши законъ
И мнимый долгъ свой исполняя,
Изъ службы выгнать негодяя, —
То открывалось невзначай,
Что удаленный негодяй,
Былъ не простой, обыкновенный

Мерзавецъ добрыхъ старыхъ дней,
Но жрецъ доктрины современной —
Мерзавецъ — проводникъ идей;
Что былъ онъ въ Лондонѣ извѣстенъ.
И былъ хоть на руку нечистъ,
Но былъ въ душѣ глубоко честенъ,
Какъ всякій истый коммунистъ, —
Тогда «общественное мнѣнье»
Вдругъ поднимало страшный вой:
«Гдѣ-жъ нашъ прогрессъ, гдѣ просвѣщенье,
Когда погибъ за убѣжденья
Нашъ гражданинъ передовой!»

И озадаченный начальникъ
Потокомъ міровыхъ идей
Съ тѣхъ поръ влачился, какъ молчальникъ,
По канцеляріи своей.

И по учебнымъ заведеньямъ
Вездѣ свирѣпствовалъ прогрессъ,
И каждый школьникъ смѣло лѣзъ
Въ борьбу со старымъ поколѣньемъ,
И самый мудрый педагогъ
Съ мальчишкой справиться не могъ.
И помѣнялися ролями
Ученики съ учителями:
Ученики вселяли страхъ
Въ своихъ сѣдыхъ учителяхъ.
И вотъ, въ угоду гимназистамъ,
Преподаватель похитрѣй
Являлся ярымъ прогрессистомъ
Предъ грозной публикой своей,
И объясняя умноженье,
Иль говоря о буквѣ *ять*,
Старался въ рѣчь свою вставлять

Онъ политическія мнѣнья
Подъ цвѣтъ младаго поколѣнья.
Не то бѣда: его сейчасъ
Освищетъ дружно цѣлый классъ
«За сухость, вялость изложенья
И за отсталость направленья».
И каждый ловкій педагогъ
Былъ поневолѣ демагогъ.

Въ такомъ прекрасномъ положеньи
У насъ явился той порой
И духъ общественнаго мнѣнья,
И всей гражданской жизни строй,
И всенародное зерцало, —
Литература нашихъ дней
Въ себѣ подробно отражала
Сумбуръ общественныхъ идей.
Въ то время русскіе журналы
Подрядъ снимали каждый годъ
Публично поставлять скандалы
И тѣшить драками народъ,
И романисты, публицисты
И прочихъ званій аферисты
Въ тѣ дни въ количествѣ большомъ,
Подъ фирмой истинной морали,
Либерализмомъ торговали
И торговали съ барышомъ.
Тогда для русскаго журнала
Главнѣйшей цѣлію бывало,
Во чтобъ ни стало, какъ-нибудь
Своимъ геройствомъ щегольнуть;
Казаться смѣлымъ и опаснымъ,
Согражданъ удалью плѣнить,
Страдальцемъ истины несчастнымъ,
Начальства жертвою прослыть,

Короче, — *показаться краснымъ.*
Отвага эта никогда
Ему не дѣлала вреда,
Не подвергала даже риску,
А привлекала лишь подписку.
И оттого-то всей ордой
Всѣ популярные журналы
Тогда, другъ съ другомъ въ перебой,
Такъ смѣло лѣзли въ либералы,
И каждый публикѣ кричалъ,
Ей указуя на другаго:
«Онъ вретъ, не вѣрь ему ни слова!
Онъ только съ виду либералъ,
Въ душѣ же онъ централизаторъ,
Ханжа, мерзавецъ и плантаторъ,
И льстецъ, и воръ, и бюрократъ,
Поклонникъ и кнута, и плети...
Я либеральнѣй во сто кратъ:
Изъ всѣхъ журналовъ въ цѣломъ свѣтѣ
Я либеральнѣйшій, — ей, ей!»
А всѣхъ на свѣтѣ либеральнѣй
Считался тотъ, кто всѣхъ нахальнѣй,
Кто всѣхъ наглѣе и сильнѣй
Умѣлъ ругаться, кто всѣхъ больше
Пылалъ любовью къ милой Польшѣ,
Всѣхъ меньше родину любилъ,
Всѣхъ больше школьникамъ кадилъ,
А главное, кто наименье
Безсмертныхъ истинъ и началъ
И строгихъ правилъ признавалъ,
Но всѣхъ почетнѣй въ «общемъ мнѣньи,»
Всѣхъ выше ставился тотъ,
Кто ничего не признаетъ.

Въ тѣ дни, терзаемъ злой кручиной,

Не зная, какъ и что начать,
Я бросилъ взоръ свой ястребиный
На нашу русскую печать.
Литературы русской ниву
Окинувъ окомъ въ пять минутъ,
Почуялъ сразу я, что тутъ
Мой клювъ найдетъ себѣ поживу;
Что на Руси теперь у насъ
Почетнѣй, лучше во сто разъ
Прослыть ужаснымъ либераломъ,
Чѣмъ быть храбрѣйшимъ генераломъ;
Что либерала ремесло
Весьма легко, пріятно; хлѣбно,
Что даже многихъ вознесло
Оно въ ерархіи служебной.

И вотъ я духомъ просвѣтлѣлъ
И по чугункѣ полетѣлъ
На рынокъ русскаго прогресса —
Въ столичный городъ Петроградъ,
Гдѣ бѣсновалась наша пресса,
Снявъ цѣпи и надѣвъ халатъ.
И сталъ я громкія статейки
Въ журналахъ разныхъ помѣщать
И ядовитыя идейки
Рукою щедрой разсыпать.
Способный только къ плоской брани,
Лишенный всякихъ прочныхъ знаній,
Но одаренный мѣднымъ лбомъ,
Писалъ я смѣло обо всемъ.
Весь превращенный въ озлобленье,
Я сталъ ругать и унижать
Все то, на чемъ видна печать
Труда, познаній, вдохновенья, —
И съ дикимъ хохотомъ лягалъ

Все то, гдѣ виденъ даръ и геній,
И сила ясныхъ убѣжденій,
И крѣпость нравственныхъ началъ....
И я низвергнулъ съ пьедестала
Все, чѣмъ вселенная горда,
Что въ мірѣ умственномъ блистало,
Какъ путеводная звѣзда.
И утверждалъ я очень важно,
Что распрославленный Нибуръ
Несъ просто-на-просто сумбуръ,
Что Мильтіадъ былъ плутъ продажный,
И что божественный Платонъ
Былъ только страшный *моветонъ*.
Въ такомъ-то бѣшеномъ экстазѣ,
Подъ шумъ неистовыхъ похвалъ,
Я всѣмъ языкъ свой выставлялъ,
Кидалъ во всѣхъ комками грязи.
Всего же больше я казнилъ
Произведенія искусства, —
Я имъ за то такъ злобно мстилъ,
Что эстетическаго чувства
Господь совсѣмъ меня лишилъ.

Все предо мной затрепетало,
Съ набатомъ публика моя
Меня пророкомъ величала, —
И сталъ великъ и славенъ я.
Какой восторгъ и иступленье,
Какой фуроръ я произвелъ
На заднихъ лавкахъ нашихъ школъ, —
Лѣнтяевъ грязныхъ ополченье
Передо мной склонилось ницъ:
Я предрекалъ освобожденье
Отъ скуки строгаго ученья,
Латыни, розогъ, единицъ!

Меня читали съ упоеньемъ
Всѣ дамы съ легкимъ поведеньемъ:
Я ихъ торжественно прикрылъ
Щитомъ терпимости гуманной,
А узы брака объявилъ
Плодомъ теоріи туманной.
Когда же сдѣлалъ я намекъ
На то, что собственность порокъ
И что грабежъ во имя братства
Всю Русь отъ гибели спасетъ,
Я сталъ великій патріотъ
Въ глазахъ героевъ тунеядства:
Сократа Русскія земли
Они мнѣ титулъ поднесли.
И всѣ бродячія стихіи
Едва проснувшейся Россіи,
Всѣ сумасбродные умы,
Всѣ гады пододонной тьмы,
Все то, что жаждетъ разрушенья,
Все, что дурнаго поведенья,
Все преклонилось предо мной,
Какъ сонмъ бѣсовъ предъ Сатаной.

Читатель! я къ тебѣ съ повинной...
Но прочитавъ разсказъ сей длинный,
Ты, вѣрно, самъ давно смекнулъ,
Что я немножко прихвастнулъ
Передъ тобой своимъ портретомъ, —
Себѣ безсовѣстно польстилъ,
Изобразивъ себя атлетомъ,
Бойцомъ единымъ темныхъ силъ
На славномъ поприщѣ журнальномъ:
Въ моемъ разсказѣ идеальномъ
Я — коллективное лицо;
Хоть всѣ мы въ сущности дрянцо,

За то насъ много — легіоны.
Мы, словно Кимвры и Тевтоны,
Нахлынули со всѣхъ сторонъ
На русскій робкій Геликонъ:
Мы тамъ царимъ. Но день настанетъ,
И нашъ послѣдній часъ пробьетъ,
Когда отъ косности воспрянетъ
Нашъ обновившійся народъ!
Когда широко и свободно
Родное слово потечетъ,
Когда открыто гласъ народный
Свой судъ свободный изречетъ
Всему, гдѣ выступаетъ тлѣнье;
Когда общественное мнѣнье
Сольется дружно въ стройный хоръ
И дастъ невѣжеству отпоръ: —
Тогда, бѣжавъ въ свои берлоги,
Умолкнутъ наши демагоги, —
Тогда не станетъ и *меня*: —
Какъ свѣтляки, при свѣтѣ дня,
Мы всѣ въ одно мгновеніе ока
Вдругъ потускнѣемъ, пропадемъ...
Но этотъ часъ еще далеко,
И мы покуда поживемъ!

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ТОЙ-ЖЕ ПОЭМЫ.

....Того не оскорбляетъ чванство
И гордость высшаго лица:
Онъ въ немъ лишь видитъ наглеца,
Онъ можетъ не цѣнить дворянства
И презирать и крестъ, и чинъ —
Ему тепло — онъ дворянинъ!
Но тотъ, кто съ самаго рожденья
Лишь за одно происхожденье
Терпѣлъ обиды безъ вины,
Сносилъ насмѣшки, униженье,
Тотъ будетъ чувствовать чины!
Онъ цѣнитъ высокó дворянство,
Онъ видитъ въ немъ оплотъ и щитъ
Отъ притѣсненій и обидъ
И отъ чиновнаго тиранства;
Ему и легенькій намёкъ
На темное его рожденье
Терзаетъ сердце, какъ упрекъ
Въ давно минувшемъ униженьи.
Оставшись въ нумерѣ одинъ,
Взалкалъ я сильно, всей душою,
Вдругъ получить громадный чинъ,
Украсить грудь свою звѣздою,

Кормило власти захватить;
Чтобъ съ безконечнымъ наслажденьемъ
И ненасытно-жаднымъ мщеньемъ
Дворянство русское давить.

Промчались дни, прошли недѣли,
Во мнѣ немножко охладѣли
Вражды и мести первый пылъ,
И я спокойно разсудилъ,
Что до дворянства дотянуться
Путемъ служебнымъ я могу —
Начну служить усердно, гнуться
Передъ начальникомъ въ дугу
И буду въ мысляхъ утѣшаться,
Что годы счастія придутъ,
И предо мною пресмыкаться
Начнетъ чиновный мелкій людъ;
Но (о судьбы моей тиранство!)
Вдругъ, словно громъ, упалъ указъ,
Что молъ даетъ теперь дворянство
Не пятый, а четвертый классъ.
А этотъ классъ, какъ всякій знаетъ,
Путемъ дается не простымъ,
А лишь указомъ именнымъ; —
Не всякій смертный достигаетъ
До чести сей: на это нѣтъ
На выслуги законныхъ лѣтъ
И никакого ухищренья,
И хоть до свѣта преставленья,
Пожалуй, можно прослужить,
А этотъ классъ не получить.

И предъ надеждою разбитой
Мгновенно духомъ я упалъ;
Унылый, мрачный и сердитый

На все я съ завистью взиралъ:
Не могъ я видѣть хладнокровно
Знакъ привилегіи сословной,
Не могъ я видѣть эполетъ,
Ни звѣздъ, ни четверней каретъ;
И потупляясь, и блѣднѣя,
Встрѣчалъ ливрейнаго лакея;
И былъ глубоко оскорбленъ
При видѣ красныхъ панталонъ;
Когда-жъ мнѣ въ руки попадался
Конвертъ съ печатью гербовой,
Я трепеталъ, и разливался
По жиламъ холодъ гробовой,
И въ темнотѣ безсонной ночи
Мнѣ этотъ гербъ метался въ очи...
И вотъ отъ всѣхъ отъ этихъ мукъ
Мнѣ приключился злой недугъ —
Тоска по столбовомъ дворянствѣ.
Я сталъ искать лѣкарства въ пьянствѣ,
Но не нашелъ, хоть пилъ гольёмъ
Коньякъ и самый крѣпкій ромъ.
Я сталъ на помощь звать разсудокъ
И сталъ я самъ себѣ внушать,
Что, дескать, вздоръ и родъ, и знать
И что дворянство предразсудокъ.
Я говорилъ: «не всё-ль равно,
Что дворянинъ, что дворникъ... но...» —
И это *но* (сія частица),
Бывало, тотчасъ мнѣ вонзится
Кинжаломъ прямо въ лѣвый бокъ.

Съ тѣхъ поръ, задумчивъ, одинокъ,
Я по Москвѣ бродилъ безъ цѣли,
Но, чтобъ раздѣлаться съ тоской,
Я подъ Новинскимъ на качели

Садился съ мрачною душой;
Ходилъ по разнымъ балаганамъ,
Смотрѣлъ ученѣйшихъ собакъ
И предъ бельгійскимъ великаномъ
Стоялъ по часу, какъ дуракъ.
Но ни собаки, ни качели,
Ни самъ бельгійскій великанъ
Унять, должно быть, не сумѣли
И боль, и ядъ душевныхъ ранъ.
Да неужели подъ Новинскимъ,
Зашедши въ глупый балаганъ
Своимъ страданьямъ исполинскимъ
Найдетъ отраду злой титанъ?!
О, нѣтъ! не въ пошломъ балаганѣ,
Не въ русскомъ водочномъ дурманѣ
Я утѣшенье отыскалъ,
Но въ журналистикѣ россійской.
Себѣ карьеру я создалъ
Моей способностью витійской.
Но ты, читатель, вѣроятно,
Уже готовишь мнѣ вопросъ:
«Какой же силой непонятной
Такой, какъ вы, молокососъ
Безъ дарованій и познаній
И безъ особенныхъ дѣяній
Вдругъ сталъ и славенъ, и великъ,
Прослылъ въ Россіи за пророка?»
Я отвѣчаю: я проникъ
Въ характеръ общества глубоко.
Я вкусъ сограждань раскусилъ
И угождалъ ему и льстилъ.
Конечно, матушка Россія
Прошла гигантскіе шаги
Впередъ со времени Батыя
(Въ томъ согласятся и враги);

Но и въ мозгу у Тамерлана
Такого не было тумана,
Такого хáоса идей,
Какой, скажу вамъ откровенно,
Мы замѣчаемъ ежедневно
У нашихъ «мыслящихъ людей»;
А оттого что, сплошь да рядомъ,
Къ вопросамъ важнымъ, какъ къ шарадамъ,
У насъ относятся легко
И какъ-то варварски спокойно.
(Вѣдь мыслить слишкомъ глубоко
Для джентельменовъ непристойно!)
Боимся умныхъ мы людей,
Какъ полуночныхъ привидѣній,
Не любимъ сильныхъ убѣжденій
И ясно сознанныхъ идей;
Все, что прекрасно, что высоко
Надъ нашимъ уровнемъ стоитъ,
Намъ непріятно колетъ око
И сердце завистью язвитъ;
Мы любимъ торную дорожку;
Во всё мы вѣримъ понемножку,
Во всемъ мы любимъ полусвѣтъ,
Мы правды рѣзкой избѣгаемъ
И все мы надвое рѣшаемъ:
Въ одно мы время «да и нѣтъ»
На всѣ вопросы отвѣчаемъ;
Мы цѣлый вѣкъ твердимъ одно
«Все это такъ, все правда, но...»
Не всѣ мы чисто нигилисты
И отвергаемъ твердо все,
Нѣтъ, мы скорѣе *ноннулисты;*
Мы признаемъ и то, и се.....
Хоть мы чрезмѣрно злоязычны,
Но мы со зломъ живемъ въ ладу.

Садился съ мрачною душой;
Ходилъ по разнымъ балаганамъ,
Смотрѣлъ ученѣйшихъ собакъ
И предъ бельгійскимъ великаномъ
Стоялъ по часу, какъ дуракъ.
Но ни собаки, ни качели,
Ни самъ бельгійскій великанъ
Унять, должно быть, не сумѣли
И боль, и ядъ душевныхъ ранъ.
Да неужели подъ Новинскимъ,
Зашедши въ глупый балаганъ
Своимъ страданьямъ исполинскимъ
Найдетъ отраду злой титанъ?!
О, нѣтъ! не въ пошломъ балаганѣ,
Не въ русскомъ водочномъ дурманѣ
Я утѣшенье отыскалъ,
Но въ журналистикѣ россійской.
Себѣ карьеру я создалъ
Моей способностью витійской.
Но ты, читатель, вѣроятно,
Уже готовишь мнѣ вопросъ:
«Какой же силой непонятной
Такой, какъ вы, молокососъ
Безъ дарованій и познаній
И безъ особенныхъ дѣяній
Вдругъ сталъ и славенъ, и великъ,
Прослылъ въ Россіи за пророка?»
Я отвѣчаю: я проникъ
Въ характеръ общества глубоко.
Я вкусъ сограждань раскусилъ
И угождалъ ему и льстилъ.
Конечно, матушка Россія
Прошла гигантскіе шаги
Впередъ со времени Батыя
(Въ томъ согласятся и враги);

Но и въ мозгу у Тамерлана
Такого не было тумана,
Такого ха́оса идей,
Какой, скажу вамъ откровенно,
Мы замѣчаемъ ежедневно
У нашихъ «мыслящихъ людей»;
А оттого что, сплошь да рядомъ,
Къ вопросамъ важнымъ, какъ къ шарадамъ,
У насъ относятся легко
И какъ-то варварски спокойно.
(Вѣдь мыслить слишкомъ глубоко
Для джентельменовъ непристойно!)
Боимся умныхъ мы людей,
Какъ полуночныхъ привидѣній,
Не любимъ сильныхъ убѣжденій
И ясно сознанныхъ идей;
Все, что прекрасно, что высоко
Надъ нашимъ уровнемъ стоитъ,
Намъ непріятно колетъ око
И сердце завистью язвитъ;
Мы любимъ торную дорожку;
Во всё мы вѣримъ понемножку,
Во всемъ мы любимъ полусвѣтъ,
Мы правды рѣзкой избѣгаемъ
И все мы надвое рѣшаемъ:
Въ одно мы время «да и нѣтъ»
На всѣ вопросы отвѣчаемъ;
Мы цѣлый вѣкъ твердимъ одно
«Все это такъ, все правда, но...»
Не всѣ мы чисто нигилисты
И отвергаемъ твердо все,
Нѣтъ, мы скорѣе *ноннулисты;*
Мы признаемъ и то, и се.....
Хоть мы чрезмѣрно злоязычны,
Но мы со зломъ живемъ въ ладу.

Все дѣло въ томъ, что непривычны
Мы къ безкорыстному труду,
Лѣнимся взять мы книгу въ руки,
И вотъ досадно намъ смотрѣть
На тѣхъ, кто рады для науки
Голодной смертью умереть;
Намъ и смѣшно, и ненавистно
Смотрѣть на подвигъ безкорыстный,
И всякій истинный герой
Для насъ романтикъ иль больной.
И вотъ, какъ разъ на эту штуку
Я нашу публику поддѣлъ:
На все съ ироніей смотрѣлъ,
Бранилъ искусство и науку,
И для скептическихъ умовъ
Я былъ не страненъ и не новъ.

LIV.

ИЗЪ ПОСЛАНІЯ КЪ КОНСЕРВАТОРУ.

На поприщѣ ума нельзя намъ отступать.
А. Пушкинъ.

Гдѣ-бъ ни встрѣчался я съ тобой:
Въ театрѣ, церкви, на гуляньи —
Я утопаю всей душой
Въ благоговѣйномъ созерцаньи;
Меня чаруетъ и дивитъ
Твой непомѣрно гордый видъ: —
Ни папа Сикстъ средь Ватикана,
Ни торжествующій Давидъ,
Когда свалилъ онъ великана,
Ни Петръ Великій въ оный мигъ,
Когда гремѣлъ передъ Полтавой
Его полковъ побѣдный кликъ —
Никто изъ царственныхъ владыкъ,
Или гражданъ, покрытыхъ славой
Своихъ безсмертныхъ думъ и дѣлъ,
Никто, навѣрно, не владѣлъ
Такой осанкой величавой,
Никто такъ гордо не глядѣлъ —
Съ такимъ презрѣньемъ безграничнымъ
И отвращеньемъ неприличнымъ
На насъ — на маленькихъ людей,
Какъ ты, простой небесъ коптитель,
Великій, славный истребитель
Паштетовъ, устрицъ, стерлядей.

Пока я зналъ тебя лишь съ виду,
Пока не зналъ, кто ты такой,
Я, право, думалъ — ты герой,
Соравный славою Пелиду,
Или нашъ русскій Галилей,
Или Пожарскій нашихъ дней.
Повсюду видя поклоненье,
Нѣмой восторгъ и удивленье
Передъ особою твоей,
Я, въ простотѣ души моей,
Томимый жаждою познаньья,
Усердно справки наводилъ,
Какія именно дѣянья,
Какой ты подвигъ совершилъ
На пользу родины священной?
И всюду слышалъ я отвѣтъ,
Что мужъ ты истинно почтенный —
Гражданскихъ доблестей атлетъ: —
Что если взвѣсить дѣло строго —
Конечно, сдѣлалъ ты немного
Для блага края своего,
Иль — выражаяся точнѣе —
Не сдѣлалъ ровно ничего; —
Но что, въ душѣ о немъ радѣя,
Ты много-бъ сдѣлалъ славныхъ дѣлъ,
Когда бы только захотѣлъ;
Что ты землевладѣлецъ крупный
И eo ipso неподкупный
И безкорыстный гражданинъ;
Что ты во здравьѣ вожделѣнномъ,
Въ довольствѣ, счастьѣ неизмѣнномъ
Со дня рожденья до сѣдинъ
Безпечно прожилъ сибаритомъ;
Что безпримѣрнымъ аппетитомъ
И вкусомъ въ винахъ и ѣдѣ

Извѣстенъ, славенъ ты вездѣ —
Въ краю родномъ и заграницей;
Что первымъ поваромъ въ столицѣ
Счастливо обладаешь ты;
Что человѣкъ ты тароватый,
И что всегда въ твои палаты
Широко двери отперты
Для лицъ порядочнаго круга,
И хоть долги ты платишь туго,
Но что за то, какъ хлѣбосолъ,
Имѣешь ты открытый столъ
И каждый день гостей ораву
Поишь и кормишь ты на славу;
Ну, словомъ, я такой отвѣтъ
На мой вопросъ повсюду слышалъ,
Что хоть и съ самыхъ юныхъ лѣтъ
Въ отставку ты изъ службы вышелъ,
Но что и праздностью своей
Приносишь пользу ты отчизнѣ:
Являешь, въ назиданье ей,
Примѣръ, изящной свѣтской жизни;
Что умъ и блескъ твоихъ бесѣдъ,
Твои глубокія сужденья
Во всѣ умы вливаютъ свѣтъ, —
Даютъ благое направленье
Волнамъ общественнаго мнѣнья;
Что ты защитой служишь намъ,
Являясь истиннымъ отпоромъ
Всѣмъ политическимъ страстямъ.
— «Да!» повторялъ мнѣ дружнымъ хоромъ
Ареопагъ разумныхъ дамъ:
«Да, онъ одинъ изъ тѣхъ немногихъ
Послѣднихъ общества столповъ,
Хранителей приличій строгихъ,
Отчизны истинныхъ сыновъ —

Послѣднихъ Римлянъ, безъ которыхъ
Погрязнетъ въ смутахъ и раздорахъ,
Погибнетъ нашъ родимый край!
Умри они, — и все прощай:
Исчезнетъ безвозвратно барство,
Наступитъ грязной черни царство,
И превратятся въ кабаки
Вдругъ наши всѣ дома и дачи,
И всѣ дворяне, горько плача,
Сейчасъ поступятъ въ мужики.
Ну, словомъ, все въ одно мгновенье
Вкругъ насъ очутится вверхъ дномъ, —
И будетъ истинный содомъ, —
Содомъ, Гоморръ, столпотворенье!»

Въ какомъ-то клубѣ какъ-то разъ
Твои сужденья я подслушалъ;
То было въ тотъ великій часъ,
Когда ты только-что покушалъ,
И въ мягкихъ креслахъ развалясь
Всѣмъ существомъ своимъ мясистымъ,
Ворчалъ проклятья нигилистамъ,
И съ сладострастіемъ нѣмымъ
Витійствомъ тѣшились твоимъ
Пять-шесть существъ тебѣ подобныхъ.
Имъ сладокъ былъ, какъ ароматъ
Весеннихъ розъ, душевный ядъ
Твоихъ остротъ тупыхъ и злобныхъ.
Безмолвно сидя въ сторонѣ,
Тебя я слушалъ съ удивленьемъ,
И странно, дико было мнѣ
Узнать, что ты съ такимъ презрѣніемъ,
Какъ бы о паріяхъ какихъ,
О нигилистахъ разсуждаешь!
Неужто ты воображаешь,

Что чѣмъ-нибудь ты лучше ихъ?!
Желалъ бы я, чтобъ ты отвѣтилъ
Мнѣ на вопросъ весьма простой:
Въ чемъ ты различіе подмѣтилъ
Межъ нигилистомъ и собой?
Уже предвижу я заранѣ,
Какъ развалившись на диванѣ
Съ моимъ посланіемъ въ рукахъ,
Ты вдругъ привскочишь въ попыхахъ,
Ошеломленъ вопросомъ страннымъ,
И разразишься словомъ браннымъ,
И бурной лавой закипитъ
Въ твоей груди негодованье,
И вольнодумное посланье
Подъ столъ за дерзость полетитъ.
— «Какое дикое сравненье,
Какая наглость, клевета!»
Воскликнешь ты, скрививъ уста
Въ улыбку гордаго презрѣнья.
«Вотъ вамъ свободная печать!
Какой-то враль, поэтъ негодный,
Меня вдругъ вздумалъ приравнять
Всей этой сволочи голодной —
Немытой, грязной и безродной,
Что нигилистами зовутъ!
Ну, есть ли капля правды тутъ?
И какъ рѣшились, какъ посмѣли
Пустить въ печать такую ложь?..
Ну, посмотрите, — неужели
На нигилиста я похожъ?»

Такъ говоря, ты устремляешь
Невольно въ зеркало свой взглядъ
И свой изысканный нарядъ
Съ самодовольствомъ созерцаешь.

Ну, что же?! я сознаюсь самъ,
Что, вопреки моимъ словамъ,
Между тобой и нигилистомъ
Найдется разница кой въ чемъ:
Ты утираешь носъ батистомъ,
А онъ копѣечнымъ платкомъ,
Платкомъ подъ часъ не слишкомъ чистымъ;
Ты — свѣтскій щеголь-сибаритъ,
Родился ты въ большихъ хоромахъ,
Изященъ въ жизни и пріемахъ,
Всегда ты тщательно обритъ
И напомаженъ, и причесанъ,
А онъ — онъ грубъ и неотесанъ;
Ему не сроденъ свѣтскій тонъ,
Онъ не чета твоей особѣ,
Богъ знаетъ гдѣ, въ какой трущобѣ
Бѣднякъ воспитанъ и рожденъ;
Въ своихъ ты вкусахъ прихотливъ —
Подъ часъ и цѣнную сигару
Бросаешь ты, не докуривъ,
А онъ доволенъ и счастливъ,
Когда упьется до угару,
До одуренья и до слезъ,
Дурманомъ смрадныхъ папиросъ.
Вы не враги бутылки оба;
Но небомъ въ даръ тебѣ дана
Благословенная утроба, —
Какъ чанъ, вмѣстительна она:
Ты никогда не запьянѣешь,
Но вѣдь оно не мудрено —
Ты пьешь лишь тонкое вино.
Къ тому же ты и пить умѣешь:
Въ глотаньи Вакховыхъ даровъ
Нашелъ ты фортель и сноровку;
А нигилистъ — онъ не таковъ —

Онъ какъ наткнется на дешевку,
Такъ и конецъ — сейчасъ готовъ.
Ну, однимъ словомъ, все различье
Межъ вами въ томъ лишь состоитъ,
Что чище ты его на видъ
И знаешь свѣтскія приличья,
Что онъ плебей, а ты магнатъ,
Что бѣденъ онъ, а ты богатъ,
А въ остальномъ во всемъ вы братья, —
И смѣло можете въ объятья...
— «Что?!. какъ?!»
Ты восклицаешь въ изступленьи —
«Мы братья съ нимъ?! Да онъ вѣдь врагъ
Порядка всякаго и власти,
Онъ признаетъ свои лишь страсти,
Свой произволъ, да свой кулакъ...
Онъ хуже всякаго Марата,
Онъ извергъ, демонъ, для него
Вѣдь нѣтъ святаго ничего!!»
— А для тебя, скажи, что свято?
— «Что свято мнѣ?!. Да мнѣ... того...
Мнѣ свято все, что свято!..
— Что-же?
— «Да все, что свято быть должно!»
— Да что же именно? —
— «Ахъ, Боже!..
Исчислить даже мудрено,
Чтó свято мнѣ... Ну, безъ сомнѣнья,
Мои мнѣ святы убѣжденья,
Мнѣ святъ порядокъ, власть»...
— Постой!
Порядокъ чтишь ты, но какой?
Не настоящій, но отжившій —
Давно ужъ падшій, нынѣ сгнившій:
Ты хвалишь время то, когда

Держалъ ты въ рабскомъ подчиненьи
Героевъ земскаго суда,
И предъ тобой въ твоемъ имѣньи
Дрожалъ всѣмъ тѣломъ становой,
Когда квартальный съ страхомъ дѣтскимъ
Шелъ толковалъ съ твоимъ дворецкимъ
На счетъ починки мостовой.
Да, спору нѣтъ тебѣ былъ сладокъ
Сей безпорядочный порядокъ,
И чтилъ ты искренно законъ,
И защищалъ его съ экстазомъ,
Когда онъ, въ спячку погруженъ,
Былъ слабъ, какъ стриженый Сампсонъ,
И не мѣшалъ твоимъ проказамъ:
Тогда и власть тебѣ была
Свята, гуманна и мила,
Какъ темныхъ дѣлъ твоихъ эгида.
Когда-жъ, воспрянувъ ото сна,
Бодра, свободна и грозна,
Во всеоружіи, Ѳемида
Къ отвѣту сильныхъ призвала,
Не стѣснена лицепріятьемъ,
И нашимъ слабымъ меньшимъ братьямъ
Защиты руку подала,
И предъ лицомъ ея смирился
Самоуправства злой разгулъ,—
Тогда на власть ты обозлился
И громко рявкнулъ «караулъ»,
Не побоясь грѣха и срама.
—«Да, я и рявкнулъ! Ну, такъ что-жъ?»
Ты возражаешь мнѣ упрямо.
«Я всѣмъ скажу открыто, прямо
Въ лицо, въ глаза, что не хорошъ,
Что нестерпимъ, противенъ, гадокъ
Весь этотъ новый вашъ порядокъ,

Вашъ гласный судъ и вашъ жюри,
И эти — чортъ ихъ побери —
Ну какъ ихъ?.. Мировые судьи!..
Я допускаю ихъ, но тамъ —
Въ чужихъ краяхъ, но гдѣ же намъ —
Гдѣ мы ихъ сыщемъ на безлюдьѣ?
Къ намъ не привьется никогда
Духъ европейскихъ учрежденій...
Но вотъ безъ дальнихъ разсужденій
Образчикъ новаго суда —
Недавній случай; въ эту среду
Я торопился въ клубъ къ обѣду,
А кучеръ мой былъ подъ хмѣлькомъ
И — en passant — хватилъ кнутомъ
Онъ межеваго топографа.
Конечно, кучеръ мой неправъ:
Нарушилъ новый онъ уставъ,
И можетъ быть, достоинъ штрафа.
Но въ чемъ же тутъ повиненъ я?
Ни въ чемъ. А мудрый вашъ судья
Въ меня повѣсткой разразился,
Чтобъ я въ свидѣтели явился
Да и грозитъ еще (свинья!)
Такимъ противнымъ дерзкимъ тономъ.
Что если не явлюсь я самъ,
То по какимъ-то тамъ законамъ
Со мной поступятъ какъ-то тамъ.
Представьте: я къ нему явлюся!
Меня онъ вздумалъ испугать
Своимъ судомъ! Напалъ на труса!
Но я велѣлъ ему сказать,
Съ разсыльнымъ коротко и ясно,
Что не пойду и чтобъ впередъ
Онъ не пугалъ меня напрасно,
Что де шутить со мной опасно.

«Ну» думалъ я, «сейчасъ придетъ
Онъ у меня просить прощенья:
Сообразитъ, что самъ неправъ».
А онъ постановилъ рѣшенье,
Чтобы съ меня же взяли штрафъ!!!
И кто же онъ — онъ, власть имущій
Рѣшать насъ бѣдныхъ и вязать?
Такъ просто дрянь — мальчишка сущій,
Смѣшно и совѣстно сказать,
Алеша Муромскій!!... Алешка!!!...
Онъ мой судья, начальникъ мой!
Ну, согласитесь же со мной,
Что вѣдь оно смѣшно немножко: —
Я былъ женатъ давно, а онъ
Еще ходилъ безъ панталонъ!
Вотъ дали власть какимъ мальчишкамъ —
Они и правятъ, какъ паши...
Нѣтъ, воля ваша, это слишкомъ
C'est la terreur!.. c'est l'anarchie!
Вѣдь эти судьи — все Мараты,
Дантоны, Герцены...»

— Итакъ,
Законъ и власть тебѣ не святы?
— «Да, сознаюсь, я власти врагъ,
Но власти вашей — современной».
— Что-жъ въ наши дни тебѣ священно?
— «Все остальное: вѣра, бракъ,
Наука, церковь, просвѣщенье,
Трудъ, собственность...»

— Постой, постой!
Все это только повторенье
Рѣчей, затверженныхъ тобой;
Попробуй вникнуть въ ихъ значенье.
Ты говоришь, что будто святъ
Тебѣ союзъ священный брака.

Оно и видно! ты женатъ,
Имѣешь дочерей; однако,
Я слышалъ отъ твоихъ друзей,
Что будто нѣкая вдовица,
Киприды записная жрица,
Тебѣ милѣй семьи твоей...
Не знаю, какъ ея фамилья,
Но всѣ зовутъ ее Эмилья...
Эмилья Францевна. Ты съ ней...
Ты, какъ всему извѣстно міру,
Даешь по дружбѣ ей квартиру
И пару кровныхъ лошадей;
Даришь ей ткани дорогія...
И ходятъ слухи городскіе,
Что будто не для ней одной
Ты тратишь пылъ любовный свой
И кошелекъ свой истощаешь,
Но что съ цвѣточка на цвѣтокъ
Съ своей любовью ты порхаешь,
Какъ безсемейный мотылекъ.
— «Да, и порхаю! Ну, такъ что-жъ?
Не оттого-ль я и похожъ,
Въ глазахъ невѣждъ, на нигилиста?
О, если такъ, то взглядъ такой
Достоинъ логики тупой
Минувшихъ дней семинариста.
Вѣдь нигилистъ не признаетъ
Семью и бракъ по убѣжденью:
Въ пріютъ камелій онъ идетъ,
По вольнодумному влеченью:
При томъ же въ немъ не развиты
Ни вкусъ, ни чувство красоты,
Вѣдь онъ не ищетъ идеала —
Не ищетъ римскихъ онъ носовъ,
Ни лицъ Мурильевскихъ овала,

Ни легкихъ Грёзовскихъ головъ —
Онъ ласки расточать готовъ,
Закрывъ глаза, кому попало: —
Вполнѣ доволенъ онъ собой,
Когда склоняется въ объятья
Торговки уличной — любой,
Курносой, грязной и рябой —
Онъ чуждъ совсѣмъ лицепріятья!
А я?.. я чуть ли не съ пеленъ
Изящнымъ чувствомъ пропитался —
На всякихъ нимфъ, Венеръ, Мадоннъ
Въ кипсекахъ я налюбовался:
Міръ красоты мнѣ міръ святой —
Сгараю съ дѣтства я душой,
При видѣ стройныхъ женскихъ талій,
И плечъ, и ручекъ и такъ далѣ.
И такъ, хоть твердо я стою
За святость брака и семью,
Но не могу же простодушно
Въ среду домашней жизни скучной
Заколотить себя, какъ въ гробъ: —
Вѣдь я міранинъ, а не попъ!
Питомецъ истинный искусства,
Могу-ль я женщинъ не любить,
Могу ли въ сердцѣ потушить
Жаръ эстетическаго чувства?!
Не можетъ этотъ жаръ святой
Пылать предъ женщиной одной —
Передъ моей женой законной: —
Она уже въ порѣ преклонной.
И всякій, кто лишь знаетъ свѣтъ,
Его обычья, этикетъ,
Кто родился въ хорошемъ кругѣ,
Всегда найдетъ, что въ правѣ я,
Какъ всѣ бонтонные мужья,

Помимо пожилой супруги,
Кого хочу избрать въ подруги.
А взглядъ на нравственность иной
Теперь никто не раздѣляетъ;
Взглядъ этотъ только процвѣтаетъ,
Быть можетъ, за Москвой-рѣкой —
Въ глуши части Серпуховской
Или на улицѣ Татарской;
То взглядъ отсталый семинарскій...
И вижу ясно я, что тотъ,
Кто написалъ ко мнѣ посланье,
Иль совершенный идіотъ,
Иль родился въ духовномъ званьѣ».

Ну, твой языкъ — твой сильный врагъ:
Изъ словъ твоихъ нельзя никакъ
Логично вывесть заключенье,
Что при безпутномъ поведеньѣ —
Кипридѣ ревностномъ служеньѣ,
Ты свято чтишь семью и бракъ;
Прикрыть любовію къ искусству
Себя напрасно хочешь ты:
Не идеалу красоты,
Не эстетическому чувству
Всю жизнь такъ рьяно ты служилъ: —
Ты, просто на просто... кутилъ...
Напрасно ты воображаешь,
Что будто любишь, понимаешь
Искусства чистаго красы:
Красы ты любишь, но *иныя* —
Ты любишь щеки молодыя,
Шикозно-вострые носы,
Пустыя, милыя головки
И шейки, ножки, губки, бровки,
И плутовской, и наглый взглядъ

Вертлявыхъ, вѣтренныхъ Менадъ.
Себя ты вѣчно окружаешь
Тѣмъ мелкимъ миленькимъ дрянцомъ,
Что съ важнымъ жестомъ и лицомъ
Искусствомъ гордо величаешь.
Вездѣ — на всѣхъ твоихъ стѣнахъ
И этажеркахъ, и столахъ —
Размѣщены весьма красиво
Твои сокровища, — на диво
Твоихъ знакомыхъ и друзей —
Искусства вѣтренныхъ судей.
Какія, Боже, изваянья,
Какихъ картиночекъ собранья
Твой услаждаютъ умъ и взоръ!
Я далъ бы имъ одно названье: —
Красивый неприличный вздоръ.
Повѣрь, всѣ эти бездѣлушки,
Дѣтей сѣдѣющихъ игрушки,
Не суть ума и чувства плодъ,
А плодъ голоднаго желудка —
Корыстно-подлаго разсудка
На глупость общую расчетъ: —
Вѣдь это все произведенье
Голодныхъ, ловкихъ Парижанъ —
Въ нихъ порождаетъ вдохновенье
Пустой желудокъ и карманъ...
Взглянувъ на дѣло безпристрастно,
Имъ, право, нужно честь отдать;
И въ хладномъ сердцѣ «пламень страстный»
Они умѣютъ разжигать
И воспалять воображенье,
Пріятно чувство щекотать
И кровь и въ старцахъ волновать...
Смотри, какое положенье
Вотъ этой дѣвѣ молодой

Далъ живописецъ удалой —
Вѣдь это просто заглядѣнье!
Она какъ будто... но Богъ съ ней!..
Нѣтъ! долженъ я пройти молчаньемъ
Всѣхъ этихъ нимфъ, наядъ, цирцей,
Чтобъ ихъ подробнымъ описаньемъ
Не оскорбить всѣхъ чувствъ святыхъ
Въ сердцахъ читателей моихъ.

Вотъ каковы произведенья,
Что въ сладострастномъ умиленьѣ,
Какъ обожатель красоты,
Искусствомъ называешь ты!
Нѣтъ! Настоящее искусство
Намъ просвѣтляетъ умъ и чувство
И восторгаетъ духъ горѣ,
И страсти въ сердцѣ усмиряетъ,
И волю нашу укрѣпляетъ
Въ стремленьи къ правдѣ и въ добрѣ,
А эти жалкія созданья
Дешевой кисти и рѣзца —
Одни лишь низкія желанья
Вливаютъ въ слабыя сердца.
. . . .
. . . .
Я могъ бы многое сказать
Тебѣ еще, чтобъ доказать
Нелѣпость всѣхъ твоихъ сужденій;
Но знаю я, что не поймешь
Ты изъ рѣчей моихъ ни слова,
И шагомъ твердымъ, наглымъ снова
Дорогой жизни ты пойдешь, —
И вѣкъ пребудутъ безъ движенья
Твои начала, убѣжденья,
Неколебимы, какъ гора;

Къ тому-жъ и кончить ужъ пора
Мнѣ это длинное посланье...
Но я желалъ бы на прощанье
Еще кой-что тебѣ сказать,
Сказать не съ тѣмъ, чтобъ колебать
Твои святыя убѣжденья,
А потомучто оставлять
Никакъ нельзя безъ заключенья
Ни одного стихотворенья: —
Такой стѣснительный законъ
Намъ далъ французскій Геликонъ.
Вотъ мой привѣтъ тебѣ прощальный:
Будь счастливъ, веселъ и здоровъ —
Пусть Зевсъ, гонитель облаковъ,
Хранитъ твой корпусъ колоссальный
Отъ силы Вакховыхъ паровъ
И Кома щедрыхъ угощеній!
Живи всю жизнь, какъ прежде жилъ,
Средь утонченныхъ наслажденій —
Пей, ѣшь, какъ прежде ѣлъ и пилъ,
Бѣги серьезныхъ размышленій,
Друзей, какъ прежде, угощай,
Подъ говоръ ихъ бесѣдъ нескромныхъ,
И на вѣсъ золота скупай
Коллекціи картинъ скоромныхъ
И составляй изъ нихъ музей;
Всещедро поощряй балеты,
Дари танцовщицамъ букеты
И измѣняй женѣ своей.
Всѣ, всѣ подобныя дѣянья,
Оставлю я безъ порицанья:
Они хоть составляютъ зло,
Но только частное: едва-ли
И ради страждущей морали
Мое-бъ вниманье привлекло

Оно на образъ твой прекрасный: —
Оно нисколько не опасно
Для хода мiровыхъ идей
И блага родины моей —
Ну, то-есть, ты хоть и кутишь,
Но неприличнымъ поведеньемъ
Отнюдь конечно не вредишь
Всѣмъ тѣмъ благимъ нововведеньямъ,
Что приняты съ благоговѣньемъ
Сынами лучшими страны,
Какъ напримѣръ, суду присяжныхъ,
Суду, которымъ спасены
Мы отъ чиновниковъ продажныхъ;
Но всетаки въ нашъ шаткiй вѣкъ,
Ты презловредный человѣкъ:
Вредишь всѣмъ лучшимъ начинаньямъ
Своимъ ты сквернымъ языкомъ
И растлѣвающимъ влiяньемъ.
Тебѣ давно весь свѣтъ знакомъ,
Ты даже принятъ, какъ диктаторъ,
Въ иныхъ общественныхъ слояхъ,
И вотъ, какъ quasi-консерваторъ
Вселяешь подозрѣнье, страхъ
Ты въ нерѣшительныхъ умахъ:
При всякомъ новомъ учрежденьи
Ты имъ внушаешь опасенье
За собственность и капиталъ
И за общественный порядокъ;
Пророчишь скорый имъ упадокъ
Всѣхъ крѣпкихъ нравственныхъ началъ;
Какъ будто по внушенью бѣса,
Ты каждый новый шагъ впередъ,
На почвѣ мирнаго прогресса
Встрѣчаешь градомъ злыхъ остротъ,
Потомъ серьозно-мрачнымъ тономъ

И съ обаятельнымъ апломомъ,
Какъ дѣлъ общественныхъ знатокъ
Иль какъ оракулъ и пророкъ,
Ты разглашаешь по салонамъ,
Что этотъ новый шагъ впередъ
Россію къ гибели конечной
И къ революціи ведетъ,
И въ дѣтской простотѣ сердечной
Толпы мужчинъ сѣдыхъ и дамъ
Внимаютъ, въ страхѣ, со слезами,
Твоимъ пророческимъ словамъ
И вопіютъ: «Что будетъ съ нами?!»

Когда-бъ все это говорилъ
Ты просто сдуру, простодушно,
Какъ дурака, великодушно
Тебя бы всякій извинилъ.
Но говоришь вѣдь ты не сдуру —
Ты бьешь на то, чтобъ все назадъ
У насъ подвинуть: ты-бъ былъ радъ
Вопервыхъ всю литературу
Затиснуть подъ старинный гнетъ
(Она де первая толкаетъ
Все наше общество впередъ
И власть къ реформамъ подстрекаетъ),
Затѣмъ всѣ новые суды
(Сей главный пунктъ твоей вражды)
Похѣрить сразу безъ зазрѣнья,
А судъ общественнаго мнѣнья
Рукой желѣзной подавить
И, наконецъ, возстановить
Со славой крѣпостное право, —
Да вновь задремлетъ нашъ народъ,
И да воскреснетъ, разцвѣтетъ
У насъ кулачная управа!

Вотъ то, о чемъ мечтаешь ты,
И эти смѣлыя мечты
Осуществить скорѣй желаешь,
И оттого ты такъ ругаешь
По всѣмъ вліятельнымъ домамъ,
Передъ лицомъ плаксивыхъ дамъ
И кавалеровъ слабоумныхъ,
Всей нашей жизни новый строй:
Тебѣ-бъ хотѣлось, чтобъ ихъ вой
И крики ихъ протестовъ шумныхъ
Смутили власть, и чтобъ она
На все свой взглядъ перемѣнила,
И мукъ раскаянья полна,
Порядокъ прежній водворила
По всей Руси — отъ Соловковъ
До Черноморскихъ береговъ.
Но, вѣрь ты мнѣ, твои мечтанья
Стократъ ложнѣй инаго сна:
Уже прошли тѣ времена,
Когда твое вліянье злое
Несло съ тобой и въ высшій кругъ
Боязни мыслей злой недугъ
И мракобѣсіе слѣпое;
Ты говорилъ тамъ что хотѣлъ:
Въ тѣ времена никто не смѣлъ
Вступить съ тобою въ состязанье,
Хоть иногда въ иномъ собраньи
Сидѣло много предъ тобой
Людей съ развитой головой,
Людей... людей не безъ вліянья;
Но и они, потупя взоръ,
Хранили, слушая твой вздоръ,
Благоразумное молчанье.
И — надо правду всю сказать —
Въ то время было бы напрасно,

Неловко, странно и опасно
Открыто громко возражать
Тебѣ и всѣмъ тебѣ подобнымъ:
Считалось дѣломъ неудобнымъ
Свой умъ публично показать,
Затѣмъ, что почитался краснымъ
И потому весьма опаснымъ
Въ то время умный человѣкъ,
И только умственныхъ калѣкъ
Да мертвецовъ не опасались;
Но безвозратно миновались
Тѣ дни, когда нашъ русскій умъ
Боялся, будто преступленья,
Своихъ же помысловъ и думъ
И гнилъ во тьмѣ безъ проявленья;
Когда его со всѣхъ сторонъ
И злые люди, и законъ
Нещадно гнали, какъ заразу:
Но нынче умъ намъ разрѣшенъ,
По высочайшему указу.
И потому безплодный трудъ
Позорно на себя берутъ
Всѣ тѣ, кто въ странномъ ослѣпленіи
Кричатъ: «долой нововведенья!»
Лишь въ старомъ, дрябломъ поколѣньи
Они сочувствіе найдутъ;
А въ поколѣньи бодромъ, новомъ
Ихъ встрѣтятъ жесткимъ, грознымъ словомъ,
А власть навѣрно не возьметъ
Отъ вашей братіи совѣта,
И обновленный нашъ народъ
Съ пути свободы, правды, свѣта,
Какъ вы ни бейтесь, не свернетъ!

1873 г.

LV.

ГРИГОРЬЕВЪ.

(Изъ антологіи).

Мраченъ ликъ, взоръ дико блещетъ,
Умъ отъ чтенья извращенъ,
Рѣчь парадоксами хлещетъ...
Се Григорьевъ Аполлонъ!

Кто-жъ его въ свое изданье
Безъ контроля допустилъ?
Ты, невинное созданье, —
Достоевскій Михаилъ.

LVI.

ЧИЧЕРИНЪ.

(Изъ А. Шенье.)

Нѣтъ, въ искренность его я вѣчно буду вѣрить!
Чичеринъ публицистъ, не можетъ лицемѣрить.
Все непритворно въ немъ: теорій темныхъ бредъ:
Абстрактность — Гегеля неизгладимый слѣдъ;
Задоръ; періодовъ нѣмецкая протяжность
И фразъ напыщенныхъ ребяческая важность.

LVII.

ДОНЬЯ БЬЯНКА.

(Отрывокъ).

Кто не знаетъ въ Сарагосѣ
Доньи Бьянки де-Алава?
До Мадрида, до Севильи
Про нее промчалась слава.
Нѣтъ красавицы подобной
На сто миль вкругъ Сарагосы;
Что за профиль, что за ножка,
Что за плечи, что за косы!
Грудь ея бѣла, какъ мраморъ,
Гибокъ станъ ея, какъ колосъ,
И звучитъ, какъ струны арфы,
Молодой, веселый голосъ,
Цвѣтъ очей чернѣе угля,
Черны длинныя рѣсницы,
Изъ подъ нихъ блистаютъ взоры,
Какъ огни ночной зарницы.
Всѣмъ пріятна, всѣмъ по вкусу
Красота синьоры Бьянки:
Въ ней слились два выраженья
Серафима и вакханки.
Всѣ любуются синьорой:
И студенты вертопрахи,
И исчахшіе въ пощеньи
Сѣдовласые монахи.

Всѣхъ знатнѣе въ Сарагосѣ
По богатству и по роду
Донья Бьянка, — всѣхъ милѣе
Сердцу чернаго народа.
Нѣтъ добрѣй синьоры Бьянки
И щедрѣй на подаянье;
Безъ нея давно-бъ лишились
Всѣ бродяги пропитанья.
Въ сердцѣ рьяная карлистка,
Бьянка злобствуетъ до звѣрства
На безпутные кортесы,
Проклинаетъ министерство.
Въ угожденье власти новой
Не отдастъ и папиросу,—
Но носки стирать готова
Съ умиленьемъ донъ-Карлосу.
Донья Бьянка ежегодно
Вѣчный городъ посѣщаетъ,
И лобзая туфлю папы,
Вся въ блаженствѣ утопаетъ.
Лишь свершенъ обрядъ лобзанья,
Бьянка въ вихрѣ карнавала
Мчится быстро на гулянье,—
А съ гулянья на два бала.
Нѣту церкви въ Сарагосѣ,
Нѣтъ часовни отдаленной,
Гдѣ-бъ о здравьи доньи Бьянки
Не молились умиленно.
Каждый годъ пріемлютъ вклады,
Въ видѣ лепты добровольной,
Всѣ приходы, всѣ часовни
Отъ синьоры благосклонной.
Какъ монахъ, синьора Бьянка
Всѣ посты содержитъ строго.
Да! подобныхъ богомолокъ

И въ Испаніи немного.
Утро цѣлое проводитъ
Передъ образомъ Мадонны
Донья Бьянка и безъ счету,
До истерики и поту,
Все кладетъ она поклоны.
Но лишь кончена молитва,
Въ экипажъ она садится,
И дрожа отъ нетерпѣнья,
Быстро за городъ стремится.
Тамъ молитвы жаръ священный
Въ ней мгновенно остываетъ,
Бьянка въ страстномъ упоеньи
Бой съ быками созерцаетъ.
Передъ ней рѣкой струится
Кровь бычачья и людская,
А она хохочетъ громко,
Что есть силъ рукоплеская.
Красота синьоры Бьянки
Мощно властвуетъ сердцами:
Всюду взапуски за нею
Молодежь бѣжитъ толпами.
Гдѣ-бъ она ни появлялась —
Въ церкви, въ циркѣ, на гуляньи,
Всѣ, въ нее впиваясь взоромъ,
Млѣютъ въ страстномъ обаяньи.
Но ея младое сердце
Сладкихъ чувствъ любви не знаетъ:
Всѣхъ мужчинъ безъ исключенья
Донья Бьянка презираетъ.
Если вѣрить всѣмъ разсказамъ,
Что молва о ней твердила,
Много, много душъ влюбленныхъ
Донья Бьянка погубила.
Говорятъ, что три француза,

Три туриста ей въ отмщенье
Застрѣлилися публично,
Не стерпя ея презрѣнья;
До ста юношей погибло
За нее на поединкѣ;
Ни по комъ синьора Бьянка
Не пролила ни слезинки.
А ужъ сколько расточила
Бьянка плюхъ тяжеловѣсныхъ
За любовныя признанья,
Это даже неизвѣстно!
Сколько разъ толпы влюбленныхъ,
При лунѣ, съ гитарнымъ звономъ,
Пѣть пытались серенады
У нея передъ балкономъ.
Но едва она заслышитъ
Пѣнье нѣжнаго хорала, —
Какъ велитъ толкать въ три шеи
Всѣхъ поющихъ чѣмъ попало.
Женихи у Доньи-Бьянки
Были все народъ богатый —
Все маркизы, гранды, лорды
Да венгерскіе могнаты.
Были умные межъ ними,
Были также и красавцы,
Но по мнѣнью Доньи Бьянки,
Были всѣ они мерзавцы.
И навѣрно, Донья Бьянка
Перешла бы въ міръ загробный,
По разборчивости вкуса,
Старой дѣвой желчно-злобной, —
Но случилося иное:
Вдругъ, по волѣ рока тайной,
Появился въ Сарагосѣ
Человѣкъ необычайный:

Хоть наружностью своею
Никого не поражалъ онъ,
Но великіе таланты
Въ нѣдрахъ духа содержалъ онъ;
Но про нихъ лишь только знали
Тѣ, кто зналъ его поближе —
Тѣ таланты состояли...
Но о нихъ увидимъ ниже.
Человѣкъ онъ былъ не рослый,
Былъ сложенъ довольно дурно,
Цвѣтъ волосъ имѣлъ онъ рыжій,
Цвѣтъ лица почти пурпурный;
Былъ одѣтъ всегда степенно,
Былъ обстриженъ очень гладко,
Улыбался принужденно,
Говорилъ красно и сладко;
Былъ онъ немолодъ годами,
Красотой не отличался:
Взоръ его, сказать межъ нами...
Но за синими очками
Взоръ его всегда скрывался...
Получилъ онъ отъ природы
Рядъ зубовъ бѣлѣе мѣла;
Оттого предъ женскимъ поломъ
Улыбался то и дѣло.
Онъ ходилъ походкой ровной, —
Осторожно, плавно, тихо.
Въ немъ два типа сочетались —
Коцебу и Метерниха.
Чѣмъ-то вродѣ дипломата
Былъ сей мужъ во время оно,
Но пріемами своими
Походилъ онъ на шпіона.
Родился сей мужъ почтенный
Въ славномъ градѣ Рудольштатѣ,

И себя по узамъ крови
Причислялъ къ нѣмецкой знати.
Славныхъ рыцарей тевтонскихъ
Былъ онъ отпрыскъ несомнѣнный,
И всегда передъ фамильей
Выставлялъ свой *фонъ* священный.
Обладалъ въ своей отчизнѣ
Онъ наслѣдственымъ имѣньемъ,
Оттого къ своей особѣ
Былъ пропитанъ уваженьемъ;
То былъ клокъ земли песчаной,
Въ четверть русской десятины, —
Тамъ стоялъ старинный зàмокъ,
Смежный съ стойломъ для скотины.
По семейному преданью
Зàмкомъ гордо величалась
Куча камней. съ щебнемъ, съ глиной,
Что шесть футовъ съ половиной
Надъ землею возвышалась.
Въ этой кучѣ ухитрился
Нѣмецъ нашъ устроить что-то,
Для жилья своей особѣ,
Родъ амшанника иль грота.
Въ семъ наслѣдственномъ помѣстьи
Помѣщался годъ онъ цѣлый
Вмѣстѣ съ вѣрною кухаркой,
Доротеей престарѣлой.
Долго, жребію покорный,
Онъ за роскошью не гнался,
Скромно кофей пилъ цикорный
И картофелемъ питался...
Но ему сей пищей скудной
Напитать себя до-сыта
Было очень, очень трудно,
По причинѣ аппетита.

Но какъ нѣмецъ истый, кровный,
Всюду фортель находящій,
Для смиренья аппетита
Способъ онъ нашелъ блестящій:
Чтобъ смирить желудка ропотъ,
Онъ питать свой духъ старался
И величіемъ природы
Съ прилежаньемъ любовался;
Но когда уже не въ мѣру
Аппетитъ въ немъ разгарался,
Философскіе вопросы
Разрѣшать онъ принимался.
Подъ ворчаніе желудка,
Погружался въ размышленья,
Подвергалъ повѣркѣ строгой
Фихте младшаго ученье.
. . . .

1873 г.

LVIII.

РЕНЕГАТКА.

(Отрывокъ).

Настасья Павловна была
Стройна, какъ лилія бѣла,
И профиль правильный имѣла...
Москва во всѣ колокола
О красотѣ ея гремѣла.
Но что такое красота?!
Ужель, забывъ свои лѣта,
Москва съ своимъ степеннымъ нравомъ,
Съ своимъ дородствомъ величавымъ,
Подобно дѣвочкѣ пустой,
Могла увлечься красотой?!
Нѣтъ, красота безъ состоянья,
Какъ громкій стихъ безъ содержанья,
Ея души не потрясетъ:
И много, много здѣсь цвѣтетъ
И женъ, и дѣвъ, и вдовъ прелестныхъ,
Спѣсивой знати неизвѣстныхъ,—
И много глазъ, носовъ и плечъ
Напрасно силятся привлечь,
Наперекоръ слѣпой фортунѣ,
Вниманье чопорной среды,—
Увы! напрасны всѣ труды!
Ихъ красота блистаетъ втунѣ:
Судьба судила имъ цвѣсти

И возбуждать восторгъ любовный
Въ своей средѣ мелкочиновной.
Въ предѣлахъ Яузской части.
Да, мудрый гласъ молвы столичной
Въ Настасьѣ Павловнѣ моей
Цѣнилъ не только блескъ очей
Да крупный ростъ, да носъ античный:
Еще въ тѣ дни, когда она,
Худа, плѣшива и красна,
Вкушая сладко сонъ невинный,
Вмѣщалась въ люлькѣ поларшинной,
Когда ея двухдневный носъ
Былъ сплюснутъ въ видѣ чечевицы,
Ужъ занималъ умы столицы
Глубокомысленный вопросъ:
Кто тотъ богачъ, патриції кровный,
Кому назначено судьбой
Владѣть имѣньемъ и рукой
Такой невѣсты баснословной?
И я скажу вамъ не шутя,
Въ pendant къ общественному мнѣнью,
Что это милое дитя
И по гербу, и по имѣнью,
И по связямъ, и по всему
Могло быть парой хоть кому.

Родитель нашей героини
Имѣлъ въ Москвѣ огромный домъ
Съ трехпольномъ княжескимъ гербомъ. .
Сей домъ стоитъ еще понынѣ,
Но безъ герба ужъ пятый годъ,
Какъ размѣстились въ немъ безчинно —
Трактиръ, цирюльня, погребъ винный,
Харчевня, водочный заводъ,
Кабакъ и хлѣбные лабазы:

А прежде онъ смотрѣлъ дворцомъ,
И красовались гордо въ немъ
Картины, стàтуи и вазы,
И свѣтлый рядъ высокихъ залъ,
Взоръ поражая блескомъ царскимъ,
Повсюду мраморомъ карарскимъ
И русскимъ золотомъ сіялъ.
Среди сихъ прихотей вельможныхъ,
Подъ властью нянекъ всевозможныхъ
И гувернантокъ безъ числа,
Настасья Павловна росла.
Отецъ и мать ее любили,
Какъ говорится, не щадили
Для блага дочери своей
Заботъ и средствъ и дали ей
Они на славу воспитанье...
Я вамъ исчислю въ двухъ словахъ
Ея блестящія познанья:
Она на многихъ языкахъ
Могла болтать свободно, смѣло,
Могла романсъ французскій спѣть,
Держалась прямо и умѣла
На все съ достоинствомъ глядѣть,
Весьма отчетливо играла
На фортепьяно, рисовала
Недурно; шила по канвѣ;
И лучше всѣхъ во всей Москвѣ,
Всѣхъ граціознѣй танцовала.

Про всѣ же прочія познанья
Настасьи Павловны, увы,
Молчитъ народное преданье,
Молчатъ всѣ хроники Москвы.
Могу однако по догадкѣ
Я вамъ сказать здѣсь объ одномъ,

Что въ языкѣ ея родномъ
Ея познанья были шатки.
Она могла на немъ читать,
За то съ трудомъ большимъ писала, —
И кажется, едва ли знала.
Что есть на свѣтѣ буква *ять*.
Съ такимъ блестящимъ воспитаньемъ
(Тутъ нѣтъ насмѣшки никакой),
Съ незаложеннымъ состояньемъ
И безупречной красотой, —
Не долго въ дѣвахъ оставалась
Моя княжна и наслаждалась
Дѣвичьей волей золотой:
Едва, едва она успѣла
Красою первой расцвѣсти
И кудри въ косу заплести,
И платье длинное надѣла,
Едва она на первый балъ,
На первый судъ едва предстала,
И первый вальсъ протанцовала,
Предъ ней ужъ суженый стоялъ.
То былъ худой, невзрачный, рыжій
Мужчина четырехъ вершковъ —
(Читатель нашъ увидитъ ниже,
Откуда онъ и кто таковъ),
Но по связямъ и воспитанью
Онъ ровня былъ княжнѣ моей;
Она давно о немъ слыхала,
Но былъ теперь хозяйкой бала
Онъ въ первый разъ представленъ ей.
Онъ посмотрѣлъ нахально, тупо
Настасьѣ Павловнѣ въ лицо —
И отпустилъ довольно глупо
Избито-острое словцо
На счетъ красы ея чудесной,

Ея очей всесильныхъ чаръ;
То комплиментъ былъ крайне лестный,
И какъ онъ ни былъ пошлъ и старъ,
Сей комплиментъ, но онъ мгновенно
И мѣтко въ цѣль свою попалъ,
И на лицѣ княжны смущенной,
Хвалой красѣ своей польщенной,
Румянецъ яркій заигралъ.
И фатъ нашъ долго восхищался
Успѣху собственныхъ рѣчей,
Самъ остротѣ своей смѣялся,
Раздвинувъ ротъ свой до ушей.
Затѣмъ опять и въ томъ же стилѣ
Княжнѣ любезность отпустилъ
И танцовать ее просилъ
Съ нимъ въ собиравшейся кадрили;
Лишь отошла кадриль, опять
Ее просилъ онъ танцовать;
И лишь они оттанцовали,
Ее онъ снова приглашалъ,
Потомъ звалъ снова — и такъ далѣ;
И вплоть до утра, цѣлый балъ
Онъ съ ней одной протанцовалъ.
Затѣмъ представился княгинѣ,
(Виновницѣ законной дней
Невинной нашей героини),
Онъ съ просьбой обратился къ ней:
Въ отборныхъ фразахъ, полныхъ лести,
Просилъ онъ, какъ великой чести
Быть съ ней знакомъ, у ней бывать;
И осчастливленъ позволеньемъ,
Съ большимъ усердіемъ и рвеньемъ,
Сталъ домъ княгини посѣщать.
И двухъ недѣль не миновало
Со дня помянутаго бала,

Гдѣ въ первый разъ его очамъ
Настасья Павловна предстала,
Какъ онъ, по смѣлости своей,
Уже руки просилъ у ней,
Отецъ и мать княжны Настасьи
Сочли, по глупости, за счастье,
Что ненаглядной дочкѣ ихъ,
Нашелся скоро такъ женихъ,—
И дали тотчасъ же согласье,
И вотъ молвы горластый кликъ
Въ тотъ самый день, въ тотъ самый мигъ,
Быстрѣе самой быстрой птицы,
Разнесъ по всѣмъ концамъ столицы
Слухъ крайне важный, что княжна
Уже совсѣмъ сговорена.
Заклокотавъ, какъ хлябь морская,
Отъ Моховой до Разгуляя,
Отъ Пимена до Покрова,
Отъ Яузы до Ермолая,
Переполошилась Москва.
Пошли повсюду толки, крики,
И поднятъ былъ вопросъ великій
Межъ мандариновъ столбовыхъ,—
Вопросъ: достоинъ ли женихъ
Такой невѣсты первоклассной?
И сей вопросъ единогласно
Былъ разрѣшенъ во всѣхъ устахъ,
Во всѣхъ вліятельныхъ домахъ, —
Отъ кабинета до лакейской
Послышался одинъ отвѣтъ,
Что жениха достойнѣй нѣтъ
Во всей Россіи Европейской.

Читатель спроситъ: «почему-жъ
Сей малорослый, рыжій мужъ,

Невзрачный, нѣсколько плюгавый
Былъ окруженъ такою славой
Въ глазахъ почтенныхъ Москвичей?»
Отвѣтъ мой будетъ простъ, читатель:
Настасьи Павловны женихъ
Вездѣ былъ чтимъ, какъ обладатель
Съ полсотни тысячъ душъ живыхъ.
Онъ былъ потомокъ достославный
Чувашскихъ, кажется, князей,
Крещеныхъ въ вѣрѣ православной
Лишь за сто лѣтъ до нашихъ дней.
Имѣлъ онъ въ сѣверной Пальмирѣ
Свой домъ — ему дивились всѣ —
Какъ бы осьмому чуду въ мірѣ,
По неописанной красѣ.
Толпой безчисленной, блестящей
Прислуги окруженъ онъ былъ,
Давалъ пиры... ну, словомъ, жилъ
Какъ русскій баринъ настоящій...
Сперва въ военной онъ служилъ,
Потомъ зачисленъ по гражданской, —
Но въ силу вольности дворянской,
На службу вовсе не ходилъ, —
Имѣлъ онъ къ службѣ отвращенье,
Заботъ и дѣлъ не признавалъ
И цѣлью жизни почиталъ
Покой, комфортъ и наслажденье.
Любилъ онъ хорошо поспать,
Любилъ и въ карты поиграть,
Любилъ онъ, по трапезѣ пышной,
Хвативъ вина бокальчикъ лишній,
При дамахъ сальности поврать,
Любилъ онъ въ циркѣ, иль въ балетѣ
Красы артистокъ созерцать.
Всего же болѣе на свѣтѣ

Любилъ онъ хорошо поѣсть —
(И ѣлъ онъ страшно, всѣмъ на диво)!
Своей утробѣ прихотливой
Готовъ былъ въ жертву все принесть:
Богатство, связи, даже честь.
За то онъ къ мыслямъ отвлеченнымъ,
Искусствъ къ созданьямъ вдохновленнымъ
И тупъ, и хладенъ былъ душой, —
Хоть онъ охотникъ былъ большой
До тѣхъ картиночекъ скоромныхъ,
Что къ намъ въ количествахъ огромныхъ,
Чтобы потѣшить праздный людъ,
Изъ стѣнъ Лютеціи везутъ.
Питомцевъ музъ и ихъ творенья
Нашъ мудрый князь терпѣть не могъ,
Но удостоенъ исключенья
Изъ ихъ числа, за направленье,
Былъ пресловутый Поль-де-Кокъ.
Онъ романистомъ первоклассным,
Его онъ геніемъ считалъ, —
И часто вслухъ съ восторгомъ страстнымъ
Его творенія читалъ.

Таковъ былъ тотъ...

. . . .

———

LIX.

ПРЕДИСЛОВІЕ ИЛИ ВСТУПЛЕНІЕ.

Читатель! (ежели судьбѣ
Послать читателя угодно
Моей поэмѣ старомодной)
Скажи, случалось ли тебѣ,
Что мнѣ случалось зачастую,
Въ тѣ беззаботные года,
Какъ жизнь влачилъ я холостую, —
Случалось ли тебѣ когда,
Бывать въ томъ жалкомъ положеньи,
Когда сидишь ты мѣсяцъ, годъ,
Одинъ въ *святомъ уединеньи*, —
И вдругъ тоска тебя возьметъ, —
И ты почувствуешь охоту
Оставить скучную работу
И убѣжать куда нибудь,
Чтобъ на живыхъ людей взглянуть?
Ужъ ты совсѣмъ собрался въ гости,
Уже въ пальто себя облекъ,
Надѣлъ картузъ, подходишь къ трости
И съ ней идешь черезъ порогъ, —
И вдругъ нежданною препоной
Тебя встрѣчаетъ на пути
Вопросъ несложный, немудреный:
«Куда же мнѣ, къ кому идти?»
И ты въ умѣ перебираешь
Своихъ знакомыхъ — и не знаешь,

Кого избрать: всѣ въ этотъ мигъ
Противны — этотъ глупъ и скученъ,
Тотъ слишкомъ желченъ на языкъ,
А тотъ — ужъ слишкомъ добродушенъ;
Тутъ — много незнакомыхъ рожъ
И церемонныхъ дамъ найдешь,
Пожалуй, надо быть во фракѣ;
Тамъ — все сойдетъ, въ чемъ ни войдешь,
За то не встрѣтишь ни собаки;
У этихъ — слишкомъ тонъ высокъ,
И не велятъ курить при дамахъ,
А къ тѣмъ лишь ступишь за порогъ, —
Замрешь въ табачныхъ ѳиміамахъ;
Здѣсь — кормятъ на убой гостей,
Объѣшься борща и сластей
И опьянѣешь отъ наливокъ;
А тамъ — другая тамъ бѣда:
Чай слишкомъ жидокъ, какъ вода,
И подаютъ его безъ сливокъ.
Такъ перебравъ въ умѣ своемъ
Поочередно каждый домъ,
Гдѣ ждетъ тебя пріемъ радушный,
Ты ясно видишь напередъ,
Что всюду будетъ гадко, скучно,
И даромъ время пропадетъ.

LX.

НОЧНАЯ БЕСѢДА.

(Отрывокъ)

Передъ лампадой, въ часъ полночи,
Среди священной тишины,
Вперивъ орлины грозны очи
Въ тетрадь гигантской толщины,
Съ лицомъ исполненнымъ отваги,
Въ очкахъ, съ потѣющимъ челомъ,
Водя безъ устали перомъ
Съ великимъ скрипомъ по бумагѣ
И за листомъ марая листъ
Съ непостижимой быстротою,
Довольный, гордый самъ собою
Сидѣлъ россійскій прогрессистъ.
Предъ нимъ лежали грудой цѣлой,
Какъ глыбы золотой руды,
Россійской мысли скороспѣлой
Столь быстро взросшіе плоды;
Тутъ было все, чѣмъ умъ нашъ вялый
Щекочетъ съ голоду печать,
Чтобъ насъ отъ спячки растолкать:
Газеты, толстые журналы
И кипы книгъ, листковъ, брошюръ;
Тутъ были мудрые трактаты
О томъ, какъ лѣчатъ скотъ рогатый
И кормятъ кахетинскихъ куръ;

Тутъ были книги о расколѣ,
Проекты о смягченьи боли
Собакъ цѣпныхъ и лошадей,
Объ укрощеніи мужей,
О женской инженерной школѣ...
И много, много было тутъ
Брошюръ и книгъ про женскій трудъ
И вообще о слабомъ полѣ.
Лежалъ какой-то тутъ романъ,
Лежали въ русскомъ переводѣ
Статьи Дарвина о природѣ
И пропасть книгъ про обезьянъ.
Лежали также тутъ безъ счета
Краснорѣчивые отчеты
Россійскихъ банковъ всѣхъ родовъ,
Дѣянья окружныхъ судовъ
И протоколы засѣданій
Различныхъ обществъ и компаній
И земскихъ и иныхъ собраній, —
Ну, словомъ, все, въ чемъ нашъ прогрессъ
(На насъ ниспосланный съ небесъ)
Печатно, гласно проявился
Съ тѣхъ поръ, какъ снова пробудился
Нашъ край родной отъ грёзъ и сна, —
Все обрѣталось здѣсь сполна.
Сія вещественная груда
Цвѣтовъ духовныхъ и плодовъ
Была той почвою, откуда
Такъ часто для своихъ трудовъ
Нашъ прогрессистъ рукой могучей
Хваталъ тотъ матерьялъ трескучій,
Которымъ щедро заряжалъ
Свои перуны громовые,
Когда для блага всей Россіи
Враговъ прогресса поражалъ.

Сей прогрессистъ былъ важный, крупный
Гражданскій дѣятель — герой
Отважный, грозный, неподкупный,
Готовый жертвовать собой —
Своею кровью, головой;
Женой, дѣтьми и даже тёщей
Для процвѣтанья пользы общей.
Давно въ пословицу вошла
Его «неслыханная» честность
И «колоссальную» извѣстность
Ему межъ гражданъ обрѣла.
У молодаго поколѣнья
Онъ сталъ особенно въ чести
Съ тѣхъ поръ, какъ ночевалъ въ части.
Хоть никакого преступленья
Онъ въ оный вечеръ не свершилъ
И никакимъ великимъ дѣломъ
Или поступкамъ дерзко-смѣлымъ
Своихъ идей не заявилъ;
Хоть просто на просто ошибкой
Онъ былъ отправленъ въ частный домъ,
Хоть послѣ извинялся въ томъ
Съ обворожительной улыбкой
Полицеймейстеръ передъ нимъ,
Тоской раскаянья томимъ;
Хотя полиція премило,
Какъ самъ онъ говорилъ не разъ,
Съ нимъ въ частномъ домѣ обошлась
И даже ужиномъ кормила,
Но тѣмъ не меньше «общій гласъ»,
(Вѣдь не всегда же онъ vox Dei!)
Его за мученика счелъ
И вмигъ въ страдальцы за идеи,
Въ борцы за правду произвелъ;
Ужъ имъ того довольно было,

Что просидѣлъ онъ ночь въ части,
Чтобы его произвести
Въ литературное свѣтило.
И вотъ все дружно завопило:
«Онъ пострадалъ, онъ пострадалъ»!
За что и какъ, никто не зналъ
Да и узнать не добивался;
Но съ той поры, какъ я сказалъ,
Онъ вѣчной славою вѣнчался,
И всѣ въ немъ стали признавать
Ученость, умъ и вдохновенье
И принялися восхвалять
Его пера произведенья,
И даже стали ихъ читать.

Итакъ полуночной порою,
Склонясь надъ письменнымъ столомъ,
Вооруженъ стальнымъ перомъ,
Исполненъ вѣрою святою
Въ прогрессъ и самого себя,
Все человѣчество любя
Любовью высшей, неземною,
Великъ душою, сердцемъ чистъ,
Сидѣлъ россійскій прогрессистъ.
Все въ домѣ сонъ давно вкушало
Въ тотъ часъ, и тишины святой
Никая тварь не нарушала
Вокругъ героя моего,
Лишь по бумагѣ то и дѣло
Со звѣрской яростью скрипѣло
Перо задорное его.
И вдругъ, и вдругъ (о страхъ, о чудо!)
Надъ нимъ, невѣдомо откуда,
Среди полуночной тиши
Раздался нѣкій грозный голосъ,

И дыбомъ сталъ послѣдній волосъ
У прогрессиста на плѣши.
Тотъ голосъ громко, плавно, ясно
Такъ прогрессисту съ гнѣвомъ рекъ:
«Почто ты въ гордости напрасно
Трудишься, глупый человѣкъ!?
Почто, спины не разгибая
Ты, неподвиженъ, словно пень,
И сонъ и пищу забывая,
Сидишь здѣсь въ креслахъ ночь и день,
И все читаешь да читаешь,
Все сочиняешь, сочиняешь
И даже думаешь порой,
И жизнью каторжной такой
Свой вѣкъ насильно сокращаешь,
И въ тучномъ тѣлѣ развиваешь
Неизцѣлимый геморой?
Ахъ, не пиши ты, ради Бога,
Не трать здоровья, не трудись,
Вѣдь ты ужъ совершенно лысъ,
Хоть лѣтъ тебѣ весьма немного!
Добро бы, отъ трудовъ твоихъ
Была намъ выгода какая,
Добро-бъ, отчизна дорогая
Хоть на волосъ нуждалась въ нихъ.
Ты мнѣ внушаешь состраданье:
По мнѣ, толченіе воды,
Фигляра глупаго кривлянья
Достойны меньше посмѣянья,
Чѣмъ эти всѣ твои труды —
Бумаги вѣчное маранье.
Я понимаю тѣхъ людей,
Тѣхъ прогрессистовъ петроградскихъ,
Что трескомъ выходокъ дурацкихъ,
Безстыдствомъ, наглостью своей

Приводятъ въ трепетъ умиленья
Превосходительныхъ невѣждъ,
И блескомъ розовыхъ надеждъ
Мутя младое поколѣнье,
Ведутъ его путемъ разстлѣнья
Къ убійству, кражѣ и бунтамъ
И обращаютъ на просторѣ
Въ блудницъ какихъ-то con amore
Провинціальныхъ глупыхъ дамъ.
Ужъ я давно безъ удивленья
Гляжу на этотъ грязный сбродъ
Друзей насилья, разрушенья:
Я понимаю сихъ господъ
И цѣль ихъ гнуснаго ученья: —
У нихъ отъ юношескихъ лѣтъ
Ни совѣсти, ни чести нѣтъ,
А убѣжденій не бывало,
Ума и знаній очень мало,
И нѣтъ копѣйки за душой,
А аппетитъ весьма большой.
Ихъ мучитъ зависть къ славѣ, къ знаньямъ,
Къ богатству, къ титуламъ, чинамъ,
Къ красивымъ лицамъ, къ дарованьямъ,
Къ мундирамъ, шпорамъ, орденамъ.
И вотъ заклятыми врагами
Они на всѣхъ и все глядятъ
И непремѣнно вверхъ ногами
Поставить общество хотятъ;
Они всѣ жаждутъ жадно, страстно
Коммуны русской, самой красной...»
. . . .

———

LXI.

ОКТАВЫ.

I.

Былъ у меня пріятель; съ годъ назадъ
Онъ въ цвѣтѣ лѣтъ, но кстати взятъ могилой,
И кажется, самъ искренно былъ радъ
Покинуть міръ давно ему постылый:
Давно въ себѣ носилъ онъ скуки ядъ,
Давно ужъ въ немъ души дремали силы,
Тревожный умъ въ бездѣйствіи коснѣлъ,
И сердца пылъ огнемъ послѣднимъ тлѣлъ.

II.

А много думъ и грёзъ кипѣло въ немъ
Въ тѣ дни, когда, людей еще не зная,
Онъ на борьбу готовился со зломъ,
Когда влекла надежда молодая
Его мечту тѣмъ радужнымъ путемъ
. . . .
Гдѣ въ праздничной одеждѣ издалека
Плѣняла жизнь неопытное око.

III.

И долго жилъ онъ въ области мечты,
Жизнь постигалъ по книгамъ, а priori,
Хоть онъ и зналъ, что не одни цвѣты
Увидитъ въ ней, — что бѣдствіе и горе,

И демонъ зла, неправды, суеты,
Ужъ ждутъ его въ житейскомъ мутномъ морѣ;
Но жаждалъ онъ вступить скорѣе въ бой
Лицомъ къ лицу съ неправдой и бѣдой.

IV.

Не то, чтобъ онъ въ умѣ своемъ незрѣломъ
Размѣры золъ житейскихъ уменьшалъ,
Борьбу со зломъ считалъ ничтожнымъ дѣломъ
И торжество заранѣ предвкушалъ:
Нѣтъ, онъ въ своемъ воображеньи смѣломъ
Всему размѣръ гигантскій придавалъ
И все мечталъ о подвигѣ священномъ —
За правду пасть въ бою ожесточенномъ.

V.

Да, онъ смотрѣлъ въ мечтахъ своихъ на́ зло
Не бренными, житейскими глазами,
Но будто сквозь волшебное стекло,
И въ глубь, и въ даль всезрящими очами
. . . .
. . . .
Иль чудищемъ съ милльономъ острыхъ жалъ,
Такимъ почти онъ зло воображалъ.

(И нищеты весь вѣкъ онъ не видалъ,
Той нищеты жестокой, настоящей,
Что бьетъ людей въ упоръ и наповалъ,
Насъ холодомъ и голодомъ томящей, —
Той нищеты, чей голосъ иногда
Будилъ отъ сна и разлучалъ съ толпою
Могучій умъ, отмѣченный судьбою,
И велъ путемъ суроваго труда).
. . . .

(ВАРРІАНТЪ ПРЕДЫДУЩАГО).

N. N.

I.

Былъ у меня пріятель... съ годъ назадъ
Онъ въ цвѣтѣ лѣтъ, но кстати взятъ могилой,
И кажется, самъ искренно былъ радъ
Покинуть міръ, давно ему постылый.
Да, ужъ давно онъ къ жизни охладѣлъ,
Онъ встрѣтилъ въ ней хорошаго такъ мало,
Душа его въ безстрастіи дремала,
И пылкій умъ въ бездѣйствіи коснѣлъ.
Давно ужъ онъ не покидалъ халата
И поджидалъ лишь мирнаго заката.

II.

А много думъ и грезъ кипѣло въ немъ,
И жизнь его была совсѣмъ иная,
И весь пылалъ онъ жизненнымъ огнемъ
Въ тѣ дни, когда, людей еще не зная,
Онъ только въ жизнь готовился вступить,
И зналъ ее по слухамъ, да по книгамъ, —
Не вѣдая, какимъ тяжелымъ игомъ
Она его готова подавить, —
И въ праздничной одеждѣ издалека
Весь міръ плѣнялъ неопытное око.

III.

Межъ тѣмъ текли дни, мѣсяцы, года,
А онъ все ждалъ, когда тотъ день настанетъ,
Тотъ мигъ, когда неправда иль бѣда
Вдругъ на него грозой нагрянетъ.
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

IV.

А имъ давно ужъ завладѣло зло,
Оно пришло не грознымъ исполиномъ,
Но гадиной, чуть видной, подползло
Изподтишка своимъ ползкомъ змѣинымъ
И вкругъ него змѣею обвилось,
И жаломъ въ грудь впилося ядовитымъ.
И онъ погибъ, но не въ бою открытомъ,
Не рухнулся со славой, какъ колоссъ,
Не встрѣтилъ смерть въ тюрьмѣ иль лютой мукѣ,
Но извелся въ бездѣйствіи и скукѣ.

V.

Безъ важныхъ дѣлъ вся жизнь его прошла,
Она текла безъ блеска и безъ шума,
Безъ бурь, безъ грозъ, безцвѣтна и пошла,
Какъ тянется осенній день угрюмый,
Когда ни дождь, ни вѣтеръ не шумитъ,
Ни Божій громъ на небѣ не грохочетъ,
Морозовъ нѣтъ, и снѣгъ идти не хочетъ,
Но тучами небесный сводъ покрытъ,

И ни на мигъ лучъ солнца не проглянетъ,
И васъ тоска такъ за душу и тянетъ.

VI.

И всю-то жизнь онъ прожилъ какъ байбакъ,
Все ждалъ борьбы со зломъ и не дождался,
Какъ на бѣду, ни разу сильный врагъ
На жизнь его напасть не покушался:
И хоть враговъ довольно онъ имѣлъ,
Но всѣ они ему казались мелки,
Пускалися въ столь пошлыя продѣлки,
Что въ нихъ враговъ онъ видѣть не хотѣлъ,
И съ ними онъ боялся состязаться,
Чтобъ самому объ нихъ не замараться.

VII.

Отъ нищеты и бѣдности далекъ,
Онъ жилъ въ теплѣ и столъ держалъ изрядный,
Одѣтъ всегда отъ головы до ногъ
Какъ юный франтъ, изысканно, нарядно.
Но жизнь свою на голодъ и суму
Онъ промѣнять желалъ бы въ тѣ минуты,
Когда портной, невольно имъ надутый,
Неся свой счетъ, врывался въ дверь къ нему,
И мой герой, униженный глубоко —
Молилъ его объ отдаленьи срока.
. . . .

———

LXII.

ИСПОВѢДЬ СОВРЕМЕННАГО СТИХОТВОРЦА.

Le monde ancien finit...
Beranger,

Отъ одного берега отсталъ, къ другому не присталъ.
Пословица.

Нѣтъ, нѣтъ, не долженъ я... и просто не могу,
Какъ встарь, поэзіи высокой предаваться!
Когда встрѣчаемъ грязь на каждомъ мы шагу,
Скажите, что тутъ пѣть и чѣмъ тутъ восторгаться?
Что видитъ вкругъ себя пугливый взоръ пѣвца?
Противныхъ образовъ толпы и вереницы —
Въ расчетахъ будничныхъ изсохшія сердца,
Порокомъ скривленныя лица.
И нѣтъ оазиса, гдѣ-бъ взору отдохнуть...
Скажите-жъ: гдѣ живой источникъ вдохновенья?
Гдѣ современному поэту почерпнуть
Живыя, свѣтлыя, святыя впечатлѣнья?
Нѣтъ спору, что нашъ вѣкъ великъ, полезенъ — святъ,
Имъ рождены на свѣтъ Даггеры, Макъ-Адамы,
Ему паровики хвалебный гимнъ визжатъ,
И торфъ и антрацитъ возносятъ ѳиміамы.
Но это-ль воспоетъ восторженный піитъ?!
Съ сухою прозою его не сродны риѳмы;
Ужели прославлять мы будемъ антрацитъ?
Ужели воспоемъ пониженный тарифъ мы?

«Пустое (намъ гремятъ эстетики въ отвѣтъ):
Насъ не поддѣнете вы рѣчію коварной;
Поэты! въ васъ огня и вдохновенья нѣтъ
Совсѣмъ не оттого, что глупъ и пошолъ свѣтъ,

А просто-на-просто, что сами вы бездарны.
Зачѣмъ же сваливать молчанье вашихъ лиръ
На окружающихъ, когда душа поэта
Сама ужъ по себѣ отдѣльный, цѣлый міръ,
Источникъ пламени, гармоніи и свѣта?
Итакъ вы видите, — вамъ вовсе нужды нѣтъ
Искать на сторонѣ предметовъ пѣснопѣнья;
Вы сами для себя источникъ и предметъ
Восторговъ, важныхъ думъ и даже удивленья.
Зажмурьте-ка глаза на все, что сердитъ васъ,
И герметически себѣ заткните уши,
И пойте душу намъ свою, и будетъ съ васъ,
Коли въ васъ водятся еще живыя души.
Не то укройтеся въ дремучій темный лѣсъ —
Подальше отъ людей и суеты столичной
И пойте синеву полуночныхъ небесъ, —
Предметъ хоть не того... но важный и приличный.
Иль погрузитесь въ глубь священную вѣковъ:
Заприте́сь, книгами себя кругомъ обставьте
И пойте хоть о томъ, какъ дрался Фригіофъ,
Иль Мараѳонское сраженье намъ представьте.
И въ эпосѣ себя попробуйте родномъ,
Воспойте намъ въ стихахъ Полкана съ Еруслано́мъ;
Археологіей займитесь, и потомъ
Представьте гибель намъ Помпеи съ Геркуланомъ.»

Эхъ, господа, конечно, правы вы!
Нѣтъ спору, что душа предметъ для пѣснопѣнья;
Но вы спросите-ка, въ насъ души каковы?
Что съ ними сталося отъ *внѣшнихъ впечатлѣній?*
Повѣрьте, съ радостью-бъ мы каждый день и часъ
И души, и сердца, и думы наши пѣли;
Но души и сердца такъ истаскались въ насъ
Отъ горькихъ неудачъ, такъ страшно наболѣли
Отъ скуки и тоски, — что если описать

Ихъ добросовѣстно, правдиво и подробно,
То, право, въ публику портретъ нашъ показать
Намъ будетъ совѣстно и крайне неудобно.
Вы шлете насъ, друзья, въ дремучій темный боръ
Искать поэзіи. Но гдѣ онъ, лѣсъ дремучій?
Онъ въ сказкахъ лишь живетъ; его срубилъ топоръ
Цивилизаціи безжалостно-могучій.
Что дѣлать, видно власть прогресса такова!
Послѣдняя краса полуночной природы
Въ большомъ количествѣ выходитъ на дрова
И топитъ фабрики, да движетъ пароходы.
До тундровъ сѣверныхъ далеко, не дойдешь;
А ѣхать дорого; въ Сокольнической рощѣ
На пьяныхъ бюргеровъ, пожалуй, набредешь:
Для вдохновенія предметъ довольно тощій.

Терпѣнье, господа, настанетъ вѣкъ иной,
Иное, лучшее насъ смѣнитъ поколѣнье,
Предъ вами выступитъ поэтовъ бодрый строй, —
Пѣвцовъ высокаго — любви и примиренья,
Въ иныхъ преданіяхъ пѣвцы тѣ возрастутъ,
Иныя, лучшія ихъ вскормятъ впечатлѣнья:
Имъ въ дѣтствѣ прописи ума не пришибутъ,
Ихъ юность не заѣстъ безвѣрье и сомнѣнье.
Не истощенные безплодною борьбой,
Не раздраженные мечтаніемъ напраснымъ,
Они въ міръ выступятъ свободною стопой
Съ душой здоровою, съ умомъ прямымъ и яснымъ;
И чуденъ будетъ звукъ ихъ стройныхъ, громкихъ лиръ,
И славу родины онъ разнесетъ далеко,
То будетъ торжество роднаго слова, — пиръ
Для васъ, поборники поэзіи высокой!
Вы тѣхъ послушайте... А насъ, больныхъ калѣкъ,
Страдающихъ моральнымъ ревматизмомъ,
Насъ изувѣченныхъ, разрушенныхъ навѣкъ

Мечтами дикими и мрачнымъ скептицизмомъ,
Какъ спавшихъ съ голоса хористовъ и пѣвцовъ,
Мурлычащихъ финалъ давно извѣстной пѣсни,
Скорѣй, скорѣй, не тратя много словъ,
Въ отставку чистую увольте по болѣзни.
Да, муза, замолчимъ!..

Но, почему-жъ порой
Мнѣ не черкнуть, шутя, стихотворенья,
Когда такъ выпукло предстанетъ предо мной
Смѣшное, подлое, типичное явленье?
Не вырвать остраго игриваго словца
У музы, у моей напересницы упрямой,
И злаго умника, иль просто подлеца,
Искусно изловчась, не шлепнуть эпиграммой?
Не съ тѣмъ, чтобы сердца погибшихъ исправлять,
Чтобы въ согражданахъ будить святыя чувства
(Такъ много на себя я не посмѣю взять),
А такъ по принципу — *искусство для искусства.*
Я знаю, мнѣ сердецъ народныхъ не потресть,
Что не способенъ я къ благимъ нравоученьямъ;
Въ пророки лѣзть смѣшно, да какъ же въ нихъ и лѣзть
Съ моимъ умомъ и поведеньемъ!
Повѣрь, читатель, мнѣ, когда встрѣчаешь ты
Неисправимое, зловредное явленье,
Подмѣтить ловко въ немъ забавныя черты —
Для сердца нашего большое утѣшенье,
Браниться, въ драку лѣзть не нужно никогда
Со зломъ, которое пресѣчь лишь можетъ время.
Давайте же пока смѣяться, господа, —
Намъ легче будетъ несть печалей общихъ бремя.

1860 г.

LXIII.

НАДПИСИ.

I.

КЪ ПОРТРЕТУ НАЗИДАТЕЛЬНАГО ПИСАТЕЛЯ.

Мнѣ лучшей похвалы нельзя ему сказать:
Попъ дьякону велитъ труды его читать.

II.

КЪ ПОРТРЕТУ НОВѢЙШЕЙ ГОСПОЖИ СТАЛЬ.

(Подражаніе г-ну Рубану.)

Здѣсь ликъ изображенъ великой госпожи,
Прославившей себя на поприщѣ романовъ.
Другъ человѣчества, врагъ тьмы и всякой лжи,
Она за правду лѣзть готова на ножи,
Для истребленія слѣпыхъ ультрамонтановъ.

Какъ съ Бонапартомъ Сталь, она борьбу вела
Съ крутымъ редакторомъ извѣстнаго изданья,
Тверда, какъ сталь, въ борьбѣ своей была,
Какъ Сталь, она за то въ изгнаніе пошла;
Но не опишетъ намъ, какъ Сталь, свое изганье.

III.

КЪ ПАМЯТНИКУ ВЕЛИКАГО ИСТОРИКА.

(Подражаніе Хераскову.)

Великій человѣкъ здѣсь заживо зарытъ.
Онъ яркой славою на время былъ покрытъ
За то, что проникалъ своимъ орлинымъ взоромъ
Въ родную лѣтопись, засыпанную соромъ
И плотнымъ мусоромъ критическихъ трудовъ
Да ѣдкой ржавчиной безграматныхъ вѣковъ.
Въ наукѣ онъ открылъ путь истинный и новый...
Что Шлецеры предъ нимъ, Гизо и Соловьевы!
Се Жмудскій нашъ Колумбъ, се Росскій нашъ Нибуръ!
Въ наукѣ до него свирѣпствовалъ сумбуръ,
И Кліо русская была еще въ пеленкахъ,
Терялась критика въ соображеньяхъ тонкихъ,
Откуда Рюрикъ къ намъ съ дружиною пришелъ;
Но онъ пришелъ, взглянулъ, не видѣлъ и нашелъ!
Въ Норманство Рюрика онъ съ дѣтскихъ лѣтъ не вѣрилъ,
Норманскій періодъ въ исторіи похѣрилъ
И Жмудь намъ откопалъ, вѣковъ разсѣявъ мракъ.
Смотрите, какъ глубокъ его ученый зракъ!
Блистаетъ взоръ его, какъ солнце съ небосклона,
Глубокимъ знаніемъ литовскаго жаргона;
Изъ дутой мѣди зракъ его сооруженъ,
Но оловомъ за то снаружи онъ луженъ;
Но не сойти вовѣкъ дешевой сей полудѣ, —

Зане сооруженъ на иждивенье Жмуди.
Прохожій, выслушай совѣтъ полезный мой:
Коль хочешь славенъ быть въ странѣ своей родной
И слыть историкомъ, не зная сей науки,
Пустись, благословясь, на фокусы и штуки.
Потщися доказать, да только поскорѣй,
Что тѣ отважные властители морей,
Которыхъ управлять призвали предки наши,
Суть просто-на-просто Мордва или Чуваши, —
И на рукахъ тебя до облакъ вознесетъ
Чувашей иль Мордвы высокій, славный родъ.
И дастъ тебѣ тріумфъ, и въ сильномъ нетерпѣньи
Скорѣе выразить свое благоволенье —
На памятникъ тебѣ подписку соберетъ
И за-живо твою персону погребетъ.

1860 г.

LXIV.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПОЭМЫ

«О ЧЕЛОВѢЧЕСКИХЪ ПОРОКАХЪ ВООБЩЕ».

Inops audacia tuta est.
(Petroni Arbitri Satyricon).

Люди съ малолѣтства должны пріучаться къ униженію, тщательно избѣгать всякаго рода мыслей и упражняться во всѣхъ тѣхъ дѣйствіяхъ, кои ошибочно подлостью нарицаются.
(Изъ неизданнаго трактата о воспитаніи).

Восьмой десятокъ лѣтъ, какъ я, съ большимъ успѣхомъ,
По мѣрѣ силъ моихъ, копчу лазурный сводъ
И зрю, что родъ людской къ погибельнымъ утѣхамъ
Все прилѣпляется сильнѣй, — что каждый годъ,

Что каждый день и часъ становимся мы хуже,
Что правды узкій путь ужъ терньемъ засажденъ
И съ каждымъ днемъ становится все уже,
А путь погибели комфортомъ окруженъ.

Вы слышите-ль сердецъ тревожное біенье,
Желѣзныхъ перьевъ скрипъ и типографій стукъ?
И нравовъ общества вы видите-ль растлѣнье?
Вы зрите-ль быстрое трактировъ размноженье
И расширеніе чрезмѣрное наукъ?

Науки въ старину къ добру насъ поощряли,
Путемъ солидности, какъ нянька, насъ вели,

Онѣ Кайданова безсмертнаго намъ дали,
Онѣ Кошанскаго на свѣтъ произвели.

У нашихъ тятенекъ первѣйшій плодъ ученья
Былъ взоръ испуганный и вѣчно робкій видъ,
Къ начальству рабское, тупое уваженье,
Въ присутствіи звѣзды восторгъ и умиленье,
При видѣ женщины стыдливый цвѣтъ ланитъ.

Ученый не чета былъ нынѣшнимъ ученымъ!
Его не волновалъ страстей мятежный жаръ:
Былъ свѣтелъ, чистъ душой, какъ кирпичемъ толченымъ
Сейчасъ отчищенный на славу самоваръ.

Жилъ въ дальней улицѣ, въ претѣсномъ помѣщеньи,
Великодушно онъ зловоніе сносилъ,
Сносилъ брань дворниковъ, кухарокъ притѣсненье
И тухлой трапезой всегда доволенъ былъ.

Недѣлю цѣлую погрязнувши въ латыни,
Въ субботу лишь на свѣтъ онъ Божій выползалъ,—
По неразгаданной и имъ самимъ причинѣ
Онъ quasi-общество въ день этотъ посѣщалъ.

И тамъ держалъ себя, какъ слѣдуетъ ученымъ:
Садился онъ всегда смиренно въ уголокъ
И слово каждое сопровождалъ поклономъ,
Ходилъ на цыпочкахъ, глядѣлъ все въ потолокъ.

Всѣмъ тѣломъ въ кресло онъ отнюдь не погружался
И ногу на ногу презрительно не клалъ;
На оконечности лишь стула помѣщался
И симметрически колѣнки раздвигалъ.

Когда являлася потребность посморкаться,
То изъ учтивости за двери выходилъ;

Самъ въ общій разговоръ онъ не дерзалъ мѣшаться,
Сужденій ни о чемъ своихъ не говорилъ.

И если какъ-нибудь, по случаю слѣпому,
Съ нимъ заговаривалъ вдругъ кто-нибудь изъ дамъ;—
Онъ вскакивалъ, стоялъ, подобно часовому,
И руки опускалъ, какъ слѣдуетъ, по швамъ.

Ученый, пестроты нескромной убѣгая,
Въ одеждѣ строгую солидность соблюдалъ,
Покрою кучерскихъ кафтановъ подражая,
Сюртукъ его всегда до пятокъ доставалъ.

Не зналъ перчатокъ онъ и мыла выписнаго,
Ни тонкаго бѣлья, ни лаковыхъ сапогъ;
Манишку нáшивалъ изъ миткаля простаго,
Сморкался въ клѣтчатый бумажный онъ платокъ.

Покорно исполнялъ риторики законы,
Судить Хераскова съ Петровымъ не дерзалъ
И *поелику*, *се*, *коликій*, *сей* и *оный*
Съ большимъ почтеніемъ въ статьяхъ употреблялъ.

Не зналъ онъ Байрона безнравственныхъ созданій,
И если кто при немъ Руссо упоминалъ, —
Отплевывался онъ, и съ быстротою лани,
Спѣшилъ омыть себя онъ всенародно въ банѣ
И oleum ricini *) съ недѣлю принималъ.

Стригъ волосы себѣ почти что подъ гребенку
И ихъ зачесывалъ смиренно на виски.
Въ моральной слѣпотѣ не уступалъ ребенку
И умъ свой на глухо завинчивалъ въ тиски
Академической классической морали,

*) Клещевинное масло.

Такіе въ старину ученые бывали

. . . .

Да, благочиніе, начальству послушанье
Рѣшительно во всемъ ученый выражалъ:
Въ поступкахъ, въ голосѣ, въ лицѣ, въ правописаньи;
Ну, словомъ, былъ тотъ дивный идеалъ,
Который предъ собой наставники имѣли,
Когда насъ поощрять къ ученію хотѣли.

. . . .

Не таковы плоды новѣйшаго ученья, —
Плоды зловредные новѣйшихъ думъ и книгъ,
Плоды лжемудрія, плоды лжепросвѣщенья
И распаденія классическихъ веригъ;

Плоды романтиковъ нечесанныхъ твореній,
Плоды парадоксовъ журнальныхъ крикуновъ,
Сатиръ на общество, плоды публичныхъ чтеній
И изученія новѣйшихъ языковъ.

Увы! все зло сіе пришло изъ-за границы:
Къ намъ съ Запада несетъ прогресса ураганъ
Софизмовъ и дилеммъ опасныхъ вереницы,
Тревожа и мутя, какъ сонъ отроковицы,
Умы храпящіе солидныхъ Россіянъ!

Съ тѣхъ поръ какъ *тамъ* классическихъ піитикъ
Разбиты тормазы и сокрушенъ оплотъ,
Съ тѣхъ поръ какъ втоптанъ въ грязь Лагарпъ, безсмертный критикъ,
И обезславлены Ролленъ и самъ Милотъ, —

Тамъ нравы общества съ тѣхъ поръ поколебались:
Скривился музъ дотоль казенный ликъ,

И втерся въ храмъ наукъ непрошенный анализъ,
И пылъ страстей въ поэзію проникъ.

Изъ агнца кроткаго въ губительнаго змія
Тамъ превратилася наука нашихъ дней,
Тамъ просвѣщеніе теперь — эпидемія,
Моральной смертію разящая людей.

Безсильны передъ ней рецепты, лазареты,
И карантинами ее ты не уймешь,
На наши правила, на всѣ авторитеты,
На всѣ преданія ужаснѣйшій падёжъ.

Все унижается, предъ чѣмъ благоговѣли,
Все прославляется, что унижали встарь,
Расинъ поверженъ въ прахъ — оправданъ Макьявели,
Благонамѣренность повсюду въ черномъ тѣлѣ,
Пороку всюду честь, обѣды и алтарь.

Такъ-называемый Жоржъ-Зандъ всѣхъ обморочилъ,
Послѣдній вышибъ умъ изъ нашихъ свѣтскихъ дуръ,
И Тита Ливія поймалъ и опорочилъ
Предатель, клеветникъ, безчувственный Нибуръ!

И душегубецъ Вольфъ въ Германіи публично
На жизнь маститаго Омира посягнулъ;
И Шлегель Коцебу довольно неприлично
Словечко сильное и дерзкое загнулъ *).

И Гёте (Geheimrath), въ неизрѣченной злобѣ
На все высокое, съ подножія свалилъ

) Означенный Шлегель въ порывѣ неблагонамѣренности, слѣдующимъ собомъ очернилъ великаго драматурга Коцебу, сего истиннаго и послѣдо представителя благонамѣренности въ искусствѣ. Онъ предложилъ ша- у: мое первое: грязь въ нѣмецкомъ языкѣ, мое второе: грязь во франскомъ языкѣ, мое цѣлое: грязь въ литературѣ. Разгадка: Kotze-bou.

Героевъ древности и лично въ ихъ особѣ
Онъ добродѣтели Виланда и Якоби
И все священное на свѣтѣ оскорбилъ *).

Да, да! ужасный вѣкъ! Насмѣшки, грязь, каменья
Во все великое летятъ со всѣхъ сторонъ,
Порокъ въ почтеніи, риторика въ презрѣньи,
Скажите, у кого теперь въ употребленьи
Свѣтило древности, Маркъ Туллій Цицеронъ **)?

Ни у кого друзья! У нашей молодежи
Узрите на столѣ Баранта да Минье,
Въ гостиной на стѣнахъ Гизо и Тьера рожи
И всѣхъ, кого неслѣдъ повѣсить и въ прихожей,
Всѣхъ упражнявшихся въ безчинствѣ и враньѣ.

И на Руси у насъ въ наукѣ завелися
Противники добра во имя злыхъ началъ:
Погодинъ оправдать дерзнулъ царя Бориса
И добродѣтели въ Мазепѣ отыскалъ.

Грановскій съ зависти Кайданова унизилъ,
Бѣлинскій ниспровергъ Кошанскаго колосъ,
Л—й общество съ простымъ народомъ сблизилъ
И пѣсни сельскія въ словесность нашу внесъ.

Аксаковъ Константинъ (что въ наши дни священно!)
На чтобъ вы думали дерзнуть рѣшился онъ?
Россійскій нашъ глаголъ лишить всесовершенно
Всего, чѣмъ горды мы — и видовъ, и временъ!

*) Просимъ извиненія у просвѣщенныхъ читателей въ анахронизмѣ, впрочемъ сдѣланномъ нами съ добрымъ намѣреніемъ и изъ ненависти къ пороку. Въ то время, когда Вольфгангъ Гёте писалъ своихъ „Götter, Helden und Wieland“, онъ еще не былъ въ томъ рангѣ, въ коемъ здѣсь обозначенъ нами для большей силы. Оно иначе и быть не могло.

**) Неуваженіе къ риторикѣ вообще и къ Цицерону въ особенности въ наши дни дошло до того, что даже и газета „l'Univers“ на дняхъ отказала сему послѣднему въ истинномъ краснорѣчіи.

Болѣзнь анализа вездѣ распространилась
И жертвы новыя хватаетъ каждый часъ,
Часть лучшихъ Россіянъ ей сильно заразилась,
И заразиться всѣ мы можемъ ей какъ разъ,

Такъ я, чтобъ напередъ съ ней были всѣ знакомы,
Чтобъ каждый могъ изъ насъ заразы избѣжать,
Ея исторію и первые симптомы
Хочу въ простыхъ словахъ здѣсь вкратцѣ описать.

Лишь только смертнаго зараза прикоснется,
Въ немъ неожиданный свершится переломъ.
Весь организмъ его глубоко потрясется
И все прошедшее предстанетъ мрачнымъ сномъ;

Предметы передъ нимъ всѣ въ новомъ свѣтѣ вспыхнутъ,
Раздвинется надъ нимъ вдругъ новый кругозоръ,
Стремленья прежнія въ груди его затихнутъ.
И въ мысляхъ закипитъ сомнѣнье и задоръ,
Душа всколеблется, начнется въ ней броженье.
И основныхъ стихій борьба и разложенье.

И онъ исполнится тревожною тоской,
Предастся, ослабѣвъ, какой-то сладкой боли,
Ворвется въ грудь къ нему невѣдомыхъ дотолѣ
Желаній и надеждъ неотразимый строй.

И въ душу черная тутъ дума заберется
И будетъ день и ночь, какъ червь, его точить
И въ нервы, въ атомы во всѣ къ нему всосется,
Начнетъ его сушить, тревожить и томить.

И наконецъ, все то, что на душѣ таилось,
Что ядовитаго въ ней щедро накопилось,
Все хлынетъ черезъ край, свирѣпо разразясь,
И смертный, въ чудище разврата превратясь,

И совѣсть вдругъ, и стыдъ, и разумъ—все теряетъ,
Не можетъ удержать себя отъ пестрыхъ брюкъ
И безразсудно надѣваетъ
До непристойности коротенькій сюртукъ.

Иль бороду себѣ постыдно отпускаетъ,
Въ кружало волосы безсовѣстно стрижетъ
И вещи говорить такія начинаетъ,
Что слушать, такъ морозъ по кожѣ подеретъ.

О взяткахъ говоритъ ужъ непомѣрно строго,
Великой націей зоветъ простой народъ
И Ломоносова, творца Россійска слога,
Поэтомъ онъ не признаетъ!
. . . .

Жоржъ-Занды, Гегели, Жанъ-Поли и Жанъ-Жаки!
Не вы-ль все это зло на свѣтъ произвели!
Не ваши-ль сладкія, но пагубныя враки
Войной на жизнь науку подняли!

Наука съ жизнію до васъ отдѣльно жили;
Остерегалися мы вмѣстѣ ихъ спускать,
Въ обязанность себѣ святую мы вмѣнили
На благородной ихъ дистанціи держать.
Но появились вы, и вмѣстѣ ихъ спустили,
Столкнули сей же часъ, подсвистнули, стравили,
За это вѣчно вамъ потомству отвѣчать.

ПОСЛАНІЯ

I.

ОЗЛОБЛЕННОМУ ПОЭТУ.

(Н. Ѳ. Щербинѣ).

Memini te virum esse.

Томишься ты болѣзненною мукой,
Когда въ толпѣ, ругаясь и смѣясь,
Невѣжда злой, оцѣнщикъ близорукій
Твой честный трудъ надменно топчетъ въ грязь.

Растерянный, униженный, убитый,
Внимаешь ты съ досадой и тоской
Насмѣшкамъ злымъ и брани ядовитой,
И клеветѣ безсмысленной людской.

Ты внемлешь ей заботливо и чутко
(Тебя страшитъ и черни приговоръ!) —
И подавить ты голосомъ разсудка
Не можешь гордости униженной укоръ.

И въ глубь души поэта безпокойной
Украдкой чувствъ вползаетъ злобныхъ рой,
На грубый крикъ сатиры недостойной
Мѣняешь ты высокій лиры строй, —

И давъ просторъ порывамъ злобы мелкой,
Весь соръ души пустить желая въ ходъ,
Прилежно ты трудишься надъ отдѣлкой
Злыхъ эпиграммъ, сарказмовъ и остротъ.

II.

П. М. САДОВСКОМУ.

(Послѣ представленія «Короля Лира»)

Да позволятъ взять мнѣ лиру,
Чтобъ, по мѣрѣ силъ моихъ,
Подколесину и Лиру
Я пропѣлъ хвалебный стихъ.

Исполать, скажу я съ чувствомъ,
Добрый, честный нашъ артистъ,
Что предъ Богомъ, предъ искусствомъ
И людьми ты правъ и чистъ;

Что, на зло толпѣ и модѣ,
Чуждый западныхъ началъ,
Видишь въ Русскомъ ты народѣ
Человѣка идеалъ.

Врагъ дендизма и приличій,
Сохранилъ ты русскій умъ,
Православный нашъ обычай,
Величавый нашъ костюмъ;

Не заманивалъ вниманья
Фарсомъ вызванныхъ похвалъ,
Презиралъ рукоплесканья
И толпѣ не потакалъ.

КОНЕЦЪ ВТОРАГО ТОМА.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ВСѢХЪ СТИХОТВОРЕНІЙ *).

*) Римскія цифры означаютъ томы, арабскія—страницы. Крупнымъ шрифтомъ отпечатаны названія поэмъ и большихъ стихотвореній.

Л.

М.

Н.

О.

П.

Р.

Ц

Ч.

Ш.

Щ.

Э.

Ю.

Я.

Опечатки I и II тома.

	Напечатано:	должно читать:
Томъ I.		
Стр. 68, строка 9 сверху	русєскую	русскую
„ 82, „ 6 снизу	гр знѣй	грознѣй
Томъ II.		
Стр. 117, строка 3 снизу	высокою	воинскою
„ 139, „ 14 сверху	злы	злыя
„ 426, „ 8 снизу	На	Ни

